

Сатпрем

Мать или Новый Вид

(Том 2)

Сатпрем

Мать или Новый Вид. Том 2

Трилогия книг о Матери:

I The Divine Materialism II The New Species III The Mutation of Death

Она работает здесь

в теле, чтобы принести вниз

нечто еще не выраженное

в этом материальном мире,

чтобы трансформировать жизнь здесь

Шри Ауробиндо

I. ТОТ ВЕЛИКИЙ ВЗГЛЯД

Начиналась новая жизнь.

Нечто закрылось в этом неистовом сердце, подобно тяжелой серебряной двери, за которой она переносила свою боль в тишине, что, возможно, было ужасно. Нечто навсегда укоренилось там, что-то вроде взгляда, который мог быть крошечным черным и золотым в своих глубинах, железной волей, которая неотступно уставилась на Смерть. Теперь она знала: это был "вопрос, данный мне для разрешения". Она отслеживала Врага во всех его обличиях; за всеми жестами, шагами, словами, той или иной личностью, она смотрела на Врага и пронзала его форму. Я не знаю в мире никакого другого существа, которые бы так постоянно и столь непреклонно придерживались бы невероятно цельной воли -- не стоило делать ни одного вдоха той жизни, не стоило проживать даже секунду из двадцатичетырехчасового дня, чтобы не посветить их завоеванию того или поискам того. Он ушел, должен ли был уйти? Полный упадок. И это был даже не Шри Ауробиндо, на которого она смотрела -- это было за пределами Шри Ауробиндо, "нечто", что было подобно великому Тому: Абсолюту, Всевышнему -- и что значат слова? Так или иначе слова абсурдны. То, что удерживает все от того, чтобы оно сразу же не развалилось, подобно чудовищному фарсу. Ведь, так оно и есть, как вещи предстоят с первого взгляда, мир является крайней чудовищностью, завуалированной только нашим несознанием. Без той вуали несознания мир был бы непереносим. Убери иллюзию, и останется лишь выбор между Нирваной или самоубийством -- и Тем, единственной надеждой обрести какой-либо смысл. Единственно позитивная вещь во всей этой чудовищной бессмыслице. Противоположная сторона Смерти. Иначе Смерть является единственным абсолютным торжествующим повсюду, в каждом уголке, ожидающей нас на следующем повороте дороги, где она снимет свою маску и, смеясь, выбьет всю нашу болезненную глупость. То или Смерть. В промежутке между ними нет ничего, кроме маскарада и марионеток в этом маскараде. Либо устремляешься к Тому, либо ты уже в лапах смерти. То, единственно возможная и живая вещь в этой пародии на жизнь, которая не является жизнью, единственная Сила, которая может бросить вызов силе смерти повсюду. И если мы не верим в это, тем хуже для нас -- это значит, что наше имя уже занесено в скрижали смерти. На самом деле, это не вопрос "веры", это вопрос дыхания; если уж с иллюзией покончено, то это больше не вопрос для обдумывания, существует ли кислород, или вопрос изучения метафизики кислорода: или дышишь, или умираешь. Это так просто. То означает дыхание. Мы можем назвать это "китом", если угодно, но если мы не на спине этого кита, то очень скоро будем втянуты на самое дно -- это не так уж далеко. Это завтра. Это даже прямо перед нашими носами: смерть проскакивает в прошлое и снова проскальзывает назад в каждый момент нашей жизни, подобно молчаливой акуле,

элегантной и улыбающейся -- очаровательной. Истина состоит в том, что уход Шри Ауробиндо толкнул меня прямо ко Всевышнему, без каких-либо посредников. Или То, или ничто, предельно просто. Ничто означает Смерть. Она говорила "Всевышний" или "Господь" или "Ты" -- не имеет значения. Это был просто ее способ взывания к тому, что нисколько не заботит, как мы его называем, но что является единственной вещью, которой можно дышать перед лицом вездесущей всемогущей смерти. И, может статься, что все наши человеческие переживания -все, без исключения -- независимо от их видимости или языка, существуют исключительно, единственно и абсолютно ради того, чтобы вести каждого из нас к единственной Секунде, когда мы поворачиваемся к этой уникальной Возможности: внезапно мы говорим: то, или смерть. Мы обращаемся к Позитивной Вещи, к кислороду, мы раскрываем наши руки, и как идиоты, или нет, твердим: То, то, то... единственный абсолют -- это Всевышний, единственное постоянство -- это Всевышний, единственный оплот -- это Всевышний, единственное бессмертие -- это Всевышний. И только то существует. Иначе невозможно, иначе это живая смерть. Все переживания, все без исключения, предназначены вести нас туда. Это первая секунда жизни в царстве Смерти. И тогда приходит такое поглощающее, такое абсолютное переживание... Неопределенность, неустойчивость, мимолетность, непостоянная и нестойкая природа всякой вещи; можно не зависеть НИ ОТ ЧЕГО -- все распалось -- кроме Всевышнего, потому что Он есть все. Только Все, в его вечности, никогда не терпит крах... Слова глупы, но это переживание. Как только вы имели это переживание, все кончено: все остальное -- это просто детали, результат того. Тогда мы поистине спасены; или, скорее, обложены со всех сторон смертью -- которую мы не замечали раньше. Мы спасены, потому что дышим. Мы начали видеть настоящее лицо "жизни". Мы начали сражаться со смертью. Мы с теми, кто тянет эволюцию к той стороне, на которой можно дышать -- в действительности, мы не "с теми": мы со Всевышним. "С теми" -- это все еще часть нашей смертной путаницы. И безо всякой дрожи мы можем переносить великий, всемогущий взгляд Матери, который открывался, иногда, за серебряной дверью... потому что это взгляд ужасающ для всех тех маленьких смертей, которых мы держим внутри самих себя. Я провожу свое время, покрывая себя вуалью: слой за слоем, слой за слоем, так чтобы остаться невидимой. Иначе... невыносимо.

Временами..., я видел.

Так что теперь мы знаем, что означает Жизнь в этом царстве Смерти. Она отправилась завоевывать это, настоящую жизнь для земли -- против наших бесчисленных маленьких смертей. Когда земля сможет переносить этот взгляд, она ближе подойдет к тому, чтобы быть настоящей землей, ведь тогда она избавится от своей чудовищной солидарности со смертью. Возможно, не найдется ни одного существа, которое, так или иначе, не содействовало бы смерти. Это ужасает. Но те двадцать три года жизни Матери были ужасными годами.

Коротко говоря, каждое существо в этой эволюционной лаборатории являло собой некий образчик, в каждом из которых должна быть решена эта проблема смерти.

II. НОВЫЙ ВИД

Возникал почти новый Ашрам. По сути, мы принимаем всех, всю землю, и затем "взбалтываем", и все бесполезное отсеивается. Дети, множество детей, все больше и больше. И, честно говоря, она была гораздо больше заинтересована в детях, чем в учениках, которые знали все, что нужно или не нужно было делать, и были полны света, йоги и переживаний: Они застыли на своем пути. Очень хорошие образцы, чтобы выставить их в музее, но не для того, чтобы делать работу... Должна сказать, что для своей работы я предпочитаю кого-либо, кто знает очень мало, кто много не упражнялся по части само-контроля, но кто имеет великое пламя стремления и обилие доброй воли. Нечто податливое, прогрессивное, что не нужно разбивать на мелкие кусочки, чтобы сделать прогресс. Действительно, это очевидно: следующая жизнь, которая должна прийти, следующий шаг эволюции столь радикально отличается от того, чем мы являемся, что мы думаем и что мы видим на своих вершинах ортодоксального света -- даже наши качества совершенно бесполезны и почти не связаны с

теми, которые будут двигать новым видом -- что мы должны заставить наш разум культивировать нечто иное, если мы не хотим продолжать идти во главе вымирающего вида. Нет никакого смысла в культивировании практики "раскачивания деревьев" или даже в "йоге", ведь, в любом случае, грядущее будет совершенно иным. Каковы качества будущего? Будет интересно обнаружить это.

Она ясно видела, она далеко заглядывала в будущее. В 1943 г. она основала Школу Ашрама [Ashram School], насчитывавшую тогда двадцать пять учеников; девять лет спустя их было около двух сотен, и она основала Международный Университетский Центр Шри Ауробиндо [Sri Aurobindo International University Centre]. Не забывайте, все вы, находящиеся здесь, -- говорила она, -- что мы хотим реализовать нечто, что еще не существует на земле; так что абсурдно искать где-либо пример того, что мы хотим сделать. По существу, она пыталась внедрить в них чудо будущего, невиденную возможность будущего, беспрецедентное "нечто", делаемое в эволюционном тигле -- да, эволюция "делается": почему бы нам не делать ее вместе? Давайте сделаем другое существо на земле. Это гораздо интереснее, чем стремиться стать благосостоятельными преемниками сотой демократической династии после Христа, все снова и снова. Прежде всего, она старалась выкорчевать старый шаблон смерти из сознания учителей; иными словами, она начала с учителей. Учителя сели за студенческие парты, и она "замешивала все тесто" вместе в странной, беспрецедентной смеси, в которой никто не был учителем и никто не был учеником, и в которой все вместе искали формулу будущего: дети делали это спонтанно, не заботясь о каком-либо ложном "будущем", а учителя с их неистовым сопротивлением как бы точно "просверливались" Матерью и самими учениками, пока, волей-неволей, не был получен некий необычный результат. Для начала, не было никаких дипломов и никаких экзаменов (и это за четырнадцать лет до реорганизации университета в Беркли в 1964 г.). Но какая же шла борьба, чтобы выкорчевать те семена из голов учителей! Зачем нужны дипломы? Чтобы стать супер-пешками исчезающего вида? Около столетия человеческий вид страдал от всемирно распространенного заболевания, которое сейчас достигло наиболее острого состояния: эту болезнь можно назвать утилитаризм... Детям, зараженным этой болезнью, не место в Образовательном Центре Ашрама [Ashram's Centre of Education]. Действительно, нужно было буквально вбивать в головы этих детей, что они делают будущее: "Это восхитительно, вы так не думаете?", -- говорила она им. Мы открываем будущее. Мы открываем его без того, чтобы быть ограничены всеми "это невозможно" или "это возможно". Возможно все, и она никогда не уставала повторять им: Когда что-то кажется невозможным вам? Когда вы пытались сделать это. Если бы вы никогда не пытались сделать это, то оно никогда не казалось бы вам невозможным. И, прежде всего, почему вы пытались сделать это? Потому что это находится в вашем сознании. Если бы этого не было в вашем сознании, вы никогда не пытались бы сделать это. И в ту минуту, когда оно приходит в ваше сознание, становится совершенно очевидно, что это есть нечто, что вы будете реализовывать. Вы не способны реализовать лишь то, что находится вне вашего сознания. Это так просто! Нет?

Трудность на пути к будущему заключалась в сознании; ключом было изменение сознания. Изменить сознание -- это, прежде всего, демонтировать старые невозможности, широко раскрыть двери и перестать возводить стены между нами самими и возможностями будущего -- мы постоянно возводим стены, мы постоянно сооружаем какие-то конструкции. Необходимо спуститься прямо в клетки тела, чтобы снести эти конструкции, а тем временем она старалась открыть двери: Сомнение делает жестким сознание, оно покрывает его коркой, которая блокирует его восприимчивость. Это как нанести на что-то лакировку, чтобы препятствовать контакту. Мы все время пребываем в полнейшем чуде, мы купаемся в будущем; оно здесь вечно, оно полное, совершенное и переполняющее все -- но мы можем соприкоснуться лишь с тем и реализовать лишь то, с чем мы можем установить контакт. Амазония здесь, совершенная, Супраментал здесь, совершенный -- все зависит от того, с чем мы можем соприкоснуться. Имей мы веру, мы могли бы трансформироваться за секунду...

Только вера должна простираться вниз прямо до клеток. И первый шаг -- это открытый разум. Первая сена находится в разуме; грандиозная стена, коллективная, тысячелетняя, поддерживаемая миллионами и миллионами "разумных" людей: "Но посмотри же! Это невозможно!" Если вы усвоите, раз и навсегда, -- говорила она им, -- что вся вселенная (или, если угодно, наша земля, чтобы заострить проблему) является ни чем иным, как Божественным, Кто забыл Себя, тогда куда же вы поместите слабость? Конечно же, не в Божественное! Поэтому в забвенье. Следовательно, если вы боретесь с забвением, то боритесь со слабостью. Она учила их верить, прежде всего, в самих себя. Изменение сознания действительно начинается с выкорчевки старого леса в нас. Будь мы чисто самими собою, мы были бы совершенно божественны. Это верно. Это даже ключ к будущему. "О, но посмотри сюда!", -- возражают старые эволюционные типы, -- они говорят "но", и мгновенно еще глубже погружаются в тысячелетнюю трясину. После они легко могут уколоть: "Ну я же тебе говорил." Не должно быть никаких "но". Должно быть абсолютное ДА. Мы должны выбраться из старой мировой трясины. Мы должны перестать находиться среди мертвых, которые думают, что они живы и только волочат за собой хромосомы своих дедушек. По существу, ЕДИНСТВЕННАЯ ВЕЩЬ, которую вы должны неустанно делать, -- говорила она учителям, -- это учить их познавать самих себя и выбирать собственную судьбу... Учить их исследовать себя, понимать себя И ХОТЕТЬ СЕБЯ. Это гораздо важнее, чем учить их истории земли или даже происхождению земли. А ученикам она все повторяла и повторяла: Вы здесь для того, чтобы стать представителями новой расы. Все зависит от вашей воли и вашей искренности. Если вы больше не хотите принадлежать к обычному человечеству, если вы больше не хотите быть только развитыми животными, если вы хотите стать новыми людьми, реализующими супраментальный идеал Шри Ауробиндо, если вы хотите жить новой и высокой жизнью на обновленной земле, тогда вы найдете здесь всю помощь, необходимую для продвижения. Человечество не является последней ступенью земного творения. Эволюция продолжается, и человек будет превзойден. Каждому предоставлено решать, хочет ли он участвовать в приключении нового вида.

Ъ_Маленькое окно души

"Да, но все же", -- возражают мудрые ученые мужи, -- "они должны немного научиться истории и географии, а также химии и тригонометрии, и затем...". Полный список, прямо до самой смерти. Достаточно лишь простого, маленького, микроскопического "да, но все же", и мы незаметно оказались привязанными к нашему трупу (который, более того, не принадлежит нам; он находится в законном владении похоронного бюро). И это факт, что Мать учила их химии (в великолепных лабораториях, организованных Павитрой), географии и всему прочему -- но иным путем. Все заключается в том "другом пути". "Любым избранным методом", -- говорил Шри Ауробиндо. Супраментал будет просачиваться любым образом, даже через тригонометрию, только мы должны помнить, что это все средства... к чему-то иному. С самого начала мы должны понять, что это просто "упражнения", как гантели для накачки "мускул сознания" и что сознание является рычагом -- разум -- это просто инструмент для формирования материи, для проникновения в эту субстанцию и насыщения этой субстанции, которая наследует механическую инерцию протоплазмы. Мы думаем, что разум предназначен для творения евангелий, философий или марксизма, но все это просто переходные эволюционные ступеньки, предназначенные для того, чтобы притягивать все больше и больше сознания в материю. Вот цель, скрытый ключ, причина всего этого движения. Разум поистине является выдающимся учителем, он не оставляет нас в покое ни на минуту; ничто другое не подходит лучше для того, чтобы препятствовать нашей дремоте в блаженстве природной эволюции. Если мы перепутаем химическую валентность и упустим степень доктора гарвардского университета, что же, это наше неправильное представление как "развитых животных". К счастью, намерения эволюции гораздо более чудесные.

И поэтому она учила их "иным путем".

По вечерам, после партии в теннис, она приходила на Плэйграунд, изящная, спокойная,

белая, одетая в японские геты, длинные панталоны, ками, цвет которых зависел от дня -- потому что и цвета имели свое значение, представляя специфические мощности и центры сознания -- и с головным убором белого муслина, чтобы защититься от ветра. Хотя она должна была подрезать свои длинные волосы. И "зимой" маленькая шелковая накидка покрывала ее уже ссутулившиеся плечи. Ей было семьдесят три года. Этот Плэйграунд поистине был ее особой лабораторией. Они делали там гимнастику -- массу -- упражнения на бревне, дзю-до, асаны хатха-йоги, все мыслимое, бокс и скачки с препятствиями, и чего там только ни было. Девочки опоясывали головы белыми платками и носили шорты -- шорты в Индии, в 1950 г. -- это скандал, позор! -- и они были в группах вместе с мальчиками, а группы отличались цветом шорт: были группы в красных шортах, в голубых шортах, в шортах цвета хаки; зеленые шорты носили самые маленькие, белые шорты носили восемнадцатилетние, были и серые шорты -- все цвета радуги. Царила здоровая, веселая, как бы праздничная атмосфера. Помимо прочего, было забавно и интересно подготавливать новый вид. И без родителей -- она не хотела никаких родителей, эти родители ужасны. Они немедленно втискивали вас в старую атавистически-кулинарную колею со всеми своими хлопотами об общих холодных и "хороших манерах". Есть дети, которые приходят ужасно хорошо воспитанными -- такими учтивыми, с такими хорошими манерами, они отвечают тебе так вежливо... они производят впечатление маленьких полуживых марионеток -- прямо отполированные, хорошо причесанные, хорошо ухоженные -- но это снаружи, а внутри: бестолковые. Она хотела отклика изнутри. Она хотела огня внутри. Когда ты смотришь на кого-либо, кто сознает свою душу и живет в своей душе, ты чувствуешь, что спускаешься, идешь глубоко, глубоко, глубоко в этого человека, далеко, далеко, далеко вовнутрь... и тогда ты чувствуешь... маленький отклик, очень спокойный... нечто теплое, тихое, богатое по содержанию и очень спокойное, очень полное, как бы мягкое, нежное -- это душа. И иногда, встречаются глаза, в которые ты не можешь войти, они как закрытые двери: два черных экрана. И также, бывают глаза, которые открыты, тыходишь и сразу же под поверхностью встречаешь нечто, что вибрирует и даже временами сияет; оно вибрирует. Ты можешь быть сбит этим с толку и можешь подумать: "О! у него живая душа." Но это не так: это его витальное. Очаровательный маленький водоворот. Она принимала всех, кроме "черных экранов". Она погружала свой алмазный взгляд, смешанный с мягкостью или смехом или иронией, она опускалась до самых глубин, как будто пронзая болота, какие-то утолщения, слой за слоем темных хороших манер, и она тянула, вытягивала вперед, как бы из глубин шахты, маленькое чистое пламя существа, нечто волнующееся поначалу, нечто странное, неизвестное, нечто как бы вытягивающее шею как только что оперившийся птенец, что наполняет все совершенное новой и совсем неожиданной жизнью -- и вам хочется танцевать и смеяться или даже рыдать, как если бы старые стены были внезапно разрушены, и вы внезапно очутились бы в мире, залитом солнечным светом, больше не могли бы узнать себя. И было чудесно сбросить ношу той старой, абсурдной неразберихи, в которой ты жил в течение десяти или двадцати лет как хорошо-ухаживаемый маленький робот. Старые привычки отпали. Появлялся иной способ дыхания. Внезапно жизнь обретала смысл. Другой смысл. И все становилось возможным. Но иногда люди пасовали перед этим взглядом: болото внутри них не могло этого вынести. Это и к лучшему -- автоматическая отсортровка. Как чудесно было бы, -- сказала она однажды, протягивая мне цветок, -- брать сознание человека, как берут цветок, и поскольку ты смотришь на него с вибрацией Всевышней Любви, то он раскрывается, обретает форму и становится изумительным! "Да это как раз то, что ты делаешь!" -- ответил я. И она рассмеялась как озорной ребенок. Она так хотела всех и каждого, все существа открыть к настоящей жизни, их настоящей жизни -- которая так просто и тихо кроется за теми абсурдными слоями. Первое маленькое окошко, выглядывающее в другую эволюцию. Первый шаг нового вида. "Нечто" сокрытое в самом сердце материи, освобожденное от своих старых человеческих путей. Всегда кажется, что эволюция как бы отводит назад: обнаруживаешь то, что было там с самого начала. Как бы вспоминаешь. Я только закладываю в вас необходимость истины-сознания, а все остальное

вырабатывается автоматически. Мать брала закрытый бутон розы и держала в своих руках: роза распускалась. О, как бы она хотела открыть розу мира!

И через то маленькое окошко открывалось иное восприятие мира. Это маленькое окошко такое простое, оно почти всегда открыто или готово открыться в детях. Но мы налепливаем на него всевозможные законы, страхи, опасения, семейных докторов, смертельные идеи и манеры, все эти "ты должен" и "ты не должен", "ты можешь" и "ты не можешь"; затем мы отправляем детей в школу, чтобы заполнить то, что было заблокировано за дверью: завалить ложной географией, ложной историей, ложным законом жизни. Все же все было там, открытым, непосредственным, достигаемым через маленькое окошко, это мир непосредственно на кончиках наших пальцев, непосредственная география, история всего: великая История, текущая беспрепятственно, безо всяких дат, позволяющая нам понять всю историю и все существа. Она учила их великой Истории, по вечерам, после их упражнений. Она садилась под большую рельефную карту Индии, висевшую на стене - карту единой Индии, той, которая никогда не была усечена Великобританией или изначальной ложью истории -- а рядом с ней стояла настольная лампа. Она выглядела белоснежной, и, самое главное, можно было видеть ее глаза, которые казались огромными под маленькой тюлевой повязкой, низко опущенной на ее лбу. Они усаживались на землю, полукругом возле нее, учителя вместе с учениками, уже почти тысяча человек. Она читала несколько страниц из "Синтеза Йоги" или, возможно, последние главы из "Жизни Божественной": "Человек и Эволюция". Философия становилась простой -- она оказывалась живым переживанием, тем, которое видишь и к которому прикасаешься, когда открывается внутренняя дверь, это эволюция прямо перед самыми нашими глазами: ты видишь это, поэтому ты становишься этим. Переживание у тебя внутри, поэтому ты в нем повсюду, ты вступаешь в этот мир так, какходишь в собственный дом, ведь мир в тебе. И все там. Все -все, что ты можешь пережить и неизмеримо большее, что ты не можешь пережить... Знание, кажущееся приходящим к тебе снаружи -- это просто предлог, чтобы вынести на поверхность то знание, которое находится внутри тебя. В этой школе эволюции учителя нужны были не для того, чтобы "формировать", а чтобы информировать, -- говорила она. Нечему учить! Вы должны только выявить то, что уже там, это все. Мы являем собой необъятную тотальность прямого знания, которое было позабыто... в уголке мозга.

Но как можем мы прикоснуться к этому прямому знанию?

Возможно, простенький обычный пример, взятый из моего личного опыта, может помочь лучше понять эту необычайную физическую и даже физиологическую точность этого прямого познания. Однажды кто-то принес мне фотографию совершенно незнакомого мне человека, живущего в шести тысячах миль отсюда; я взглянул на нее... невозможно объяснить. Нахлынула вся совокупность одновременного восприятия, охватывающая все уровни существа -- все вибрации, колебания, противоречия этой личности -- как можно выразить это на ментальном языке? Наш язык плоский, как фотография, абстрактный, пустой, он описывает грехи и добродетели, длинные и короткие носы, но не описывает ничего из тех живых, колышущихся и переплетенных глубин, которые составляют существо. Так как невозможно было дать какой-либо комментарий по поводу этой фотографии, я вдруг непроизвольно сделал некий жест, абсурдный жест, как если бы я перетасовывал колоду карт! "Но это точно его манера! Когда он говорит, то всегда делает так!". Так оно и есть: оказываешься в человеке, находящимся за шесть тысяч миль от тебя, не только в его голове, но и в его теле, перенимая его манеры и физиологические рефлексy. Точно знаешь, вплоть до вибраций (не всегда приятных). И все здесь. Ты в булыжнике, в луже, в шестой египетской династии или в распускающемся цветке на краю тропы -- это более приятно. В присутствии Матери раскрывался весь мир, будущее, прошлое, осязаемая эволюция, чудесная Возможность; обыденное настоящее внезапно озарялось глубинным смыслом, как если бы вернулись все мировые династии и тысячелетняя История, чтобы напомнить о себе в тривиальном жесте и наделить его смыслом для будущего земли. Было так, как если бы в сознании распахивались двери, как если бы ее слова несли переживание, передавали его: с

ней мы видели, мы прикасались, мир становился реальным целым, открытой книгой. И все было так. Растворялись маленькие индивидуальности, и мы оказывались сразу же повсюду, начинали чувствовать во всем, воспринимать во всем, жить во всем, что живет "где-то там" и прямо здесь и повсюду. Это было просто, все становилось ОДНИМ. Вы можете понять или знать что-то только потому что оно неким образом в вас или вы в нем. Оставались отдельные одухотворенные "мешки из кожи", но просто для того, чтобы все не смешалось вместе как каша, это некий эволюционный трюк, чтобы вылепить индивидов, но за сценой, или внутри, свободно струилось великое Сознание, текло без барьеров, без законов -- и раз уж вы схватывали тот Закон, тогда... Тогда все становилось возможным, тогда вы уже оказывались в следующей эволюции, вы входили в новый вид с его великим Сознанием, полным и ЕДИНЫМ как солнце: Если бы мы были распростерты повсюду, если бы все вибрации, приходящие к нам или выходящие из нас, выражали бы нужду слиться со всем, расшириться, вырасти, разрушить наши собственные границы, оставить позади свои пределы и в конечном итоге отождествиться со всем, то нам нечего было бы терять, потому что мы имели бы все. Только мы не знаем этого. И поскольку мы не знаем этого, то не можем сделать это. Вместо этого мы начинаем накапливать, накапливать, накапливать -- но это невозможно, мы не можем накапливать: мы должны отождествиться. Поэтому то малое, что мы имеем, мы стремимся вернуть назад: мы выдаем хорошую мысль и ожидаем ее признания; мы выражаем нежные чувства и ждем того же самого... потому что у нас нет способности всегда иметь благие мысли, у нас нет способности питать хорошие чувства ко всему и любить все. Мы ощущаем себя такими, какими мы и являемся, ограниченными и отрезанными от остального, так что мы боимся потерять все, мы боимся потерять то, что имеем, потому что думаем, что ослабеем. Тогда как если вы способны отождествиться со всем, тогда вам больше не нужно брать. Чем больше вы расширяетесь, тем больше имеете. Чем больше вы отождествляетесь, тем больше вы становитесь. И вместо того, чтобы брать, вы даете. И чем больше вы даете, тем больше растете...

Она учила их настоящему Единству с миром -- не тому, которое все сокрушает и низводит на "благо масс"; а тому Единству, которое охватывает все и входит во все и относится должным образом к безграничной сложности составляющих элементов, потому что оно находится во всем, что движется, чувствует, живет и, будучи во всем, оно знает настоящую потребность каждой вещи и правильное движение в каждый момент. Она заставляла их прикоснуться к Спонтанности великого Точного Сознания: ни планов, ни предвидений, которые всегда проваливаются, а единство с великим Течением, заставляющее вас делать в каждое мгновение необходимый жест. И весь Ашрам так и развивался, незапланировано, экспромтом, в некотором спонтанном росте. Казалось, что работал другой закон. Прямой ключ, который не нуждается ни в какой усложняющей науке, чтобы выразить себя.

Если бы те дети оставались верными своему стремлению достаточно долгое время, то, возможно, сегодня там было бы довольно необычный уголок мира, подобие модели следующего способа бытия на земле -- но потерпел бы это остальной мир?... Единство работает обоими путями. "Остальной мир" был также там, в клетках тех детей. Требовалось нечто более радикальное, чем несколько расширенное сознание; было совершенно необходимо идти вниз до самых клеток мира, чтобы изменить вещи в корне. "Прямой ключ" должен быть найден там.

Ъ_Вопрос позиции

И те дети задавали вопросы, тысячу разношерстных вопросов и всегда по-французски. Мать хотела, чтобы каждый говорил по-французски, и сама отвечала только по-французски. Там были дети со всего мира, попеременно с юными индийцами -- поистине, там была мировая лаборатория. Это были "занятия по средам" ["Wednesday classes"], это время "Вопросов и Ответов", и так было в течение восьми лет, вплоть до 1958 г. Подобно кристальной воде из горного источника и на самом простом языке, языке детей, она приносила вниз струящееся оккультное знание, которое обычно доверялось только

посвященным. Эти простые занятия являли собой наиболее грандиозную "де-окультизацию", происходившую когда-либо в истории. Она не хотела ничего "окультного", она хотела, чтобы были поведаны все тайны, она хотела, чтобы все это было прямо здесь, естественным образом, без какой-либо суеты. И она хотела, чтобы они проживали то, что было сказано. Это была живая Веда. Нет ничего проще, чем Истина. Это было прозрачно, как воздух, мы дышали этим каждое мгновение, это простое и непринужденное Чудо. Как странно, что нам требовалось так много каких-то особых демонстраций, чтобы начать понимать это. "Но тогда зачем же нужен разум?", -- спрашивали наиболее рациональные. "Зачем нам ходить в школу? Зачем ты так стараешься, заставляя нас учиться, если разум должен быть превзойден?". И, совершенно верно, когда мы начинаем выбираться из ментальной каши, как говорила Мать, когда вещи начинают обретать смысл свыше и везде вокруг, тогда мы начинаем жить в вечно-возобновляющемся чуде, вплоть до малейших деталей: мы обретаем знание, которого не имели, обстоятельства выстраиваются с изумительной точностью, уничтожая расстояния, как если бы кто-то или что-то заботилось -- действительно заботилось -- о том, чтобы позволить нам знать все, что нужно, даже в самых неожиданных деталях, и не только как ментальное осознание, а ощутимо, в жизни, через живые примеры и "тривиальные" маленькие сцены, иллюстрирующие весь "кусочек мира" с улыбкой... слегка юмористически. Как если бы, через эту ментальную прозрачность, вся жизнь приходила бы к нам, чтобы показать нам ответ. Все отвечает. Это особенное содействие между нами самими и тысячью и одной вещью, которые мы встречаем повседневно, как если бы все жило одной жизнью, каждая вещь достаточно хорошо знала бы другую и посылала бы ей маленькие сигналы: "Ты видишь, вот это как; самым естественным образом, безо всякой суеты. ОДНА жизнь. Шри Ауробиндо, когда его спросили, как он мог писать одновременно пять, шесть книг, ответил: [я мог бы писать] семь выпусков Арьи каждый месяц в течение 70 лет, и все же знание, приходящее свыше, вряд ли бы истощилось. И так оно и есть. Мы купаемся в бесконечном богатстве знания, которое не знает "мелочей": все имеет значение, крайне, абсолютно. Все взаимосвязано. И во всем этом нет мыслительного процесса, пока нам не нужно произнести речь или написать книгу, например. Тысяча невидимых, синхронных нитей, ускользающих от разума с его пошаговой, ослино-подобной поступью, схватывается точным сверхмышлением, которое выстраивает всю правильную картину в мановение ока и ведет нас прямо к нужной точке через непролазный девственный лес с миллионами переплетенных ветвей. И в этой картине все выстроено в должном порядке, с мощной и само-очевидной связностью, недоступной разуму. Поистине, нет ничего, что может сделать разум и что не может быть сделано лучше в недвижимости разума и в покое, свободном от мыслей. Но зачем тогда продолжать все делать в старой ментальной канве, если на новой эволюционной стадии, столь более светлой, это будет превзойдено?

Мать поясняла: очевидно, что если у нас есть трехструнный инструмент или пианино с восьмьюдесятью восьмью клавишами или даже оркестр с тремистами музыкантами, то музыкальная тема останется прежней, но качество выражения или транскрипции будет несравнимо. Мы являемся "звучащими клавишами", -- говорила она им, -- так чтобы другое Сознание могло бы использовать всю клавиатуру. Но это просто клавиатура для чего-то иного. Разум начинает вырождаться, когда сочиняет немислимые арпеджио а ля Ференц Лист просто для грандиозного рояля и ничего более. И здесь лежит неуловимое отличие от школы нового мира, как мы могли бы назвать ее, школы следующей эволюции -- это неуловимо для каждого. Йога Шри Ауробиндо -- это невидимая йога самого высокого уровня, подобно воздуху, которым мы дышим, возможно, подобно истине: **МОЖНО ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ОБЫЧНО ДЕЛАЕШЬ, НО С СОВЕРШЕННО ДРУГОЙ ПОЗИЦИЕЙ.** Это простое предложение содержит грандиозную мощь... если бы мы только знали. Годы спустя, когда Мать была полностью вовлечена в эту ужасную йогу тела, которая по-настоящему является битвой со смертью и с тысячелетними физиологическими законами, она сказала мне: Правильная позиция является настоящим ключом ко всей проблеме трансформации.

Вот так просто. Но, возможно, это самая глубокая тайна, в которую мы все еще должны проникнуть. Мы делаем свои обычные дела -- занимаемся математикой, боксом, декламируем Шекспира или чистим зубы -- но с другой позицией. Эта позиция обладает мощью изменять обстоятельства -- идентичные условия приводят к совершенно разным результатам. Вы оказываетесь в эпицентре эпидемии гриппа или читаете математическую статью или переходите улицу, но все происходит так, как если бы существовало два совершенно различных мира: занимая одну позицию, мы стремительно проносимся через годы жизни и сознания, сжатые до секунды, тогда как, занимая другую позицию, мы вращаемся в круге смерти и заражаемся гриппом. Все по-другому. Меняются все законы. Это как два мира, один внутри другого, только с небольшой внутренней разницей в занимаемом положении. В одном случае мы, как обычно, настраиваемся на старую жизнь или, скорее уж, на старую смерть, а в другом случае мы созвучны... нечто, следующему сознанию, следующей жизни, следующему эволюционному открытию -- непостижимому пока нечто, что является нашей после-человеческой стадией, которая должна быть построена, ведь она не свалится к нам с небес готовенькой. Строить это будущее означает звать его. Как заклинание будущего. И этот зов заставляет его прийти. Он даже заставляет его зародиться под нашими стонами: Это как магнит, который притягивает отовсюду возможность сделать прогресс. Магнит для захвата следующей моды бытия на земле. В прошлом, в старинные времена, посвящаемым говорили: "Теперь приготовься: тебя ждут суровые испытания. Тебя закроют в гробу, ты столкнешься с ужасающей опасностью. Эти испытания проводятся для того, чтобы определить, обладаешь ли ты нужными качествами"... Но теперь это не метод. Больше так не происходит. Теперь сама жизнь, повседневные обстоятельства являются испытаниями, через которые ты должен пройти. Это эволюционный тест. Разум является попросту недвижимой зоной передачи, и в той тишине, за всем, что мы делаем, повсюду, в каждом жесте, с каждой встречей, мы несем с собой некую антенну, нацеленную на... что? Будущее, эту вещь. Чем мы должны стать, что мы должны извлечь из нашего тела, как однажды обезьяна извлекла человека. Но если бы большой обезьяне сказали: знаешь, тебе нужно лишь посидеть под деревом пять минут и смотреть на... ничто... или попросту на былинку, она бы сочла это бесполезной глупостью. Она ничего не поняла бы в разнице в занимаемом положении.

"Мать", -- спрашивал какой-нибудь смышленный малыш, -- "когда разум спускался в земную атмосферу, обезьяна не прилагала никаких усилий, чтобы превратиться в человека, ведь правильно? Сама Природа делал это. А теперь...". И Мать сразу же отвечала : Но не человек собирается превращаться в сверхчеловека! "Нет?" -- переспрашивал изумленный малыш. Только немного подумай! -- отвечала Мать под общий смех, возникавший на Плэйграунде. В этом все и дело, понимаешь, НЕЧТО ИНОЕ собирается проделать работу. Но теперь (да, есть "но", я не хочу быть жестокой), ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СОТРУДНИЧАТЬ. То есть, он может отдаться этому процессу, с доброй волей, со стремлением, и он может помочь, что в его силах. Вот почему я говорила, что теперь пойдет быстрее -- я НАДЕЮСЬ, что пойдет гораздо быстрее. Это было в 1956 году. Очевидно, что разум не собирается создавать то, что превосходит его, как возросшая сноровка обезьяны трясти деревья не создавала ментального человека. Но как раз ошибки обезьяны подготавливали почву для человеческих рефлексий. В случае человека упущенной веткой является обычный ментальный процесс, который постоянно вызывается, чтобы поддержать малейший жест, малейшее действие -- все является веткой. Когда мы соскакиваем с ментальной ветки, тогда поначалу попадаем в пустыню, бездну -- довольно устрашающее ничто, в котором боишься потерять свой разум. Все же именно эта пустыня призывает другую вещь. Прежде чем сможет прийти другая вещь, должно быть подготовлено для нее место. И тогда неожиданно, сначала с удивлением, потом все с возрастающим изумлением замечаешь, что это отвечает. Ответы приходят со всех сторон, они кишат повсюду, под нашими ступнями, перед нашими глазами, в случайных встречах, жестах... они вливаются отовсюду. Это неожиданно, непредсказуемо, мы можем пройти рядом и не заметить ничего: внезапно вещи начинают

означать нечто, все означает нечто. Поистине, кажется, что другая жизнь только и ждет, чтобы мы освободились от старого, тогда она и наступит. "Вот в чем дело", -- говорила она, - "как раз нечто иное собирается проделать работу". Нам не нужно "делать" сверхчеловека: мы должны лишь позволить быть сделанным. Мы всегда забываем, что мы растем в мире, где все уже есть; именно будущее вынуждает нас делать шаги, будущее за нашими шагами... в зависимости от нашей позиции есть старый способ видения или новый, старая привычка бытия что-то новое. Тысячелетняя привычка скрывает вечно-присутствующее излучение. Подходит время, когда эволюционная клетка, формировавшая и "вырезавшая" все эти маленькие забывчивые отдельные "я" -- отделенные для того, чтобы начать осознавать себя - должна быть взломана, так чтобы мы начали осознавать Великое Сознание и воспроизводить в одной точке тотальное сознание. Вот какое время. Человек может сотрудничать. Мы путешествуем через вечно существующую Амазонию... лишь для того, чтобы в конце осознать, что это и есть Амазония. Тогда наш взгляд смещается повсюду: все остается тем же самым, и все же все становится ясным. Весь мир в том же магическом лесу -- включая гусеницу. Возможно, чтобы Чудо существовало, все должно начать осознавать это. Грандиозное изменение во взгляде. Другой способ бытия в мире -- в том же самом мире. Возможно, это сверхчеловек.

III. ВСЕОБЩЕЕ НАЧИНАНИЕ

Ъ_Эволюционный мост

Но сверхчеловек являет собой лишь малый переход -- в лучшем случае, немногим больше первоклассных голов во вселенной. Хотя и необходимая предпосылка, но это не настоящий ответ. Это ощущение Тождества, это конкретное восприятие Тождества является лишь детской азбукой в школе новой эволюции, оно означает лишь разблокировку старой природной двери -- и, в самом деле, это даже не означает дать более широкие восприятия или расширить собственное поле исследований и произвести маленьких мировых жителей. Не будет недостатка в кандидатах для мирового мозга. Ну и что? Просто мы станем чуть универсальнее воспринимать мировую убогость, нищету и боль. Первый результат этого "тождества" обычно скорее болезненный, чем приятный. Невероятно, что поглощаешь -- это сознание очень "точное". В действительности, основа, лежащая за объединяющей азбукой или, скорее, вновь объединяющей, не ментальная, как мы предполагаем. Мы не можем удержаться от того, чтобы не пересадить старого ментального человека в шкуру следующего существа, но в этом наша ошибка. Реальная основа, лежащая за расширенным сознанием, механическая, как это всегда и было -- это часть физиологического процесса, и она вовсе не предназначена (или предназначена только во вторую очередь) для того, чтобы дать великую панораму мира. Ведь Новое Сознание -- давящее, оно грандиозно и совсем непропорционально маленькой сети нервов, которые трепещут при неожиданном стуке в дверь. Новое Сознание -- это прежде всего Мощь или она является нам таковой или воспринимается как таковая микроскопическим сознанием, заключенным в сеть вен, капилляров и пирамидальных клеток, взрывающихся как пузыри. Следовательно, должно расширяться само функционирование материальной субстанции, чтобы выдержать этот заряд. Должно произойти телесное изменение. Само сознание тела должно претерпеть собственное расширение (или очищение, что почти одно и то же), это физиологический аналог ментального расширения, которое отличает человека Неолита от человека двадцатого столетия, сидящего перед телеэкраном. Мы не знаем ничего о том, что это следующее существо сможет или будет делать, до тех пор, пока, еще раз, мы не попытаемся перенести на это существо собственные прославленные человеческие качества, которые, вероятно, будут бесполезными. "Только тело может понять", -- говорила Мать. Само тело узнает и воспримет прежде нас чем будет следующая жизнь. Эволюция -- это разворачивание в материи, а не в мозге -- мозг - это ни что иное, как бедный придаток, чтобы помочь нам понять процесс -- если мы желаем -- и, возможно, принять в нем участие. И здесь мы подходим ко двум ключевым текстам, которые однажды полностью открыли мои глаза, когда я все еще неисправимо искал следующий смысл мира через маленькие пирамидальные клетки. Прежде

всего, выдержка из Шри Ауробиндо, скромное маленькое предложение среди прочих вещей, как мог писать только он: Полностью сознательное тело сможет даже открыть и выработать правильный материальным метод и процесс материальной трансформации... Так оно станет участником и агентом своей собственной трансформации... Затем, чрезвычайно освещающие слова Матери: Как факт, физическое тело на самом деле представляет лишь очень обезображенную тень вечной жизни Я, но это физическое тело способно на прогрессивное развитие; физическая субстанция прогрессирует через каждое индивидуальное образование, и настанет день, когда ОНА СТАНЕТ СПОСОБНОЙ СДЕЛАТЬ МОСТ МЕЖДУ ФИЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ, КАК МЫ ЕЕ ЗНАЕМ, И СУПРАМЕНТАЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ, КОТОРАЯ ПОЯВИТСЯ.

Тело будет мостом.

Ключ находится в теле.

Тайна начинается здесь.

Поэтому в своей лаборатории она придавала крайнюю важность культуре тела. Как она наблюдала за ним, до мелочей, как много внимания она уделяла всему и каждому, каждому упражнению, каждому движению! Никогда в мире не было (особенно в те годы, между 1945 и 1950) "организации", которая уделяла бы столь много времени и внимания телу: несколько часов каждый день. И не было никаких специальных упражнений; каждый практиковал все упражнения, и девочки занимались боксом, как и упражнениями на бревне и тяжелой атлетикой. Можно гадать, как боксирование может произвести новое тело (кроме мускулов) и имеет ли спринтер лучшие шансы на следующей стадии эволюции, чем человек с ученой степенью по литературе? А почему бы и нет, в конце концов? Все зависит от способа, которым вы бежите. И все зависит от способа, которым вы учитесь. И здесь опять же лежит неуловимая разница в этой невидимой йоге следующего мира: мы можем делать все, как обычно, но с "другой позицией". Подниматься по ступенькам можно сознательно или поднимать ведро с водой или как-то использовать свое тело -- даже к акту бега можем мы приложить сознание. Спорт является просто средством или предложением для вливания сознания в материю -- возможно, даже другого сознания. Или, возможно, просто помочь очистить ряд клеток, позволив таким образом Сознанию в глубинах -- Точному Сознанию, настоящему Сознанию, Истине-Сознанию Материи -- пронзить темные слои телесной инерции и начать действовать прямо в теле: как оно действует в птице, атоме и повсюду, хотя и косвенно, через некоторую особую привычку или способ бытия птицы, дерева, стола, или какой-либо другой формы. Именно эта старая форма бытия, старый телесный способ бытия должен позволить себе быть пронзенным и допустить, чтобы с ним обращались по-другому. Должен быть найден новый путь. Тело должно открыть и выработать свой следующий способ. Настоящее приключение... Как она убеждала тех детей, как она поощряла их! Тонны энергии изливала она на них, атмосфера казалась заряженной ее присутствием, как если бы двери Возможного действительно были бы открыты: Никто не ходил туда! Никто не делал это; это начинание, вселенское начинание, -- говорила она им. Поэтому это абсолютно неожиданное и непредсказуемое приключение... Каждый вечер, после своих занятий, они гуськом, один за другим, представляли перед ней, чтобы получить взгляд, который снесет двери, освободит из глубин тела невозможное, задушенное в атавизме -- развязать, уничтожить, отменить все старые привычки, старые прибежища смерти, маленькие отрицания, вырастающие из великой боязни нового в тех клетках. Я приглашаю вас в большое путешествие. Вопрос не стоит так, чтобы духовно воспроизвести то, что другие делали раньше, потому что наше путешествие начинается ПОСЛЕ ЭТОГО. Вопрос в новом творении, совершенно новом, со всем, что он несет с собой -- непредвиденным, рискованным и азартным -- это НАСТОЯЩЕЕ приключение, целью которого является несомненная победа, но путь к этой победе неизвестен и должен быть проложен шаг за шагом в неизведанном. Нечто, чего никогда не было в этой теперешней вселенной и чего никогда не будет тем же путем. Если это интересует вас... тогда, хорошо, давайте начнем. Что случится с вами завтра, я не знаю. Мы должны отбросить всякие планы,

все проекты, все конструкции, и... пойти в неизведанное. Пойдем насколько возможно. Она была там, хрупкая и очень белая, под большой картой Индии. Говоря все это, она крутила в своих пальцах цветок, который она назвала "Психологическое Совершенство", и действительно казалось, что новая глава эволюции была открыта в дальнем уголке земли.

Если бы только они поняли.

Если только несколько -- даже двое или трое -- по-настоящему, интегрально пытались... И все же, в те первые годы, горстка ребят действительно пыталась. Я видел великий свет Возможного в их глазах и прекрасную и обещающую искренность, простую и свежую, у нескольких девочек (больше, чем у мальчиков, должен отметить), которые, покрытые шейными платками из белой тюли, делали свои упражнения со светлым энтузиазмом и выполняли в течение дня монотонную работу типа мытья посуды. Это было несколько чистых образцов. Но вторая волна детей уже не была такой же, волны мира уже были там -- всегда там. Поистине эта проблема была проблемой мира.

Ъ_Заражение

Поначалу новая эволюция хрупка; ей все угрожает, как молодому побегу. Мы не знаем, сколь много вариантов перепробовала Природа, разрушала, создавала вновь и вновь, пока именно этот отросток -- один отросток -не пережил мелких насекомых и климатические катаклизмы. Такова суровая картина того, что происходит, происходило и будет происходить всякий раз, когда что-либо новое хочет дать свои ростки на эволюционном поле. Возможно, Природа выставляет эти трудности для того, чтобы молодые побеги были сильнее; мы всегда неправильно толкуем необъятную мудрость нашей Матери, и мы никогда не представляем себе в должной мере, что ее препятствия являются средствами работы и что, в конце концов, она также присутствует в маленьком насекомом, которое хочет истребить прекрасный побег. Человечество действительно должно ясно понимать эту ситуацию, когда оно будет предпринимать свою эволюционную попытку, здесь или там, в той или иной форме, используя те или иные слова, с тюлевой повязкой на лбу или в шкурах. Так оно и есть -- мы все идем туда. Проблема всегда одна и та же, касается ли она той или иной гусеницы. Мы должны попытаться объединить землю, -- говорила она им, -- чтобы создать исключительно благоприятную почву для получения максимальной коллективной восприимчивости. Да, подобно тому как устремляются молодые деревья, зовут дождь, и когда они все собраны вместе, приходит туча, и она не прольется дождем где попало -- дождь необходим деревьям, множество, множество молодых растений притягивают дождь. Альтернативой является цивилизованная пустыня, где не растет ничего, кроме машин. Это простой закон; он называется эволюционной метеорологией. В жизни каждого человека наступает такой момент, когда потребность в совершенной искренности приходит как решающий выбор... Искренность означает стремление к тому прекрасному дождю, который заставляет вещи расти, но довольно странно, что одновременно мы тянемся к нашим человеческим атавизмам; мы всегда разрываемся в двух направлениях. В коллективной жизни также наступает такой момент -- если являешься частью группы -- когда ДОЛЖЕН быть сделан выбор, когда должно произойти очищение. Иногда этот выбор императивен, это почти вопрос жизни и смерти группы; чтобы выжить, группа должна идти вперед. Как пестовала она эти молодые побеги, как она выливалась и выливалась дожди света на них! "Ашрам" -- это только слово, название, что ей было до ашрама! Она пришла не для того, чтобы "создавать ашрам": это было то место на земле, где одно молодое деревце, просто одно молодое деревце должно было укорениться в эволюционной почве. Эта проблема должна быть решена где-то на земле. И Шри Ауробиндо с Матерью умышленно начали проводить свой эволюционный эксперимент прямо в гуще мира, не где-то на Гималайских вершинах, не в четырех стенах, а прямо посреди всего -- эксперимент должен выстоять в мировом климате, а иначе какая от него польза?

Но мир очень заразителен. День за днем разъясняла она им всю проблему на Плэйграунде, который, возможно, был площадкой для игры эволюции. Было совершенно необходимо, чтобы несколько людей измерили величину задачи. Понять то, что должно

было быть сделано, означало участие; это была настоящая цель для бедного мозга, и не для того, чтобы делать арпеджо. Даже аскет, отшельник, уединившийся в пещере или джунглях, не может полностью освободиться от своей солидарности с остальным миром. Воздух, которым он дышит, наполнен вибрациями мира, пища, которую он употребляет, содержит вибрации мира, и, следовательно, просто сам факт его физического существования заставляет его разделять трудности мира. Действительно, это было постоянным рефреном: если бы я на время уединился в Гималаях, то смог бы преодолеть свои трудности гораздо легче! Достигнув определенных успехов, я возвратился бы более сильным. Только потом снова надеваешь на себя одеяния мира, и все идет точно так, как прежде. "Затем" никогда не наступает! Работа должна быть проделана в условиях земной лаборатории, здесь нет выхода. Ты можешь достичь, до некоторой степени, внутреннего баланса, но само окружение, в котором ты живешь, наполнено дисбалансом... Ты даешь и берешь, дышишь и поглощаешь. И в результате возникает смесь, и можно сказать, что все заразительно, ведь ты живешь в мире постоянных вибраций. И все же это было очень просто; мы не знаем, сколь это просто: принимается в расчет не сумма персональных трудностей, даже не спотыкание на пути; быть добродетельным или грешным еще вовсе ничего не значит -- где же он, уединенный святой в мире? Мы поглощаем свою долю человеческого происхождения, как и всякий человек... но с одной лишь разницей: ИСКРЕННОСТЬ цели. Это был ее собственный рефрен: быть искренним, быть искренним... Это было единственной защитой в этом всеобщем катаклизме, единственной надежной почвой. Просто искренняя позиция, так что через все на свете, через самые темные, восстающие или противоречивые состояния -- мы несем в себе мир противоречий, всякую темноту и всевозможные "человеческие микробы" -- несмотря на все и вопреки всем разногласиям, "нечто" внутри нас держит свой эволюционный курс: вот куда я иду, вот что я хочу. Тогда каждое противоречие становится дополнительным импульсом двигаться дальше вперед. Эволюционная борьба заключается не в неделании ошибок, а в рассмотрении всего происходящего в его истинном смысле. Тогда мы всегда в этом Смысле и на этом Курсе, независимо от того, какой оборот принимает дело. Именно необходимость истины порождает истину, именно необходимость в другом воздухе создает следующий эволюционный воздух, как необходимость выбраться из болота вынудила рептилию юрского периода формировать крылья. И вовсе не добродетель рептилии вытащила ее из затруднительного положения. Эволюционная искренность означает как раз это: хотеть истинного смысла во всем -- да, хотеть идти туда. Вот куда я иду, и даже если я попаду в пекло ада, все же я иду именно туда, ведь только там могу я дышать. Наступает момент, -- говорила она, -- когда жизнь как таковую, человеческое сознание как таковое кажется поистине невозможным переносить. И ты говоришь себе: "Нет, это не то, это не то, это НЕ МОЖЕТ быть тем, это не может продолжаться." Когда ты достигаешь этой точки, то единственная вещь, которую тебе нужно сделать, состоит в том, чтобы бросить всего себя -- все свое усилие, всю свою силу, свою жизнь, все свое существо -- в этот шанс или, если угодно, в исключительную возможность, которая предоставлена для того, чтобы прорваться на другую сторону... Предпринимая ЭТОТ прыжок, избавляешься от массы лишнего груза и сбрасываешь с себя массу вещей. Она говорила, что эта искренность, это нужда в нечто ином столь мощна по своей простоте, что обладает силой даже над смертью. Мы никогда не узнаем, сколь просты ключи к следующему миру -- столь просты, сколь трудности чрезвычайно сложны.

И как только ростки укоренятся, они автоматически пустят свои корни по остальному земному полю: ведь заражение работает и в другом направлении.

Ъ_Внутренняя зависимость

Шли годы, и казалось, что проблема все заостряется, становится все более настоящей. Нечто должно было произойти. Что? Она и сама не очень хорошо это знала. Хочется, чтобы у нас в запасе были сотни лет, чтобы проделать свою работу, -- говорила она уже им. Она была перед этой человеческой массой, более тысячи людей -- 1185 в 1958 году -- ее лаборатория, и эта масса двигалась столь медленно, так заполняя обычную

повседневность жизни. Людей шокирует, когда впустую тратятся тысячи рупий, но их не заботит, когда потоки сознания и энергии отклоняются от своей истинной цели!... Чтобы делать божественную работу на земле, нужно запастись тоннами терпения и выдержки, нужно знать, как жить в вечности и ожидать пробуждения сознания в каждом -- сознания того, чем является настоящая правдивость. Они на самом деле не понимали земные "ставки" и то, как их действия, их маленькая "правдивость" и сознательные акты в малейших материальных деталях могут найти свое отражение по всей материи. Ведь в истории материи существуют моменты, исключительные моменты, когда эволюционные или "климатические" условия, если угодно, таковы, что одно лишь зернышко любви, мельчайшее и в то же время значительное, преднамеренное и простое -- чистое -- может зажечь совершенно новый способ бытия на земле. Мы не имеем представления, в чем состоят "большие" вещи мира, мы ищем их не там, где нужно, ищем их в человеческой напыщенности или в каком-то блистательном окружении, тогда как должно возникнуть именно нечто иное, не человеческое: пост-человеческая "бесполезность". Не привлекающий внимания способ бытия особого качества. В Ашраме жил немного сумасшедший человек преклонного возраста, совершенно "бесполезный" и весьма своенравный, и всех удивляло, зачем это Мать держит такую "черную овцу" (подразумевалось: "я гораздо лучше" и не сумасшедший, конечно же): "Почему ты держишь такого-то и такого-то?". Но он создает такое милое окружение! Никто не делает такого, как он! И вот, пожалуйста: некто, кто мог бы составить совершенное окружение. И она изобретала всевозможные невероятные занятия для того или другого, придумывала маленькую работу на пять минут в день: смешивать лак для ногтей, чтобы добиться совершенного оранжево-розового оттенка, составлять особым образом букеты и пересчитывать лепестки, чтобы получилось определенное число, сортировать марки из Новой Каледонии или Патагонии в соответствии с датой их выпуска... не было конца этому невероятному списку иногда "полезных", но всегда кажущихся бесполезными дел. Каждое из этих придуманных занятий было особым способом прикоснуться к материи. Каждый раз она прикасалась к Материи особым образом. Кто понял точный, сознательный и "правдивый" жест? Кто понял, что новый путь не создается старым образом, но что он должен быть создан, тем не менее? Вы должны где-то начать, это не свалится на вас с небес. Следующий мир начинается с маленького жеста. И этот жест должен быть сделан. Мы должны где-то начать. Что сказала бы шимпанзе из эпохи неолита о человеке, затачивающем кремьень?... Она сочла бы это большой шуткой -- если шимпанзе шутит.

Мы идем мимо цели.

И они думали: "Мать здесь, она сделает это, мы не собираемся делать все это сами...". Конечно, они не собирались делать все это сами; ни один человек не способен сотворить следующего человека, потому что чтобы создавать что-то, мы сначала должны узнать, что это -- как вы создадите неизвестное, несуществующее? Все же есть способ предоставить себя этому процессу и не захлопывать постоянно дверь, скатываясь на старую смертную рутину. Их просили только не закрывать дверь, держать ее открытой, выполняя свои повседневные дела, так чтобы могли влиться те тонны сознания, которые она проливала на них. Мать не могла делать все это одна. Это одна сторона проблемы, которую она пыталась объяснить им с состраданием, которое теперь терзает мое сердце. Она стояла здесь, подобно Старейшине эволюции, который так совершенно знает всю историю, который проживал ее так много раз, страдал так много и так горячо желал, чтобы они сделали шаг, спасительный шаг. Она не могла делать все это одна. Можно ли достичь полной индивидуальной трансформации без некоторой меры соответствия в сообществе... Мне не кажется это возможным. Человеческая природа остается неизменной -- можно значительно изменить сознание (наверняка, можно очистить свое сознание), но полное завоевание, материальная трансформация определенно зависит в большой степени от некоторого уровня прогресса в сообществе. Что бы делал Эйнштейн один, среди точильщиков камней? Он не мог бы существовать, это все, он был бы обречен на смерть самым психологическим климатом. Свои последние годы Мать жила, задыхаясь. Она видела, она знала; как она умоляла их, увещевала их! Индивидуальный

прогресс неким образом сдерживается или контролируется коллективным состоянием. Между коллективом и индивидом существует внутренняя взаимосвязь, от которой невозможно полностью освободиться, даже если пытаешься. И даже тот, кто в своей йоге попытается полностью освободить себя от земного, человеческого состояния сознания будет, по меньшей мере подсознательно, ограничен всеобщим состоянием, которое препятствует дальнейшему продвижению и тянет назад. Можно попытаться сделать прорыв, отказавшись от всех привязанностей и обязанностей, пусть даже и так, но реализация того, кто находится на самом вершине эволюционного марша, зависит от реализации целого и от состояния земного сообщества. И это настолько оттягивает назад, что иногда требуются века для того, чтобы Земля стала готовой... Еще века? И все же это зависело -- это зависит -- действительно от такого пустякового, микроскопического нового пути в материи, нашей материи, от маленького "честного" жеста -- не будет ли где-то такого жеста? Внезапный прорыв в старой привычке быть человеком. И вот почему, -- продолжала она, -- стремление к индивидуальному прогрессу и реализации должно соединиться со стремлением поднять все в целом и заставит его прогрессировать, так чтобы стал возможен бо'льший прогресс индивида: иными словами, ПРОГРЕСС МАССЫ ПОЗВОЛЯЕТ ИНДИВИДУ СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ ВПЕРЕД. Будет ли этот "прогресс массы" тем, что тупо громыхает на Востоке или же он скорее будет тем, что мы изторгаем из своей собственной материи? Потому что "прогресс" будет, хотим ли мы этого или нет -- чем больше мы протестуем, тем более тяжелым и безжалостным и уничтожительным будет процесс. Природа -- не моралист. Почему бы не делать то же самое, но более приятным способом? Она спрашивала... Так мы бы избежали жуткой шутки Природы. С ее точки зрения все это неважно; она видит вечность, целое, она знает, что ничто не потеряно, что есть только перетасовка различных качеств, все происходит так, как если бы неисчислимые мельчайшие и неважные элементы бросались назад в котел, тщательно перемешивались, и возникали бы новые вещи. Но эта игра не так уж приятна для каждого. Поэтому, если бы в своем сознании мы изловчились бы быть столь же обширными, как и она... почему бы нам не делать то, что и она, но более приятным способом? Она всегда призывала и заклинала великую Возможность, она пыталась посеять ее в их сознании, это великое-Возможное-всегда-здесь, которое зависит... от ничего -- грандиозное завтра зависит от простого дыхания. Это невообразимо легко, если бы мы только знали... но здесь должны быть те немногие, кто действительно знал бы и кто хотел бы сделать этот шаг. Это выглядит подобно сумасшествию, но все новые вещи всегда выглядели сумасшедшими, прежде чем стать реальностью. Пришло время для реализации этого сумасшествия. Я бы хотела, чтобы мы здесь смогли бы открыть путь, немного выйти за пределы, все вместе.

Немного, она говорила...

Она пыталась открыть Век Сознательной Материи.

Она одна тянула массу -- какие потоки энергии и света не направляла она на эту горсточку людей на темном Плэйграунде, такая маленькая и белая и хрупкая посреди них, и столь ужасно мощная. Она бы разрушила все препятствия, завись они единственно от нее, она бы обрушилась как ураган на завоевание собственной материи. Но нельзя в одиночку открыть дверь -или можно? Это еще одна тайна, которую предстоит выяснить. Что она делала несмотря на нас? Что могла она сделать? В 1953 году, как раз за двадцать лет до своего ухода и на том самом Плэйграунде, она задала вопрос -- она спрашивала как раз тех, кто останется с ней до конца, те самые человеческие "образцы", которые обернутся символом великого Отрицания мира, но тем не менее ожидавшие, что бы она стала сияющей, всемогущей, омоложенной, трансформированной, живым чудом следующей земли: Может ли одно тело измениться без некоторого изменения в своем окружении? Какой будет ваша связь с другими объектами, если вы столь значительно изменились? И с другими существами?... Кажется, что целый ряд вещей также должен измениться, по меньшей мере, до некоторой степени, чтобы такое тело смогло возникнуть и продолжать существовать. Это было 20 мая 1953 г.

19 мая 1973 г. были порваны все контакты с внешним миром, и она вступила... куда?
Смерть или нечто иное?

Поймет ли кто-нибудь когда-либо те годы, когда Мать медленно задыхалась среди нас?

Все было потеряно?

Что произошло?

Произошло ли что-нибудь?

Нечто, что мы еще не ухватили, ведь мы можем сопоставлять лишь с положением и "блеском" теперешнего человечества. Вселенское начинание обычно понимается спустя века, когда историки внезапно осознают, что то разбойничье племя основало Францию. Я с запинками выписываю историю следующего Века, как переписчик без памяти.

Единственно с Матерью. Через экран, который должен быть разрушен или, возможно, заклят.

Satprem."Mother", v.2: "New Species"

IV. СУПРАМЕНТАЛЬНОЕ НИСХОЖДЕНИЕ

Затем, внезапно, это вселенское начинание обрело форму. 29 февраля 1956 г. -- высокосный год.

В действительности, если бы все зависело от доброй или злой воли людей или даже от того, что они думают, то у земли оставалось бы мало надежды. Иногда у меня возникает странное ощущение, что вся история земли читается неправильным образом: все факты и события верны, они такие, какими мы их знаем, но они читаются на одном единственном уровне, через некоторые очки, тогда как, на самом деле, все это обладает совершенно другим смыслом. Вероятно, геологи и палеонтологи ближе подходят к пониманию истинного движения земли, их видение менее фальсифицировано, ближе к голым материальным фактам; в основном они не смотрят на землю через разум. Мы видим Ренесанс, татаро-монгольское нашествие, политические доктрины и сферы влияния, но не видим ничего из собственного движения материи, из земного опыта, виденного как прогресс данного вида -- человека, например -- все инструменты которого и речь, и даже история могут обратиться в прах и навсегда исчезнуть, не изменив ни на йоту прогресс... нечто, что имеет дело с коллективной и земной человеческой физиологией. Наша интерпретация этого прогресса очень даже могла бы никогда не существовать или могла быть совершенно другой -- описана другими словами и основывалась бы на других принципах -все же сам факт прогресса остался бы тем же самым. Мы актеры в пьесе, которую мы не знаем или о которой мы знаем только один слой, как геологи на поверхности. Какой смысл приписывали своему существованию первые ахейские племена? Наверняка, не тот же самый, какой мы сейчас придаем им, и, вероятно, наше представление столь же ошибочно и ограничено, как и их. Существует и другой слой, который полностью ускользает от нас, и пока мы не прикоснулись к этой основе Человека, не прикоснулись к настоящей цели, сокрытой в мельчайшей клетке, до тех пор все наши истории будут оставаться детскими пародиями и шарадами совершенно другой истории.

Нужно снять ментальные очки, чтобы понять настоящее движение мира. Мы должны избавиться от ментальной транскрипции. Мы живем не в том мире, каков он есть, мы живем в транскрипции мира. Но, возможно, очки составляют часть эволюционного плана; возможно, они были необходимы на некоторое время, чтобы видеть мир определенным образом и допускать все необходимые "ошибки". Мы никогда не узнаем в достаточной степени крайнюю мудрость вещей и то, что наши ошибки имеют совершенно другой смысл. Эволюция не ошибается, она безошибочно продвигается, шаг за шагом, используя каждое средство, используя как добрую так и злую волю или же вообще не используя воли; она движется к неизбежной цели, на каком бы языке мы не предпочитали называть ее. Ведь эволюция не является эволюцией разума, это эволюция Материи.

И она захватывает каждого, будь это марксист или христианин.

Ъ_Изменение истории

Но приходит момент, когда очки могут спасти -- коллективно и в масштабе земли.

Момент, когда меняются очки. Чистое и беспрепятственное видение может быть окончательной целью эволюции. Как если бы некие фильтры были необходимы, чтобы столь глухо скрыть от нас реальность. Супраментал является прямым видением материи. Это сама материя видит, делает, осуществляет и знает, не затрагивая разум. Это собственное сознание материи -- в материи -- прямо и безошибочно вылепливает собственный мир. Мы не можем реально понять что-либо из Супраментала, потому что всегда надеваем на него ментальную одежду; если мы могли бы лишь немного почувствовать это сознание, погребенное в материи, в атоме, в клетках, это сознание, которое столь безошибочно управляет всеми движениями Природы, включая полет птиц, и для которого ничто не является отдельным, ничто не является "другим" или далеким или прошлым, для которого все является одной пульсацией, одним непрерывным пространством, одним единственным земным движением, которое знает себя каждое мгновение и повсюду и таким образом знает в каждое мгновение правильное действие, правильное направление, точное устройство вещей -- и не "думая" об этом: это просто есть, и все так -- мы, вероятно, начали бы сбрасывать большую, колоссальную шелуху, и мир стал бы совершенно другим, столь ошеломляюще. Все наши истории полопались бы как бессмысленные пузыри. Это другая мода бытия. И тело является "мостом", потому что это сознание находится в теле, не в разуме. Это не расширение или улучшение разума, это прояснение материи, которая сама видит и делает точно то, что видит. Фантастическое упрощение всего. Великая Точность. Поистине другая жизнь. Возможно, эта жизнь.

Короче говоря, мутация телесного сознания и мутация в телесном сознании.

Но "мутация" -- это опять же ментальное объяснение явления, которое мы на самом деле вовсе не объясняем, это псевдо-научная метка, чтобы отметить нечто, что ускользает от нас -- и это нечто есть все. Мы постоянно переводим в физиологические и материальные термины, в пределах системы отсчета нашего теперешнего человеческого восприятия, нечто другого порядка или из другого слоя времени и реальности. Так, "мутация" означает для нас физиологические странности, вспыхивающие то тут, то там, как бабочка выпархивает из гусеницы (и, в действительности, могут также быть явления этого рода, но, вероятно, не как мы понимаем это), и мы воображаем, как сталкиваемся со странными вибрациями, круглолицыми мегацефалами или с третьим глазом или с телепатическими органами или с некоторым изменением цвета -- мы постоянно переносим настоящее, как неисправимые дети. Но то, что собирается мутировать в первую и последнюю очередь, это сознание, восприятие мира и материи или, скорее, наше ложное восприятие нечто, что предстает ложной материей, потому что оно видится в ложном свете; вместо того, чтобы видеть через ментальную грязевую среду, тело собирается начать видеть непосредственно в собственной среде. И это меняет все! Это как если бы зарождалась другая реальность, другой мир, и все же тот же самый. Когда тело видит по-другому и воспринимает по-другому, оно, естественно, будет обращаться с ней по-другому, с помощью средств, о которых мы даже не можем помыслить, потому что мы можем представить лишь то, что работает "через" скальпели, подъемные краны, телескопы, пульверизаторы... Мы ничего не понимаем из того, чем может быть обращение с настоящей материей, потому что не знаем, чем является настоящая материя. И, естественно, воспринимая себя по-другому, само тело будет жить по-другому, возможно, перекраивая себя -- потому что оно будет видеть себя по-другому. Тело может стать лишь тем, что видит для себя возможным. В настоящее время его единственная возможность -- это расти, стариться и закаливаться, разрушаться и умирать, потому что оно заключено в систему, воздух, не являющийся его собственным. Как могут произойти другие эволюционные переходы или мутации? Мы не знаем об этом ничего; все, что мы делаем, это наклеиваем на них метки. Кажется совершенно невероятным, что рак внезапно начал отраивать некие другие легкие благодаря некоторому отклонению, похожему на наши псевдо-научные фантазии (хотя это также возможно: все возможно). Вероятнее всего, на каждой эволюционной стадии (вообще на любой стадии) сначала возникает некое изменение восприятия, приходят другие средства восприятия среды, что, вероятно, вызывается

внешними обстоятельствами, климатическими или иными и которые автоматически "запускают" переформирование существа, вынуждая принять более адекватную форму. Сначала всегда начинает работать сознание, восприятие, которое начинает по-другому прикасаться к материи и поэтому и обращается с ней по-другому. У нас нет представления, сколь чудесна приспособляемость материи, потому что она как бы костенеет в нашем восприятии. Мы живем, мы умираем, снова живем, снова умираем, мы заболеваем, выздоравливаем и снова заболеваем и снова умираем -- таков закон. Но это закон нашего ментального восприятия. Мутация означает мутацию сознания. Она означает другой порядок той же реальности -- скажем, проясненный порядок -- раскрывающий себя.

Супраментал -- это, возможно, новое раскрытие или новое "прояснение" в истории Материи. Естественно, это новое прояснение должно создать собственные средства и инструменты, собственную моду бытия с этой "другой" материей. Наша великая История предстает тогда пред нами в совершенно другом свете, ведь сейчас мы можем видеть ее лишь в свете нашего ментального восприятия и только в пределах смысла, придумываемого разумом. Поистине другая эра. Эра, столь же радикально отличающаяся от современной, как радикально изменился мир с выбросом Жизни в царстве минералов.

Изменение Истории.

Неисправимая нужда

"Когда же это произойдет?" -- спрашивали дети. Они подхватывали старый рефрен учеников Шри Ауробиндо: "Супраментал -- когда?". Потому что для них, естественно, это было нечто такое, что собиралось свалиться с небес. Они не видели, как много надо было расчищать дорогу между тем "небом" и нашей материей, отягощенной тысячелетиями ментальных привычек... Материя полностью захвачена и зажата ментальной сетью; "небеса" сияют наверху для "экспертов космического сознания", которые уносятся ввысь, чтобы спать там блаженно и благородно, но между небом и землей есть приличная грязевая яма, которую нужно вычистить -- и путь будет открыт? Мы так были заняты игрой в свои ментальные игрушки, не так ли? Так интересно иметь новую игру, -- говорила она им. Мы играли в нее и пытались по-разному в нее играть... как дети на игровой площадке: они изобретают, они что-то ищут, они играют, они находят, они возятся и борются, они ссорятся и мирятся, они открывают и разрушают и страдают. Но есть цель за всем этим... Есть все больше цели. И, возможно, вся эта поверхностная игра ведет, тем не менее, к чему-то, что однажды произойдет..." "Когда? На что это будет похоже?" Она терпеливо отвечала им на Плэйграунде: Это зависит от вас. Они не понимали, что через их собственные более чистые жесты и менее загрязненные тела она и подготавливала приход ответа. Когда вы сможете полностью осознать ненадежность и глупость внешнего сознания, -- говорила она им, -- крайнюю ложь так называемого материального знания и физических законов, так называемых потребностей тела и "реальности" этих потребностей, если вы начнете видеть, сколь все это ложно, сколь глупо, иллюзорно, темно и идиотично, тогда вы приблизитесь к решению. Она пыталась сбросить ментальные шкалы, которые тиранизируют тело и управляют им посредством своих законов, своих вы-можете, вы-не-можете, вы-должны, вы-не-должны. И сколь кропотливой была эта работа! Первой реакцией каждого было: "Но все же, мне нужен этот витамин, и мне нужен хлеб, и требуется спать восемь часов, и...". Список бесконечен, микроскопичен и изворотлив, как ни крути. Все же так начинается новый вид, в этой микроскопической чистке. Чистка должна начаться когда-то. "Когда это произойдет?" Ведь разуму или высшему интеллекту легче постичь новые вещи, чем витальному существу, скажем, ощутить вещи неким новым образом. А телу еще труднее схватить чисто материальное восприятие того, чем будет новый мир. Все же, это восприятие должно ПРЕДШЕСТВОВАТЬ материальной трансформации; сначала очень конкретно должно возникнуть ощущение абсурдности старых вещей, ощущение их неуместности в теперешних условиях. ДАЖЕ МАТЕРИАЛЬНО они должны чувствоваться устаревшими и как часть прошлого, которой больше нет смысла существовать." Тело должно начать воспринимать, чем может быть новая мода бытия, и чтобы это произошло, сначала, очевидно, старая мода

должна предстать в наших глазах совершенно устаревшей. Процесс всегда одинаков: это не столько вопрос обучения тела, как его де-обучения, срывания с него ментальных очков. Но "нуждаться" в чем-то ином сущностно необходимо. Нужда -- это ключ ко всем эволюционным переходам.

Нужда: древняя память в наших глубинах, которая великое Возможное задолго до начала Ментального Века. Это побуждающая внутренняя сила, реальная память земли -- возможно, это настоящая земля, помнящая свое существование. приход разума являл собой темный эволюционный переход, смысл которого мы полностью поймем лишь тогда, когда поднимемся над разумом, появимся в настоящей материи. Тогда мы скажем: "Так вот что это -- вот чем это было!" Но это подразумевает, что кто-то будет там, чтобы сказать "Так вот что это такое" -- тогда как до прихода разума никто не смог бы сказать это, почувствовать это или насладиться этим: был лишь грандиозный космический суп, дрейфующий сам по себе совершенно индифферентно -- и, возможно, с великим восторгом, кто знает? Вся земля должна чувствовать эту нужду -- нескольких более или менее упорствующих существ на некоем плэйграунде не достаточно. Каждый человек, переступивший стадию животного человека и ставший "человеческим человеком" поистине чувствует нужду -- которую я могла бы назвать "неисправимой" -- быть нечто иным, чем это полностью неудовлетворенное полуживотное. Эта "неисправимая" нужда должна стать крайне неисправимой в человеческих существах. Они должны стать более неспособными переносить свою зажатость в удушающей коже. И, может быть, как раз сейчас Природа "закручивает гайки", чтобы сделать удушье более явным, а нужду -- более очевидной. Думаю, что это произойдет тогда, когда достаточное количество сознательных людей почувствуют, без сомнения, что нет другого выбора... Все прошлое и настоящее должно показаться столь абсурдным, что все это должно уйти -- только тогда это произойдет, не ранее. Это было в 1955 году. Гайки затягивались уже тогда. Совершенно ясно, что настоящее время со всеми его беспорядками и хаотической бессодержательностью является временем пробуждения этой нужды; есть почти ощущение того, как вещи могли бы быть и чем они должны бы быть -- это означает, что пробил час. Долгое, долгое время говорилось "Это будет, это будет", как обещание на будущее. Тысячи и тысячи лет назад нам уже был обещан приход нового сознания, нового мира, нечто божественного, что проявится на земле, но то, что на самом деле говорилось, было: "это будет, это придет" -- подразумевая миллионы и миллиарды лет. Но никогда прежде не было теперешнего ощущения, что это ДОЛЖНО прийти, что это очень близко... Несмотря ни на что, грядет момент, когда это произойдет, когда движение повернется к новой реальности.

День за днем она вливала в их сознание это неистовое желание этого Момента. Казалось, что она охватывала всю землю. Она поднимала всю задыхающуюся массу земли, взбивая, как тесто, те маленькие образчики на плэйграунде. Можно было почувствовать почти всю землю в том уголке Плэйграунда -- сколь необъятной она была, эта Мать, как она тянула и толкала это темное тесто! Был МОМЕНТ. Был момент, когда ментальное существо смогло проявиться на земле. Стартовая точка могла быть совершенно бедной и неполной и частичной, но, все равно, это была стартовая точка. почему теперь не может быть так?... Настанет момент, когда человеческое сознание достигнет состояния, достаточного, чтобы войти и проявиться супраментальному сознанию... Этот процесс не подобен растягиванию резинового жгута, вы знаете: это должно когда-то прийти. Это может произойти в одно мгновение.

"Нисхождение"

Это произошло 29 февраля 1956 г., во время очередных "занятий по средам". Она читала несколько страниц из "Синтеза Йоги" и отвечала на их вопросы -- тот же старый вопрос мирового несознания: "Как может устремиться мир несознания, чтобы стать сознательным?" -- спрашивали они. Подразумевая, к примеру, камень или инертную материю. Но мы совершенно заблуждаемся, ведь камень на самом деле сознателен, материя на самом деле сознательна (не так, как мы, будьте уверены), нужно лишь установить контакт

с камнем (иногда это легче, чем с человеческим существом): аметист отвечает не так, как гранит, и кусок гранита, который держало сознательное существо, несет в себе отпечаток контакта; стены Тибета хранят такой отпечаток. Даже наши дома несут иногда грустный отпечаток. Мы бы не смогли установить контакт, если не было бы сознания: "несознательный" объект был бы просто невидимым, потому что именно благодаря сознанию становится возможным контакт. Без сознания нет контакта. На самом деле несознательна не материя, а разум. Разум покрыт всем слоем несознания и разделения. Он отделил себя от всего -- как кукушка в часах. В тот вечер она говорила им: Именно Божественное в несознании устремляется к Божественному в сознании. Без Божественного не было бы и стремления, а без сознания, сокрытого в несознании, не было бы возможности трансформации несознания в сознание. Иногда мы гадаем, не станет ли сознательной прежде нас наша материя, наша собственная телесная материя; или, скорее, настоящее, чистое, уже существующее сознание в материи "перехитрит" разум в некой эволюционной стратегии и, застав его врасплох, вскроет непредвиденный мир. Это вопрос предоставления материи возможности свободно расширяться, вопрос освобождения разума от его темной зажатости -- такова попытка Шри Ауробиндо и Матери. Но даже если разум и будет по-прежнему упорствовать, то разве не будет так, из-за эволюционной тяги и вопреки нам самим, что это поистине божественное и точное и супраментальное сознание начнет непреодолимо выдвигать наружу свои "усики", как гусеница неизбежно трансформировалась в бабочку, не смотря на все законы и принципы гусеницы? Ведь, опять же, эволюция -- это не ход разума, а ход материи или сознания материи -- зерно находится в материи, а не в мозговых извилинах, и поскольку зерно там, то именно там должно оно развиваться, неизбежно и автоматически. Единственное требование -- благоприятные эволюционные и "климатические" условия. Сегодня материя приняла форму человека, наделенного мозгом, но кто знает, не примет ли она завтра, через собственное побуждение, другую форму, наделенную совсем другим инструментом для установления контакта? Именно эта эволюционная неизбежность побудила Шри Ауробиндо написать в "Жизни Божественной": Если человек не способен превзойти свою ментальность, тогда он должен быть превзойден, И Сверхразум и сверхчеловек должны появиться и возглавить творение. Все усилия Матери и Шри Ауробиндо были направлены, возможно, на то, чтобы этот процесс шел с нашим участием, а не без нас.

В тот вечер, по некоторой мистической и благоприятной причине или, возможно, без причины, милостью, произошла Манифестация. Произошло "общее нисхождение", над чем Шри Ауробиндо так долго работал. Почему тогда, а не шестью годами раньше? Это уже другой вопрос. Мы называем это "нисхождением", подобно выпадению дождя, но это только показывает всю "детскость" нашего языка. В действительности, долгие годы Шри Ауробиндо и Мать пытались установить связь в их собственной субстанции, расчистить проход между чистым Сознанием, которое они видели на озаренных вершинах, и тем же самым Сознанием, похороненном в Материи; и хотя временами устанавливалась связь, но затем все снова схлопывалось. Затем другое открывание и другое схлопывание. Должно быть, первый антропоид прошел через аналогичный опыт (скажем, пионер антропоидов): он пытался установить связь с той же самой вещью, той же самой Силой, которая производила странные маленькие вибрации в его голове, то есть, в его наиболее свободной или проясненной части, и иногда, по некой странной причине, это "происходило": он обнаруживал себя "рефлексирующим" и делающим неожиданные ассоциации -- мир обретал некую новую связность -- но затем все снова закрывалось, проход забивался старыми привычками обезьяны. Тем не менее, наступило время, когда эта "вещь" проходила более естественно, когда она даже стала заразной -- вероятно, когда была стала адекватной вселенская подготовка (мы ведь забываем, что мир -- это одно целое). Обезьяна некоторым образом сбросила свою обезьянью шкуру и начала осознавать великое вселенское, тотальное Сознание, а поскольку это была обезьяна, то открытие, точка контакта находилась на наиболее проясненном уровне ее тела, то сеть, в ее развитом мозге; и войдя на тот уровень,

великое Сознание было вырождено определенной вибрацией, которую мы называем ментальной. На том уровне, когда оно входит или может войти то же самое тотальное Сознание принимает какую-то особенную окраску или качество вибрации. Пока не придет время, когда оно сможет чисто и тотально быть самим собой в неискаженной среде. Эта среда является материей. Это история змея, кусающего себя за хвост. Супраментальная реализация -- это совершенное единение того, что приходит свыше, с тем, что откликается снизу. 29 февраля 1956 г. это единение было реализовано, и больше не на уровне мозга и в ментальной среде, а на уровне материи и во всех точках тела. Барьер был разрушен, и прорвался стремительный поток. Возможно, нечто в коллективном человеческом барьере дало дорогу. Почему? Поистине, потребуется мир видений, чтобы понять это. Вселенское движение всегда таково: через внутреннее усилие и прогресс, через определенных индивидов, пионеров, предвестников, установить контакт с новой Силой, чтобы воспринять ее в себе и проявить. И поскольку ЕСТЬ такой зов, то это становится возможным, и приходит век, эра или момент Манифестации. Вот как это происходило -- наступала Манифестация.

Но наш ментальный язык постоянно попадает в западню. Мы говорим "новая Сила", но что в ней "нового"? Она стара как мир. Мы, будучи очень молодыми, начинаем осознавать очень старый мир! Несколько лет назад, когда я упомянул Матери о работе итальянского ученого о производстве электрической энергии клетками тела, она воскликнула: ВСЕ это та же самая Сила!... Мощь, связанная с различными состояниями: ментальным, витальным или даже чисто материальным состоянием, когда она становится электричеством -- Господь в качестве электрических вибраций! И она рассмеялась. Это их материальная констатация Факта. Вот вы где! На самом деле мы еще не поняли ничего о Факте, ведь электрический или атомный или магнитный уровень -- это все еще поверхностный уровень, трансляция, как всегда той же самой Мощности через данную среду, которую мы считаем материей или называем материей -- но есть нечто даже более фундаментальное... что, вероятно, является настоящей Материей, материей без ментальных очков: это сам Факт. Поистине Мистерия. Мистерия, которую Мать начала медленно раскрывать. Когда-то обезьяна открыла проход Силы в свой мозг, и делая так, она открыла ментальный мир и ментальное восприятие материи -- включая восприятие через телескопы и микроскопы, ибо что же взирает, если не разум? Как-то, в удаленном уголке Индии некое существо открыло проход Мощи, Шакти или Сознательной Силе в своем теле, и оно открыло супраментальный мир и супраментальное восприятие Материи -- того же самого "нечто", но видимого по-другому. Та же Мощь, но переживаемая по-другому. Мое тело, -- говорила она, -- точно такое же, как и другие тела в мире, но по некоторой причине оно начало осознавать ДРУГОЙ ПУТЬ. Да, для земного сознания это нормально передавалось бы ощущением "подъема" или "нисхождения" или "начала" -- но это действительно начало! Что началось? Переживанье е пришло как переживание вечного Факта, а вовсе не как чего-то, что только что началось. "Всегда-здесь", раскрывающее себя... более и более ясно. Это вечная Амазония, становящаяся Амазонией благодаря самому факту нашего прохождения через нее -- возможно, материя, постепенно становящаяся тем, чем она на самом деле является.

И сейчас земля на пути становления осознания "другого пути".

Маленькая пульсация

На что похож Супраментал?... Если бы мы могли полностью опреде

лить или описать это, то он был бы уже здесь, на земле. Это не нечто фиксированное, как соляная кислота или луна: супраментал растет и развивается -- или, скорее, растет и развивается наше представлени е о нем. Мать развивала это это восприятие еще семнадцать лет, как бы для того, чтобы приспособить к нему человеческие глаза и человеческую субстанцию. Она расчищала проход. Я распознавала эту необычайную вибрацию, когда спускался супраментальный мир... Это приходит и вибрирует как пульсация в клетках.

Очень мало кто распознал это в тот вечер 29 февраля на Плэйграунде. Чтобы распознать это, физическое сознание уже должно быть достаточно свободным от своего ментального покрытия, своего ментального роения, можно сказать. Действительно, мы

начинаем осознавать это негативно, через реакцию "роения". Огни на Плэйграунде были погашены; кончилось чтение "Синтеза Йоги" и закончились вопросы детей. Они сидели на земле полукругом вокруг нее. Мог быть слышен шум прибоя, и лучи маяка били по верху стен: две коротких вспышки, одна длинная. Это была "ночная медитация по средам". Мать можно было различить в сумеречном свете: она сидела в своем низком кресле, немного согнувшись, с цветком жасмина в своих неподвижных пальцах. Она всегда была очень белой, эта Мать, даже когда была одета в красную или пеструю одежду, как если бы нечто просвечивало через ее тело, некое белое свечение, которое иногда становилось плотным и видимым для наших материальных глаз. И ученики были погружены в молчание, а малыши в зеленых шортах заснули возле ее кресла. Она "объединяла землю", как она говорила. Она собирала вместе все эти юные побеги земли, чтобы произвести свою "эволюционную метеорологию" -- и она смеялась. Она смеялась надо всем, эта Мать. Особенно она смеялась в лицо трудностям: это наилучший способ убрать их. Должна сказать тебе, что лично я чувствую себя гораздо больше "в своей тарелке", когда веселюсь и играю (на свой собственный лад), чем когда я очень серьезна и торжественна -- гораздо больше. Когда я торжественна и серьезна, то чувствую себя так, как если бы волочила за собой ношу тяжелого и темного творения; но когда я играю -- когда я могу играть, смеяться и наслаждаться -- я чувствую так, как если бы потоки радости устремлялись сверху-вниз, принося специфическое тепло в это творение и этот мир, подводя его гораздо ближе к тому, чем ему, по-существу, предназначено быть. Ведь радость составляет настоящую истину земли, только мы забыли это: мы печалимся и страдаем. Она хотела спустить вниз свой дождь радости, свой "солнечный путь", как она называла его. Зачем страдать? Я утверждаю, что никому не следует страдать, в этом нет необходимости. Супраментал, в действительности, составляет радость мира до пришествия разума; страдание не составляет суть вещей. Настоящая земля -- это земля радости, именно ради радости, прежде всего, произошло творение. Только мы пока не там. Она хотела ускорить процесс. Она притягивала вниз, в эту субстанцию, свой милый супраментальный дождь. И молчание. Должно было ощущаться громадное Давление (Мать думала, что всех на плэйграунде придавило к земле.) Было очевидно, что Сила была там; она была столь плотной, что ее почти можно было резать ножом. Временами это было даже ошеломительно. В другое время что-то растворялось, нечто открывалось, и вы уносились Великим Потоком, жизнь становилась предельно свежей, и ваше существо было наполнено сверканием -- возможно, это были маленькие "пульсации", но это было так "естественно", что с трудом замечалось. Чудо столь естественно, что мы, будучи идиотами, замечаем его лишь впоследствии, когда оно ушло. Так было и в тот вечер; это было в первые годы моего пребывания в Ашраме. Едва успела кончиться медитация и зажегся свет, как я захотел побыстрее упаковать вещи и бежать отсюда как можно быстрее, к дьяволу, если можно... Десять лет я пытался не бежать к дьяволу -- просто пытался. "Кишение" внутри было удушающим.

Негативный способ переживания этого явления, можно сказать.

Я побежал в город пропустить стаканчик за здоровье "интегральной" йоги. я свободное существо, в конце концов! Вот что поистине так печально, эта наша привязанность к боли, к свободе боли, к удушающей ночи внутри, которая не хочет уходить и повторяет: Нет, Нет, Нет. Супраментал -- это великое удушение ночи. Кишение, выгнанное из его потаенных мест, выведено на яркий дневной свет тайной маленькой пульсацией, вовлеченной в творение радости мира независимо от нас -- она выталкивает все наружу, она настаивает на том, чтобы не быть фальсифицированной, быть собой. Она непреклонна и неотразима -- маленькое сверкание внутри, в материи: так что мы ничто не можем с этим поделать. Мы можем кричать и визжать, но оно продолжает расти. Оно вовлечено в материю мира, глубоко вовнутрь, неискоренимо внутри. И так будет продолжаться до конца -- до полной радости внутри -- и не оставит нам ни минуты покоя; оно не оставит нас, как первая мысль не оставила в покое самых "продвинутых" бабуинов два миллиарда лет назад (или же три?). Мы просто на 20-ом году, или приблизительно так, после этого вселенского начинания. Мы уже

можем оценить ситуацию; достаточно просто взглянуть на мир вокруг нас. Он корчится и мечется. Сознание месит их изнутри, хотя ли они этого или нет. Как хорошо мы теперь понимаем Шри Ауробиндо: "Попытка привнести вниз общее великое нисхождение производит лишь значительный подъем подсознательной грязи..." Эта грязь вздымается и переполняет все. Это ужасно. В 1956 г. все было вполне приличным, почти очаровательным. Давайте посмотрим: Франция только что рыцарски уступила свое место в Индокитае Соединенным Штатам, заключен Варшавский Договор. Восстание в Будапеште и ввод советских войск. Президент Насер национализует Суэцкий Канал, французские и британские войска высаживаются в порту Сэйд -- Суэцкий канал блокирован. Марш израильских войск в пустыню Синай. Это период независимости Судана, Марокко, Туниса и Того -- начало великой "независимости". Хрущев только что сменил Сталина на тайном заседании коммунистической партии... за четыре дня до 29 февраля. Забастовка поляков в Познани и оккупация Будапешта советскими войсками. Состоялся первый конгресс коммунистической партии Китая, на котором вождем партии избран Мао Цзе-дун...

Это семя. Но не то семя, о котором мы думаем.

Мы увидим -- мы увидим больше.

Это могло быть продолжением с некоторым улучшением, расширением старого мира... но, - сказала она, - то, что произошло -- поистине новая вещь -- это то, что новый мир начал трансформироваться, это **НОВЫЙ МИР** был **РОЖДЕН**. И мы посреди переходного периода, когда два мира взаимно переплетены: старый мир все еще существует, он все-могущий и полностью контролирует обычное сознание, но новый мир уже прокрался, он все еще весьма скромнен и незаметен -- столь незаметен, что внешне сейчас он мало что изменил [это было в 1957] и даже совершенно не воспринимаем сознанием большинства людей. Все же он работает, он растет -до того момента, пока не станет достаточно сильным, чтобы утвердить себя видимо. Сорок лет назад, когда писал "Арию", Шри Ауробиндо заметил: "Когда вмешивается сознательный Дух [Сверхразум], тогда становится возможной чрезвычайно сконцентрированная поступь эволюционного изменения.

Это ускорение не позволяет перевести дух.

Но почему сейчас? Почему в этот момент времени?...Можно было бы подумать, что этот новый супраментальный мир был бы более мирно и порядочно рожден во времена утонченных людей, во времена Ренессанса, скажем, или, быть может, во времена Перикла? В любом случае, в тот век, когда люди были более... можно было бы сказать "изысканными" - но в этом все и дело: изысканность теперь уходит -- потому что под этим, всегда одно и то же, будь то под кожей Перикла или Кхмерских румян, это то же самое атавистическое кишение. Только сейчас оно менее скрывается. Оно вынуждено показывать свое лицо повсюду, при дневном свете, так что всем это становится видно. Супраментал подобен паре громадных прищепок, демонстрирующих всю грязную прачечную мира на бельевой веревке прямо под нашими носами, пока мы не начнем задыхаться и не почувствует отвращения... чтобы согласиться на нечто иное. "Почему трудности возросли со времени супраментального нисхождения?" -как-то пожаловался один ученик на Плэйграунде, четыре месяца спустя знаменитого "нисхождения". Кто скажет, что это не из-за того, что вы стали более сознательными! Эти ваши трудности были и раньше, просто вы не осознавали их. Если вы более ясно взгляните на вещи и увидите то, что не очень-то приятно, то это не промах Супраментала, это ваш собственный недостаток! Сверхразум дает вам свет, зеркало, в котором вы можете увидеть себя лучше, чем когда-либо прежде, и вы немного расстроены из-за того, что не очень-то приятно смотреть на это? Но что я могу поделать. Действительно, слепящий прожектор, наинеприятнейшая вещь, которая вынуждает все эти маленькие твари выползать из своих нор.

Супраментал -- грандиозный Срыватель Масок.

В 1925 году Шри Ауробиндо сделал странное замечание, когда его спросили, что явится знаками грандиозного супраментального нисхождения. Он перечислил четыре знака, заставляющих нас задуматься. Во-первых, знание Физического мира возросло до такой

степени, что он находится на грани разрушения собственных границ [возможно, чтобы выбраться за эти границы и обнаружить там маленькую "пульсацию"]. Во-вторых, во всем мире предпринимаются попытки разрушить вуаль между внешним и внутренним ментальным, внешним и внутренним витальным и даже внешним и внутренним физическим [это "внутреннее физическое", все еще неизвестное для нас, в точности является тем местом, где лежит "вибрационное основание" того, что мы называем материей]: Люди становятся более "психическими". В-третьих, витал пытается "наложить свою лапу" на физическое так, как он не делал это прежде. Знаком нисхождения высшей Истины всегда является выброс на поверхность враждебного витального мира, и вы видите всевозможные ненормальные витальные манифестации, такие как рост числа сумасшедших, землетрясения и т.д. Также, мир становится более ОБЪЕДИНЕННЫМ на основе открытий современной науки -- самолеты, железные дороги, телеграф и т.д. Такое единение является условием нисхождения высочайшей Истины и в этом также [поистине!] состоит наша трудность. В-четвертых, подъем личностей, которые оказывают грандиозное витальное влияние на большое число людей.

Это очень хороший материал для размышлений.

К чему это "большое число людей"? Зачем весь этот мир связывается в одну сеть своими "самолетами", к чему уничтожение расстояний и к чему телевидение? Компактный человеческий узел. Вы повышаете свой голос в Пекине, и он отдается эхом в Чикаго или на острове Огненной Земли. Периклы ушли давным-давно. Но что развилось со времен Периклов? Наука? Нет уверенности. Но наверняка человеческая сеть стала безысходно завязанной -- неразрывно, можно было бы сказать. Ужасное вселенское заболевание... или нечто иное? Немыслимое загрязнение. Перикл никогда не подумал бы об этом -- но все мы "думаем", тем не менее.

И во вспышках до нас доходит, что это ужасное состояние вещей может, на самом деле, быть наилучшим условием для супраментального заражения. Не мозг Перикла развивается через эволюцию; эволюция не предначертана для того, чтобы сотворить неких сверх-Периклов: развивается вся земная материя; материя -- это то место, где разворачивается маленькая "пульсация" -- столь совсем новая и расстраивающая все старые вещи.

Сгибается вся земля, все вместе, хотим мы этого или нет. Смеясь, Мать называло это супраментальной катастрофой. Она говорила: Все, что нарушает Инерцию, является для этой Инерции катастрофой. В этом мире (этом земном мире, том самом, о котором я могу говорить компетентно: я имею только общее видение других), в этом земном мире творение базируется на Инерции; это было необходимо, чтобы обеспечить устойчивость и конкретность. Все, что возмущает эту Инерцию, является для нее катастрофой; например, появление Жизни было чудовищной катастрофой, появление интеллекта в Жизни -- другой чудовищной катастрофой, а теперь появление Супраментала -- самая последняя катастрофа! Вот как обстоят дела.

В действительности, мы будем абсолютно неправы, если подумаем, что теперешний хаос может быть улажен -- он не собирается улаживаться, он собирается полностью разлагиваться, пока не будет разоблачен самый последний атом ночи -- пока мы не подберемся к ДРУГОЙ ВЕЩИ... которая может внезапно вырасти под самыми нашими носами вопреки нам самим, украдкой родиться из нашей собственной материи. Это уже происходит там внутри, туда мы должны взглянуть. И чем меньше мы носим ментальные очки, тем больше мы способны мы увидеть красоту явления, как всегда. Начинается другая история, которая даст нам ключ ко всему. С этой точки зрения, то явление, которое сейчас происходит, -- говорила она детям, -- уникально в истории земли; и вероятно (почти наверняка), как только мы достигнем конца этого процесса трансформации, мы получим ключ ко всем предшествующим трансформациям, иными словами, все, что мы сейчас пытаемся понять, будет известно в надлежащих терминах, раз уж процесс выйдет с ментального на супраментальный уровень.

И всем протестующим детям, сидевшим на плэйграунде -- я был один из них -- она

заявила, немного подтрунивая с изрядной долей юмора: Поэтому вы приглашаетесь развить в особенности свои способности наблюдения, так чтобы все это не произошло для вас в полу-сне, и вы бы не проснулись к новой жизни, не зная, что произошло. Вы должны быть достаточно бдительны и широко пробуждены и, вместо того, чтобы фокусировать свое внимание на маленьких внутренних психологических событиях, которые являются скорее... старой шляпой (они принадлежат целой человеческой истории, которая утратила свою новизну, в любом случае), было бы лучше обратить свое внимание на более универсальные, более тонкие и безличностные вещи, которые дадут вам шанс сделать новые открытия.

Короче говоря, мы должны начать пред-воспринимать завтрашнюю материю.

Но есть также все эти человеческие толпы, громыхающие позади...

Satprem."Mother", v.2: "New Species"

V. СУПРАМЕНТАЛЬНЫЙ МИР

Если бы мы были первооткрывателями, вернувшимися из дальних стран, и должны были бы описать те чудеса, которые нам там повстречались, описать те леса, непохожие на все остальные, описать крылатых существ, металлы со странными свойствами, то это было бы достаточно легко. Но в нашем случае это не так. Будущий мир прямо перед нашими глазами. Это неизведанная страна, и все же она под самыми нашими ногами: эта другая страна внутри этой страны. Мы живем, не ведая этого. Мир, в котором скачут обезьяны, и мир, в котором прогуливаемся мы, это один и тот же мир, и все же... Этот другой мир, -- говорила она, -- неизбежно является новым переживанием. Следует вернуться ко временам перехода от животного к человеку, чтобы обнаружить аналогичный эволюционный период. Однако, в то время сознание не было достаточно ментализированным, чтобы уметь наблюдать, понимать и разумно чувствовать, так что тот переход должен был быть сделан совершенно туманным образом. Следовательно, эта вещь является по-настоящему новой и уникальной в земном творении: это нечто беспрецедентное и действительно странное и новое восприятие или ощущение или впечатление...

Новое восприятие.

Мы даже не уверены в том, что есть настоящая аналогия между этим переходом и предыдущими переходами, ведь не только незначительна физиологическая разница между обезьяной и человеком или даже мангустом, сформировавшимся в утробе матери, и человеческим зародышем, но и само восприятие обезьяны и человека, хотя и необозримо разное, все же принадлежит одной и той же категории, попросту повернутой иным образом в силу нового восприятия. Мы по-разному воспринимаем материю, поэтому и по-разному ее используем, мы открываем новые способы обращения с нею, но в той же самой манере. До определенной степени, то же самое произойдет и с нами. Просто обезьянам было даровано новое приспособление, разум, наложенный на старую земную субстанцию. Но теперь это не новый дар, не новое приспособление, этот сверхразум, который будет добавлен к земному арсеналу, изменится сама материя. Можно было бы сказать, что меняются свойства материи -- они находятся в процессе изменения. Можно было бы сказать: "Хорошо, я поверю в это, когда увижу собственными глазами." Конечно же, если жираф стал бы отращивать вторую шею, мы заметили бы это. Загвоздка в том... очень даже может быть, что именно наше старое человеческое восприятие не позволит нам увидеть новую материю, и что эта новая материя не имеет никакого намерения потакать нашим воображаемым психологическим причудам, ведь именно мы выдумываем их, именно мы неисправимо переносим старый способ бытия на новый, который не имеет ничего общего с нашим и является способом новой материи. Коротко говоря, проблема заключается в том, чтобы воспринять или пред-видеть с помощью человеческих органов то нечто, что человеческие органы не могут ухватить. Сделать следующий шаг в эволюции, как всегда. Это вызов. Задача обезьяны была легче... возможно. Но, тем не менее, наша субстанция должна содержать связующее звено -- ведь как же иначе может быть сделан переход, установлен мост между теперешним состоянием и будущим? Должен быть некий способ, некое восприятие "исчезающей точки", как всегда; восприятие некоего направления, где вещи ускользают от нас; и если у нас есть отвага позволить себе

проскочить через то отверстие -- довольно головокружительное для наших обычных представлений -- мы могли бы оказаться на новой колее. Поставит ногу в колею -- это сделать переход. То, что мы ожидаем найти на другом конце, это мы поистине не знаем, для нас это невообразимо. Странное приключение. Возможно, рискованное.

Окаменелые видимости

Первые знаки перехода еще находятся в пределах наших восприятий. Обезьяна тоже обретала новое восприятие, но ее глаза оставались неизменными: она всего лишь устанавливала новые связи со старыми привычными вещами. Здесь же не сам орган восприятия изменяется или улучшается или расширяется, а изменяется сам объект восприятия и все поле переживания, потому что это не то, что видится другими глазами: это сама материя видит воспринимает себя по-другому, как если бы она имела тысячи глаз повсюду -- видят именно клетки, движутся именно атомы, и все это находится в тотальном единстве, в котором больше не существует поверхностного или искусственного разделения маленьких тел, облаченных в европейские или китайские одежды, литературные или математические одеяния. Такая демаркационная линия станет такой же нереальной, как колючая проволока на склонах Альп. Этого больше нет, потому что все существует одновременно. Цель индивидуального сознания, столь каторжно высеченного в ходе эволюции, попросту заключается в том, чтобы сфокусировать луч на определенной точке той тотальности, позволить силе течь в определенном направлении в соответствии с нуждами момента; и она не течет "где-то там", ведь все находится внутри той тотальности. Одно тело или вся вселенная -- это одно и то же. Это сознательная материя; очевидно, это не та материя, как мы ее воспринимаем сегодняшними глазами, пальцами или телевизионными установками. Материя -- это не то, что мы видим или как мы видим: наши микроскопы скрывают ее от нас. С точки зрения науки, -- говорила она детям, -- вы являетесь массой... даже не атомов, а нечто, бесконечно более тонкого, чем атомы, и в постоянном движении. Просто нет ничего подобного лицу, носу, глазам или рту, все это -- только видимость. И поэтому ученые пришли к выводу -- тому же самому выводу, к которому пришли закоренелые духовники -- весь этот мир является иллюзией. Это великое открытие, очень значительное...! Еще один шаг, и они достигнут Истины. В Тлемчене мы уже видели другой вид материи. Что же, теперь не сверхмикроскопы расскажут нам, и не видения медиумов и не оккультные силы: материя сама расскажет о себе, будет переживать себя. Именно настоящая материя, непосредственная, незапятнанная, будет видна и будет действовать: спонтанность до-ментальной, "естественной" эволюции будет воспроизведена на сознательной шкале. Только вместо птицы, ограниченной своим транс-сибирским маршрутом, будет тотальность сознания и бытия, совершающая все маршруты в собственной субстанции. Жизнь больше не будет "продумываться"; она будет проживаться, просто. Сама материя будет жить, вместо мысли о материи. Мы ничего не видим в жизни, мы ничего не проживаем в жизни -- мы лишь думаем о ней. Все приходит к нам через ментальную сеть. Именно этот экран должен быть устранен. Все тысячелетия, которые мы потратили, тщательно сплетая эту сеть, были предназначены лишь для того, чтобы однажды позволить централизованному, индивидуальному сознанию начать осознавать невообразимую целостность материи и жизни, жить всем, быть всем, понимать все, чувствовать все... Поистине другая жизнь. Любить все и чувствовать радость во всем, потому что цель всего этого на самом деле -- радость бытия, которой нам так крайне недостает.

Но сначала мы должны вступить в контакт с той настоящей материей. Как? Через какое восприятие? Наши чувства лгут, -- воскликнула Мать. Как можем мы реализовать тот другой континент внутри этого континента? Вероятно -- определенно -- это распознавание появится само собой: Сверхразум совершенно способен давать разъяснения. "Маленькая пульсация" уже за работой. Идет процесс "потрясения" всех клеток мира, несмотря на столпотворение наших ментальных усложнений и поверхностных революций, которые не революционизируют ничего. Это настоящая революция, внутри, неизбежная. Следовательно, это не некое "счастливое будущее" занимает нас, а некое непосредственное настоящее,

хотим ли мы или нет участвовать в этом процессе, хотим ли мы или нет ускорять это движение, хотим ли мы или нет быть свидетелями перехода, вместо того, чтобы кружиться в нереальном кошмаре разума. Ведь, помимо всего, через два-три поколения (возможно, больше) мы сможем пробудиться и обнаружить новую ситуацию столь же естественной, как сегодня мы решаем уравнения или собираем "информацию" по телефону. Будущая история покажет нам, сколь глупы мы были, и мы больше не будем прежними дураками -- но сегодня, однако, мы все еще находимся в состоянии глупости, и некоторые находят это удушающим. Будущая история для них. Однажды, глядя на Мать и ужасную работу в материи, которую она взяла на себя, чтобы высвободить более истинный мир, я был поражен мыслью: "Но как только это будет сделано, они найдут новое положение вещей совершенно естественным! Тогда они скажут 'МЫ сделали все это, это наша собственная эволюция!'" И мать улыбнулась: Мир будет идти вперед, своим чередом. Возможно, найдется лишь горстка людей, которые будут знать, как все это было сделано. Это все.

Для тех, кто хочет сделать переход с открытыми глазами, необходимо некое изначальное представление или, еще лучше, начальное восприятие супраментального процесса: каким образом следует смотреть и как должны мы смотреть, поскольку наши глаза и мысли вводят нас в заблуждение? И вот что: самый первый шаг заключается не в том, чтобы "делать", а в том, чтобы "перечеркнуть сделанное": Сомневаюсь, что вы сможете трансформировать свое тело, если разум ваш все еще не трансформирован. Только взгляните! Вы не можете ни пошевелить пальцем, ни сказать слово или сделать хотя бы один шаг без вмешательства разума. Так с помощью какого же инструмента вы собираетесь трансформировать свое тело, если разум все еще не трансформирован?... Пока ваш разум реален для вас, пока ваш способ мышления является для вас нечто истинным, реальным, конкретным, то это лишь показывает, что вы еще не в надлежащем состоянии. Сначала вы должны перейти на другую сторону. Мы просто не знаем, сколь проста и фантастична эта разница. Возможно, маленький личный пример лучше проиллюстрирует, сколь хитрым, незаметным и совершенно "естественным" является это ментальное состояние, и как мы живем в сети, не осознавая этого -- конечно, совершенно естественно, иначе мы оставили бы ее давным-давно. Большая часть времени уходит на то, - говорила Мать, - чтобы начать осознавать, что же нужно изменить!... Вырваться из старого привычного способа. Та вот, однажды, я сидел на берегу реки в отдаленном уголке мира и чистый медный котелок, который был единственным моим имуществом. И скребя этот котелок песком из реки, я размышлял о своей довольно странной и жалкой жизни, когда днем надо было просить подаяния, чтобы поесть, а ночью сражаться с насекомыми. Состояние моего тела было таковым, что любое приличное общество сочло бы его больным -- и, наверняка, я свалился бы в болезни, если бы пристально на это посмотрел. Будь у меня термометр в тот момент, я точно свалился бы в лихорадке. Но внезапно одна мысль -более, чем мысль, это сила -- поразила меня: "Но какое имеет значение, что ты думаешь об этом?" Тут же как будто бы пелена спала с моих глаз, болезнь ушла из тела, и ситуация изменилась, преобразовался мир: я перестал думать об этом... и миллионы мыслей потеряли свою уместность, они разбежались как крысы -- внезапно все стало другим, оставаясь тем же самым! Именно мысль рисовала картину лихорадки -- ложный образ. Убери эту ложную картину лихорадки, и ТЕЛО заживет очень радостно. Тело внезапно станет совершенно воздушным, как бы выбравшись из грязевой ямы.

Мы постоянно живем в этой грязи. Она вуалирует все, искажает и фальсифицирует все. Первый шаг должен заключаться в том, чтобы выбраться из нее. Это "точка пересечения" с другой реальностью. То, что мы думаем об этом, вовсе не имеет никакого значения. И, к тому же, это неправильно. Они скорее умрут, прицепившись к своим привычкам, чем решатся избавиться от них и жить бессмертным образом. Также и смерть проистекает из определенной привычки, как и ничтожность, и ложность видения, и болезни, и вся ложь мира. Мы живем в невероятно ложной привычке: "Я могу видеть это, поэтому это верно..." Что же, сначала должна отлететь, как пыль, эта "истина", чтобы высвободить восприятие

истинной материи. Это как первый проникающий взгляд, который делает дыру в старой броне. Мы должны вырваться из этого смутного и мрачного способа видения, который видит лишь видимости, который столь ущербен, столь нереален -- такой закоряченный. Наш Ментальный Период -- это каменный век, подобно окаменелому мху в угольных слоях.

Однако Привычка должна быть искорена отовсюду, вплоть до самих клеток. Это все работа Матери. И мы должны где-то начать. Мы находимся в том времени, когда вещи становятся видимыми. Был долгий, долгий период, когда вещи подготавливались; затем, в течение очень, очень долгого времени они развиваются, они организуются и устанавливаются, а затем это дает результаты. Все же между тем и другим существует момент, когда это происходит, когда все случается. Это не всегда очень долго (иногда это происходит долго, иногда быстро), но нечто происходит. И именно это "нечто" приводит к новому развитию мира. Да, мы как раз в этой точке. Если мы не слепы, если наши глаза открыты, мы УВИДИМ, мы готовимся увидеть это... Некоторые люди находятся во тьме, они живут в прошлом, они погружены в ложь и не видят ничего, ничего, ничего -- они будут оставаться слепыми до конца. Но те, чьи глаза открыты, увидят.

Она бесконечно повторяла это детям на Плэйграунде: Те, кто знает, как не быть отягощенными старыми привычками...

Супраментальная субстанция

Все одно, если мы только могли бы знать другой конец... Как только мы утрачиваем Привычку, так сразу же вступаем в Большой Лес; мы как слепцы несуществующего мира, или же мира, чье существование увеличивается по мере того, как мы идем через него, и что же БУДЕТ в Эльдорадо на другом конце, когда мы прибудем туда? Эльдорадо прямо под нашими ступнями, но мы не видим этого. Если мы могли бы хоть немного видеть, знать что-то о пути, как выглядит супраментальный мир, тогда, возможно, путешествие было бы менее слепым. В действительности, чудо Пионеров состоит в том, что они гуляют через "нечто", и это становится "нечто" благодаря самому факту гуляния в нем. Это их милость, их дар миру.

Но, как раз за год до того, как войти в великий неизведанный Лес, где она проведет пятнадцать лет, прорубая дорогу во тьме, в "нечто", в смерти, Мать имела видение, которое было подобно размаху прожектора над этим путанным несуществованием отживших свое привычек и несуществованием новой, не рожденной еще привычки. Это произошло 3 февраля 1958 г. -- определенно, февраль замечательный месяц. Но, к сожалению, она не смогла до конца досмотреть свое видение, потому что, как обычно кто-то прицепился к ее юбке, резко позвал ее и вырвал ее из следующего мира... назад, к старой привычке быть дураком. Степень человеческой глупости, примешанной к этому грандиозному приключению, просто невероятна; на каждом шагу, в каждое мгновение и прямо до самого конца все это будет окружать ее, как если бы она должна была не только пробить дорогу к Новому, но и искоренить старое. Так оно и есть, две эти вещи идут рука об руку. Она должна была выкорчевать старую привычку мира из каждого маленького образчика, окружавшего ее, так чтобы могло родиться мило Эльдорадо. Она так хотела, чтобы земля стала миленьким местом. Она поистине очень любила этот мир. Кто-то другой пожелал бы взорвать динамитом все это -- это то, что мы все делаем, война за маленькой войной, за еще одной маленькой войной. Она так хотела, чтобы вещи стали другими. Она вбирала то, что сопротивлялось и отказывалось, что было глупым и мелочным и ворчливым, и она поглощала и поглощала яд мира, неустанно преобразовывая всю и каждую мелочность. Она прорубала топором путь, она оставляла свою любовь как след света, так чтобы и мы могли гулять... немного.

В этом видении она внезапно увидела символическим образом супраментальный мир. Взгляд в будущее, в вечно-существующее, которое постепенно раскрывает себя. Оно кажется очень, очень далеким... и все же? В этом Лесу может быть много чудес, кто знает? Белки, смотрящие на человека, несомненно, многого не понимают в нем; почти нет связи между ее маленькими, пытливыми глазами и нашим надменным видом в костюме-тройке; было так, как если бы внезапно установилась связь, был перекинут мост между загадочным будущим и

нашими большими, пытливыми глазами. Раз уж мы держим нить, то можем тянуть за нее. Мы должны тянуть великую Нить, возможно, нить радости. Это видение подобно первому мосту, контакту с тем, что "уже-здесь". То, что требует тысячелетий -- это установление контакта, постижение возможности контакта. Следовательно, именно контакт тянет нас; одни мы вряд ли смогли бы вытянуть себя из старой трясины -- "Просто немного попытайся!" -- говорила Мать. Эволюция -- это просто великое будущее, тянущее нас, ведь разве смогла бы Ночь тянуть что-нибудь, кроме ночи?

Был грандиозный корабль, символ "переходного места", где люди подготавливались к супраментальной жизни: некий тренировочный корабль для супраментального мира. И все те, кто были готовы, кто удовлетворял требуемым условиям, были готовы высадиться в супраментальном мире. На берегу стояли высокие существа, это супраментальные существа; они были здесь, чтобы наблюдать за кандидатами и определять, может ли высадиться тот или другой из них. Я сказал может высадиться, потому что жизнь, дыхание и существование в этой новой среде, в этом супраментальном мире поистине были подобны вопросу о кислороде или, скорее, вопросу о телесной субстанции. Следующая субстанция действительно кажется совершенно особенной. И не только существа на берегу, но и сам корабль, субстанция всего корабля была той же супраментальной субстанцией: Супраментальная субстанция, ближайшая к физическому миру, первая для проявления. Свет был смесью золотого и красного, порождая однородную субстанцию светящегося оранжевого цвета. Все было таким: свет, люди, все имело этот цвет, с варьирующими нюансами, чтобы отличить одну вещь от другой. Это производило впечатление мира без теней: были оттенки, но не было теней. Атмосфера наполнена радостью, спокойствием, порядком. Все происходило гладко и в тишине. И вот где определенно становится очень забавно и интересно: На том корабле вещи были сделаны не так, как на земле; например, одежды не были сотканы из какой-либо ткани, и материал, напоминавший ткань, не был искусственно изготовлен: это была часть их тела, одежда была той же субстанции, принимавшей различные формы. Была некая пластичность... Пластичность -- это великая характеристика Супраментального Мира: это как переход от жесткости нашей теперешней материи к нечему, напоминающему поведение субатомной материи современных ученых. Когда требовалось изменение, оно не делалось при помощи искусственных и внешних средств, а путем внутренней операции, ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ СОЗНАНИЯ, которое придавало форму или внешний вид субстанции. ЖИЗНЬ, ТВОРЯЩАЯ СОБСТВЕННЫЕ ФОРМЫ. Все было единой субстанцией, которая меняла качества собственной вибрации в соответствии с потребностями или требованиями..." Так мы схватываем отдаленное представление о "сознательной Материи", которая принимает формы по желанию, из тотального тождества субстанции. Это все кажется сказочным, но наша эволюция, возможно, это фантастическая сказка. Помимо всего, мы всего лишь ментальные неопиты второго тысячелетия после Христа. Что мы знаем? Маленький лемур с Филиппин нашел бы совершенно фантастическим, если бы ему сказали, что некий приятель на двух ногах сменит его в эволюции. Короче говоря, нас приглашают взглянуть на собственных последователей: Высокие существа на берегу были не того же цвета, у них не было оранжевого оттенка: они были бледнее, были более прозрачными. За исключением некоторых частей их тела, видимы были только их контуры. Они были очень высокими, казалось, что у них не было скелета и что они принимали формы в соответствии с их потребностями. Только ниже талии до ступней некая постоянная плотность, чего не было в остальных частях тела. Их цвет был более бледным и содержал очень мало красного, он граничил с золотым или даже белым... Сколь далеки все это кажется!

Но "менее далекими" от нас выглядели "супраментальные рекруты", супраментальные "ученики". Они были из всех стран и всех возрастов, но в целом они не были старыми. Некоторые были отосланы назад на корабль, как если бы их подготовка была недостаточной или же их субстанция еще не была бы готова. Критерием было качество субстанции: Те, кто были отосланы назад, для дальнейшей тренировки, не имели однородного цвета: как если бы

их тело имело сероватые неоднородные пятна, пятна субстанции, напоминающей земную. Они были тусклыми, как если бы не полностью пропускали свет, не были трансформированы. Так было не везде, а только в некоторых местах. Непрозрачность - это поистине сам атрибут ложной материи -- то, что мы знаем или, скорее, видим как несознательную материю ("несознательную" из-за нашего "собственного" несознания). И мы гадаем, не заключается ли разница -- кажущаяся грандиозной разница -между теми существами и нами, между той Материей и этой, просто в том, что должен быть спущен некий экран -- экран несознания, который скрывает от нас настоящую материю и делает ее кажущейся непрозрачной и жесткой. Какой был бы сюрприз, если бы эта непрозрачность начала прочищаться, стала светом и начала бы сдвигаться благодаря лишь простому изменению сознания!... И это та же самая материя, нам не нужно представлять или создавать другую материю; это та же самая материя... Есть некий ментальный процесс, который надо перечеркнуть вплоть до самых клеток. Но это не другая разновидность материи, это здесь, та же самая материя -- только "незапечатанная". Возможно, это подобно разнице между примитивным мхом, окаменевшем в слое угля, и тем же самым примитивным мхом, полностью ожившем на солнечном свете.

Что имеет силу "распечатывания" этой материи, очищения ее? Очевидно, не то, что мы думаем о ней, не сверхъестественные явления Гегелей Четвертичного Периода, даже не все наши религии или марксистские добродетели... Должно быть нечто иное. Именно "нечто иное" интересует нас. Что за "добродетели", которые помогут нам сделать следующий вид? Если бы мы знали это, дорога была бы яснее. "Непрозрачные" были отосланы назад, к земной жизни. Критерий отбора базировался исключительно на субстанции, из которой были сделаны люди, то есть, принадлежат ли они полностью к супраментальному миру, сделаны ли они из той самой супраментальной субстанции. Критерий не были ни моральным, ни психологическим. Весьма вероятно, субстанция их тела была результатом внутреннего закона или внутреннего движения... Какой это закон, какое движение? Возможно, определенный способ стремления в материи. В разуме мы устремляемся к красоте и истине; в сердце мы устремляемся к любви и единству... Должно быть спонтанное движение на уровне материи, в теле. Должен быть найден новый ритм. Вероятно, нужно сначала совершенно открепиться ото всех ментальных и витальных движений, чтобы понять, чем может быть настоящее настоящее движение телесной материи. На том берегу реки, с медным горшком в руках, мое тело внезапно освободилось от мыслей и стало совершенно беззаботным и радостным -- как если бы в нем был иной способ дыхания: внезапно все оказалось ясным, сверкающим и светлым. Вероятно тело заключает в себя настоящее движение радости, мир радостей. Настоящее движение материи есть радость. Это состояние не длится долго из-за старой привычки, которая все время возвращается, из-за старой привычки быть больным, или думать, что мы вот-вот заболеем, или... вся смертная рутина. Привычная непрозрачность. Тот критерий не содержал в себе ничего ментального и давал то странное внутренне ощущение, что множество вещей, которые мы считали хорошими или плохими, не являются таковыми на самом деле... В самом деле, наше ложное ощущение реальности! Что по-настоящему плохо, это не принимать все в правильном смысле, ведь все имеет смысл в терминах завтрашней жизни: только либо мы охватываем этот смысл, либо нет. Для супраментального мира "грех" -- это не изменять все в сверкающий маленький ритм или же не принимать все как возможность установить этот маленький ритм и просветлить материю. Пропасть, грех -- это оставаться непрозрачным, будь то в болезни или здравии, в пороке или добродетели -- наихудшая непрозрачность - это добродетельная! Да, мы должны принимать эту убогость и закачивать в нее радость завтрашнего дня, наполнять ее светлостью правильного Смысла, настоящего Смысла, Великого Смысла -- вот куда мы идем. Ведь все идет туда... если мы хотим этого. Нет ни хорошего, ни плохого, есть только утраченные возможности. Ясно, что все зависело от способности вещей, от их способности выражать супраментальный мир или находиться в контакте с ним... С одной стороны, мы находимся в контакте с этим миром, с другой стороны мы оторваны от него. Обезьяна,

раскачивающая деревья, совершенно отгорожена от ментальной жизни; человек, разыгрывающий моральные и ментальные спектакли, также отгорожен. Это так невероятно отличалось, нечто даже столь противоположное нашей обычной оценке вещей! Совершенно очевидно, наша оценка того, что божественно или небожественно, неправильна... Так уж ли это удивительно? Иногда мы удивляемся, не дали ли Шри Ауробиндо и Мать рождение новому божественному! Божественному, которое смеется, которое отваживается смеяться, после бесчисленных веков распятий и аскетов в их уединенном космическом трансе. Бездна изменений. Возможно, космическое сознание в материи? И наделенное юмором, более того. Я видела, что помогает людям и что препятствует им становиться супраментальными, и это очень отличается от наших обычных смертных представлений. Я чувствовала, сколь... смехотворны мы. Аминь. Воистину, -- заключила она, -- кратчайшее расстояние между двумя точками - это не прямая линия, как люди себе воображают! И мы гадаем, не достигим ли тот Сверхразум -- далеко, далеко, на другом конце... чего? -- не достигим ли он за одну секунду, быть может. Это все здесь. Это все здесь. Это везде. Только недостает определенного способа установления контакта. Мы должны найти путь. Мы должны найти Смысл здесь. И завтрашняя мистерия может внезапно стать примитивно простой.

Нечто, что должно быть разблокировано.

Недостающее звено

Мы гадаем, от чего зависит разблокирование. Мы имеем в виду не психологическое разблокирование, а материальное, разблокирование материи. Настоящей материи, здесь. Или следует нам сказать, следующей материи? Мы неуклюже путаемся в словах гусеницы, чтобы создать язык бабочек.

Все равно, есть нечто совершенно мистическое. Рассказывая о своем переживании супраментального мира, Мать сказала: 3 февраля я гуляла там так же конкретно, как я обычно прежде гуляла по Парижу, в мире, который СУЩЕСТВУЕТ В СЕБЕ, вне всякой субъективности. Давайте посмотрим, она ясно сказала "конкретно" и "вне всякой субъективности". Иными словами, она гуляла по объективному миру... как по Елисейским Полям. Простите меня, но я крайне материалистичен: ты не будешь удовлетворен, пока не будешь супраментализирован с ног до головы, -- сказала она однажды мне. Действительно, предпочтительнее сначала ноги. Однако я ответил: "Я даже не уверен". Я был не уверен, что смогу удовлетвориться чем-нибудь. Некая абсолютная жажда, можно было бы сказать. И без сказок, пожалуйста. Ты будешь удовлетворен, когда это будет в материи. Действительно, все дело, возможно, состоит в том, что настоящая удовлетворенность может существовать лишь в теле, а все остальное -- это просто некие расплывчатые грезы. Но, все равно, эта материя должна быть подготовлена, разблокирована. Я твердо верю в это. Очевидно, Материя сейчас не то, чем она должна быть -- или же она не то, чем является сейчас. Но где же то "конкретное"? Факт, что она не сказала "так же конкретно, как я обычно гуляю по Плэйграунду" -- в качестве аналогии она выбрала Париж. Елисейские Поля далеко, в шести тысячах миль от Плэйграунда, и разница во времени составляет четыре с половиной часа -- но и наши часы, это тоже нечто субъективное. И она сказала: Это как если бы был протянут мост между двумя мирами. Ее видение было подобно первому мосту. И если этот мост "конкретен" или материален неким образом, то он указывает на другую материю в материи или за материей -- другой мир внутри этого. И если не может быть два идентичных вида материи, один внутри другого, то это должно означать, что есть истинная материя и ложная материя... или, возможно, оба вида истинны и являют одно и то же, но воспринимаются по-разному -- два различных вида восприятия. Как если бы был уровень м-ра Джонса, читающего свою газету, и был уровень электронного микроскопа. Другой вид "конкретности" -- следующий вид. Но, честно говоря, мы вовсе ничего не знаем об этом; у нас нет должных глаз. Все, что мы знаем, это то, что нечто находится в процессе становления. Когда я вернулась [из супраментального мира], то знала, что супраментальный мир постоянно существует, что мое присутствие там постоянно, и НЕОБХОДИМО ЛИШЬ НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО, ЧТОБЫ УСТАНОВИТЬ СОЕДИНЕНИЕ С ТЕМ СОЗНАНИЕМ

И ТОЙ СУБСТАНЦИЕЙ, и именно это звено находится в процессе делания.

Чтобы материя была разблокирована, необходимо, чтобы сначала она начала воспринимать себя по-другому, что означает, что она должна оставить определенный способ восприятия себя или восприятия нами, и войти в другой способ. Этот новый способ будет средством перехода. В известном смысле, именно новое восприятие открывает дорогу новому миру. Великая супраментальная Амазония здесь, конкретно, в ее полноте, и по мере того, как мы гуляем по ней, она принимает видимые очертания, становится видимым рельеф, реки и маленькие птицы, которые всегда там были. Гуляние по ней -- вот что, вероятно, строит недостающее звено между проблеском Амазонии и восприятием новой Амазонии. Когда она будет полностью воспринята, тогда она будет здесь целиком -- но она должна быть воспринята в материальной субстанции. Именно тело -- и никоим образом голова -- делает переход через супраментальную Амазонию и все больше и больше ее воспринимает. Сейчас мы гуляем через ту же самую Амазонию со своими головами, вот почему мы не видим ее (или видим иным образом). "Эволюционный мост" -- это поистине сознание тела, то есть это то, что открывает переход в собственной субстанции, что постепенно начинает осознавать другой способ и строит "недостающее звено" между устаревшим, окостеневшим восприятием и другим. Это несомненно очень замечательное и бесконечно странное явление. Недостающее звено между некоторым пинтекантропом и неким четвероногим или между этой рептилией и тем птеродактилем обычно искалось во внешних формах; но теперь это звено находится в сознании и в восприятии сознания. Однако очень даже может быть, что каждый эволюционный переход сначала происходил в сознании, прежде чем произойти в форме. Нам всегда казалось, что сначала должен быть некое восприятие или предвосприятие будущей возможности для возможности видеть свет дня. Некоторым образом, нечто в рептилии должно было сначала отрастить внутренние крылья или иметь потребность в крыльях, чтобы затем отрастить их материально. Когда мы говорим, что внезапно происходит некая "мутация" клеток, мы просто отодвигаем назад проблему, делая ее механической, потому что мы не знаем, что клетки сознательны и разумны на свой манер, как наши маленькие антропологические мозги -- определенно, есть клеточное сознание. И именно сознание в нашей собственной субстанции выработает новый эволюционный переход; это не игра вероятности, которая засовывает миллион молекул ДНК или РНК в один большой мешок, затем хорошенько встряхивает, и появляется новый вид. Все устроено не так. И никогда так не происходило.

Внезапное изменение?

Посредством того первого восприятия "будущего" Мать сплетала звено в своей собственной субстанции и в субстанции земли. Она начала отрачивать "новые крылья" следующего вида. Но то будущее целиком здесь, вы понимаете. Поэтому проблема становится очень... я почти не сказала "чудесной". И, действительно, Великий Лес Матери чудесен и загадочен, как я говорил -- возможно, даже более, чем мы можем себе представить. Потому что если все здесь, и не хватает только одного маленького звена восприятия, тогда будущее не может быть отделено от нас миллионами световых лет или геологических и антропологических веков. Именно "завтра" может быть здесь во вспышке, разблокирование может произойти во вспышке смеха -- да, возможно, взрыв смеха смог бы перечеркнуть весь старый ментальный кошмар и открыть наши настоящие глаза материи, кто знает? Или глаза настоящей материи. Мы внезапно вырываемся из нашего "угольного пласта", и это здесь. Ведь где же "супраментальная субстанция", чтобы произвести следующее существо, если не в некоторых маленьких взрывах радости, которая внезапно открывает нам неожиданную материю, совершенно свежее и беззаботное тело, которое никогда не знало, что "может быть таким"? Тело должно усвоить, что оно может "быть таким". Оно должно войти в контакт с настоящим движением клеток. Супраментальное движение здесь, в сердце всей Природы. Супраментальное движение здесь, как раз за этой ложной субстанцией, подавленной десятью миллионами ментальных, медицинских, логических и атавистических теорем, с ньютоновскими яблоками всей остальной ложной гравитацией наших голов. 29 февраля 1956

года настоящая маленькая пульсация начала биться в клетках мира, или, скорее, первое существо, наделенное земным телом, начало осознавать ту маленькую пульсацию. Первый мост был возведен между ложной и настоящей материей, и кто знает, может быть, полное расплавление, окончательное разблокирование произойдет во вспышке. Могу сказать вам, что просто благодаря самому факту жизни на земле в данное время, -- говорила она детям, -- сознаете ли вы это или нет, хотите ли вы этого или нет -- с самим воздухом, которым вы дышите, вы поглощаете эту новую супраментальную субстанцию, которая распространяется повсюду в земной атмосфере. И это подготавливает вещи в вас, которые затем материализуются. **СОВСЕМ ВНЕЗАПНО**, как только вы предпримите решительный шаг. Этот решительный шаг должен быть предпринят в сознании. Мы должны открыть наши глаза **ВОЗМОЖНОСТИ**. Если сознание верит, что это возможно, тогда это возможно и все возможно! Единственная невозможность -- это не верить в возможность: это полностью блокирует дверь, и мы погружаемся в старое испорченное восприятие -- так рептилия навсегда осталась бы рептилией, высохла бы в своем болоте и не сделала перехода. Но тем из нас, кто действительно хочет сделать переход, требуется лишь открыть Дверь Возможного, которая открывает дверь нового восприятия, которая открывает дверь великого изменения мира, трансформации. Вот что ожидается от нас. Сотрудничать с эволюцией означает воздерживаться от того, чтобы постоянно вставлять палки старой эволюционной логики в колеса новой эволюционной логики -- ведь, очевидно, это не та же самая логика! Но это логика тем не менее. Если вы рассмотрите материальный мир, -- говорила она детям, -- и пойдете вниз до самого мельчайшего элемента (вы знаете, не так ли, что они обнаружили неисчислимы, абсолютно невидимые вещи), если вы возьмете этот элемент как часть и материальный мир как целое, и вообразите Сознание [великое тотальное Сознание, которым мы осторожно становимся, в маленьких дозах, чтобы не взорваться] или Волю, которая находит свой восторг в том, чтобы делать несчетное число комбинаций всех этих частей, но никогда не повторяя ту же самую комбинацию... мы должны заключить, что вселенная является новой в каждый момент вечности. И если вселенная нова в каждое мгновение вечности, тогда мы вынуждены признать, что абсолютно ничто не является невозможным; и не только это, а то, что мы называем логическим, не обязательно является таковым. И только повторение комбинаций дает видимость -- мы настаиваем на "видимости" -- стабильности вселенной, когда мы выводим законы, принципы или "факты", но факт птицы не является таковым для рептилии. Мы постоянно заключаем вселенную в нашу маленькую сеть фактов, как если бы нам требовалось "гуманизировать" все и навсегда, но может быть так, что вселенная не заботится о человеческих фактах, как однажды она не позаботилась о муравьиных фактах. Вы можете понять, -говорила она им, -- что если через свое стремление или через СВОЮ ПОЗИЦИЮ вы вносите высший элемент -- что мы сегодня называем супраментальным элементом -- в существующий ряд комбинаций, если вы можете **ВНЕЗАПНО** изменить их природу, тогда все эти так называемые необходимые и неизбежные законы станут абсурдом. Другими словами, **ВЫ САМИ** закрываете дверь чуду, имея определенные представления, занимая определенную позицию, и из-за этого принятия, которое вы даете определенным так называемым принципам... И именно **ВЫ САМИ** захлопываете дверь, говоря с логикой, которая кажется вам полностью разумной: "Что же, если я сделаю X, тогда произойдет Y, или если я не сделаю X, тогда произойдет что-то другое." Это как если бы вы вешали железный занавес между собой и свободным действием Милости... Как чудесно будет вообразить другой тип логики, логики непредсказуемого. Не думаете ли вы, что это будет восхитительно? Мы уже достаточно имели миров "как они есть". Почему бы нам наконец не подумать о том, каким он должен быть?

Мир находится на грани чуда -- это здесь, возможно, почти ощутимо. Но от какого маленького переключателя зависит это обращение? Что произойдет, что внезапно заставит человеческие существа смотреть по-другому? Или же мы должны ждать века, пока медленно, медленно, почти невосприимчивые восприятия сменяют друг друга, через миллионы повторяющихся переживаний, которые постепенно прояснят и осветят материю --

и мы спланируем в другой способ, почти не заметив этого? Но это совсем невероятно. Явление растет изнутри; оно застигнет нас врасплох, потому что происходит не в наших головах и даже не в нашем ментальном содержимом, а в наших телах и общей субстанции земли. В настоящий момент мы являемся свидетелями лишь негативной стороны этого явления, мы видим, как большие волны земной грязи вздымаются повсюду, мы видим великое вселенское очищение материи -- взбивается вся старая ложь, все толчется, месится и распыляется, пока мы полностью не потеряем наше терпение. И, возможно, как раз в этом все дело -- никто не сможет больше терпеть. Мы больше не сможем иметь с этим дело. Ничто больше не будет объяснять, ничто больше не будет работать, мы разинем рот перед непостижимым и неуправляемым миром, в котором все будет противоречить себе, каждое лекарство будет отменять другое, и все будет взаимно сводиться к нулю. Хаос восприятий. Но за всем этим стоит чрезвычайно позитивный элемент, который все растет и растет и находится в процессе прорыва старой структуры, чтобы открыть нам голое Чудо. Это здесь. Мы должны войти в контакт с тем, мы должны позволить себе быть зачарованными и притянутыми тем. Изменилось само качество атмосферы, -- сказала она. И она знала разницу в "воздухе", она могла обнаружить за тысячи миль запах ядерного взрыва. Нет, это не зависит от медленной, неопределенной эволюции нашего сознания. Это не вопрос утончения или заострения каких-либо инструментов, развития новых антен или концентрации и медитации и достижения высших регионов; это прямо здесь перед нашими глазами. Мы даже гадаем, происходит ли это явление на нашей стороне или другой; сами ли мы придем к нему или оно к нам. Но какое человеческое дело, какой земной вклад заставит встретиться эти два? Нечто должно быть предпринято на нашей стороне, сделано некое движение... Возможно, момент невозможности, нечто, что кричит повсюду в земном сознании: как если бы каждый был поставлен перед определенной невозможностью, что служит той точкой, через которую он обретает доступ к новой двери. Возможно, вся земля и каждая нация должны прийти к своему моменту невозможности и быть вынуждены взывать к чему-то иному. Не знаю, я в самом деле ничего об этом не знаю. Я лишь чувствую необычайную Возможность, невероятное новое восприятие, которое сокрыто от нас только... возможно, лишь количеством времени, чтобы достаточное число людей восприняло это. Заражение нового восприятия. Всякий раз, когда новый элемент вводится в полную сумму возможных комбинаций, -- говорила она, -- это приводит к тому, что могло бы быть названо размыванием границ... Очевидно, что современное научное восприятие гораздо ближе к новой реальности, чем, скажем, восприятие Каменного Века. Но даже это внезапно найдет себя устаревшим, превзойденным и, возможно, разметанным вкраплениями нечто, чего не существовало во вселенной, какой мы знали ее. Да, именно это изменение, эта внезапная трансформация вселенского элемента вероятнее всего приведет к хаосу восприятий, из которого возникнет новое знание. Это, в общих чертах, результат новой Манифестации... Качество, количество и природа вселенских комбинаций внезапно изменится таким кардинальным образом, что, вероятно, ошеломит всех тех, кто проводит исследование в жизни.

Увидим. И она клала свои руки на подлокотники кресла с таким смехом внутри, как ребенок прячет волшебный сюрприз. Затем она поднималась, бросала на всех взгляд, полный озорства и вызова, и уходила.

Возможно, жест радости и вера в настоящую землю.

Нечто очень простое, почти сладкое.

И это растворяло оболочку видимостей.

Мы здесь.

Это всегда было здесь.

Мы всегда были этой светлой необъятностью.

Но теперь, в теле.

Земная мутация.

Satprem. "Mother", v.2: "New Species"

VI. ВУАЛЬ

Это изменение в нашем восприятии материи, будь то внезапное или постепенное, индивидуальное или более общее, должно обязательно последовать за изменением нашего обращения с материей. Громадное изменение. В конце концов, нет сущностной разницы между обезьяной, перегрызающей лиану своими зубами, и человеком, валящем дерево с помощью бензопилы: оба они используют механизм. Только человек использует более совершенный механизм. Разница может оказаться громадной в своих последствиях, но, в сущности, это интеллект "применяет" себя к материи и вырабатывает все более и более совершенные средства или инструменты: мышечную руку или электронные щипцы. Материя остается той же самой, мы только вторгаемся в нее более или менее здравомысленно или используем некоторые ее силы, задействованные при помощи более сложной машинерии. Мы полностью и совершенно являемся наследниками обезьян, за исключением той иллюзии, которая заставляет верить нас в свое превосходство, которое, однако, разрушается под самым весом грандиозной Машинерии, изобретенной нами. Даже в структуре наших тел нет существенной разницы: физиологическое функционирование нашего организма и организма обезьяны идентичны, за исключением того, что наше ощущение подорвано как раз тяжестью всей чужеродной машинерии. Мы выросли чуть более разумными (я готов был сказать, стали супер-обезьянами). Мы говорим о сверх-человеке, но давайте подумаем, где же просто человек?

Следующее эволюционное "ответвление" будет радикальным, то есть, оно полностью выведет нас из состояния обезьяны, хотя бы и "улучшенной", и приведет нас к... возможно, к настоящему человеку.

Супраментальное творение

Человек являет улучшение методов обезьяны. Следующий человек будет человеком без методов. Будет лишь один "метод", как всегда, и этот метод - сознание. На самом деле вся вселенная никогда не была чем-то иным, как "методом" сознания, или, скорее, фактом сознания, который как-то от нас сокрыт той заменой сознания, которое мы называем разумом. Перестав понимать и видеть фундаментальный ход вселенной, мы стали прибегать к различным приборам, инструментам, приспособлениям и различным очкам, чтобы внешним образом иметь дело с тем, к чему мы больше не можем прикоснуться напрямую через сознание, то есть "от сознания к сознанию". Даже ребенок может понять это. В любом случае, маленькая Мирра очень хорошо понимала это. Она понимала стремление растения, движение животного или вибрацию камня; ее сознание прикасалось к тому же самому сознанию повсюду -- конечно же, потому что существует только сознание! Мы достаточно хорошо можем понять друг друга через сознание и в сознании, будь то на расстоянии десяти тысяч миль или в той же самой комнате, как если бы не было разделения. И на самом деле нет разделения... кроме как в наших умах, маленьких мозгах, которые вдруг подумали, что они более разумны, чем все маленькие клетки во вселенной. Как бы там ни было... Разум был необходимой ступенью в эволюции. И мы можем даже подумать, что вся эта эволюционная работа была направлена просто на то, чтобы сочинять венгерские рапсодии или посылать бравых ребят на луну!... У нас такое бедное представление о нашем будущем. Все же, если бы мы только могли как-то яснее понять работу по созданию следующего существа, то, возможно, это помогло бы нам выполнить ее. Это поистине милость Матери и Шри Ауробиндо: помочь нам увидеть наше собственное будущее. Лес грандиозен и кажется грандиозным, и мы не знаем, когда доберемся до другого конца, до полной супраментальной Амазонии, но знание того, что нас ожидает в конце, может помочь нам пройти через лес более быстро. То, чего нам все время недостает, это видение; мы не можем осознать то, что не видим, оно не существует для нас, оно в забвении. Но как только мы можем хотя бы немного воспринять вещь в нашем сознании, это как если бы был наведен первый мост, и тогда средства вырабатываются почти автоматически, почти неизбежно, можно было бы сказать. Чудо пионеров -- это вырвать новое видение из кажущегося "ничего".

Теперь нам предоставлено видеть и выращивать это новое видение в нашей

собственной субстанции -- но тогда, возможно, оно растет само по себе. Так что, давайте просто скажем: помочь ему расти быстрее.

В видении 3 февраля 1958 г. на борту "супраментального корабля", который являлся образным представлением следующей материи, настоящей материи, сознательной материи -- были некоторые очень интересные детали, которые постоянно повторялись. Была единая субстанция для всего -- будь то объекты на борту корабля, сам корабль или даже высокие существа на берегу. И, действительно, даже с научной точки зрения очевидно, что материя является единой субстанцией: только мы наложили различия в коже или галстуках и религии на нечто, что движется или должно двигаться как единое целое (и все "скрипит" как раз из-за того, что не движется как единое целое; материя загромождена, отвлечена и искажена всеми путающими различиями в галстуках или в "том, чем вы должны быть" -- и разложена по "ящичкам", без малейшего сообщения). Марксисты очень ясно видели ложность деления и разделения, вот почему мы говорим, что они были ближе к смыслу эволюции, чем изрядное число духовных людей, искавших воссоздания единства на небесах, в облаках, или идеалистов, произносивших пышные речи о единстве, которые, однако, оставались безрезультатными, потому что единство они искали или пытались установить в разуме, где единства не может быть: оно может и должно быть в материальной субстанции -- а ошибкой марксистов было считать, что это единство может быть достигнуто по образу сверх-обезьян, внешними средствами и репрессивными методами, и социальной машинерией. Мы вечно разводим повсюду машинерию. Единство может существовать лишь на уровне сознательной материи, потому что только эта вещь ОДНА во всем мире.

Но материя должна стать сознательной, или, скорее, это мы должны снять с нее то, что препятствует ей быть сознательной или что препятствует нам воспринимать ее сознание и должным образом с ним обращаться.

Теперь же эта единая субстанция во всем изменяла качество вибрации в соответствии с потребностями или окружающими условиями; казалось, что у высоких существ на берегу нет скелета и что они могут принимать форму в соответствии со своими нуждами; и даже на борту корабля, когда нужно было какое-то изменение, оно вырабатывалось не какими-либо искусственными или внешними средствами, а через внутреннюю операцию, через действие сознания, которое придавало субстанции форму или видимость -- жизнь, творящая собственные формы. Это совершенно новое явление, и чрезвычайно логическое, можно сказать, -- естественное. Вместо того, чтобы рисовать картину, имитировать видение, передавать вещи при помощи молотка и резца, просто видишь: сделано так, как увидено. Творит именно видение. То, что происходит здесь в сознании, автоматически передается в субстанцию "там", потому что это то же самое сознание, та же самая сознательная субстанция, которая формируется в соответствии с частными нуждами, чувствами или действиями. Неизменно новая, обновляющая и возобновляемая жизнь, которая не заключается в какую-либо форму, кроме красоты, которая меняет и развивает и непрестанно переделывает себя. Единственный предел работы этой новой субстанции -- это предел нашего собственного качества видения и сознания. То есть, здесь уже никого не обманешь; если ты серый, то излучаешь лишь серость, и нет способа "сгладить" эту серость каким-либо галстуком, университетскими степенями или счетом в швейцарском банке -- каждый полностью отражает самого себя. Мир, который мы создаем -- это точная копия качества нашей души. Средства, находящиеся в нашем распоряжении, находятся в точном соответствии с силой "излучения", как обычно. Иными словами, настоящий мир -- на этот раз. Вот почему Мать говорила, что супраментальный мир явится совершенной иерархической манифестацией, спонтанной, сущностно верное -- и без какого-либо принуждения -- где каждый будет осознавать собственное совершенство. Какое принуждение? Каждый являет собственное принуждение! И тогда спонтанный позыв каждого из нас будет состоять не в том, чтобы приобрести ложные внешние средства, ложные силы и ложные заменители сознания, а расти внутренне, совершенствовать себя внутренне, развивать качество и силу излучения, чтобы нескончаемо перестраивать

жизнь и окружающую обстановку, растущие вместе с нашим собственным видением. Мы отличаемся друг от друга качеством души или, давайте скажем, качеством нашей вибрации и диапазоном ее излучения.

Ведь Сверхразум -- это не среда, где все похоже друг на друга. Здесь, в ложной материи, управляемой разумом, мы постоянно путаем тождество с однообразием, мы сводим настоящее и сущностное тождество к механическому, подрезанному и стереотипному равенству. Но это ужасная карикатура. Ведь мы знаем лишь один способ создания тождества, который заключается в том, чтобы свести все к наименьшему возможному знаменателю. Те, чьи головы возвышаются над общим уровнем, вынуждены их пригнуть, а те, кто слишком малы, вынуждены вытягивать шеи. Но это не сулит ничего хорошего, -- сказала она просто. Самым законом мира является закон тождества в разнообразии. Никакие две ветки одного и того же дерева не похожи друг на друга. Но тождество не заключается во внешнем выражении или поведении: оно находится в сознании и субстанции. Но поскольку мы не осознаем настоящее сознание, не живем в настоящей субстанции, то вынуждены постоянно использовать ложные средства, чтобы воздействовать на ложную субстанцию и ложную жизнь -- так что все ложно, все мгновенно фальсифицируется. Мы фабрикуем средства из-за неспособности быть, выдумываем правила из-за неспособности быть, механизуем вещи из-за неспособности схватить настоящий Механизм мира. Тогда как в настоящем тождестве -- супраментальном -- супраментальном сознании и субстанции, все является бесконечно меняющейся игрой одной и той же вещи.

Так что эта единая вещь никогда не соревнуется сама с собой, не больше чем чья либо нога соревнуется с его же рукой. Это одно единое тело в бесконечном разнообразии. Как вы представляете себе супраментальную жизнь? -- спрашивала она детей. Как рай, в котором каждый будет делать одну и ту же вещь тем же самым образом? Каждый станет ангелом, играющим на арфе?... Это был бы ужасный мир! В супраментальном мире никому не нужно быть похожим на другого, и никому не нужно быть лучше своего соседа или иметь больше, чем сосед! Каждый является собственной моделью и имеет совершенную и полную радость выражения того, чем он является: быть самим собой -- это его радость, очень просто, но поскольку это настоящий мир, а не "окаменевший", то каждый также осознает, что совершенство может расти, красота может расти, видение может расти, радость может расти и что существует вечно расширяющийся способ выражать ту частную моду бытия, который каждый представляет во вселенской тотальности, обладая в то же время сущностным восторгом всего во вселенной, потому что это мир, где все конкретно ОДНО... И остается множество вещей для открытия, что невообразимо для нашего теперешнего понимания.

И, наконец, наш ложный мир поглощается средствами, требуемыми для жизни. Мы вовсе не живем. Мы тратим свое время на изобретение попыток прожить иллюзорную жизнь, которой никогда не жили! Мы делаем это, чтобы иметь то. Никто не живет спонтанно, в собственной непосредственной реальности; мы постоянно ожидаем нечто, что как бы откладывается напоследок, всегда "на потом", "когда-нибудь", в будущем где-то. Искусственность пожирается искусственностью. Процесс поглощает сам себя. Наиболее существенная разница между нашим миром и супраментальным миром (и лишь после того, как я сознательно побывала там, с сознанием, которое обычно действует здесь, стала я осознавать эту грандиозную разницу) заключается в том, что все здесь, за исключением того, что происходит очень глубоко внутри, кажется мне абсолютно искусственным. Ни одна из ценностей обычной, физической жизни не базируется на истине. Точно также, как мы приобретаем ткань и шьем из нее одежду, которую затем носим, точно также, чтобы питаться, мы берем пищу "извне" и засовываем ее внутрь наших тел -- ведь во всем наша жизнь искусственна. Настоящая, искренняя, спонтанная жизнь, как в супраментальном мире -- это появление вещей через действие сознательной воли, силы над субстанцией, которая лепит субстанцию в соответствии с тем, что мы ожидаем от нее. И тот, кто имеет силу и знание, может иметь то, что хочет, тогда как тот, кто их не имеет, не может использовать какие-либо искусственные средства, чтобы получить то, что хочет. В обычной жизни ВСЕ

искусственно. В зависимости от прихоти рождения и обстоятельств, ты занимаешь более или менее высокое положение или ведешь более или менее комфортабельную жизнь, не потому что это спонтанное, естественное и искреннее выражение твоей моды бытия и внутренней потребности, а из-за фортуны жизненных обстоятельств, приведших тебя в контакт с теми вещами... это абсурдный мир, потому что он искусственный. Любой идиот имеет больше силы, если у него есть средства достать необходимые искусственные приспособления. Тогда как в супраментальном мире чем более ты сознателен и чем больше ты находишься в контакте с истиной вещью, тем больше у тебя власть над субстанцией. Эта власть является настоящей властью. Если ты хочешь одежду, то должен обладать силой сделать ее, настоящей силой. Здесь, на земле, ни в одном из миллиона случаев власть не является выражением чего-то истинного. Все колоссально глупо.

Как верно!...

И само тело становится настоящим телом.

Тело даже принимает формы или оттенки или свето-тени, отражающее наше настоящее внутреннее движение; мы не можем притворяться и являемся тем, чем являемся. Но мы можем также меняться в зависимости от "тональности", состояния сознания или того, что мы встречаем. Могут быть дни, когда мы подобны птице-лире, в другой день мы можем струиться как серебряный каскад, или быть в плохом настроении... тогда мы просто не существуем. Бесконечно текущий мир, как живая музыка, выражающая меняющиеся тональности вечной души. Спонтанная иерархия света и красоты.

И больше нет смерти. Ведь умирает лишь то, что несознательно, что лишено внутреннего света. Наш мир отраженного света является смертным миром. Тогда как там свет внутри: сознательна сама субстанция, и она излучает свет собственного сознания. И как может свет перестать когда-либо быть светящимся!

Нечто в нашей теперешней материи затмевает истинный свет материи - что это?

Вуаль смерти над... нечто.

Возможно, мы уже поднырнули под эту вуаль?

Тогда остается установить контакт с этим "уже-по-другому".

Пересечь вуаль смерти.

Мистерия

Странно, это даже очень загадочно и, вероятно, составляет саму суть мистерии, но кажется, что существует два возможных и все же почти полностью различных способа задействовать переход от этого темного тела к новому телу, от этой ложной и темной материи к истинной и сознательной материи -- что Шри Ауробиндо называл "трансформацией". Может быть, эти способы не противоречат друг другу, возможно, они дополняют друг друга и где-то пересекаются. Если бы мы могли определить их или ясно их видеть, то значительная часть мистерии была бы приоткрыта. Но, прежде всего, это не арифметическая задачка, которую можно решить, подумав; это вовсе не ментальная проблема -- мы можем постичь ее ментально, но не на этом уровне она реально видима: именно в теле, там, где происходит переход, находится тот уровень, который мы должны понять. Это ли темное тело, это ложное тело, как обычно, собирается постепенно стать "разблокированным", освещенным, проясненным и озаренным в ходе эволюции? Или же это настоящая Материя, которая на самом деле уже существует, собирается выйти вперед, соединиться с той "старой" материей и заместить ее в ходе некоего процесса, который сейчас может показаться нам непостижимым, но, возможно, он чрезвычайно простой, почти мгновенный, как поднятие занавеса: некое изменение в сознании или изменение материального видения, нечто столь же радикально отличающееся, как видение бабочки отличается от видения гусеницы... В каком направлении собирается развертываться это явление: от нас или к нам? Будет ли это эволюцией или раскрытием? В определенном смысле вся эволюция есть раскрытие нечто, что уже содержится в семени. Но это раскрытие происходит медленно и кажется, что оно занимает собственное вечное время, чтобы перейти от одной формы к другой. И что это за "форма", в конце концов? Форма является

определенным выражением сознания, определенной модой бытия, и шаг за шагом мы идем к более широкому, более полному сознанию. Да, должен наступить некий момент, должно быть достигнуто некое "место стыковки" в эволюции, когда подходишь к "верху" того тотального сознания, когда оно готово воплотиться в достаточно утонченной материальной форме, подготовленной тысячелетиями эволюции -- когда, короче говоря, является значимым больше не вопрос изменения формы, а вопрос изменения сознания. Поэтому проблема заключается в том, чтобы узнать, позволит ли старая утонченная форма проникнуть этому сознанию, будет ли допущена эта старая темная "матрица", будет ли она "трансформирована" или... Здесь кроется тайна. Или что? Или само сознание непосредственно произведет новое тело?... Это кажется грандиозным заявлением. Все же, всегда именно так вещи "просачивались" в эволюции: изменение формы всегда вызывалось изменением в сознании -- именно потому что нечто в клеточном сознании рептилии было пробуждено к новой необходимости, именно из-за этого происходило изменение в материи. И это также является ключом к новому переходу. Мать ясно это сказала: Настоящая трансформация -- это трансформация сознания, все остальное последует автоматически. Шри Ауробиндо сказал то же самое в "Жизни Божественной":... Само сознание собственной мутацией вызовет необходимую мутацию в теле. И это не вопрос перехода к другой высшей форме той же самой темной материи, а к другой материи, возможно, той же самой, но не затемненной... сознательной. Так что опять же вся проблема заключается в том, будет ли это постепенная трансформация одного в другого или же растворение, можно было бы сказать, затемняющего момента? И что затмевает -- какой элемент? Если бы мы знали, то вся проблема, вероятно, была бы решена -- вот что вот что начало постепенно вырисовываться в ее теле несколько месяцев спустя. Но, в любом случае, именно изменение сознания производит новое тело, будь то путем медленного процесса прояснения или через внезапное развувалирование. И, вполне возможно, что эти два процесса пересекаются или накладываются друг на друга в некоторой точке, так что сначала должна быть достигнута некоторая степень внутренней ясности или должен быть преодолен некий порог, прежде чем может быть отброшена темная вуаль ложной материи. Но может ли она быть отброшена в единственном индивиде, не будучи сброшенной со всей земли? Это еще один вопрос. Материя ЕДИНА -- мы постоянно забываем это.

Все вращается вокруг этой точки: действительно ли это другая материя, неизвестная, невосприимчивая нашими грубыми чувствами, или же это та же самая материя, только проясненная и трансформированная? В одном случае мы находимся в сверхъестественном (или, в любом случае, в другой разновидности естественного) тогда как в другом это развертывание логической эволюции (или это нечто, принадлежащее будущей логике). Лично я полагаю, что это та же самая материя, только по-другому воспринимаемая -- но, прежде чем достичь порога "другого восприятия", требуется существенное изменение в нашей телесной субстанции "улучшенных обезьян". Что означает, что и здесь два процесса перекрываются. И что подразумевает этот порог другого восприятия? Когда мы воспринимаем нечто по-другому, мы воздействуем на него по-другому (микроскопы свидетельствуют об этом, они уже в значительной степени изменили нашу взаимосвязь с материей); если мы воспринимаем материю по-другому, то и воздействуем на нее по-другому -- но те, кто не имеют того же восприятия, не видят ничего, поскольку для них материя является той же самой темной вещью. Другими словами, с внешней точки зрения, мы очень даже могли бы по-прежнему относиться к материи, но имея другую связь с той же самой материей, имея связь, невосприимчивую остальными. Есть разграничительная линия, стена восприятия, которая должна быть преодолена. Все же есть тот же самый мистический переход, который, по-видимому, должен иметь отношение к коллективному переходу, коллективному восприятию. И что произойдет со старым телом, когда оно достигнет точки другого восприятия? Но как оно может видимо измениться, когда это "видимо" и есть то, что составляет наше ложное восприятие, наше старое восприятие материи? Или же, развив свое новое восприятие, возможно, даже создав новое тело, позволяя тем самым появиться новой

материи (невидимой для нас), старое тело отпадет, и его назначение будет выполнено? "Исчезаешь" в настоящей материи. Тогда останется только новое тело, которое станет видимым для всех лишь тогда, когда все равным образом пройдут через стену восприятия и сформируют и освободят в себе настоящую материю, которая явится следующим телом. Следовательно, поистине будут два мира, один внутри другого, континент внутри континента; оба равным образом материальны, но один оставлен позади, мы могли бы сказать, он устарел, окостенел, просто подвешен, а другой развивается под старой коркой.

Вот насколько можем мы продвинуться ментально. Теперь нам остается взглянуть на эволюцию этого процесса в Матери, в переживание ее тела, в плоть. Некоторым образом ее тело телом-свидетелем мира, эволюционным тиглем, живым примером того, что может прийти на смену -- что, возможно, поможет нам совершить переход. Она открыла нам переход в собственном теле.

Определенно, Лес Матери очень загадочен. Она сама раскрывала тайну, мало-помалу -- она сама не знала, сколь бесконечно загадочен этот лес, когда сама отправлялась в путь. Уже в 1958 году, после переживания супраментального корабля, она сказала детям: Когда я приглашала вас в путешествие в неизведанное, в это приключение, то сама еще не знала, сколь верными были мои слова, но могу обещать тем, кто готов отправиться в путешествие, что они сделают очень интересные открытия.

И это было только начало.

Улучшенное тело

Короче говоря, тело должно позволить появиться настоящей материи. Тело является эволюционным инструментом, средством, мостом. Оно должно создать "недостающее звено". Другими словами, до определенной точки оно должно оперировать в этой ложной материи, как она есть -- или, по крайней мере, какой она кажется -- как тело живет, чувствует и воспринимает материю; затем наступает момент, когда тело начинает воспринимать по-другому, и методы его действия меняются или должны измениться. По крайней мере, мы так предполагаем. Первая часть этого курса, которая кажется нам наиболее конкретной, потому что еще лежит в старой известной материи, является лишь подготовкой для совершения другой совершенно таинственной вещи, предлогом или средством достижения другого восприятия. Так или не так в действительности обстоит дело, мы на самом деле не знаем, ведь мы еще ничего не знаем: мы поймем процесс лишь тогда, когда мы, или одно существо, достигнет конца. Пока мы не достигли конца, мы не можем сказать, на какой стадии мы находимся. ПРИНИМАЕТСЯ В РАСЧЕТ ЛИШЬ КОНЕЧНАЯ СТАДИЯ. Так что лишь тот, кто придет через несколько сот или тысяч лет, сможет сказать, оглядываясь назад: была такая и такая стадия, такая и такая реализация... Это будет историей, исторической респективой событий. До этого мы все еще в движении и в работе. На какой мы стадии и как далеко сможем мы пройти? Лучше не спекулировать слишком много на этих вещах, потому что это тормозит тебя и препятствует должной работе. Лучше думать о работе и ни о чем более. Значит, это тело должно стать сначала более утонченным, более светлым, очищенным, и даже расширить свои ограниченные материальные восприятия, избавиться от своих старых животных привычек, выплыть из старой смертной рутины: должно возникнуть улучшенное тело.

Это ясное и простое ясное и простое фундаментальное Направление для плавания в неизведанном дано Матерью в нескольких словах: Это в направлении совершенного подчинения материи Сознанию. Она сказала мне это в 1973, так что это было нечто ясно виденное, виденное на опыте. Здесь чисто физическая дисциплина гимнастики, спорта и т.д. может играть важную роль, вот почему такое внимание она уделяла физическому воспитанию в Ашраме. Может также помочь более полное физическое мастерство хатха-йоги -- все средства хороши. Но, в действительности, микроскопический, ненавязчивый метод занятия определенной "позиции" по отношению к тысячи обстоятельств повседневной жизни является чрезвычайно богатым и фактически бесконечным источником для развития материи; мы уже говорили об этом, но это стоит повторять из-за нашей вынужденной

потребности механизировать все, что мы делаем, заставлять все проходить через некий механизм -включая даже механизм трансформации! Всякий раз, когда нам удастся внедрить в жест хотя бы немного сознания, мы ближе к цели, чем если бы за два часа мы подняли тысячи фунтов тяжести и затем любовались бы в зеркале за развитием своих мускулов -- следует развить мускулы именно материального нашего сознания. И это можно делать, даже чища зубы.

Таким образом, перед нами открыто грандиозное поле возможного развития. В анналах истории почти всех стран хранятся записи подлинных экспериментов, и если они кажутся исключительными, то эта исключительность может быть обобщена, это вопрос тренировки: контроль над функциями витального тела, над дыханием и сердцебиением; контролируемое распределение энергий во всем теле, концентрация энергий в одной точке, приостановка энергетического обмена, совершенный покой в трансе (или йогической каталепсии), возобновление энергетики путем черпания из вселенского источника через нечто подобное осмосу, или же, что еще лучше, черпание энергии из неистощимых регионов высшего сознания, и так далее. Все эти приемы естественным образом ведут к первой сущностной необходимости трансформации: иммунитет к заболеваниям и продление жизни по желанию, ведь весь процесс трансформации потребует, по-видимому, значительного времени, просто для того, чтобы добраться до стартовой точки.

Наряду с этим может помочь другое важное достижение, которое начинает коренным образом изменять перспективы тела и может в тысячи раз ускорить процесс трансформации: это открытие центров сознания или чакр, являющихся "передаточными станциями" вселенских энергий через различные планы нашего тела. В действительности, наши физические органы и разнообразные сплетения являются грубым выражением или материальными представлениями этих центров энергии. Вообще, все те тонкие струйки энергетических потоков, проходящие через эти полу-открытые центры, совершенно необходимы для рутинных функций нашего животного тела. Но если эти центры открылись, то больше нет пределов развитию тела, как заметил Шри Ауробиндо в "Супраментальной Манифестации на Земле". Новые силы, как и новые вселенские -- или, в любом случае, мировые -- средства связи затем появятся в этом маленьком теле, с этого момента уже связанного через свои центры со всеми возможными уровнями вселенской Энергии и Сознания; расстояния упразднены, видение распространяется повсюду, восприятие достигает всего; манипуляция энергиями и средства действия также простираются повсюду; даже функционирование органов может тогда измениться. Ведь очень может быть, -- говорит Шри Ауробиндо, -- что эволюционное побуждение дойдет до изменения материальной работы самих органов и их использования, и значительно уменьшит необходимость их инструментария или даже их существования. Центры сознания прольют свою энергию в материальные нервы, сплетения и ткани и распространят ее по всему материальному телу; вся физическая жизнь и необходимые ее действия в этом новом существовании могли бы поддерживаться и быть задействованными этим внешним агентом более свободным и широким путем и менее обремененным и ограниченным методом. Это могло бы пойти так далеко, что эти органы могли бы перестать быть совершенно необходимыми и даже ощущаться как нечто препятствующее: центральная сила могла бы использовать их все меньше и меньше и, в конечном итоге, полностью от них отказаться. Если бы это произошло, то органы эти могли бы просто атрофироваться, быть сведены к несущественному минимуму или даже исчезнуть. Центральная сила могла бы заменить их на тонкие органы самого различного характера или, если будет требоваться нечто материальное, на некие инструменты, которые явились бы скорее формами динамизма или пластическими передатчиками, чем тем, что мы знаем как органы.

Таково улучшенное тело.

Точка прорыва

Все это возможно... на шкале столетней эволюции. Субстанция становится более утонченной, и новоприобретенные характеристики могут передаваться по наследству --

нескончаемая история, та самая, которую мы болезненно переживали веками. В результате этой работы мог бы возникнуть некий супермен, не такой, каким мы его себе воображаем, с большим мозгом или даже большими мускулами, а с сознательным телом, бесконечно восприимчивым ко всем вибрациям мира, нагруженным тождеством, купающимся в тождестве, контролирующим силы и способным направлять поток силы в любую точку мира, чтобы лечить и помогать менее развитым братьям, чтобы влиять на обстоятельства, манипулируя вибрациями, которые создают эти обстоятельства, и внести немного порядка в этот болезненный хаос. Мы могли бы позавидовать этим достижениям, и действительно возможно, что частично вещи приняли бы такой оборот, потому что все возможно, и мы можем ожидать всевозможные промежуточные переходы, как это и было в каждой эволюционной фазе. Природа пытается сначала с одной формулой, затем с другой -- тысячи формул со своей модельной глиной -- и она производит всевозможные промежуточные формы, которые выживают или исчезают, расцветают или закладывают основу для другой, более законченной, лучше приспособленной формулы, пока она не достигнет того особенного перехода: Я думаю, -- говорила Мать детям, -- что все возможности предсказуемы и что всякое искреннее стремление и полное посвящение даст свой результат, и что люди, средства, переходы, трансформации будут неисчислимыми в их природе -- вовсе не так, что вещи будут делаться каким-либо одним особенным образом, а не другим.

Все же, этот "лабораторный" сверхчеловек, сколь усовершенствованным он бы не был, будет иметь то же самое старое тело, только улучшенное, которое все еще будет продолжать умирать подобно всем животным телам, даже если оно ухитрится отчасти продлевать свою жизнь почти по желанию или умирать почти по желанию -- потому что мир будет все еще в лапах Смерти, корень Смерти будет все еще там, неизменным, мы только обречены на то, как-то перехитрить Смерть... на время, пока некий непредсказуемый крючок не вонзится нам в пятку на берегу маленькой реки. В действительности, этот "завидный верх" выглядит скорее как некое раздутие человека -- а Природа редко когда стремится бесконечно раздувать один и тот же вид -- нечто подобное космической конечной точке старой аристотелевской прогулки; возможно, мы даже могли бы собрать вместе всех мировых идеалистов, встряхнуть их как следует и вывести идеальный вид -- который Природа, конечно же, попытается реализовывать, потому что она очень услужлива, ведь она оказывает поддержку каждому сколь-нибудь искреннему капризу... пока. Но, на самом деле, пока есть Смерть, ничто не может быть очаровательным. Пока умирает хотя бы один человек, нечто будет немного умирать и в нас и страдать вместе. И жить триста лет в одном и том же ящике с костями... ради чего? Из-за оравы детей, которых, не понятно еще, можно ли улучшить? Возможно, нам больше не будет нужно копить банковские счета и заполнять свои библиотеки, потому что, возможно, мы изобретем более справедливое социальное устройство и менее тяжелые средства познания, чем наши мозговые библиотеки. Все это вполне возможно. Но тогда что же? Есть нечто, называемое Смертью, что подобно истоку всей отравы в мире, и кажется, что пока тот исток не устранен, мир будет снова и снова отравляться в той или иной форме, возможно, непредсказуемым сегодня образом, но, в конечном итоге, он расстроит все наше знание и всю нашу мудрость и все наши "улучшения". Гниль не может быть улучшена. Есть некое основание гнилости мира, которое будет разлагать все, несмотря на все человеческие или сверхчеловеческие усилия, которые мы накладываем на него.

Единственной мировой проблемой является Смерть.

Это единственный корень, который должен быть вырван.

А тем временем, мы движемся кругами, все кругами и кругами, и иногда это железный круг, иногда - золотой, но мы движемся кругами, мы движемся кругами, и дети будут двигаться кругами, и внуки будут двигаться кругами -- и это все будет и будет продолжаться. Как хорошо она сказала.

Если бы мы знали чем на самом деле является Смерть, то проблема была бы решена на три четверти, потому что бы мы знали, как с ней обращаться, вместо того, чтобы вводить

пеницилин в явление, которое полностью ускользает от нас. Смерть не там, где мы думаем. Где же тогда Смерть? Где она притаилась?... Она прямо здесь, перед самым нашим носом.

Возможно, курс Матери ведет через нее.

И действительно, Мать и Шри Ауробиндо видели другой вид, другое тело, другую субстанцию -- другой вид материи, больше не подверженный правлению Смерти. Супраментальный мир. Они видели его, он существует. Но как добраться туда?... Возможно, надо просто пройти через Смерть? Но тогда где же она? Где Смерть? Смерть не в трупe, она начинается задолго до него: она повсюду. Труп -- это просто итог. Болезнь -- это просто результат. И вся глупость мира, все сумасшествие мира вытекает из из... нечего. Так что, в самом деле, если мы должны ждать веками и веками и улучшать улучшенное тело, чтобы достичь заветного порога и вступить в другую Материю... тогда это ужасно. Боль этого мира ужасна -- геометрическая и катастрофическая прогрессия боли, почти столь же ужасающая, как число маленьких детей, которые все множатся и множатся по пыльным дорогам Индии. Это не возможно. Мы все чувствуем, что быстро приближаемся к точке не-возможного. Нечто должно взорваться, нечто должно измениться, повернуться. Нам не нужен супермен, поистине, нам нужно НЕЧТО ИНОЕ. Нам не требуется улучшать или нормализовать нашу гнилость, нам нужно выбраться из нее, задышать другим воздухом. Но поскольку мы не верим в небесный рай, потому что эволюция не верит в небесный рай, она верит в землю -- вот даже почему она сначала создала землю -- нечто должно произойти в этой материи! Не через столетие, а сейчас -- это не терпит отлагательств.

Но что?

Мы должны добраться до настоящей материи, поскольку она здесь, но что скрывает ее, что препятствует переходу?... Мы не можем больше ждать. Мы не можем ждать, когда откроются миллионы и миллиарды глаз мира, если это только вопрос изменения восприятия. Ведь кто же прочистит те миллионы глаз, которые по большей части даже не хотят прочищаться, которые даже радуются своей грязи? Мы не можем, нет, мы не можем больше выставлять нескольких элитных существ, которые служили бы примером миру -- у нас больше нет времени! Большая вселенская Смерть стучится в нашу дверь. Удушение до крайности удушающее; почти что требуется героизм, чтобы продолжать жить в этом мире, если ты хотя бы немного пробужден. Так что же тогда? Этот вопрос почти терзающий, когда мы живем с широко открытыми глазами, с глазами, которые видят и касаются нищеты повсюду, с клетками, которые чувствуют нищету повсюду.

Но затем Мать ушла; она пыталась. Преуспела ли она или провалилась ее попытка, наша попытка, поскольку все бытие играло в клетках ее тела? Она была мировым тиглем, нашим мостом, нашим переходом через... Чего она достигла? Достигла ли она чего-то? Открыла ли она проход? Если бы мы знали это, то, возможно, это помогло бы нам полностью открыть проход: это как если бы дверь была здесь, перед нами, почти в самом воздухе, которым мы дышим, мы можем чувствовать это, и этого было бы достаточно, чтобы увидеть, где дверь. Явление должно прийти к нам; это единственно возможная надежда, поскольку ни один из миллиона не готов к тому, чтобы сделать искреннее усилие дойти до конца леса -- даже до кромки леса -- и все же, с нашей стороны должно быть предпринято какое-то действие, которое откроет дверь, если бы мы только знали, где она -- если бы мы понимали, где она.

В этом смысл нашего совместного путешествия по этой книге, как через Смерть, как если бы к двери надежды для мира.

Мы должны найти дверь.

Свершится ли это постепенно или внезапно явится нечто новое? Будет ли это постепенный переход от того, чем мы сейчас являемся, к тому, к чему устремляется наш внутренний дух или же случится прорыв...? Будут ли человеческий вид подобен другим видам, которые исчезли с лица земли?

VII. КРИШНА В ЗОЛОТЕ

Но разве современная катастрофическая акселерация не является просто результатом

ускорения "другой вещи"? Явлением, заставляющим нас быстрее идти? Мы всегда смотрим в неправильном направлении, мы всегда видим "против", тогда как нет ничего, кроме "для". Весь мир с его миллионами aberrаций или "правильных направлений" движется всего лишь в одном направлении, движется равным образом как через aberrации, так и не-aberrации -- ведь, в конечном итоге, мы вовсе не знаем, что происходит на самом деле, мы актеры в фиктивной игре, здесь, снаружи, под звездами, тогда как нечто совершенно другое движет нами изнутри. Мы практические и прагматические требования действия ради идеальных и моральных целей, потому что каждая частная ситуация вынуждает нас действовать "за" или "против", но все это лишь шаги, направленные к другой цели, далеко превосходящей все наши идеалы или моральные спекуляции. Когда мы однажды это увидим, то будем вылечены раз и навсегда от обмана видимости, и сможем начать оценивать проблему на мировой шкале -- и видеть стремительный спуск Другой Вещи в хаосе видимостей и путем всех средств. На самом деле этого еще не было в 1950, но с 1956 в мир уже вошел новый факт, который меняет все существующие условия и придает им значительное ускорение. Мир изменился. Он поистине и радикально изменился -- мы не имеем представления, сколь радикально. Должен произойти взрыв видимостей перед нашим лицом, прежде чем мы начнем понимать.

В 1958 году тот мир был еще очень молод, ему исполнилось только два года. Мать открывает его шаг за шагом -- или, возможно, следует сказать, "рас-крывает". Она снимает покров или крышку. Я припоминаю одно замечательное видение молодой, совсем юной индианки, дитя Матери, которая сама не очень-то хорошо поняла, что видела, потому что никто в то время не мог по-настоящему понять его значение -- но сейчас это довольно очевидно. В своем видении она была с одним очень "важным" джентльменом, одетым "с иголки", статным, носящим величественную шляпу (этот джентльмен был Разум), а сама она была очень юной, ребенком не старше десяти-двенадцати лет. Оба они внезапно оказались перед дверьми храма. Было ясно, что этот джентльмен не собирался входить внутрь, но поскольку ключи были у него, то они вошли вместе. В этом храме спокойно сидел на своем троне Кришна, ребенок Кришна, очень маленький, с аурой голубого цвета, как он обычно и описывается в индийской мифологии (голубой цвет -- это цвет разума, а Кришна -- символ высших областей разума), и он был очень подвижным и улыбающимся. Как только он увидел юную девочку, то тут же встал, подошел к ней, взял за руку, и несмотря на протесты статного джентльмена, они вышли наружу... в мир. Кришна не доходил девочки и до подбородка. И вместе они пошли рука об руку: "Подожди, я покажу тебе кое-что..", сказал он с чарующей шаловливой улыбкой, на которую был способен один только Кришна, - "мы весело проведем время". Так они и пошли, а по мере того, как они гуляли, мирный народ начинал ссориться, в городах возникала неразбериха -- он сеял хаос повсюду, смеясь все время. В некотором замешательстве девочка повернулась к нему, и внезапно увидела, что вместо того, чтобы смотреть на Кришну сверху-вниз, теперь она смотрит на него снизу-вверх! Ее Кришна стал очень высоким -- он даже изменил цвет! Кришна был в золоте! В плотном золоте, и все же светлым, улыбающимся, очаровательным, резвящимся с ней по миру. И он все продолжал расти, расти и расти. И по мере того, как он рос, хаос все увеличивался, увеличивался и увеличивался. Наконец, видя хаос повсюду, величественный, а теперь негодующий джентльмен попытался снова запретить Кришну в его храме (храме Разума), так чтобы ему поклонялись так, как положено, под замком, чтобы Кришна не сеял хаос. И Кришна внял просьбе джентльмена, все еще держа руку девочки в своей. Но когда они вернулись к дверям храма, он сказал ей с улыбкой в краешках глаз: "Я покажу тебе кое-что...". Кришна в золоте вошел в храм и начал расти, расти и расти, так что разнес на кусочки купол храма! Его голова прошла прямо через верхушку храма; затем, смеясь, он вырвал стены храма голыми руками, переступил через руины, переступил через джентльмена, оказавшегося под развалинами, и... видение девочки закончилось с грандиозной вспышкой смеха.

Божественный смех нового мира.

Золото -- это цвет сверхразума.

Кришна в золоте растет среди нас. Берегите храмы.

А что это за видение? Это трансляция на визуальном языке того явления, которое может быть видно на всех языках, на всех уровнях, и ему может быть дано столько же объяснений, сколько есть уровней. Вся проблема заключается в том, чтобы видеть вещи на правильном уровне. Что касается Матери, то она видела вещи на уровне собственного тела или, скорее, именно тело видело вещи, это не было символической трансляцией "нечто" на микроскопическом уровне или уровне разума или сердца, это было само живое явление, в собственной среде. Потому что в конечном итоге есть только одна вещь, которая по-настоящему понимает, и это материя, тело - все остальное только трансляции. Но тогда какая же материя?

Это переживание становилось все более явным или рас-крытым, как всегда. Год 1958, последний год перед великой поворотной точкой и "уединением" Матери, чтобы погрузиться в собственное тело (как Шри Ауробиндо в 1926), отмечен двумя переживаниями или, скорее, тремя, поскольку одно произошло немного раньше 1958 г. Эти переживания можно было бы обозначить как A2, G3, C4 и т.д., как лабораторные эксперименты, потому что каждый опыт вызывает целую линию опытов определенного типа: A1, A2, A3 и т.д., которая обычно начинает пересекаться с другой линией: B1, B2, B3 и т.д., чтобы образовать в конечном итоге целую сеть опытом с определенными, более выраженными линиями и кривыми. Есть тысячи таких опытов, и они являются лишь началом громадной диаграммы, на которой постепенно вырисовывается новая конфигурация мира.

Или, возможно, новая конфигурация Матери.

Но когда вы посреди опыта, то даже не знаете, что "X ведет к Y" или "Y ведет к Z", вы даже не знаете, каким путем все следует; это просто происходит. Происходит именно "нечто". В последствие мы приписываем этому смысл, или пытаемся приписать, но в то время это не имеет никакого смысла: вы погружены в "ванну", которая производит различные модификации сознания тела, что достаточно загадочно, пока не повторится тысячи раз. Иными словами: A2+V4+... производит X0. А в X0 ответвляется новая ветка. Но вы не можете быть уверенными ни в чем, пока не достигните конца, потому что, как говорила Мать: "Принимается в расчет лишь последняя стадия." И что тогда на пути, а что нет? Что важно, а что неважно? Пропущенная пылинка могла бы, возможно, содержать весь ключ к мистерии.

Очень трудная диаграмма. Потому что, будь новый мир уже объяснен, он больше не был бы новым!

Хрупкое тело

Действие, развитие и влияние этой новой Мощи постепенно становилось более отчетливым в теле. В теле, являющимся неким "представительным объектом" мира, как она говорила, чтобы проверить, сможет ли эта Мощь расти там и быть рожденной этой земной субстанцией, и оттуда распространяться на всю Материю. Новую Мощь всегда трудно переносить; если бы поток ментальной энергии внезапно вылился бы в мозг обезьяны, то сама темнота субстанции мозга создала бы такое сопротивление и трение, что бедная обезьяна лишилась бы чувств или оказалась бы в глубоком шоке. Поэтому опыты как бы отмеряются, "количество" или квант сверхразума манифестирует постепенно, по мере того, как очищается тело или приспосабливается к нему. Сначала это чувствовалось, как некая пульсация в клетках, нечто, что оставляет восприятие или ощущение или впечатление... крайне странное и новое. Во втором переживании (Было ли оно вторым? Ведь на самом деле мы не всегда знаем, когда начинается "переживание": есть тысячи маленьких ненавязчивых и едва воспринимаемых контактов, подобных разнице в воздухе или некоему особому, ускользающему впечатлению, и они приходят снова и снова, постепенно и как бы незаметно подготавливая субстанцию - на самом деле, переживание разворачивается постоянно.), в это время, однако, несколько супраментальных "черт" намеревались проступить более отчетливо: Супраментальная сущность полностью завладела мной, - замечает Мать, - нечто немного большее, чем я сама... И действительно, переживание всегда создает впечатление

расширения за границы тела, как если бы границы не кончались там, где мы думаем, или где мы ощущаем их; тело -это как некий застывший и отвердевший объект, подобный маленькой оцепеневшей кукле или чопорному актеру: марионетка. Нечто немного большее, чем я сама: ступни уходили ниже моих ступней, а голова немного возвышалась над моей головой. Прочный блок... один единый кусок. И он был плотнее моего физического тела. Мы часто будем сталкиваться с этой особенной чертой. Еще в Тлемчене, пятидесятью годами ранее, Теон уже говорил -- и Мать восприняла -- о "субстанции, более плотной, чем физическая материя". Чем в точности является эта плотная материя, мы сейчас не знаем, но это факт. Упанишады действительно упоминают о "плотном сознании", чидхана, но это только "сознание" -- пока это сознание не стало материальным и не сконденсировалось подобно облакам примордиального газа в атмосфере первозданной земли? Поэтому настоящая Материя, очевидно, "плотнее", чем та, которую мы воспринимаем своими чувствами... Возможно, будущий опыт прояснит нам это. И внутри той плотности физическое тело чувствуется почти нереальным -- как бы хрупким -- подобно осыпающемуся песку.

Очевидно, если супраментальную субстанцию можно формировать тем путем, как мы видели, и если формы эти можно изменять по желанию, тогда видимая твердость материи, как мы воспринимаем ее, должна будет исчезнуть. Само тело должно начать воспринимать себя иначе, чтобы иметь возможность по-другому обращаться со своей субстанцией. Пока тело чувствует себя жестким и твердым, оно не может быть ничем, кроме темного и неизлечимо смертного куска материи. Тело невероятно подвержено собственному самовосприятию, оно как будто бы загипнотизировано собственными ощущениями: они представляют для нее истину, во многом так же, как справедливость и правосудие составляют истину на ментальном уровне... и все же мы знаем, сколь очень хрупкими, неустойчивыми и переменчивыми являются эти истины. Поэтому тело должно научиться воспринимать себя по-другому, если хочет получить хотя бы малейшую надежду на изменение -- короче говоря, оно должно утратить свою привычку ложной материи и ложные ощущения ложной материи: Восприятие должно ПРЕДШЕСТВОВАТЬ материальной трансформации, - сказала Мать. Когда тело начнем понимать, что вещи могут идти по-другому, это будет великой революцией, даже еще более великой, чем та, что произошла в головах, узнавших, что это земля вращается вокруг солнца, а не наоборот. Но что поистине замечательно в этом теле, это то, что меняется весь способ бытия, как только тело узнает нечто, как только новое знание просачивается на клеточный уровень, тогда как мы можем смешивать в своих головах хоть миллионы идей и космогонических теорий, без того, чтобы жизнь изменилась хотя бы на йоту. Для тела знать означает быть способным делать. Всякий раз, когда вы точно воспринимаете деталь, это значит, что вы готовы ее реализовать... Сознание тела может знать вещь точно и во всех деталях, только когда эта вещь находится НА ГРАНИ реализации. И это будет надежным показателем. На самом деле тело не рассуждает, оно чувствует, может или не может что-то сделать, погрузиться или не погрузиться, прыгнуть или не прыгнуть: тело является "мостом", именно тело воспримет возможность своего следующего способа бытия. Таким путем тело Матери начало воспринимать себя пористым или "хрупким", проницаемым. Но требуется много повторных переживаний, чтобы все клетки знали это.

Таков базис для процесса супраментальной трансформации.

И это излучается от меня, - заключает Мать. Мириады искорок, пронизывающих каждого... Я начинаю видеть, каким будет супраментальное тело.

Начал появляться свет материи. Мириады мельчайших искр. И все же оставался вопрос: что же вуалирует это?

Сокровище в скале

Другое переживание, в июне 1958 года, еще более важно, поскольку оно разбивает все наши попытки выдумывать явление (вот что плачевно: мы выдумываем явление). Это переживание произошло в ванной комнате Матери, в этом прозаическом месте, как будто бы показать нам, что вовсе не обязательно сидеть в медитации со скрещенными ногами или

находиться в созерцании, чтобы участвовать в переживании подобного рода. Такие переживания происходят в наиболее банальном из всех банальностей -- но конечно же! сверхразум не на небесах; банальное перестает быть банальным. Мать сказала об этом с восхитительным чувством юмора: Если ты хочешь иметь материальные переживания, то должен находиться в материи! И любопытно, что это ее самое материальное переживание явилось повторением, но теперь уж в материи, некоторых божественных переживаний, которые можно иметь вне материи, в глубокой медитации, вне тела, в состоянии так называемого экстаза, на вершине сознания -- это были небеса, погруженные в материю, иными словами! Внезапно вспоминаются слова древних Риш Вед, которые нашли "Сокровище небес, сокрытое в тайной пещере, подобно птенцу -- это Сокровище в бесконечной скале" [I.130.3]. А здесь была не скала, а бутылочки с водой для полоскания рта! В конце концов, бутылочка сделана из материи, как и мы сами. Теперь же внезапно все те бутылочки и все предметы в ванной? включая тело Матери, начали вибрировать странной, сознательной жизнью, жизнью без деления и столь гармоничной, стали миром, столь точно и компактно организованным и светлым, что ни один атом дезорганизации не мог встретиться в той Гармонии. Все объекты в ванной комнате были полны радостного энтузиазма -- все подчинялось, все!... Все время, пока длилось это переживание, было абсолютно невозможно иметь хоть малейшее расстройство в теле [Матери нездоровилось в то время], и не только в теле, но и во всей окружающей материи. Было так, как если бы каждый предмет подчинялся, даже не решая подчиняться: все происходило автоматически. Во всем, неизменно, была божественная гармония. Если бы это установилось навечно, БОЛЬШЕ НЕ МОГЛО БЫ БЫТЬ болезней, это было бы невозможно, больше невозможны были бы несчастные случаи, больше не было бы расстройств, и все вещи были бы гармонизированы (вероятно, постепенно), как раз так, как они были гармонизированы тогда. Была приподнята вуаль над материей. И автоматически все оказалось в порядке, гармоничным: нет болезни, нет несчастных случаев, нет стычек. Все отвечало. Некое тождество в материи, частью которого являлось тело (ничуть не меньшей частью, чем все остальное). И сознательной материи, которая отвечает всему и отвечает себе везде, без отделения. Но ведь эта материя не стала сознательной из-за внезапного прикосновения волшебной палочки, не так ли?... Вероятно, это мы внезапно начали осознать нечто, что всегда было таким образом, и произошло это благодаря некоему открытию или "развуалированию" в нашем сознании. Но, небеса, начать осознать это -- бесценный шаг! Потому что если это на самом деле устроено подобным образом, тогда целый диапазон нового сознательно воздействия на материю становится возможным -- на всю земную материю, ведь где же материя кончается? На какой границе она кончается, если не на границе, сделанной нашим маленьким мозгом? Прямое обращение материи самой с собой, будь то тело Матери или бутылочки или какая-либо близлежащая или отдаленная материя. Я действительно чувствовала, что это было первое переживание, то есть, новое на земле. Потому что еще с 1910 года я имела переживание полного тождества индивидуальной воли с Волей божественной, оно никогда не оставляло меня... [Мы действительно могли бы вообразить, что это некая высшая Воля или высшее видение по-разному взирает на материю со своих высот и по-разному на нее воздействует, через некий божественный указ.] Это не так, это НЕЧТО ИНОЕ. Именно Материя, становящаяся Божественной. И это переживание действительно пришло с чувством, что это происходит на земле впервые.

Мы гадаем, не "Божественное" ли это посетило первого гоминида в виде волны мысли, которую он почувствовал как странную маленькую вибрацию, приглашавшую его натянуть кусок лианы на изогнутую палку, чтобы смастерить лук. Но здесь же странная маленькая вибрация появилась в материи (даже в бутылочках для полоскания рта) и она не приглашала никого взять один кусок материи и добавить его к другому, чтобы добиться какого-то результата -- нет, нечего было добавлять, нечего соединять, не было внешней манипуляции: сама материя двигалась, отвечала себе, взаимодействовала с собой и производила свои результаты. В чем-то похоже на то, как сандали Мадам Теон, которые сами шли к ее ногам:

вибрация одного куска материи (сандали) отвечала на вибрацию другого куска материи (Мадам Теон), потому что это та же самая сознательная материя. Это больше не божественное откровение на вершинах Нирваны в некоем убаюкивающем сознании, а божественное откровение... в бутылочке для полоскания рта (А почему бы нет? Разве силикат менее благороден или менее материален, чем спящий мозговой фибробласт?).

Материя, становящаяся Божественной...

Только подумайте об этом, это ошеломляющий поворот, потому что он сводит вниз (извините за игру слов) все религии и все духовности мира. Это революция даже более значительная, чем революция Коперника. Если небеса в материи, то куда мы бежим, куда мы убегаем? И что представляет собой все их чудесное космическое, нирваническое и небесное сознание? Короче говоря, мы как человеческие существа были слишком непрозрачными, чтобы иметь какой-либо доступ к этой "Вещи", которую мы называем "Божественностью" или "Богом" или "Всевышним Сознанием", кроме как через маленькое открытие в наших разумах, через маленькую дырку в оболочке -через которую мы прорываемся на небеса. Аминь. Но это просто наша собственная эволюционная "толстокожесть" скрывает от нас то, что было здесь везде, материально здесь, Бог под самыми нашими ступнями (и в наших ступнях и не только в них - он также в бутылочках для полоскания рта). Хотя слово "Бог" напичкано такой ложью, что, может быть, лучше забыть его; иногда можно подумать, что Бог -- это самое изощренное изобретение дьявола -- вот почему они идут вместе! Ведь кто тогда этот всемогущий демиург, управляющей землей с высоты своих небес? Такие представления о Боге весьма наивны и возмущают любой светлый разум, пусть даже этот бог время от времени посылает вниз своего сына, чтобы расхлебывать всю эту "кашу", произошедшую после творения -- ведь если не этот бог создал все, тогда кто же? Что же, можно вся списать на дьявола, и так они и идут рука об руку, два неразделенных и неразделимых компаньона; можно только гадать, кто чей отец. Но мы проходим через это противопоставление на отцов и "других", будь это "Боги" или "Дьяволы", как и через куски материи, разделенной по маленьким телам, и великие небеса, парящие над старой неизменной гнильностью земли. Эта эволюционная "каша" была, возможно, предназначена для того, чтобы вести один вид, каким бы он ни был и какими угодно средствами, к той точке, где он был бы вынужден искать собственный божественный секрет в материи. Возможно, мы вступаем в царство божественного единства в материи, без деления на "других", без расстояний, без удаленности. Возможно, мы начинаем близко подходить к ключу, который изменит Смерть. Потому что если эта материя сознательна, если эта материя божественна, тогда она не может умереть -- сознание не умирает. Умирает только несознание. Только наше несознательное видение порождает смерть, точно также, как оно было вынуждено сотворить богов и рай, чтобы заместить ими то, что оно не может видеть со своим телом. Теперь тело увидит, и видя, оно сможет действовать.

"Сокровище в бесконечной скале."

Но что заставило Мать внезапно увидеть ту божественную вибрацию в материи (подобно Ришам примерно семь тысячелетий назад; по-видимому, только избежали всеобщей аберрации)? Что явилось переключателем? Какая вуаль была снята? Нам, конечно же, хотелось хоть что-нибудь знать об этом маленьком переключателе, разве не так? Тот внезапный божественный микроскоп, который изменил поведение материи. И даже такое представление неправильно, потому что это не "инструмент", не сверхмикроскоп, не нечто вне материи дает нам другое видение материи -- это сама материя воспринимает себя этим образом, какой она является на самом деле, своими собственными глазами. Именно клетки Матери, ее тела, внезапно восприняли все по-другому. Именно в своем теле она внезапно заметила, что объекты отвечали, точно так, как в своих головах мы внезапно можем заметить вибрацию, сигнализирующую о присутствии Петра или Джона. Но что включило это новое восприятие? С ее глазами ничего не произошло (или, скорее, с ее глазами это тоже произошло). Это было сознание оттуда, воспринимающее сознание здесь, в совершенной непрерывности, как если бы внутри одного и того же великого тела.

Мать дает нам частичный ответ. Она объясняет "почему", но не "как" (по той простой причине, что она сама, вероятно, еще не знала, как все произошло): Это последнее переживание явилось результатом нисхождения супраментальной субстанции в материю. Только эта субстанция -- что было введено в физическую Материю -- могла осуществить это. Это новое воздействие (как бы закваска). Да, возможно как капля каустической соды, добавленная в пробирку с темным йодом: все стало светлым. Сверхразум -- это то, что проясняет материю, что делает материю единой, точно также, как разум -- это то, что делит материю на миллионы кусочков... лишь для того, чтобы неуклюже попытаться воссоединить их затем с помощью мозговой волны. Но это еще не объясняет, как возникает явление: что порождает вуаль? Если бы мы смогли понять механизм вуали для всей земли, то это была бы наиболее грандиозная революция за все времена. Это была бы новая земля. И Мать продолжает: С материальной точки зрения, он [Сверхразум] снимает с физической Материи некий ее тамас и несознательную тяжесть; с психологической точки зрения -- некое неведение и ложь. Материя очищается... Устраняется некое несознание, вуаль несознания. Но, определенно, это пришло лишь как первое переживание, чтобы показать, какими вещи будут. Поистине это состояние абсолютного всезнания и всемогущества в теле. И оно видоизменяет все окружающие вибрации. "Всезнание", "всемогущество" -- это несколько пугающие слова, но, вероятно, это просто реакция нашего старого пути с "мешками-из-костей", потому что если тело, одно тело, начинает осознавать сознание материи, то оно начинает осознавать полное тело, то есть, все становится одним единым телом, своим собственным телом, и не будет ничего удивительного в том, если оно начнет осознавать то, что происходит в любой части его собственного тела, а также то, что оно воздействует на любую часть собственного тела. Все это ЕДИНО, бутылочки для полоскания рта и все остальное. Гонг-Конг и Нью-Йорк.

Мы увидим...

Но эти сознательные бутылочки для полоскания рта поднимают один интересный вопрос и, возможно, нашептывают нам первый невиденный ключ (пожалуйста, простите, но во всем этом должно быть также немного юмора, потому что если мы будем везде вносить нашу человеческую серьезность, то, несомненно, упустим смеющуюся радость материи, уже достаточно скрытую веками "научной" тяжести и гравитации). И все же это очень серьезно, но радостно серьезно, светло серьезно, наконец! Что за ужасную тяжесть мы тащим за собой со времен Гиппократы и терний Иерусалима! Так что, если упомянутые бутылочки были сознательны, то почему же не мы? Нам следовало бы достичь этого раньше, разве не так? В действительности, потому что, вероятно, было задето мое достоинство как высшего млекопитающего, то я задал этот вопрос Матери. И она сразу же ответила (и вот где наши глаза начинают широко открываться перед нечто совсем неожиданным): Я убеждена, что в растениях, например, или в животных отклик будет гораздо скорее, чем в человеке. Будет гораздо труднее воздействовать на очень организованный разум; существа, живущие в полностью кристаллизованном и организованном ментальном сознании, тверды как скала! Есть сопротивление. Из своего опыта я знаю, что то, что "несознательно", определенно, откликнется быстрее. Так называемая инертная материя обладает гораздо большей готовностью "ответить" -- гораздо большей, она не сопротивляется. Было восхитительно смотреть на воду, текущую из крана, на жидкость для полоскания в бутылочке, на стекло, полотенце -- они все парили в воздухе радости и согласия! Там гораздо меньше эго, ты понимаешь, это не сознательное эго. Эго становится все более и более сознательным и сопротивляющимся по мере развития существа. Сначала откликнутся очень примитивные и простые существа, подобные детям, потому что у них нет организованного эго. Но все те большие умники, те люди, которые работали над собой, которые сделали самих себя, кто организован, кто имеет эго из стали, для них это будет трудно!

И внезапно человек предстал громадным искусственным творением посреди "нечто", что разворачивается в мире самым естественным образом; нечто подобное существу, замкнутому в думающий аквариум, через стенки которого он не видит ничего и не чувствует

ничего из того, что на самом деле происходит, который гордится "знанием" всего, но на самом деле смехотворным сплетением неомощности, искусственно действующим на свои искусственные приспособления, видимые через искусственные глаза. Мир -- это нечто иное. То, что "несознательно", откликнется с большей готовностью. Наше так называемое сознание является вуалью. Материя более сознательна, чем мы -- гораздо полнее в своем сознании, чем мы; только она не знает, как сказать это, она не пишет толстых томов, чтобы передавать нам ложное знание. Она согласна жить, что в точности ускользает от нас. Все же то, что кажется нас столь печальным, является нашей величайшей надеждой, потому что если будущее вида полностью бы зависело от нашей ментальной "приверженности", нашей общей человеческой приверженности, тогда не было бы никакого другого выхода, кроме как ждать окончательного и неизбежного крушения вида, который твердо придерживается только собственной глупости; но именно сама материя, сознательная материя, устремится прежде нас и взорвет видимости перед нашими изумленными глазами -- Кришна в золоте растет среди нас. Более того, если наше ментальное сознание является действительно вуалью, вуалью над нечто иным, что предстает истинной Материей, сознательной Материей, тогда мирового зла по сути нет нигде, кроме как в вуали. Зловещая вуаль, вуаль смерти покрывает мир. Но вуаль может быть сдернута! Смерть не присуща миру, зло не присуще миру, мир не был рожден вместе со злом и смертью, это нечто добавленное к нему -- вероятно, это преходящий эволюционный прием, чтобы помочь нам осознать самих себя (хотя бы болезненно) как индивидов -- но если мы устраним эту вуаль, то смерти больше не будет, зла больше не будет. Если материя сознательна, тогда в сущности ничто не препятствует тому, чтобы быть ей бессмертной, нечто иное порождает смерть -- несознание порождает смерть, ментальная вуаль создает смерть. Нам не нужно путем сверхчеловеческих усилий обретать некие способности, которых мы еще не имеем: эти способности здесь, эти возможности здесь, бессмертие здесь, совершенство здесь -- только закрытые вуалью.

Сверхразум -- это то, что постепенно разрушает вуаль мира, не смотря на нас.

За вуалью находится божественный, бессмертный человек (в сущности, в конце, Шри Ауробиндо говорил о божественном теле, а не о божественном человеке, как если бы предположить, что тело поймет лучше и скорее, чем мы). И доказательство -- я имею доказательство, потому что переживала это сама -- состоит в том, что в ту минуту, когда ты находишься в другом сознании, истинном сознании, все те вещи, которые кажутся столь реальными и конкретными (все так называемые физические законы, причины, следствия и последствия, все, что наука открыла физически и материально) меняются мгновенно. Это переживание не длилось достаточно долго, чтобы изменились все вещи, но определенные вещи изменились безвозвратно, они остались измененными. Иными словами, если бы то сознание удерживалось постоянно, то это было бы состояние вечного чуда -- фантастического и вечного чуда. Но с супраментальной точки зрения, это вовсе не было бы чудом, это была бы самая обычная вещь.

Фантастическое изменение реальности -- наша дверь.

То, что мы называем конкретной реальностью, является ложной реальностью.

Теперь нам остается понять механизм вуали. Это следующая история Матери.

Все ли мы будем делать ее, или будут некоторые аварии?

Всемогущая пружина

То "Сокровище в бесконечной скале" намеревалось и дальше раскрывать свою природу, свою силу и тайник -- или, скорее, то, что скрывает его -- в третьем переживании, в ноябре 1958 года, как раз за месяц перед великой поворотной точкой в жизни Матери. Я пытаюсь здесь очень неуклюже (я полностью сознаю это) расшифровывать на плохих образах то, что принадлежит завтрашнему языку, на тех образах, которые, вероятно, кажутся столь же непонятными, какой могла бы показаться детская таблица умножения человеку Каменного Века. Но есть факт. Мы должны схватить этот факт. Мы не мистики, а только стараемся изо всех сил прозреть реальность, что трудно для наших чувств как детей нового мира.

То переживание произошло в ходе одного из последних "занятий по средам" ["Wednesday classes"]. Мать сидела там, перед той всей аморфной массой, которая внимала вежливо, уступчиво; но затем жить продолжалась как и всегда, вы понимаете, и они были там на чудесном лугу света, пасясь там и пережевывая корм; они даже задавали вопросы, которые могли бы заставить вас подумать, что разум не так уж и плох в конце концов, и Мать, подобно Шри Ауробиндо, могла бы продолжать говорить сотням тысяч классов, вместо того, чтобы писать сотни тысяч писем, как Шри Ауробиндо, но Ашрам при этом не сделал бы реального прогресса. Вот что Мать начинала осознавать. Ее интересовала не проблема Ашрама, а проблема мира: Я пришла на землю не для того, чтобы создавать Ашрам! Действительно, это была бы слишком мелкая цель... И позднее она сказала мне: Там, на Плэйграунде, я должна была бороться, чтобы найти хоть некую восприимчивость... Эта ситуация вряд ли улучшится потом, но тем не менее, в тот вечер, после их безнадежных "вопросов" и после того, как были погашены огни и началась обычная медитация, Мать начала гадать: Но что в их мозгах, не интересующихся ничем, кроме своих маленьких дел? Я сказала себе: "Что же, можно ли что-нибудь сделать с таким материалом?"... Поэтому в ходе медитации я начала спускаться в их ментальную атмосферу, в поисках хотя бы маленького света, нечто, что отвечает. Меня буквально втащили как в дыру... И в этой дыре... Я все еще могу видеть это. Я спускалась в расщелину между двумя отвесными скалами, сделанными из чего-то более твердого, чем базальт, и ЧЕРНОГО, но металлического одновременно и с очень острыми кромками -- казалось, что простое касание могло поранить вас. Расщелина казалась бесконечной и бездонной, и она все сужалась и сужалась, как воронка, становилась столь узкой, что вряд ли оставалось хоть немного пространства -- ДАЖЕ ДЛЯ СОЗНАНИЯ - чтобы пройти через нее. А дно было невидимым, черным как смоль. А расщелина все шла и шла вниз... как если бы я скользила по грани расщелины. Она была нескончаемой и казалось все более и более давящей, удушающей... Я был очень поражен описанием Матери, потому что я сам имел очень похожее переживание, и это было переживание смерти (*). [* Я упоминал об этом переживании в первом томе трилогии, "Мать или Божественный Материализм" (глава 20) и описал его еще в больших деталях в "Телом Земли"]. Я вступил в черную смерть, сделанную из базальта, удушающую, в точности такую, как Мать описала ее. Тогда это и есть место смерти? Если так, тогда остальное очень интересно...

И так я гадала: "Но что же на дне этой дыры?" И как только я задала этот вопрос, как натолкнулась на пружину на самом дне этой дыры, пружину, которую я не видела, но которая сработала мгновенно с грандиозной силой и выбросила меня немедленно, вышвырнула из расселины в... бесформенную, безграничную обширность... вибрирующую с семенами нового мира. И этот мир был всемогущим, с необъятными богатствами. Было так, как будто бы та грандиозность была составлена из бесчисленных, неуловимых точек -точек, которые не занимают места -- глубокого теплого золота. Нечто эквивалентное математической точке, но как живое золото -- россыпь теплого золота... [Мы еще будем говорить о теплом золоте, тогда - подробнее. Это супраментальная субстанция -- на дне дыры, под "смертью"]. Не могу сказать, что все это сияло или было темным; а также это не было сделано из света: просто мириады мельчайших золотых точек. Они касались моих глаз, моего лица... и несли с собой такую силу и теплоту -- это было необычайно! По-видимому, это описание на микроскопическом уровне, чем является мир истинной Материи "под" темной мглой наших атомов и других элементарных частиц, настоящая основа мира. И все это было абсолютно ЖИВЫМ, живущей с силой, которая казалась бесконечной. И все же недвижимым. Совершенная неподвижность в ощущении вечности -- но с необычайной ИНТЕНСИВНОСТЬЮ движения и жизни!... Опять же, одна из супраментальных "черт": супраментал является точкой пересечения противоположностей, невероятным динамизмом в абсолютном покое, как если бы этот динамизм был рожден из мощи неподвижности. И покой -- покой вечности. Тишина, покой. СИЛА, СПОСОБНАЯ НА ВСЕ. И все, что было бесформенным, имело силу обрести форму.

Такова супраментальная субстанция, которая составит завтрашние тела и завтрашние

объекты -- возможно, она уже их делает -- это настоящая материя, из которой все сделано, но мы не видим ее и не живем в ней: все еще есть "пропущенное звено", вуаль. Что чрезвычайно интересно в загадочной географии, которую мы начали исследовать наощупь, это то, что Мать нашла это супраментальное "место", этот супраментальный мир, на другой стороне (или на дне) ментального несознательного. На первый взгляд это как будто ни о чем не говорит, но это колоссальное открытие -- рас-крытие, поистине. Потому что это значит, что все это, этот новый мир и всемогущая россыпь золота, способная творить формы, находится не "где-то там", в конце некой удаленной эволюции, развитых мускул, веков напряженной работы и беспредельно очищенной, проясненной и утонченной материи -- это под ментальным несознательным. Это здесь, непосредственно: "пружина, которую я не видела". Это отделено от нас только Разумом: корнями Разума. Разум является вуалью -- но мистерия состоит в том, чтобы узнать, как глубоко идут корни, сколь плотно они вуалируют материю. Мы обычно думаем, что Несознательное, то, которое описал Шри Ауробиндо и Риши, было первородной субстанцией мира, первой эволюционной основой, почвой, на которой выросло все остальное. Но это не так! Или, скорее, это больше не так. Первородная почва не несознательна. Риши совершенно ясно говорили об "ОДНОМ сознательном во всех вещах не-сознательных"; Шри Ауробиндо говорил: Это неведение Материи [как раз потому что оно не хотел называть его несознательным] является завуалированным, инволюционным или сомнамбулическим сознанием, которое содержит в себе все латентные силы Духа. Настоящее Несознательное, то есть, несознание, пришло в эволюцию позднее, некая вуаль несознания накрыла материю, замаскировала ее силу, ее свет, ее податливую пластичность, чтобы сделать из нее окоченевшую, неменяющуюся и дегенеративную карикатуру -- нечто, что умирает, потому что не может возобновлять себя. Это мир базальтовых скал с их зубчатыми, металлическими краями, которые видела Мать -- черных, лишенных воздуха. Смерть. Смерть -- это ментальное явление, не материальное. Умирает лишь наше ментальное тело, как оно видится разумом, проживается разумом, чувствуется разумом. Это ложная смерть, столь же ложная, как и наша жизнь -- умирает именно ложная жизнь. И это вуаль... над нечто иным, что материально. Нет -- вовсе не над раем сознания высоко вверху, после "смерти", а над материальным миром настоящей материи, находящейся по другую сторону вуали смерти, которая является только смертью разума. Другая материя в материи, другой континент в континенте. И нам не нужно умирать, чтобы попасть туда! Нам нужно только стянуть эту вуаль и позволить настоящей жизни войти в нашу жизнь, позволить истинной материи войти в наши прочищенные глаза и клетки и впустить истинное движение материи, допустить ее истинную податливость, ее настоящий свет и тепло, ее истинную формообразующую мощь. "Физическое тело казалось мне ломким", -- заметила Мать в своем первом переживании. Грандиозное изменение реальности -- реальность минус смерть.

Грандиозное открытие, возможно, большее, чем то, когда первый гоминид осознал, что следующий мир был найден не в чудодейственной грезе, на другой стороне сна, а за рефлексией каждой секунды.

Вся трудность состоит в том, чтобы знать, где находится новый мир.

И Мать действительно была удивлена увиденным, еще не осознавая всех последствий (следствия будут "вырабатываться"): Это было МЕНТАЛЬНОЕ несознательное. Потому что стартовая точка переживания была ментальной. [Она спустилась в ментальную атмосферу тех детей, чтобы понять, почему они столь глухи.] Совершенно особенное несознательное -- жесткое, тяжелое, сопротивляющееся -- со всем, что разум внес в наше сознание. Гораздо хуже! Это было гораздо хуже, чем чисто материальное несознательное [даже бутылочки с жидкостью для полоскания рта не такие!] -- "ментализированное" несознательное, можно было бы сказать. Вся эта жесткость, твердость, узость, фиксированность -- фиксированность -- все это пришло в творение вместе с разумом. До манифестации разума Несознательное не было таким: оно было бесформенным и имело пластичность нечто бесформенного -- та пластичность ушла. Это ужасный образ [базальтовые скалы] действия разума в "Несознательном". Это сделало Несознательное агрессивным -- чего не было раньше. Это

больше не "изначальное" Несознательное, можно было бы сказать, а ментализированное, со всем тем, что разум внес в терминах противостояния -- сопротивление, твердость и жесткость... И ментальное сознание ОТКАЗЫВАЕТСЯ изменяться -- тогда как совсем иное дело с другим Несознательным; у того другого нет ничего, оно как бы не существует, оно не организовано никаким образом, у него нет "моды бытия", тогда как это -- "организованное" Несознательное -- организованное в своем отказе изменяться. В сто раз хуже!... Это совсем новое переживание. Мы действительно полагаем, что это переживание разительно новое, причем его последствия мы еще не начали постигать. Потому что оно изменяет значение смерти, как и значение жизни, как если бы эта смерть шла бок о бок с этой жизнью, или, скорее, как если бы эта частная смерть была бы столь ложной, как и эта частная жизнь. Смерти не существует, это нечто иное -- возможно, ключ к явлению. Нужно пересечь некую вуаль смерти -- и вся земля должна пересечь ее с широко открытыми глазами. Во внезапном вдохновении, диктуя мне описание того переживания 7 ноября 1958 года: На самом дне того несознания, самого твердого и жесткого, узкого и удушливого, я натолкнулась на всемогущую пружину, которая вытолкнула меня в бесформенную, беспредельную необъятность, вибрирующую семенами нового мира, Мать остановилась и посмотрела на меня, как если бы видя перед собой целую Землю: Эта всемогущая пружина является точным образом того, что происходит -- что должно произойти, что ПРОИЗОЙДЕТ с каждым: внезапно вы выброшены в необъятность.

Вся земля.

Кришна в золоте растет среди нас. "Россыпь теплого золота" находится в процессе того, чтобы разбить и разметать на куски ментальную скалу мира. Смерть находится в процессе умирания.

Мы должны найти эту пружину.

VIII. ТРОЙНОЙ КОНЕЦ

Мать приближалась к поворотной точке.

Несомненно, она лучше, чем мы, видела супраментальный мир, всемогущую супраментальную Мошь, поразительное супраментальное творение, но для нее оставалась та же загадка, как и для нас: как добраться туда, как установить связь с супраментальным миром? В наших умах мы можем сделать какую угодно связь, но не там эта связь должна быть установлена. А как ее установить в теле? Как можно установить ее в теле? Это некая живая невозможность. И все же есть эта всемогущая Мошь -- она видела ее: Мошь, которая может отменить все и переделать все. Да, все это хорошо, это была бы детская игра, если бы можно было начать все "с нуля", но вы должны начинать с тем, что уже есть, со старым телом и его старым способом бытия, его старым клеточным функционированием и прежними органами: Что касается сердца, то оно должно быть замещено центром Силы -- фантастической динамической силы! - сказала она, смеясь. И в какой МОМЕНТ вы прервете циркуляцию крови и введете Силу?... Что кажется невообразимым, так это переход от одного к другому, это гораздо труднее представить, чем тело, оживляемое супраментальными энергиями. Жизнь наша зависит от циркуляции крови, которая в свою очередь зависит от приема пищи и так далее и тому подобное -- вытягивается длинная цепочка -- что за ужасное ограничение и рабство! Пока материальная жизнь зависит от такого рода вещей, очевидно, мы не будем способны обожествить нашу жизнь. Как нам действительно добраться туда? Вот сначала какой стороной мистерия предстала перед ней, и совершенно логично, что она заключила: Сначала мы должны обрести способность продлевать нашу жизнь по желанию. Потому что если все органическое, нервное и клеточное функционирование должны быть трансформированы поочередно, тогда это займет время, возможно, несколько столетий. Так что, если ты решил трансформировать свое тело, то должен иметь все необходимое терпение -- триста лет, пятьсот лет, тысячу лет или сколько угодно -- сколько потребуется для изменения. Лично мне кажется, что триста лет -- это минимум.

Пока она не наткнулась на своем пути на новые данные. Действительно, четыре года спустя она замечает: Мы называем это "трансформацией", потому что не знаем, что это. Если

бы мы знали, что это такое, это бы означало, что мы уже начали реализовывать это. И к счастью, потому что, по-правде говоря, перспектива всех этих веков заставляет меня содрогнуться. Могу преставить, что такая перспектива может заставить содрогнуться кого угодно, кроме тех, кому все "без разницы" или, скорее, тех, кто хочет лишь тянуть и дальше свою механическую рутину без особых проблем -- таких сотни миллионов... Большие бесчувственные массы -- еще один аспект проблемы -- "бесчувственные" в Буддистском смысле: те, у кого нет восприятия. Так что же с ними? В 1958 году "супраментальная катастрофа" еще не произвела своего счастливого опустошения.

Первой жертвой этого опустошения стала религия. Религиозный порядок. Второй жертвой станут политика и финансы и вся система, которую они порождают: материалистический порядок. А третьей?... Возможно, загадочная и быстрая дегенерация элементов, которые не могут развиваться.

Час выбора.

Та часть человечества, которая сознательно или несознательно открыта новым силам, будет все больше и больше пропитываться новой субстанцией и новым сознанием до такой степени, чтобы подняться к новому миру и служить связующим звеном между двумя... но те, которые не могут подняться, кто отказывается прогрессировать, будут "дементализированы": они автоматически утратят способность ментального сознания и будут отброшены на инфрачеловеческую стадию. Следует либо подняться вверх, влиться в Свет и Гармонию, либо опуститься до простоты здоровой животной жизни без искажений.

Шел 1958 год, год Хрущева и генерала де Голля.

Конец религий

Мать имела свои земные "образчики" подле себя...

Это было тяжело, иногда даже невыносимо -- масса, которая очень мало была склонна к тому, чтобы двигаться вперед, и была бы вполне довольна тем, чтобы жить на некотором санитарном острове с маленькими медитациями -- потому что, в конечном итоге, мы "духовны" -- немного работы -не так много -- чтобы быть в мире со своей совестью, и немного упражнений, чтобы поддерживать в форме свое тело. Что касается остального, что же, жизнь, как вы видите, идет прежним ходом. Люди летают низко, а когда они решают влететь высоко, то просто проделывают дырку где-то наверху и улыбаются ангелам... чтобы затем упасть вниз на свои старые добрые животные лапы, что заставляет на почувствовать, что, в конце концов, жизнь "реальна". И это продолжается -- ужасающе. Мать периодически обрушивала свои ураганы на все это, как и свою улыбку; но чувствовалось -- и она сама все больше это чувствовала -- что она могла бы обрушить еще тонны ураганов, не очень то много изменив при этом. И однажды на Плэйграунде, со смешанным с печалью негодованием она сказала им: С самого начала своего теперешнего земного существования я встречалась со многими людьми, которые говорили, что имели великое внутреннее стремление, побуждение к чему-то более глубокому и более истинному, но всегда были к чему-то привязаны, чем-то подчинены, были рабами простой необходимости зарабатывать себе на жизнь, и это очень сильно их принижало, отнимало так много сил и времени, что они были просто неспособны посвятить себя какой-либо другой деятельности, внешней или внутренней. Я очень часто слышала это. Я видела многих бедных людей (но "бедных" не в денежном смысле), бедных из-за того, что они ощущали себя заточенными в узкую материальную необходимость. Я была тогда очень молода и всегда говорила себе, что если бы могла, то попыталась бы создать маленький мир -- о, очень маленький... но, как бы там ни было, маленький мир, в котором люди могли бы жить, не заботясь о пропитании, жилье, одежде и о других элементарных жизненных потребностях -- чтобы все силы, освобожденные от потребностей материального существования, могли бы быть спонтанно направлены на божественную жизнь и внутреннюю реализацию. Что же, к середине моего существования -или к тому, что обычно считается серединой человеческого существования - необходимые средства были даны мне, и я могла реализовать, создать те условия жизни. Теперь же, однако, я пришла к выводу, что это НЕ материальные оковы препятствуют людям

посвятить себя внутренней реализации, это скорее их апатичность, утрата стремления, жалкая инертность, "меня-это-не-волнует", и те люди, которые живут в самых суровых условиях, иногда откликаются скорее и имеют наиболее интенсивное стремление.

В некотором отношении это как бы "отчет".

В действительности не было недостатка в респектабельных и безупречно "духовных" людях, предлагавших провести "чистку" Ашрама, на что резко возражала Мать: Они все еще находятся в том состоянии ментальности, которая хочет устранить все препятствия -- Шри Ауробиндо делал как раз противоположное. Шри Ауробиндо брал их всех, охватывал их, а затем работал над ними так, что они переставали быть препятствиями... Устранять, устранять -- если вы устраните из жизни все, что не отвечает Божественному, тогда что же останется?... Мне даже говорили, что некоторым людям "не следовало" бы быть в Ашраме. Я отвечала, что весь мир должен быть в Ашраме! И поскольку я не могу принять здесь весь мир, то должна принять здесь, по меньшей мере, представителя каждого типа! И со своей чарующей улыбкой она заключила: Все эти люди, которые делают духовное усилие, просто приносят мне вагоны моральности! В самом деле, это не был вопрос моральности Ашрама, это даже не был вопрос духовности Ашрама; проблема полностью заключалась в другом. То, что действительно было нужно, так это изменение духовности, можно было бы сказать, изменение Божественного, что бы открыть божественные двери материи, а не смывать чьи-то маленькие грехи или полировать чьи-то маленькие добродетели. Но в ту минуту, когда вы говорите о выходе за пределы моральности, люди мгновенно падают в аморальность. Это порочный круг, да или нет, Бог или дьявол, добро или зло... Эти "духовные" шатания продолжаются уже несколько тысячелетий. И так мы медитируем и медитируем, чтобы выбраться из тупика, но чем больше мы медитируем, тем более животным становится животное и тем более святым маленький святой. И так это и продолжается. И мы создаем изобилие маленьких ашрамов, чтобы все это продолжалось -- это "благо" творения. Аминь. Злодеи оставлены снаружи, конечно же, это не мы. Мать вовсе не собиралась создавать ашрам такого типа. Но "благо" Ашрама не понимало это, оно не было "лучше" "плохой" части Ашрама -- никто не понимал, какую революцию она пыталась произвести. Должен быть открыт путь, который все еще заблокирован... сказал Шри Ауробиндо двадцать пять лет назад, а не основана некая религия.

Прежде всего, путь был заблокирован в сознании, в определенном привычном способе взирания на мир, и смотрели ли вы на мир сквозь духовные или материальные очки, это, в сущности, не составляло никакой разницы: то же самое искажение, одно "сверху", другое - "снизу". Как она пыталась объяснить им это! Те последние "Вопросы и Ответы" на Плэйграунде -- восемь лет вопросов и ответов -- почти мучительны в свое ретроспекции: чувствуешь, сколь много она пыталась пронзить те сознания, как она охватывала их своим единым взглядом, как если бы она пыталась вобрать всю землю: если бы понял хотя бы один или двое! Понимание должно начаться где-то, в некотором уголке, хотя бы в единственном существе. Новый мир начинается с одного. И однажды, после еженедельного показа фильма на Плэйграунде -- прекрасного индийского фильма о Рамакришне и индуистской религиозной преданности, о значении богов в жизни и о том "всевышнем" нечто, образом которого являются все эти боги, о присутствии души за всем, везде (короче говоря, фильм о нечто, далеко превосходящем по качеству западное представление о "Боге") -- она сказала им: Я видела весь религиозный мир поклонения и стремления, всю человеческую взаимосвязь с богами, что было (я уже говорю в прошедшем времени) лучшим человеческим духовным усилием достичь нечто более божественного, чем человек, высочайшим и почти наичистейшим выражением стремления человека к нечто, что выше него. И внезапно я почувствовала самым конкретным и МАТЕРИАЛЬНЫМ образом, что это был другой мир, мир, который перестал быть реальным и живым, это устаревший мир, который утратил свою реальность, свою истину, который отжил свой век и превзойден нечто, что только что родилось, но чья ЖИЗНЬ столь интенсивна, столь истинна, столь тонка, что все это оказалось ложным, нереальным, никудышным. Тогда я по-настоящему поняла, ведь я поняла

не головой, не разумом, а телом -- понимаете, о чем я говорю? -- я поняла в клетках тела, что новый мир был рожден.

Он уже здесь, действительно, только нам нужно взглянуть на вещи по-другому. Пока наши глаза привлечены небесами или зафиксированы на ложной материи, мы не понимаем ничего и не видим ничего: мы находимся прямо в Чуде, но не видим его. Великие поворотные точки в эволюции встречаются не при достижении более высокого или более широкого сознания, а путем нового и более точного осознания того, что всегда было там. Можно было бы назвать это "врастанием в точность". О, как она пыталась встряхнуть все это, было почти трогательно слушать ее, как если бы судьба мира зависела бы от нескольких менее препятствующих глаз. Но они только говорили: "Мы ничего не видим". Что касается меня, то я спросил Мать: "Но разве душа не обладает силой изменять материю, производить физические чудеса, как делают это ученые?" (Потому что я не мог перестать думать, что "другая вещь" должна быть чудесной, что это должен быть некий ненормальный "пробой", который внезапно придет и начнет произрастать на земле как некое сверхчудо, превосходящее все научные чудеса. Другими словами, взять сегодняшнего волшебника - ученого, и попытаться сделать лучше, чем этот волшебник, то есть, делать все то же самое, но с некоторыми улучшениями. Но это вовсе не так!) Душа обладает этой силой, - ответила Мать, - и применяет ее постоянно, но человеческое сознание не осознает это. Большая разница наступает тогда, когда человеческое сознание становится сознательным. Но оно начинает осознавать то, что всегда было! Проблема заключается не столько в том, чтобы действовать на материю -- это происходит всегда -- а... в том, чтобы открыть понимание: вот что трудно. Вещь, которую вы не пережили, не существует для вас. Трансформация может прийти до определенной точки без того, чтобы мы даже осознали это. Например, говорилось, что теперь есть большая разница: когда человек появился в эволюции, животное не имело средств воспринять это, тогда как сейчас... Но я говорю, что ситуация все еще не изменилась: несмотря на все, что человек реализовал, у него все еще нет нужных средств; могут произойти определенные вещи, но он узнает о них лишь гораздо позднее, когда "нечто" в нем будет достаточно развито. Наше представление о чудесном является частью этих ложных средств, именно разум создал представление о чуде, потому что с точки зрения разума все подчиняется законам, так что если что-то избегает "закона" или отрицает его, то это должно быть чудо. Но эти законы -- ментальные законы, ментальные порождения, это материя с точки зрения разума -- вне разума все чудесно и является неизменным чудом. Или, скорее, все чудесно естественно. Естественное, которое мы не видим. Сверхразум -- естественное чудо материи. Истинное видение -- видение неизменного чуда. Нет нужды творить чудеса. Они уже здесь! Нам нужно лишь увидеть их, жить ими и позволить тому, чтобы мы были сформированы этими чудесами, не накладывая постоянно железную сеть наших ментальных невозможностей. И все меняется -- меняется материально. "Именно Божественное, становящееся материей", - сказала Мать. Это следующая стадия эволюции, которая делается или выходит на передний план. Да, разрушение старой корки.

Кроме того, все всевышние переживания освобождения, нирваны, космической необъятности и все божественные видения на всех языках, всех веков и всех стран были как бы аннулированы или "вытеснены" новым восприятием материи; как если бы все боги, чудеса, освобождения, раи и все такое принадлежали бы все еще области разума или ментальных проекций; возможно, как ментальные "фонари", но все же фонари в сравнении с золотой пылью материи. Супраментальное не является улучшенным ментальным видением, расширенным, протяженным, более божественным: Это не нечто более высокое, чем высочайшая вершина, которую мы можем достичь здесь, - пыталась объяснить Мать, - не ЕЩЕ ОДИН КРУГ, это не так: мы уже в конце, на вершине, но... отличается именно качество. Это поистине новое обращение сознания. Когда мы начинаем жить духовной жизнью, происходит обращение сознания, что является для нас доказательством того, что мы вступили в духовную жизнь; что же, еще одно обращение наступает, когда мы входим в супраментальный мир. И, возможно, всякий раз, когда открывается новый мир, происходит

новое обращение. И поэтому даже наша духовная жизнь, которая является таким тотальным обращением в сравнении с обычной жизнью, является, или кажется, в сравнении с супраментальным сознанием и супраментальной реализацией, нечто столь радикально отличающимся, что... ценности почти что обращаются. Это как если бы вся наша духовная жизнь была сделана из серебра, тогда как супраментальная сделана из золота, как если бы вся духовная жизнь здесь была бы вибрацией серебра, не холода, а просто света, который достигает вершины, предельно чистого света; тогда как другая, супраментальная жизнь, содержит все богатство и силу, что и составляет всю разницу. Вся духовная жизнь психического существа и нашего теперешнего сознания, которая кажется столь теплой, столь полной, столь чудесной, столь светлой для обычного сознания, да, все это великолепие ничтожно по сравнению с великолепием нового мира. Это... да, это почти как если бы сам Всевышний был другим.

Это конец религий. Потому что религии -- это все еще разум, взирающий на нечто отличное от себя. Другой мир просто... как он есть.

Тем временем ученики все еще пытались выработать "синтез Востока и Запада", "союз мировых религий", "продолжение" высочайших традиций мира... и так далее. Продолжение, да, действительно, как птица сменила рептилию, но вовсе не путем добавления видений "ископаемых ящеров" Востока и Запада выработаем мы взгляд птицы. А также не сложив вместе Упанишад + Библия + Коран, а затем встряхнув немного все это... Это ДРУГОЙ мир! Как трудно было это понять, конечно же. Шри Ауробиндо и Мать прожили 78 и 95 лет, соответственно, и самое большее, у них было три ученика, которые поняли; это Мать сказала мне перед своим уходом -- а в мире более четырех с половиной миллиардов людей.

Конец материализма

Должны быть найдены другие средства. Не через "вопросы и ответы" может быть трансформирован этот мир. Тем или иным образом, но этот процесс должен проходить несмотря и вне голов людей, иначе все было бы безнадежно. А время поджимало. В 1958 году ей было восемьдесят лет. Все ее время было занято геркулесовой работой, которая свалила бы любого человека в его расцвете. Вполне понятно, она использовала источник энергии, неизвестный человеческим существам; то, что она могла делать в течение двадцати двух часов из двадцати-четырёх-часового дня, просто невообразимо... с 1926 года, без перерыва. Ашрам становился довольно гигантским предприятием с приблизительно 1200 обитателями в 1958, включая 300 детей и 250 домов. И она присматривала за всем вплоть до малейших деталей, начиная с выбора сорта бумаги для печати книг и кончая тем, как ставить штамп на пакетах или тем, чтобы перевести какого-то ученика из одного дома в другой, чтобы он мог прохаживаться в маленьком саду, обдуваемым бризом с востока. Ничто не ускользало от ее внимания. И бесконечный поток писем. И бесконечные жалобы. И финансы... невероятно и сверхъестественно. И критицизм... столь мелочный, столь глупый. Например, взглянув в архивы Quai d'Orsay, можно обнаружить там злобные маленькие доклады групп послушных своему долгу гражданских служащих, останавливавшихся в Пондишери; это невероятно -- никто из них не понял, что представляла Мать, если только для Франции, их родной страны. Но Мать просто смеялась. Однажды она сказала мне со своим юмором, юмором, который лечит все, включая все вспышки мелочности, будь то со стороны "хороших" или "плохих": Я получаю совершенно несдержанные письма, переполненные напыщенными словами, и затем есть другие люди, которые прямо пишут, что их грызут сомнениями в том, что я просто использую "трюки, чтобы "делать свой бизнес"!... Но и те и другие письма производят на меня одинаковое впечатление. Они выражают их собственное чувство -- это их право чувствовать то, что они хотят. И, по правде говоря, все, что можно было бы ответить им: "Чувствуйте что хотите, если это позволяет вам сделать прогресс." Она всегда так просто стремилась к прогрессу, эта Мать, всегда дальше, всегда пытаюсь извлечь лучшее из наихудшего -- ее интересовал прогресс мира: быть "хорошим" или "плохим" ничего не значит; думайте о ней плохо, думайте о ней хорошо, это не имеет значения; но, ради Бога (или дьявола), двигайтесь вперед!

Ее угнетала не геркулесова задача, а подпирающее время. Однажды, на одном из последних "занятий по средам" с ее губ вырвалось: По существу, вопрос в этой гонке к Трансформации состоит в том, чтобы знать, что будет превалировать: то, что хочет трансформировать это тело по образу божественной Истины, или старая привычка этого тела идти к разложению... Это гонка между Трансформацией и Разложением.

Подразумевает ли эта трансформация долгие столетия медленного, постепенного труда? Или нечто иное? Иногда мы чувствуем, что на самом деле это не столько проблема трансформации, как проблема смерти: если эта проблема разрешена или открыта или устранена, тогда все остальное должно последовать почти автоматически, как если бы смерть была просто тем, что составляет субстанцию ложной материи, той, которую мы видим, материи темной, жесткой, неизменяемой никак, кроме как путем смерти -- только со смертью, разложением и возвращением к атомной пыли может она измениться. Все же есть и "золотая пыль". То, что мы хотим или то, что нам нужно это не медленно трансформировать эту ложную материю сквозь тянущиеся века, а заменить ее настоящей материей или же устранить "нечто", что вуалирует ее. Тогда эта операция могла бы стать поразительно быстрой... в предположении, что остальная часть человечества не будет свалена силой этой операции. Остальная часть человечества... которая живет в смерти и при помощи смерти, потому что они и являются смертью, сделаны ею. Может ли одно существо полностью снять вуаль, не сняв ее со всего мира, и раз уж оно подняло эту вуаль для себя, то может ли оно продолжать существовать и не исчезнуть с глаз мертвых, которых мы называем живыми? Какими глазами смогли бы они увидеть его, эти "живущие", которые видят только смерть и субстанцию смерти? Когда больше нет мути, они не видят ничего. Должна быть хотя бы минимальная связь со старыми человеческими органами. Возможно, Мать собиралась установить эту связь или подготовить ее. Подготовить глаза мира. Тысячи глаз наших клеток. И однажды будут сражены лишь наши разумы, тогда как наши тела будут пробуждены от долгого кошмара. Иногда у нас возникает чувство, что вся мистерия будущего чрезвычайно проста, что она обладает немыслимой (в буквальном смысле) простотой, и что нечто захватит нас самым неожиданным образом. Иногда мы чувствуем, что все уже здесь, действительно здесь, и будет достаточно лишь небольшого щелчка -- нам только надо найти, где. Если бы только одно существо смогло увидеть, понять механизм. Мать видела все, и она сказала все -это можно прочесть, это тысячи раз написано в ее собственных словах, только мы не осознаем, что это значит. Нечто просто не может быть схвачено разумом. Нечто нужно найти. Мы бредем наощупь, как слепые люди, в давно уже открытом. Мы идем наощупь в открытии Матери. Мы движемся через великую Амазонию, которой не хватает только имени, в чем-то уподобляясь первому человеку, пытающемуся в первый раз назвать свой мир и его объекты и вызвать вещи из несуществования посредством слова -- он заставлял их прийти в бытие, называя их. Собираемся ли мы найти место, ключ, который заставит нас увидеть, слово, которое привнесет все это в бытие?

И ее последние слова, ее самые последние слова на Плэйграунде перед собравшимися детьми, нацеленные на то, чтобы они смогли увидеть новый мир и прикоснуться к нему, возвращаются ко мне сейчас с невыразимой остротой: По существу, громадное большинство людей подобны узникам с закрытыми окнами и дверьми, так что они задыхаются (что вполне естественно), и все же у них есть ключ, который открывает окна и двери, но они не используют его... Они боятся -- боятся потерять себя. Они хотят оставаться тем, что они называют "собой". Они любят свою ложь и свое рабство. Нечто в них любит это и привязано к этому. Они чувствуют, что без своих границ они не могли бы больше существовать. Вот почему путешествие столь длинно и трудно.

Это было 26 ноября 1958 года.

А пока она говорила, малыши из "зеленой" группы, которые быстро заснули на матах на земле возле ее кресла, начали "видеть вещи". Теперь, когда им по двадцать, они могли бы рассказать, что видели. Они видели странную Мать, более высокую, чем она была, с телом, казавшимся сделанным из другой субстанции, субстанции, которая излучала свет изнутри -

настоящую Мать; для них это было "настоящей Матерью". И они спросили, или спросил один из них: "Почему ты пришла такой, как мы? Почему ты не пришла такой, какой являешься на самом деле?" Типичная реакция ребенка, еще не сошедшего с ума; казалось удивительным не то, что Мать была светящейся и более высокой, а то, что материально она была не такой. "Почему ты не пришла такой, какой являешься на самом деле?" И Мать также типично отвечала: Потому что если бы я не пришла такой же, как вы, я бы никогда не смогла быть близкой вам и я не смогла бы сказать вам: станьте такой, как я.

Но конечно же! Миру не нужно быть сраженным чудом, даже чудом одного великолепного тела: ему требуется найти собственное чудо. Когда мир найдет это, тогда все чудеса будут естественными. Мистерия Матери в нашем собственном несознании. Мы должны найти ключ, мы должны открыть дверь. Тогда все мы станем такой, как она -- или, возможно, мы уже такие, как она! Возможно, настоящее тело уже здесь. Утеряно звено. Есть некая вуаль, которую нужно поднять... Мать совершенно другая, мир совершенно другой -- мы ничего не понимаем из этого. Над миром распростерта вуаль смерти. Есть глаза, которые видят смерть и вызывают смерть. Они назовут нас сумасшедшими или шизофрениками или параноиками -- потому что они так фатально очарованы своей смертью, они просто не видят вещи другими, чем "как они есть", это их "закон", их "здоровый смысл", их "но-я-вижу-и-я-касаюсь-этого" -- как обезьяны, чувствующие тени деревьев. Мы чувствуем тень невидимого мира. Наши "патентованные" факты сегодняшнего дня -- это научное ребячество улучшенных обезьян. По сути, сказала Мать поразительно острым образом, - материалистическое мышление является евангелием смерти.

Но предположим, что у нас есть отвага покончить с евангелиями раз и навсегда, будь то евангелии смерти или вечного рая, что тогда? Предположим, мы начали верить в истину материи, в божественную возможность материи, в божественную жизнь в истинном теле?

Что же, тогда мы должны пойти и поискать настоящую материю, это все, безо всяких предвзятостей улучшенных обезьян, будь то научных, материалистических или спиритуалистических. Бесхитростно. С глазами, открытыми для неожиданного. Потому что, в любом случае, это там, где мы меньше всего его ожидаем.

И это будет концом материализма. Потому что материализм - это разум, имеющий дело с нечто отличным от себя. Другой мир есть просто... как он есть.

Этот материализм должен уйти вместе с той религией.

Конец смерти

9 декабря 1958 года, точно восемь лет спустя после того, как Шри Ауробиндо был помещен под большое огненное дерево с желтыми листьями, Мать собралась погрузиться в свое тело и была вынуждена прекратить всякую внешнюю деятельность. 7 декабря она сыграла свою последнюю партию в теннис и сделала свой последний дневной визит на Плэйграунд. Ей не требовалось решать что-либо или делать что-то произвольно: сами обстоятельства заставили ее делать то, что предполагалось -- отчасти грубо. И это в точности характеризует работу новой Силы в мире: она работает материально, создает обстоятельства, которые вынуждают наше действие. Когда возникает некая "проблема" или трудность или колебание, эта Сила никогда не дает ментального ответа: она дает физический ответ, через факты и обстоятельства. Эта Мощь действует исключительно и ошеломляюще на уровне голой материи -- и грубо, через "поразительные" примеры, если требуется. С растущим чувством удивления и замешательства годами я наблюдал, как в точности развивается эта Сила. Люди хотят видеть чудеса. Можно удивляться, почему -- мир полон чудес. Но требуется смотреть в нужное место и под правильным углом, не предпочитая, чтобы обстоятельства шли в том или ином направлении, даже не предпочитая наслаждаться так называемым добрым здравием. Тогда видишь, как работают вещи -- в самых микроскопических деталях. Начинаешь оценивать грандиозное тождество материи, в котором малейшее обстоятельство, мельчайшая встреча, малюсенький толчок как будто бы подстегивается той же самой великой волной Силы, которая побуждает землетрясение или революцию. И иногда даже схватываешь проблеск того, как маленький толчок здесь может

породить грандиозный отклик где-то там; как маленькая истинная вибрация здесь, в маленькой трещине материи, отзывается по всему миру существ и вещей. Новый мир поистине нов. Этот мир больше не использует разум: это материя, играющая с собой, как и всегда, сознательная материя, истинная материя, развивающаяся и находящаяся в процессе прорыва через все ментальное несознание, которое покрывает ее.

В возрасте восьмидесяти одного года Мать начала йогу клеток. Она вступила в "как" и "почему" Смерти. Она собиралась попытаться растворить вуаль, пройти через смерть, не умирая, и подготовить в клетках своего тела тысячи глаз наших маленьких клеток, которые однажды будут пробуждены, возможно, без нашего об этом знания. И все изменится.

Смерть будет мертва, потому что мы больше не видим ее.

За исключением тех, кто хочет этого.

Произойдет загадочная и быстрая дегенерация элементов, которые не могут развиваться: тех, которые верят в истину смерти.

* ТОМ II. ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Проход через вуаль или очищение клеток *

IX. ЛЕС

Теперь мы входим в лес.

Мы входим слепо, не зная ничего, поистине. Вещи вздымаются со всех сторон, это джунгли переживаний. Развертываются озарения, сотни озарений, и вы думаете, что поняли, ухватили суть, механизм, но вас быстро переносит в какое-то другое место, где все кажется совсем противоположным; вы больше ничего не понимаете, но понимаете ли вы что-то или нет, а переживание продолжает развиваться, совершенно безразлично к тому, что вы можете думать об этом; за мистерией следует мистерия, ясная, прозрачная, очевидная... и совершенно невообразимая. Мистерии одновременно очевидные и непостижимые. И все же все наполнено смыслом, изобилует смыслом, как дерево в джунглях со всеми его лианами и безумным великолепием; но что же это за дерево? У него нет имени. В 1950, находясь в сердце джунглей, географически "реальных" в Южной Америке, сколько раз я оказывался перед чудом гигантского, развесистого дерева, ошеломляющего своими лианами и криками гнездящихся на нем птиц; ни у дерева, ни у птиц не было названия, и абсурдно, что даже созерцая чудо, ту тысячу чудес, я чувствовал, что как бы лишен чего-то: я не мог назвать дерево, назвать птиц; были тысячи вещей, деревьев, безымянных созданий, безымянных речек, безымянных болот в невероятном великолепном дилириуме. Так что я придумывал названия рекам и птицам, чтобы приручить чудо, внести небольшой порядок. Это было абсурдно, это было по-ребячески. Чудо было совершенно реальным безо всяких моих названий, но было так, как если бы оно не полностью существовало, не было бы полностью моим. Посреди своих переживаний, которые все нарастали и нарастали, Мать также была знанием без знания. Однажды, столкнувшись с одним из тез безымянных фактов, она сказала: В тот день, когда я буду знать... это, вероятно, будет сделано. Потому что вещи явятся плотным фактом: вот КАК ОНО ЕСТЬ. И лишь гораздо позднее "вот это как" понимание скажет: "Что же, это так". Сначала это придет, а затем ты знаешь.

Тысячи раз будет "вот это как", но Мать никогда не знала.

Мать никогда не знала.

Это кажется невероятным, но это так.

Она шла через лес из конца в конец, даже не зная, что это было, куда это вело или даже цель всего этого; у нее никогда не было единственного названия или единственного объяснения -- или, возможно, были тысячи объяснений, каждая вещь была собственным объяснением. Это продолжало расти, прямо вверх, как дерево, и это было все. И были тысячи деревьев. С этим ничего нельзя было поделать, кроме как идти через все это, и сам факт прохождения через это составлял целый мир... без названия. Джунгли переживаний, которые казались связанными друг с другом не более чем "гранатовое дерево" было связано с "бессердечным деревом" речкой "Мари-Луиза" -- и все же, в конце концов, все это составляло один мир. Вы не появлялись где-то, поскольку были там везде. Но неожиданно лес может вывести на савану из изумрудных пальм, а затем откроется море. Вы могли и не

видеть моря, находясь в сотне ярдов или миль от него, заслоненного нескончаемым болотом высохших стволов, где пищали и ползали "насекомые" и "птицы" -- но вы слышали море, ощущали его запах. Это было как один конец того мира -- но какой конец? Нет "конца". Когда мы узнаем это, все уже будет сделано. Но это уже сделано! Это автоматически сделано благодаря тому, что Мать прошла через это, только мы не знаем этого, у нас нет карты -- нет карты. Она прокладывала весь маршрут без карты -- конечно же! Вы не идете в неизведанное с картой неизведанных земель. Земли становятся известными благодаря тому, что вы проходите через них. Раз уж мы начертили карту -- если мы преуспели в этом -- тогда они скажут: Почему же, вот это все! Все станет "ясно", как они говорят: деревья будут занесены в каталог, а реки будут выделены в атласе голубым цветом, и все будет приведено в "порядок": со всеми контурами, меридианами и пунктирными линиями. Но, тем не менее, это еще не "сделано"... по крайней мере, для нас. Подводя итог, можно сказать, что мы идем в еще-не-сделанный мир, который уже сделан!

Мать никогда не знала, что она делала: она просто продолжала идти. Все больше и больше, - говорила она мне, - жизнь этого тела направлена на то, чтобы делать вещи, не зная этого, изменять мир, не осознавая этого... не заботясь обо всем этом, будучи абсолютно не заинтересованным в результате. "Результатом" является карта. И иногда мы гадаем, не заставляет ли появиться новый мир просто сам факт делания карты. Как магия. Если бы только одно существо смогло открыть свои глаза и увидеть контуры, соединить линии, нанести координаты на контурные линии и соединить реки с озерами, а это озеро -- с той горой... не вызовет ли это внезапно к жизни ту безымянную массу, которая выглядит просто как зеленая стена перед нами?

Что является завтрашним миром.

Я следовал за Матерью шаг за шагом, не понимая ничего, или, скорее, с тысячью последовательных объяснений, и вряд ли я достиг большего сегодня, на странице ***, чем восемнадцать лет назад, когда Мать в первый раз начала со мной. Так что давайте скажем прямо: я не веду мастерски читателя в том направлении, которое я знаю заранее, но тщательно оберегаю его до конца. Я не знаю, что это за направление! Я веду читателя в "никуда"! -- но, возможно, просто сам факт, что мы идем туда, сделает его "чем-то". Это все. Я слепо вхожу во всю эту массу, держась за руку Матери по другую сторону вуали и молясь, что она ведет меня в правильном направлении -- я не знаю направления. Это путешествие в неизведанное. Я пишу каждое предложение, не зная следующего. Невозможно вообразить, что это означает.

Эта история началась в 1957 году. Я находился в Ашраме уже в течение трех лет, каждый день борясь с собой, чтобы не убежать. Я хотел вернуться в джунгли, в единственное место в мире, где, казалось, я мог дышать, со всеми его пальмами, тапирами и красными ревунами, и змеями, морем змей, но вы совершенно привыкаете к ним; спустя некоторое время вы чувствуете их даже не видя, и все движется в одном и том же ритме, вы переступаете через змей, вы чувствуете все и течете со всем, вещи становятся частью вашего тела, жизнь течет в ваших венах, деревья говорят с вами, ваши ноги идут сами по себе, как если бы они знали, куда идти -много раз я терял в джунглях свой компас, и всякий раз мои ноги знали лучше компаса правильное направление в том зеленом сплетении. Так что я очень хотел вернуться в джунгли, как бы на поиски золота, но игуаны сами по себе стоили их золота, и золото заключалось, главным образом, в его поисках. Но я был очень упрямым, я видел Шри Ауробиндо в 1946 или 47-ом году, и это открыло во мне некую дырочку, произвело некое непредсказуемое прояснение в моих джунглях отрицаний, и Шри Ауробиндо следовал за мной по пятам, улыбаясь (казалось, что он всегда улыбается, особенно его левый глаз), пока я бежал через леса и метался как молодой антропоид на заре появления человечества. Меня смутно тянуло назад, в Индию, чтобы "просто увидеть". Хорошо, сказал я себе, пойду и попытаюсь пару лет, чтобы "увидеть", а вдруг этот мир окажется совсем не похожим на остальные, и, самое главное, не похож на мой "цивилизованный" мир.

В первый же вечер по прибытию в Пондишери я захотел убежать немедленно, первым же поездом. Но я упрям, это моя слабость: я сказал "два года"... Я потратил больше десяти лет, пытаясь не вернуться в свои джунгли. Мать имела для меня в запасе еще одни джунгли.

И я ничего не мог поделаться, я был захвачен вопреки самому себе и очень сердит на самого себя за эту захваченность. Мать много смеялась -не я. Она мирилась со всем, что исходило от меня, я держался в течение десяти лет. Такова уж мистерия человеческих образцов вокруг нее, а я был одним из них... невольно -- и если я упоминаю о том, каким образчиком я был, то это просто для того, чтобы дать некое представление о собрании отрицаний, окружавших Мать. Каждый являл собой особенное отрицание. Особенную форму смерти, в действительности. Как-то я нашел превосходный трюк, чтобы убежать, поскольку я не мог физически выбраться из того места: трюк "освобождения". Я открыл некий способ выбираться через верх своей оболочки, нашел маленькое отверстие, через которое проскальзываешь на простор... о, такой необъятный, ясный и ритмический, почти музыкальный, без каких-либо движений, проблем или вопросов: это есть, это чудесным образом есть. Ты купаешься там как в вечности... Пока однажды я не сказал Матери: "Там действительно можно оставаться некую вечность..." -Не некую вечность: всю вечность, -- перебила она меня, -- "...без того, чтобы что-нибудь изменилось." Другими словами, я был пойман. Никто не мог никогда вызволить меня оттуда, даже Мать, даже "Бог": это пропитано светом и красотой. Возможно, это был даже Бог, кто знает! Но внезапно я оказался в своей вечности как в горшке с медом, я прилип -- но я не хотел вязнуть, даже в вечности. Это было начало моего падения... Мать ждала меня на дне.

Но с того дня я понял, я полностью понял, и я полностью полюбил Мать. Я начал входить в новый мир. И до последнего дня Матери я жил в полной вере, которая была совершенно очевидна, и я обратил все свое отрицание мира в отрицание смерти. Потому что на самом деле я отвергал не мир, я могу видеть это сейчас, я отрицал сам запах смерти в мире, это был мир смерти. Возможно, я единственный из людей или один из двух людей, которые никогда не верили в физическую смерть Матери. И я все еще не верю. Потому что я видел, касался, чувствовал -- только я не знаю, как поведать о том, что я видел. Карта еще не начерчена. Мы будем чертить карту вместе. Возможно, в конце этого мы увидим Мать. Мы не верим в смерть; смерть -- это ложь мира.

Мы разведем миф смерти.

Мы сделаем видимым то, что истинно.

Для тех, кто хочет этого.

Рождение "Адженды"

Я хотел видеть, это было первым моим стремлением, когда я прибыл в Ашрам: по мне, йога была прежде всего неким обучением зрения, которое происходит во время медитации с закрытыми глазами. Я был убежден, что было нечто, что стоило увидеть. Что? На самом деле я не знал. Действительно, я вовсе ничего не знал, я был "добрым малым" с Запада в состоянии бунта, и любой способ изменить мир априори казался мне превосходным: Европа просто душила меня. Но я подразумевал материальное изменение мира. Дух был интересен для меня на уровне двух моих ступней. И таким я и был, получая свое первое и довольно разбивающее обращение из рук Матери: в действительности, я годами оставался потрясенным им. Дважды в неделю она вызывала меня к себе под тем или иным предлогом работы и рассказывала мне. Это началось в 1957. Я принимал свою работу как часть жизненных "обязанностей", но я вовсе не искал или даже хотел привилегии персонально встречаться с Матерью. По мне йога делалась в своей комнате, в одиночестве, а также во время гуляния по улицам в состоянии некоторой жажды. Мать исподтишка смеялась, слушая меня самым серьезным образом, и попутно припоминала тысячу и один случай из ее жизни, из Тлемчена, из ее опытов... что постепенно, почти незаметно разрушало весь мой способ видения мира. Это были ее опыты, тут нечего сказать, это не теория -- с Матерью никогда не было какой-либо теории. А когда она говорила... о, эта чудесная смесь грома и мягкости и смеха, всегда смеха, едва скрываемого поддразнивания, и затем те внезапные вспышки света,

которые раскрывали перед тобой грандиозные панорамы: ты оставался погруженным там и начинал вместе с ней видеть вещи. Ты видел, когда она говорила, это как если бы делалась осязаемой сила истины, как если бы приходило живое слово, вибрация, которая заставляла видеть; и всегда, в самые неожиданные моменты, когда она просто смеялась или говорила о некоторых "пустяках", внезапно расширялись ее безмерные алмазные глаза, и ты вступал в нечто иное, это было там конкретно. Это было вне обсуждений: вы же не обсуждаете фонтан. Я выходил оттуда, трясая головой: о, эта Мать!... Я чрезвычайно боялся быть чем-то пойманным, я не хотел быть пойманным, чем бы там ни было - кроме как самим собою, конечно же. Каждый является своей собственной наилучшей ловушкой. И я не очень хорошо понимал, зачем она рассказывала мне все это -- так много потерянных сокровищ, никогда не записанных, я не имел ни малейшего представления о том, что это было начало истории нового мира (*) (* В действительности, поначалу она даже не хотела, чтобы записывали ее слова; потребовалась индейская хитрость и соучастие Павитры, чтобы внести магнитофон: Если мы доберемся до конца, тогда не нужно ничего записывать, - сказала она, - все и так будет самоочевидно; а если мы не дойдем до конца, тогда нет надобности тратить ленты и добавлять еще одну историю о неудавшейся попытке. Так вот.) Это было "интересно", как бы там ни было! И так я ходил туда неделю за неделей, не совсем понимая, до какой степени она раскачивала меня своими тысячами историй, которые казались пустяками: было так, как если бы она медленно формировала во мне другой способ хождения по земле. Мне потребовались все эти годы, чтобы понять, сколь упрямо, болезненно, неослабно мы, человеческие существа, зажаты в тюрьме определенного атавизма. Это тюрьма из стекла, но более прочного, чем бетон, и через нее проходит только один тип лучей -- а мы воображаем, что обладаем всем мировым спектром! Мы видим все через маленький, определенным образом окрашенный луч или, если предпочтем, через бесцветный. Она разрушала мои стены... мягко, потому что любила меня (я не знал почему, также). Она могла разрушить все, за исключением моей маленькой бесконечности наверху; это было неприкасаемо, это было мое большое убежище. Тем не менее, она разрушила и его, после десяти лет осторожного приближения. Я был тогда так крайне ошеломлен, что это стало для меня подобно третьему рождению в мире -- в мире, который больше не был атавистической ложью материального рождения, не был полу-ложью духовного рождения наверху... это было как возрождение в материи, но в странного рода материи, которая не переставала изумлять меня.

Мое первое изумление, или мое первое смятение, пришло раньше, в первые годы, когда она говорила со мной в офисе Павитры, сидя в своем большом кресле с прямой спинкой, которое всегда напоминало мне трон английской королевы. Она обладала атмосферой королевы, эта Мать, и нечто большим. Чувствовалась бесконечная близость и превосходение со всех сторон; она была здесь со мной, и она была непостижимо удалена на тысячи световых лет, как если бы за Матерью была еще одна Мать, за которой была еще одна Мать; и иногда спадала вуаль, затем другая, и ты представал перед другими глубинами Матери, перед другими, совершенно другими гранями, но все с той же улыбкой и глазами, которые становились черными как смоль или золотыми или ультрамариновыми или лазурно голубыми... и опять же было нечто иное, когда уже не было никаких глаз, а была некая бесконечность, продвигающая безмерность. И всякий раз ты входил в новое измерение: ты уже больше не видел Мать со стороны, как наблюдатель: ты входил в нее. С Матерью никогда не было теорий или даже образов: она заставляла тебя становиться тем, чем была или что видела в тот момент. Всякий раз, когда я возвращался от Матери, это было как возвращение из нового путешествия. Я путешествовал сквозь века, я путешествовал через огромные пространства. Тем не менее, я был ужасно материалистичен, и все же был особым материалистом, потому что никогда не сомневался, что были другие пути видения, отличные от научных, но я был также уверен, что другой путь видения должен быть другим материальным путем видения вещей. Короче говоря, я был материалистом Духа, не зная этого. Например, я был уверен, что "видения" являлись неким материальным сгустком или развуалированием: бог, или кто бы там ни был, действительно входит в комнату. Он может

прийти через стену, но он физически здесь. Ну, не так! Однажды Мать сказала западному дикарю, которым я был: Вовсе нет, мой мальчик! Это не физическое. Тыходишь на другой план сознания и видишь глазами того плана. Все обвалилось. Это не физическое, это мистификация. Возможно, всевышняя мистификация, но это нереально, подобно грезе на двух ногах. Я никогда не отказывался от этой своей грезы. Все спиритуалисты посмеются над моим ребячеством -- и верно, это очень по-детски.

Но я был прав.

Я хотел, чтобы это было материальным.

Я хотел, чтобы это было другим способом материи.

Я искал супраментальный мир, не зная этого.

И она медленно меня шлифовала, тогда как я не замечал ничего, кроме того, что эта Мать казалась столь милой, но я был замечательно охраняем ее любовью. Она должна была стать полностью беспомощной, сметенной слабостью и болью мира, чтобы я однажды понял, кем была Мать. И это не она заставила меня понять это: поняло мое тело, поняла моя плоть, поняла, почувствовал, полюбила моя человеческая боль. Заплакала также.

Проходили недели и месяцы, прошло три года, перемежаемых попытками убежать, но я всегда возвращался, как если бы я не мог отрицать или отречься от того, что видел с Матерью, как если бы мои джунгли "где-то там" были бы бегством от себя, возвращением к прошлому земли, а не прыжком в будущее; пока однажды, когда Мать сказала мне, просто так, в середине разговора, как бы невзначай (но это повергло меня в странный, неописуемый маленький шок): Есть нечто, что мы должны сделать вместе.

Это "нечто, что мы должны сделать вместе" росло незаметно: это были сотни и тысячи переживаний, которые Мать назвала своей Аджендой -- более 6000 страниц, 13 томов: хроника будущего -- великий Лес, в который я входил вместе с ей, даже не зная, что это был Лес будущего. Не знаешь, что это лес, не знаешь, что это будущее, но внезапно оказываешься перед одним деревом, затем перед другим, затем еще одним... сотни и тысячи деревьев, растущих друг за другом. И внезапно ты понимаешь: да это же лес! Это лес!

Мы пойдем вместе в этот лес.

Великий лес Матери.

Лес следующего мира.

И это "нечто, что мы должны сделать вместе" продолжается за вуалью, как если бы она вела меня за руку... как если бы она хотела, чтобы я достиг точки, где вуаль исчезает.

Тогда мы увидим.

Мы увидим материально.

Х. ДРУГАЯ СТОРОНА ВУАЛИ

Путь в никуда

Как можно ЗАКРЕПИТЬ Сверхразум в теле?

Мать поставила это вопрос как раз за несколько дней перед своим первым заболеванием, в конце 1958 г. И это "заболевание" было первым ответом во плоти. Поистине, нам даются все средства, чтобы достичь цели, только мы не знаем, что они являются средствами. Довольно большая часть йоги тела состоит просто в том, чтобы осознать, что все является средством. Хотя это выглядит пустяком, но это грандиозное открытие. И, конечно же, мы постоянно ищем ментальные средства, ментальную систему, ментальный ответ, но если Сверхразум находится в материи, тогда сама материя должна давать нам ответ, то есть, вся материя должна дать ответ. Под материей подразумеваются ступени, по которым ты взбираешься, бутылочки с водой для полоскания рта, пролетающая мимо птица, общая простуда и лезвия бритвы, которое слегка ранит твое лицо, и тысячи маленьких окружающих тебя предметов, которые тайком учат тебя, что твое тело -- это мое тело и все есть тело. Материя бескрайня. Материя чрезвычайно переплетена. И вопрос Матери посреди этих материальных джунглей в точности напоминает нам вопрос высшей обезьяны, столкнувшейся с маленькой неуловимой вибрацией, которую ей не удавалось закрепить в своей голове. Мать воспринимала Сверхразум один раз, два раза, десять раз, но это было

"позади" нечто, так сказать: это приходило, великолепное, всемогущее, и исчезало, неизвестно куда или почему. Действительно, она должна была задавать этот вопрос долгое время, и, возможно, что именно ее вопрос, повторение ее вопроса, в конечном итоге привело к ответу. Сам факт вопроса "почему" был средством. Он вызывал мышление. Он уже был вибрацией, контактом с другой вещью. Но, очевидно, здесь, в нашем супраментальном переходе, это не голова должна задавать вопрос. Тело должно задать вопрос. Действительно ли тело задает вопросы? Ну, не совсем так, но оно живет ими. Столкнувшись с заболеванием или удушающим местом или запахом смерти, оно пытается дышать нужным образом или выбраться из трудности. Именно тело должно искать и находить ответ.

Тело очень механическое: оно забывает, идет ко сну, следует собственному заведенному порядку, а все, что нарушает этот порядок, представляется ему ужасной катастрофой. Мать смеясь говорила о "супраментальной катастрофе", но она вскоре испытает на себе, что Сверхразум -- это, прежде всего, великая катастрофа тела. Тело должно подвергнуться "катастрофе", чтобы начать задавать вопросы и получать на них ответы. Есть это довольно сильное ощущение, что всякий раз, когда мир, земля переходит из одной фазы в другую, возникает некоторое переходное состояние, которое всегда похоже на гребень между двумя мирами, и это очень опасный момент, когда малейшая вещь может вызвать катастрофу. Что будет означать, что множество вещей нужно будет начать сначала. И то же самое явление встречается на очень маленькой шкале, может произойти с индивидами, в том смысле, что когда они переходят от одного состояния сознания (от ряда состояний сознания, которые составляют их индивидуальность) к более высокому состоянию и вносят в свое состояние некий элемент, который может произвести более высокий синтез, то всегда существует опасный период, когда катастрофа возможна. И то же самое явление встречается на уровне тела. Этот переход земли, который начинает поражать всех, Мать сначала пережила в своем теле через всевозможные "катастрофы". Это закон прогресса. Будь это прогресс миров или сфер, или же индивидуальный прогресс, это одно и то же, только на разных масштабах. Я чувствую, что мы в одном из этих периодов. Возможно, должно также взывать тело земли. Оно должно начать задавать вопрос. Можно было бы сказать, что задать вопрос означает уже получить на него ответ, поскольку сам вопрос устанавливает контакт с другим миром, как вопрос обезьяны установил контакт с миром мышления. Сознание тела такое тупое, такое тусклое... оно производит впечатление чего-то недвижимого, неизменяемого, неспособного на ответ; такое впечатление, что можно было бы ждать тысячи и тысячи лет и ничего не шелохнется -- требуются катастрофы, чтобы оно начало шевелиться!... Что же, в течение месяцев я находилась и сейчас нахожусь в этом сознании; это означает, что я прохожу через все постижимые заболевания. Мать постепенно отходила к источнику мировой Болезни. Она собиралась задействовать в своем теле некое особенное "вскипание", которое вскоре станет вопросом всего мира. Мир не "болен", ничуть не больше, чем была больна Мать: он под вопросом.

Как можно закрепить Сверхразум здесь?

Ты начинаешь пробовать всевозможные вещи без порядка или метода, не зная, где начать, и у тебя возникает чувство поисков наощупь, блуждания и пути в никуда... Да, за исключением того, что это "никуда" уже в точности есть "куда-то"! Потому что то, что называет "домом", является старой тысячелетней привычкой -- тело должно идти в никуда, это очевидно. Но оно действительно должно это делать. И сам факт делания этого, пути в то слепое "никуда", факт слепого блуждания по кругу, сам факт поисков наощупь уже является самым ответом: он вызывает материальные ответы, которые внезапно возникают повсюду, подобно мельчайшим созданиям, которые были не видны под сенью деревьев. Ты наступаешь туда, а оно ползет. Когда ты спускаешься в тело, когда ты пытаешься заставить его сделать шаг вперед -- о, даже не полный шаг, а маленький шагочок -- как все начинает скрипеть. Это как наступить на муравейник. И главная наша трудность заключается в том, чтобы понять, что это ползание уже является самым ответом. Все то, что скрипит, все, что "против", все, что вздымается -- это ответ. Это начало "куда-то". Только мы видим это

неправильным образом, мы видим это через ментальные очки, которые, конечно же, находят, что это не согласуется с нормальным порядком и истиной, добрым здоровьем и моральностью -- естественно, не согласуется. Это некая другая согласованность пытается показать свое лицо несмотря на разум. Некая согласованность, которая не согласуется ни с чем, кроме себя. Другая "согласованность", которую следует понять. Очень трудно допустить, что неудобно старое, а не новое. И затем, мало-помалу, возникает та или иная вещь. Вещи возникают сами по себе; то есть, в тот момент, когда мы решаем не смотреть на них с нашими обычными ментальными реакциями, они автоматически показывают свое настоящее лицо: смотри, я такова. Они рассказывают нам о своем чистом смысле. И все раскрывает пред нами свой смысл. Разум привык запирает все в клетку: убери клетку, и все наполнится смыслом.

Но это грандиозный мир. Чем он мельче, тем более грандиозный. И в конечном итоге, что не удивительно, вся вселенная захватывается в маленьком клетке. Все это одно и то же! То же самое движение. Остается гадать, зачем людям лететь на луну! Они хотят утопить маленькое в большом. Но следует найти большое в маленьком. Тело кажется очень простой вещью, не так ли? Это тело, это "мое" тело, и, в конце концов, оно имеет только одну форму. Но это не так! Это комбинация сотен сущностей, которые не знают ничего друг о друге и гармонизируется нечто более глубоким, что они не знают... Мать входила в великий лес. Куда он вообще вел? Беспорядок и хаос, как только вы пытались засунуть туда свой нос: так что, ты хочешь сделать нечто лучшее нашего автоматизма? Ну, посмотри на свое ребячество. Следует обладать предельным ребячеством, чтобы иметь отвагу делать такую работу. Следует отважиться разучиться всему. Ментально все очень хорошо, можно выделять милую ментальную анти-ментальную акробатику, но когда ты имеешь дело с телом: разучиться ходить... разучиться дышать? Никто никогда должным образом не оценит... я чуть не сказал героизм Матери, но здесь нечто иное, более простое и более ужасное: вы должны иметь нервы из стали. Такой долгий путь лежит между привычным состоянием тела, его почти полным несознанием, к которому мы привыкли, потому что "это так", и совершенным пробуждением сознания, откликом всех клеток, всех органов, всех функций... кажется, что между этими двумя состояниями века работы. И всякий раз, когда пробуждается и входит в движение трансформации некий новый элемент, ты чувствуешь, что все следует начать сызнова -- все, что казалось тебе сделанным, нужно переделывать. Но это не верно: на самом деле ты не переделываешь ту же самую вещь; это аналогичная вещь в новом элементе, которую ты раньше просмотрел или оставил в стороне, потому что она была не готова, а сейчас, будучи готовой, она пробуждается и хочет занять подходящее себе место. Но это порождает чудовищный беспорядок, и требуется все начинать снова. И есть множество подобных элементов...

Она ступала шаг за шагом, тихо; слышался шорох ее длинной шелковой мантии в коридоре, и вот она появлялась, улыбающаяся, смеющаяся. Она пыталась научит нас пути в никуда.

Деперсонализация

Этот коридор сам по себе был лесом. Длинный коридор второго этажа Ашрама, связывающий западное и восточное крыло. Комната Матери была на самом верху восточного крыла, на третьем этаже, напоминая большую каюту корабля посреди желтых цветов огненного дерева и шелеста кокосовых пальм. Она должна была уединиться в этой комнате в 1962 году, никогда больше не спускаясь вниз, кроме как в 1973, чтобы присоединиться ко Шри Ауробиндо под большим огненным деревом. С момента так называемого заболевания в 1958 до своего уединения в 1962 был сначала долгий подготовительный период, чтобы прочистить почву леса, который открывался одновременно со всех сторон (или становился все более густым, если угодно). Но лес начинался в коридоре. Я вышла в 9:30, думая что полчаса мне хватит, чтобы пройти через коридор и добраться туда [офис Павитры, где Мать обычно встречала меня], но оказалось, что этого мало! И так и будет все время, прямо до самого конца, все в большей степени и во всех подробностях: масса маленьких

индивидуальных образчиков на ее пути, каждый со своими проблемами, своей "болезнью", своим протестом, своим требованием. И поскольку Мать уже давно перестала быть личностью, ограниченной своим "мешком с костями", то она поглощала все это, царственно и полностью, общую простуду и все остальное. А, ты хочешь быть трансформированной, не так ли? Что же, тогда ты должна трансформировать все... Тот вопрос, который задавало тело, "как тыкрепишь это", был, прежде всего, погребен подо всем, что препятствовало этому закреплению. Это была проблема не одного тела, а всех тел. Или же нужно полностью уединиться, но что означает трансформация уединенного тела, да и возможна ли она? Ты знаешь ситуацию, конечно же. Из двадцатичетырехчасового дня не выпадает НИ ЕДИНОЙ МИНУТЫ, когда я одна. И в дополнении ко внешней толпе есть и внутренняя толпа: отовсюду, все время, она валит и валит... О, все время, все больше и больше, еще больше... Из всех вещей, которые я видел с Матерью -а были совсем ужасающие моменты -- я не встречал больше сверх-человека или не-человека, чья жизнь столь бы пожиралась людьми без минутной передышки -- ей негде было укрыться, кроме как в ванной комнате, но даже и там за ней могли наблюдать. Ни единой секунды для самой себя, в собственной комнате, чтобы просто подышать воздухом -- до самого конца. По-человечески это непостижимо. Ни секунды, чтобы сбросить ношу. Они были безжалостны, все они. Они будут безжалостными до конца, без единого исключения. Как если бы сговорились все обстоятельства, чтобы отнять у Матери ее собственную тюрьму, лишить ее индивидуальности, так сказать. Но, конечно же, она ясно видела, что путь был везде, каждое мгновение, во всем, в хорошем, плохом, благоприятном, неблагоприятном -- все направлялось к трансформации, в правильном направлении. Может показаться, что попытка использовать эту индивидуальность, это тело, чтобы трансформировать целое, то есть, использовать эту форму тела, чтобы воздействовать на универсальную телесную субстанцию, оборачивается нескончаемым усилием. Нет конца трудностям, нет конца битве! Следует поистине быть "бойцом" -- "боец" - более точное слово, чем "воин": не ты ведешь с кем-то войну, а все ополчается против тебя! Она раньше говорила это детям на Плэйграунде: Как только ты хочешь сделать прогресс, так сразу же наталкиваешься на сопротивление в себе и вокруг себя всего того, что не хочет прогрессировать. И так в точности и происходит. Даже в последние свои дни, четырнадцать лет спустя, она снова скажет мне: Я пробиваюсь, пробиваюсь через море препятствий.

И эти препятствия также служили путем. Это тот момент, который так трудно ухватить. Препятствия, возникающие в теле, являются условиями, необходимыми для движения вперед. Без этого повсеместного удушья тело никогда не нашло бы средств для своего нового дыхания. Школа ускоренной эволюции ужасна. Природа мягко атрофирует и низводит на нет органы на протяжении веков, чтобы новые органы выросли на месте старых, но когда ты хочешь превратить рептилию в птицу за несколько земных лет, это мучительно для рептилии и совершенно непостижимо для еще нерожденной птицы. Осознание грандиозности этой вещи дается мне капля по капле -- так чтобы я не была подавлена этой грандиозностью!... Очень просто быть святым. О, очень просто быть мудрецом! Я чувствую, что была рождена с этим, для меня это спонтанно и естественно и так просто! Ты знаешь все, что тебе надлежит делать, и ты делаешь это с легкостью, поскольку все тебе известно, для тебя это пустяк. Но это, эта трансформация Матери! Что мне надлежит делать? Как следует это делать? Каков путь?... Есть ли явно указанный путь? Существует ли метод? Вероятно, нет. Это поистине движение вслепую, без чьей-либо помощи, в пустыне, в пустыне, напичканной всевозможными ловушками, трудностями и препятствиями -- всеми ними, собранными там вместе... У тебя завязаны глаза, ты не знаешь ничего и ты идешь... Я точно прорубаю дорогу через девственный лес -- хуже, чем девственный лес. И иногда, поначалу, у нее вырывался крик, как если бы она получала облегчение, рассказывая мне вещи -- она также была совсем человеком, эта Мать; давайте не делать ошибки: ее сознание было не таким, как у нас, ее энергия была не похожа на нашу, но ее тело было сделано из нашей субстанции, той же самой болезненной субстанции. И с годами казалось, что все

обстоятельства выстраивались таким образом, чтобы сокрушить ударами кулаков и молотка, как она сказала, всю ту мощь, все те энергии, и даже всю ту грандиозность сознания, чтобы свести его целиком и полностью к физиологическому состоянию земного тела, так что ее тело и только ее тело могло делать работу, без сверхчеловеческой энергии, сверхчеловеческого сознания и сверхчеловеческой силы. Действительно ли Мать уподобилась "инвалиду" -- сможет ли кто-либо когда-нибудь понять это? Я видел ее сияющую мощь: мощь ее была сломана. Я видел, как она распоряжалась силами и стихиями: сила ее была сломана. Я видел ее грандиозной и державной: она была заточена в двадцати адских квадратных футах кожи, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ РАБОТУ. Работу в теле, без трюков или чудес. Да, "подлинную работу", как говорил Шри Ауробиндо. И она позволила, чтобы все спало. Все больше и больше она раскрывала свои руки: Что Тебе угодно, что Ты хочешь... Это был первый урок непроторенного пути, и, на самом деле, первая и единственно возможная дверь: полная сдача, принятие всего. Действительно, рептилия должна полностью сбросить свою рептильскую кожу и оставить свои рептильи силы, чтобы стать нечто иным. И, поистине, нерожденная птица не может знать, что сделает из нее птицу; и на самом деле единственной вещью, обретающей все большую ясность, становится та, что все трудности, все препятствия, все отрицания и "болезни" и являются путем трансформации. Так что нечего больше делать, кроме как сдаться полностью и не оглядываясь назад. Все больше и больше я понимаю: вся эта организация и комбинация вещей, все эти клетки, нервы, все то, что позволяет тебе чувствовать -- вся это предназначено только для Работы, не имеет никакой другой цели, кроме работы. Все немощности и неспособности предначертаны для Работы; все наши глупости -- тоже для Работы. Ты идешь таким путем именно из-за того, что ЭТО И ЕСТЬ тот путь, каким ты можешь делать Работу -- и тебе не нужно пытаться делать иначе. Таково мое заключение. "Все в порядке, как Ты хочешь, пусть исполнится Твоя воля!" Нет: не "пусть исполнится", она исполняется. Это как Ты хочешь, в точности как Ты хочешь. И в конце становится совершенно забавно! Не всегда. Иногда ее тело кричало: Если бы меня оставили в покое хоть на часок, без этих писем, без... о, без того, чтобы видеть всех этих людей -- возможно, пошло бы быстрее... не знаю... Очень трудно делать одновременно два дела: трансформировать тело и заботиться о людях. Но что же делать? Я сказала Шри Ауробиндо, что буду делать Работу. Я делаю ее -- я не могу просто все бросить.

А в другое время ее окружала крошечная темнота, которая сокрушала ее. Потому что очень легко объявить, что ты "сдаешься" и "пусть все идет так, как идет", и в любом случае, ты не можешь вывести птицу из рептилии, но в то же самое время в теле должно быть нечто положительное, некий позыв, побуждение, зов, нечто, что задыхается позитивным образом, если можно так выразиться. Жизнь в теле подразумевает тысячи встреч и повседневных жестов; всякий раз возникает вопрос: делать или не делать, сказать или не сказать и как сделать и как сказать? Идет ли это в направлении рептилии или в направлении птицы? Скорее всего ты не знаешь, это движется вперед ИЗ-ЗА АГОНИИ, и это все. Ты не знаешь ничего -- ничего... Есть напряжение каждое мгновение и в каждом движении, которое ты совершаешь -- ты знаешь, делать ТОЧНО то, что должно быть сделано, сказать в точности то, что должно быть сказано: точная вещь в каждом движении... Существует постоянное напряжение, постоянное. Или если ты займешь другую позицию и доверишься божественной милости и позволишь Господу позаботиться обо всем, то не приведет ли это к дезинтеграции тела? Я это знаю, но САМО ТЕЛО ДОЛЖНО ЭТО ЗНАТЬ! Когда кто-то рядом с тобой имеет подобное переживание, то все очень просто. Прежде, если возникало хоть малейшее затруднение, мне даже не требовалось говорить что-либо Шри Ауробиндо -- все само выправлялось. Теперь, когда я делаю эту Работу, мне даже не к кому обратиться, и это тоже некое напряжение. Ты просто не можешь вообразить -- не можешь себе вообразить, какая это милость иметь кого-либо, на кого ты можешь полностью положиться, позволить себе вести себя без малейшей необходимости искать что-либо. У меня было это, я очень хорошо осознавала это, когда Шри Ауробиндо был здесь, а когда он оставил свое тело, это явилось для меня ужасным коллапсом... Ты не можешь представить. Некто, к кому бы ты мог

обратиться и быть уверенным, что все сказанное им будет истиной. Нет пути, путь должен быть проложен.

Сомнения также нападали на нее -- в течение десяти лет и прямо до конца они не покидали ее, в наиболее грубой форме: Что же, а как насчет Шри Ауробиндо, он не сделал этого... Так как же ты собираешься преуспеть, если он не преуспел?! Даже в 1965 она сказала мне: Самый суровый тест, которому я подверглась, был уход Шри Ауробиндо. Это как нечто пришло и сказало тебе: "Посмотри, все это -- только мечта, которая сбудется не раньше, чем через тысячелетия." И это приходит снова и снова... И как раз тогда, когда ты думаешь, что вещи начинают вырисовываться (в точности чтобы дать тебе некое доказательство, что ты делаешь прогресс), происходит нечто, чтобы доказать тебе, что все это иллюзия. И эта ситуация становится все более и более острой, более и более острой. Всегда есть голос, который я знаю очень хорошо, который приходит и говорит: "Ты видишь, как ты заблуждалась, как ты одурачила себя, ты видишь, какой все это мираж, ты видишь..." И если ты слушаешь, с тобой кончено. Очень просто, все будет кончено. Единственный выход -- закрыть глаза, закрыть уши и крепко уцепиться наверху. С момента ухода Шри Ауробиндо все это повторяется и повторяется, и ты знаешь, это более жестоко, чем любая человеческая пытка и любая постижимая жестокость: "Ты заблуждаешься, это невозможно; ты заблуждаешься, это не возможно..." Как крайняя низость. И затем: "Ты видишь, вот доказательство истинности того, о чем я говорю: Шри Ауробиндо, который знал, даже он ушел." И если ты прислушаешься и поверишь, все кончено. И как раз этого они и хотят. Но они не должны одержать верх, мы должны идти. Сколько это продолжалось? Пятнадцать лет, мой мальчик, в течение пятнадцати лет не прошло и дня без таких атак, не прошло и ночи без... Ты говоришь, что видел кошмары -- твои кошмары, мой мальчик, должны быть нечто очаровательным по сравнению с тем, что я видела. Не верю, что человеческое существо смогло бы вынести то, что я видела.

Она прошла через все.

И, наконец, единственным доказательством того, что она продвигалась, явилось просто то, что она не умерла от отчаяния. И вся ее боль была нацелена на то, чтобы опустить ее до точки, где больше никто не существовал: через нее существовала лишь Бесконечность. Когда больше не оставалось ни одного "человеческого" атома, ни единого атома старой материи, который чувствовал боль, чувствовал темноту, чувствовал... все, чем является человеческое тело, тогда появлялось нечто другое. Птица выходила из рептилии. Но прежде все это должно было умереть. Систематическое, сознательно принятое и желаемое разорение. Медленная, повседневная смерть, в каждой функции, в каждом рефлексе, в каждом автоматизме -- пока не осталось ничего, кроме... другой вещи.

О, Мать! Что ты не сделала?

Дом Шри Ауробиндо

"Другая вещь" возникла совсем внезапно -- но, кто знает, откуда и как? -- и мимолетно, в ночь 25 июля 1959 г. Она пришла неожиданно, посреди "нигде", без какой-либо видимой причины, и ушла почти так же быстро, как и пришла. На самом деле мы не можем сказать, что это было "первое переживание", потому что оно шло в цепи А, В, С... (маленькая "пульсация", "супраментальный корабль", "всемогущая пружина"), каждое из которых освобождало чуть более точный, более явный, более мощный квант или модальность сверхразума. Затем эта линия скрывается под зеленой стеной джунглей, и удушающее "нигде" возвращается повсюду, снова нет пути, есть слепой марш; и внезапно этот путь обнаруживается снова, прямо под вашими ногами, без какой-либо причины, как если бы "где-то" было повсюду, в каждое мгновение, как если бы цель, другая вещь, "конец" был не где-то в отдалении, а повсюду, только завуалированный... чем-то. Нет "расстояния", вы понимаете, нет тысячелетия или веков, чтобы пройти через это, можно было бы даже сказать, что нет "где-то там", через что нужно пройти, нет леса, через который нужно идти: все здесь, в каждой точке. Что такое этот "лес"? Это нечто в теле, что натягивает вуаль: нечто в сознании тела. "Путь" -- это найти то, что скрывает -- но это вуалирование накладывается в

каждой точке; Сверхразум всегда везде под этой зеленой стеной, ему не требуется развиваться или быть созданным. И, более того, это не "зеленая стена", это выглядит скорее как грязевая стена. В телесном сознании есть нечто мутное или грязное, что препятствует тому, чтобы то состояние было здесь, полностью, мгновенно и ясно в каждый момент. Хотя именно это дает нам грандиозную надежду. Чудесную надежду. Обезьяне тоже не надо было идти "куда-то туда", к некоему удаленному Разуму, который еще должен быть создан: обезьяна должна была разблокировать или вычистить то, что мешало контакту -- ее "лес" располагался, главным образом, в ее голове. Теперь же лес находится в нашем теле: мы должны установить контакт с той же самой вещью, которая воспринимается больше не только на уровне мозга, а всеми клетками тела. Путь обезьяны был долгим и трудным, потому что форма восприятия и место восприятия было столь узким, что оно фальсифицировало все, заточило все в клетку и олицетворило все -- должна была быть построенной клетка -- тогда как наше новое место восприятия естественное, телесное, безличностное и не имеет ничего общего с тем, что мы думаем или не думаем, хотим или не хотим. Это вопрос не построения клетки, а разламывания ее, сохраняя в то же время все ценности индивидуализации, обретенные обезьяной. Но клетка может быть разрушена в одну секунду. Кришна в золоте разметал это убежище довольно быстро. Мы должны найти спусковой крючок, пружину -- механизм вуалирования.

Так что той ночью нечто развуалировалось. В дальнейшем мы еще будем изучать последствия этого переживания, которое подняло почти столько же мистерий, сколько развеяло. В действительности, у нас нет средств понять это, пока еще нет. Но есть факт. Той ночью Мать впервые почувствовала Сверхразум прямо в своем теле. Это больше не было нечто "позади" или в глубинах Несознательного, больше не было нечто "где-то там" в некоем видении "будущего" (снова те нереальные "дистанции", нет "будущего"!). Можно было бы сказать, что расстояния уменьшились или внезапно исчезли. Это было в ее теле. Это было там и переносилось с трудом. Супраментальный свет вошел прямо в мое тело, не проходя через внутренние существа. Такое случилось впервые. Он вошел через ступни... Действительно, очень символическая деталь. Красный и золотой цвет -- чудесный, теплый, интенсивный. И он поднимался и поднимался. И по мере того, как он поднимался, росла также лихорадка, потому что тело не было приучено к подобной интенсивности. Когда весь тот свет подошел к голове, я думала, что взорвусь и поэтому должна была остановить это переживание. Но затем я ясно получила указание принести вниз Мир и Покой, чтобы расширить все сознание этого тела и все клетки, так чтобы они могли выдержать супраментальный свет. Так что я расширяла его, и по мере того, как поднимался свет, я привнесла вниз необъятность и невозмутимый покой. И внезапно, после краткого мгновения обморока... я оказалась в другом мире, но не "отдаленном". Этот мир был почти также субстанционален, как физический мир... И здесь мы уже отмечаем заметную разницу от переживаний серии А, В, С..., переживания "супраментального корабля", например: казалось, что тот "другой мир" становился более субстанциональным с тех пор, более близким к нам, как если бы восстанавливалось "пропущенное звено"! И затем Мать внезапно обнаружила Шри Ауробиндо, живущим -- как если бы исчезла вуаль смерти. Как если бы то, что составляет смерть, также затемняло материю и материальное восприятие. В том свете -- том свете в материи, в теле Матери (этот свет даже вызвал лихорадку) -- смерть была отменена или же была устранена вуаль смерти, было восприятие без смерти. Смерть составляет вуаль, и "другая сторона" смерти не где-то, в некой "нематерии", а в материи -- истинной материи. Материи, которая освещает, настоящей материи.

Мир, почти столь же субстанциональный, как физический мир. Там были комнаты -- комната Шри Ауробиндо с кроватью, на которой он отдыхал -- и он жил там, он был там ВСЕ ВРЕМЯ: это был его дом. Там была даже моя комната, с большим зеркалом наподобие того, какое есть у меня здесь, расческами и всем прочим. И субстанция тех предметов была почти столь же плотной, как в физическом мире, но они имели свой собственный свет: предметы были не просвечивающими, не прозрачными, а само-светящимися. Предметы и

субстанция комнат не имели непрозрачности физических объектов: они не были тяжелыми и сухими, как в физическом мире. И Шри Ауробиндо был там, в своей величественности и изумительной красоте. У него были те же великолепные волосы, что и прежде. Это было так конкретно, так вещественно... я оставалась там в течение часа (я взглянула на свои часы перед этим переживанием и после него). Я заговорила со Шри Ауробиндо... Он не сказал ничего. Он спокойно меня выслушал и взглянул на меня так, как если бы все мои слова больше не требовались: он понимал все и сразу же... А когда я "пробудилась", у меня больше не было обычного ощущения возвращения издалека и входа в свое тело. Нет, это было просто так, как если бы я была в том "другом мире", затем сделала шаг назад и снова очутилась бы здесь. Мне потребовалось добрых полчаса, чтобы понять, что этот мир здесь существовал также, как и другой, и что я была больше не на той стороне, а здесь, в мире лжи. Я забыла все -- людей, вещи, что мне следует делать; все исчезло, как если бы вовсе не имело реальности. Ты понимаешь, это не так, как если бы тот мир Истины должен быть создан из ничего: он полностью готов, он здесь, как подкладка нашего собственного мира. Все там. ВСЕ там.

Все это начинено необъяснимыми мистериями; однако то, что последует, возможно, прояснит это. Но лично меня прежде всего поразил один вопрос: почему Матери потребовалось девять лет -- с 1950 до 1959 -- чтобы найти Шри Ауробиндо?... В течение девяти лет она не находила пути. Почему?

Конечно, она встречала его в ментальном мире, как и в витальном и психическом, что случается с большинством из нас (по крайней мере, с теми, кто сознателен), кто встречает так называемых мертвых после их физического исчезновения. Просто идешь в ментальный или витальный мир. Но здесь именно через свое тело нашла она путь, именно сознание ее тела нашло путь. Поэтому, очевидно, что это материальный мир, но другой материи, отличной от той, которую воспринимают наши обычные чувства -- другой материи, или той же самой, но по-другому воспринимаемой? Иными словами, она провела те девять лет, выстраивая недостающее звено (или позволяя ему строиться) в восприятии тела или в материальной субстанции. Когда восприятие было прочищено, она увидела: увидело сознание ее тела. И вещи уже были менее "удаленными", чем в видении ряда А, В, С... , они уже были более физическими, почти такими же вещественными, как физический мир. Но если они могут "подходить ближе" друг к другу, то насколько они могут приблизиться, где разграничительная линия? Действительно ли эти миры останавливаются где-то, не будут ли они подходить все ближе и ближе? Исчезнет ли в некоторый момент разграничительная линия? И, прежде всего, почему существует разграничительная линия, где эта линия, где вуаль? Что составляет вуаль?... Вуаль может быть устранена. Нечто завуалировано в нашей материальной субстанции, в нашем материальном сознании. И все же, -- сказала она, -- требуется немного, совсем немного, чтобы перейти от этого мира к другому, ЧТОБЫ ДРУГОЙ МИР СТАЛ ОЩУТИМО РЕАЛЬНЫМ. Совершенно достаточно маленького переключения или, скорее, маленького обращения во внутренней позиции. Как бы выразиться?... Это неуловимо для обычного сознания: достаточно малейшего сдвига, изменения в качестве... чтобы перейти из этого мира в другой, или чтобы другой мир пришел сюда? В каком направлении это произойдет? Вероятно, ни в том, ни в другом! Как только спадет вуаль, это пойдет во всех направлениях -- но она может спасти. Требуется лишь "переключатель". Мы должны найти "переключатель" в своей субстанции. Возможно, этот переключатель делается сам по себе, неведомо нам, как он делался в Матери, неведомо для нее, в течение тех девяти лет?... Возможно, Мать стирала вуаль в своем теле, устанавливала окончательную связь в своем теле -- если одно тело, один кусок материи установит эту связь, то это будет означать, что все тела, вся материя может установить такую же связь. У меня очень сильное ощущение, -- сказала она, -- что чтобы "сконденсировать" тот мир, будет достаточно того, чтобы он стал видимым для всех. Она сказала это еще в 1956, после переживания супраментального "нисхождения". Между 1956 и 1959 минуло только 3 года. Что же произошло в 1973, когда Мать исчезла? И где она исчезла?...

В том же переживании 1959 года Мать задала Шри Ауробиндо один вопрос, только один: Я показала Шри Ауробиндо весь этот мир, все поле работы, и спросила его, КОГДА тот другой мир, настоящий, который столь близок, придет, чтобы заменить наш мир лжи... Заметьте, что Мать сказала "заменить". Это не так, что мы собираемся уйти в другой мир, это другой мир собирается прийти в этот -- другой, какой другой?... Он тот же самый! Нет двух миров материи, есть только один, но один -- это видимый в ложном свете, а другой -- видимый по-настоящему. Но видеть по-настоящему -- это грандиозная разница! Как перейти от лягушки к птице. Это действительно означает перейти в другой мир, который все же является тем же самым! И все меняется, все. Жизнь меняется, способ бытия меняется. Другой континент внутри континента. Действительно, монументальное обращение... которое зависит от пустяка, переключателя. Но следует суметь выдержать этот переключатель. Сможет лишь небольшое число людей выдержать этот переключатель, увидеть -- подготовить себя к этому переключателю и увидеть, и жить -- тогда как другие пойдут прежним путем? Не станет ли это переживание "заразительным", не все ли человечество вместе пересечет эту линию -- кроме тех, которые хотят по-другому и будут продолжать верить в смерть и действительно умирать? Возможно, Апокалипсис -- как раз это. Но люди, писавшие Апокалипсис, не знали о супраментальном мире. Они не знали о той особенной Материи, которую они поместили на некие удаленные небеса, таким образом сведя на нет сам смысл существования земли. Апокалипсис действительно будет для тех, кто остается по эту сторону линии, все более и более задыхаясь в своем становящемся все более омерзительном мире -- никто не будет их судить; они осудят сами себя, тело и душу. Их собственная тяжелая и душная вибрация автоматически заберет их туда, чему они принадлежат: приведет к загадочному и быстрому вырождению элементов, которые не могут развиваться. Они заразятся смертью -- болезнью, составляющей их суть. Нам нужно подготовить светлую вибрацию! Нам нужно подготовить другой способ дыхания. Возможно, нам просто дается время, чтобы подготовиться. Мы в приготовлении. Мы под вопросом.

Когда? Мать спросила Шри Ауробиндо. "Не готово", -- таким был ответ. Не готово.

Но вуаль становится все тоньше. Она становится тоньше с 1959 года. Что делала Мать в своем теле с 1959 до 1973? Возможно, "расстояние" было сведено к нулю. Возможно, этот как молния или буря... если не милость, которая лишь ждет нашей собственной светлой вибрации, нашей веры в настоящую жизнь, нашей любви настоящей жизни, нашей нужды настоящей жизни. Есть ли у нас эта нужда? Настоящая нужда? Возможно, в этом и состоит весь вопрос.

Темные будут становиться все темнее и темнее.

Светлые будут проясняться и улыбаться новой заре.

Возможно, будет достаточно просто добавить радости, -- сказала она.

XI. МАГИЯ РАЗУМА

Затем все скрылось за зеленой стеной. Или, скорее, за стеной грязи.

В действительности, мы увидим, что эта вуаль или экран грязи, который скрывает от нас настоящий мир, истинную Материю, является на самом деле неким клеточным покровом или запачканным одеянием, и вся задача, это долгое, рискованное пересечение вуали, состоит в работе по очищению клеток, прочищению всего их старого атавистического, генетического, тысячелетнего одеяния, чтобы достичь чистой маленькой клетки. Выхода из клеточного программирования.

И главный покров -- это не молекулы ДНК или РНК, как мы могли бы себе вообразить, а разум: корни Разума в Материи.

Однако первое переживание другой стороны вуали было не столь мимолетным, как я это описал; это была не "греза", которая приходит и уходит: В течение целых двух дней я оставалась там, это два дня абсолютного блаженства. И Шри Ауробиндо был со мной все время, все время: когда я гуляла, он гулял со мной; когда я садилась, он садился рядом... Это была не греза, сознание тела переживало это; то самое сознание, которое чувствует жару, холод, видит непрозрачное, прикасается к твердому. Вуаль была снята. Целых два дня гуляла

она в другом мире, который, тем не менее, был нашим миром. Шри Ауробиндо подарил мне два дня: полное блаженство... Если у меня была бы когда-нибудь личная цель, то эта цель тогда была достигнута -- это неопишимо, совершенно за пределами всех великолепий и всего выразимого. И в тот момент я получила команду от Всевышнего -- он был там, ты понимаешь, конкретно [Мать касается своего лица, тела и рук], и он сказал мне: "Это обещание на будущее. Теперь ты должна делать Работу." И это не индивидуальная работа, а коллективная. И затем Мать добавила нечто, что заставило меня задуматься: Да, Шри Ауробиндо сделал нечто подобное, хотя гораздо более тотальное, полное и абсолютное, когда он оставил свое тело -- потому что он имел это переживание, он имел его, я видела это, я видела его супраментальным на своей кровати, сидящим на своей кровати... Он писал: я делаю это не для себя лично, а для всей земли. И это было в точности то же самое -- о, какое переживание!... Но тогда больше ничего не имело значения, ни вещи, ни люди, даже земля, все не имело абсолютно никакого значения. Так что у Шри Ауробиндо было это, он знал двойной мир, сидя там, в своем кресле, взирая на стены... И он преуспел в том, чтобы жить в двух мирах одновременно: он слушал учеников и видел, как они делали свои глупости вокруг него, он ожидал шагов Матери в коридоре... Это был тот же самый мир, и все же это был другой мир. И просто своим присутствием здесь он тянул другой мир в этот, делая все более тонким разделяющий их слой, Стену между ними... которая была уже не той стеной, как Мать переживала ее; нечто уже стало тоньше, яснее -- вероятно, до того дня, когда он понял, что он будет работать более эффективно с "другой стороны", избавившись от внешних требований учеников, писем, тысячи глупостей, которые отнимали все время от настоящей работы. Было так, как если бы он протолкнулся на другую сторону; пять раз он говорил: у меня нет времени. А Мать оставалась по эту сторону от моста, пока однажды в 1959 году не была установлена первая связь. Но для этого ей не нужно было умереть, она имела "сокровище двух миров", как говорили Риши, "это Сокровище в скале подобное птенцу." Понимаем ли мы, что это означает?... Вероятно, не по-настоящему. Он принял смерть, вступил сознательно, с сознательным, живым телом в противоположность сознания: ночь, смерть. Как если бы бросил семя бытия в скалу, в небытие. Возможно, это как раз это: Кришна в золоте, растущий и сокрушающий стены. Это довольно устрашающе. Что же, значит, Мать покинула тот настоящий мир, тот поистине живой мир, чтобы снова войти в нашу смерть, которую мы называем жизнью. Она осуществила обратное тому, что сделал Шри Ауробиндо. Она собиралась протереть вуаль изнутри. Попытка связи для земли. Ведь, действительно, то, что кажется нам жизнью, ЯВЛЯЕТСЯ СМЕРТЬЮ. Действительно можно сказать, что существуют степени смерти; есть степени жизни и степени смерти: некоторые существа более или менее живы, или, выражаясь негативно, более или менее мертвы. Но те -- о, те, кто знает, кто знает, что эта материальная форма может проявить супраментальный свет; что же, те, кто не имеют в себе супраментального света, уже чуточку мертвы. Вот оно как.

Внести супраментальный свет в тело земли означает выкорчевать смерть. Это означает поднять вуаль над "нечто", что вызывает смерть, поднять ту самую вуаль, которая была поднята на целых два дня.

Тройное условие

И все скрылось. Снова был лес. Слепо идти, задыхаясь, шаг за шагом, не зная пути. Как закрепить супраментальный свет в теле? Не мимолетное переживание, а нечто постоянное. Что препятствует этому? Как всегда, трудность заключается в том, чтобы найти не то, что следует сделать, а то, что следует переделать, поскольку эта вещь невидима, как привычка, и определена как ньютоново яблоко. Есть законы смерти, которые нужно выкорчевать, но где они гнездятся, эти законы, где их найти, прежде чем сможем мы ввести их в свои уравнения? Их нужно отследить в их гнезде. Все очевидные факты надо проследить до их истока: почему мы падаем, почему нам трудно, почему за X следует Y, а за ним -- Z, что вызывает маленькую смерть в конце этой линии. Мы должны дойти до истока всей неопровержимой цепочки, звено за звеном, прямо до микроскопического источника -- где прячется маленькая

тварь. Вся логическая, очевидная, неизменяемая и математическая цепочка, которая составляет вуаль. Грандиозная Ложь во всех ее деталях. Конечно же, мы должны думать об этом как обо лжи -- но беда в том, что не только одни мы думаем: у клеток тела есть свой способ мышления, они подхватывают болезнь смерти как все мы, облаченные в костюмы и галстуки. Так что мы должны идти и разыскать гнездо этой "мысли".

Поэтому первый шаг -- это работа по прояснению материи или, скорее, ложной материи. Когда материя ясна, она будет истинной, и свет сможет войти в нее, настоящая жизнь войдет в нее; "другой" мир здесь, пока мы гуляем или говорим... Но в то же время следует проделать некую другую работу: когда входит тот свет, та грандиозная Мощь, это как сильная лихорадка, кажется, что все вот-вот взорвется, ты чувствуешь себя разбитым, во всех клетках своего тела -- конечно, есть сопротивление, темнота, тяжесть внутри, которая порождает непереносимое трение. Поток пытается пройти через это, но не может: все багровеет. Если ты будешь настаивать, он может даже взорвать все. Это, конечно же, не маленький ментальный поток. Но мы должны сказать, что этот поток чрезвычайно хорошо дозирован, поток просто прерывается, когда дела становятся плохи, или ты падаешь в обморок. Сознание тела подобно сознанию ребенка; оно очень мало, у него нет ментальных "необъятностей". Просто прищемите дверь пальцем -- и сразу все станет ясно. Обморок случается не из-за боли как таковой; просто ответная реакция "плавит предохранитель". Не должно быть больше реакций, все должно течь в пределах телесной необъятности, подобной необъятности высоко наверху. Целостностной необъятности. Именно в теле должны мы найти бесконечность. И на самом деле, именно в теле должны мы иметь все "великие переживания", происходящие высоко наверху. Тогда мы сможем переносить поток без того, чтобы падать в обморок, как маленькая хрупкая женщина (хотя женщины гораздо "прочнее" мужчин, но их субстанция более "взвинчена". Мать всегда говорила, что женщинам принадлежит решительная роль в трансформации и что они более приспособлены к тому, чтобы установить мост.) Так что первым уроком переживания 1959 года явилась потребность универсализировать это телесное сознание, расширить его в недвижимую бесконечность, чтобы иметь способность выдержать любой ураган без малейшего содрогания -- чтобы не было препятствий. Именно препятствие порождает вуаль. Прояснение и универсализация идут рука об руку. Тело -- сознание тела -- должно сначала научиться расширяться. Это совершенно необходимо, иначе клетки обратятся в некую пузырящуюся кашу под действием супраментального света. И Мать посмотрела на меня уголком своего глаза, как бы делаясь самым сокровенным: То, что я пытаюсь достичь, можно назвать великим раскрытием. Только когда произойдет это раскрытие, будет... (как бы выразиться?) случится нечто непреодолимое, и все мировое сопротивление, вся его инерция и даже темнота не в силах будет поглотить это нечто -- определяющий и трансформирующий фактор... Не знаю, когда это наступит. И она добавила (сопровождая слова маленькой озорной улыбкой): Ты понимаешь, если ты будешь достаточно долго концентрироваться на одной ТОЧКЕ, то найдешь Бесконечное -- это то бесконечное, которое X, Y и Z нашли в их собственном переживании, это то, что можно назвать их собственным бесконечным. Но это не то, чего МЫ хотим, не то... Это не индивидуальный или личный контакт с Бесконечным, это тотальный контакт. И Шри Ауробиндо настаивает на этом, он говорит, что совершенно невозможно осуществить супраментальную трансформацию, не будучи универсализированным -- это первое условие. Ты не можешь стать супраментальным, пока не будешь универсализированным. А "универсализированным" означает принять все, быть всем, стать всем -- действительно принять все. Так что все те, кто зажат в своих системах, даже в высочайших регионах мышления, это не ТО.

Бесконечное в материи. Вся вселенная в теле. Но как это сделать? Это как если бы "духовность" стала конкретным делом, почти что делом клеточного механизма. Должна быть достигнута бесконечность, чтобы поток мог пройти, не разметав все, и должна быть также некая имперсонализация или деперсонализация телесного сознания, так чтобы чистая, точная вибрация материальной спонтанности (как в птице, насекомом и во всем мире, кроме

нас) могла установиться без того, чтобы быть пойманной и фальсифицированной всеми нашими так называемыми естественными реакциями, будь то ментальными, моральными, медицинскими или марксистскими, которые все равно ложны, потому что это личные реакции и они зажимают вибрации -или, скорее, эту Вибрацию. Все наши реакции -- смертные реакции, как самые прекрасные, так и самые глупые. Это имперсонализация материальной индивидуальности крайне важна. Теперь я знаю, почему. Она крайне важна для точности Действия, так что только -- ТОЛЬКО -- чистая божественная Воля, если можно так сказать, могла бы быть выражена с наименьшей примесью: любая индивидуализация или персонализация вызывает смешение. И тогда ты понимаешь все, все, все детали. Ты понимаешь, интеллектуально или психологически можно понять определенные вещи (и это очень хорошо, это действительно и может быть весьма полезно), но они всегда видятся весьма смутно, на грани неточности. Но здесь, теперь, есть понимание МЕХАНИЗМА, механизма вибрации. Тогда это становится точным. Все позиции, рекомендуемые йогой, --- сначала действовать так, как приносишь подношение или жертву, затем полная открепленность от результатов (придоставь результаты Господу), затем совершенная ровность во всех обстоятельствах, -- короче говоря, все эти вещи (стадии, которые хорошо понимаешь интеллектуально или переживаешь в своих чувствах), да, все это обретает свой НАСТОЯЩИЙ СМЫСЛ только тогда, когда становится тем, что можно было бы назвать механическим действием вибрации. Только тогда ты действительно понимаешь, почему это должно быть так.

В конечном итоге, Дух раскрывается в Материи. Он наиболее понятен там -- я готов был сказать, наиболее реален, как если бы тот, наверху, был бледной копией, ментальной имитацией. Однажды очень даже может так произойти, что вся наша "духовность" покажется нам чудовищной пародией на нечто иное -- которое по-настоящему и тотально понимается только на уровне материи. И что объясняет весь мир.

Прояснение, универсализация, имперсонализация.

Да, но как сделать это практически, в теле?

Физический разум

Тело начинается в любой точке и каждую секунду.

Вы спускаетесь по лестнице из вашей комнаты, и нечто начинает шептать: О, какой тяжелый день! -- и вам становится тяжело. Вы идете в ванную, и это нечто нашептывает: осторожно, скользко, можно упасть! -- и вы теряете равновесие и падаете. Осторожно, можно порезаться! -- и вы порезались. Вы идете на встречу с кем-то, и это снова шепчет: будь осторожен, он может сбросить на тебя свое плохое настроение -- и вы начинаете раздражаться. Вы чихнули, и тут же опасение: я простудился! -- и вы простудились. Это порождает нескончаемые простуды, несчетные сфабрикованные заболевания, у которых нет ни температурных, ни медицинских диаграмм, но которые отравляют и пачкают и свертывают все -- вуалируют все. Ничто не воспринимается так, как есть: вуалируется загодя. Заранее есть болезнь, расстройство, беспорядок -- все предвидено, до малейшей детали катастрофы. Или же (что реже) оно окрашивает все в розовый цвет -- или желтый, зеленый или индиго -- и все заранее видится в этом свете. Происходит так, как предвидится, просто удивительно, как если бы некий карликовый маг находился там. Но мы придаем этому мало внимания, потому что этот еле заметный голос покрывается нашей идеалистической демагогией, нашими чеканными ментальными решениями, нашими сверхорганизациями... которые дезорганизуются по непонятной причине, внезапно, подорванные непредвиденным, нелепым инцидентом. Так происходит, и все расстраивается. Иногда требуется десять лет, чтобы все расстроилось или появился рак -но это расстройство или рак впечатан в мельчайший шепчущий секрет, который жужжит и жужжит непрерывно, когда вы гуляете, едите, говорите... "Не так быстро, ты устанешь!" -- и вы тут же устаете. "Осторожно, не сделай ошибки!" -- и вы тут же лепите ошибку, почти навязчиво, как если бы щупальца осьминога тихо опутали клетку. "А потом умираешь, ты знаешь" -- да, смерть фатальна. И ты умираешь. Когда начинаешь прикасаться к этому

особенному, бескрайнему, несчетному осьминогу, который портит все, вуалирует все и вышибает дух из всего -- но так незаметно, как мягкий бриз, за пределами всякой веры или секундного "размышления" -- то соприкасаешься с грандиозной черной магией, которая ускользает от нас лишь из-за того, что составляет саму ткань нашего существования. Тонкий, почти бессловесный, незаметней самого легкого бриза, он окутывает вас своими вибрациями, иногда как еле уловимый запах или "предвидение", "предчувствие", расплывчатый эмбрион чего-то, притаившегося под опавшей листвой -- и все распадается. Это невидимое и постоянное разложение всего. Не обязательно разложение трупа (это припасено на самый конец), а неуловимое разложение цвета, которое придает миру некое грязное влечение ("грязное" для тех, у кого ясные глаза: для остальных это очаровательное влечение), которое обладает странной силой над тысячью маленьких повседневных обстоятельств -- а иногда и над крупными обстоятельствами, если доза сильнее. И квази-гипнотическим действием на тело.

Конечно, когда вы хоть немного сознаете то, что происходит, вы отгоняете все это. Но оно прилипчиво. Вы отмечаете это раз, два, десять раз, но оно возвращается в другой форме, под иным цветом. Вы поразили это: оно уходит вниз и надевает маску святоши, выглядит как ангелочек. А затем, бац! появляется снова. Вы справились с этой трудностью, вымели эту нечистоту пятнадцать лет назад; оно незаметно проскальзывает назад в вашу память: "О! Это старо, к счастью, с этим покончено" -- и мгновенно оно появляется снова, вызываемое памятью, пробуждаемое памятью, как сказала Мать, свежее и игристое, вдвойне энергичное из-за долгой спячки; и все начинается сызнова, как если бы ничего не было сделано. Эта трудность попросту спала пятнадцать лет. Дуновение памяти, неуловимая вибрация -- НИЧТО не исчезло. Есть нечто, некая ткань, которая использует все: встречу с кем-либо, поспешное замечание, чтобы все вернулось снова. И требуется искоренить не одну вещь, одну трудность, одну слабость, одну болезнь, нет -- есть целая ткань, почти телесная субстанция. Денатурированная субстанция. Тогда начинаешь видеть масштаб проблемы, как если бы нужно было выкорчевать вообще все. Как если бы заранее существовала некая гниль. И кажущаяся столь неразрывно связанной с телом, что остается только гадать, можно ли устранить ее, не выбросив из тела саму жизнь.

Это "физический разум". Некое первичное мышление в материи.

Но это даже не "мышление", а дыхание или, скорее, отпечаток. Вероятно, отпечаток или память всех катастроф, через которые должна была пройти материя, чтобы пробудиться к жизни -- катастрофическое пробуждение. Пробуждение от великого, покойного Сна. Материальное сознание, то есть, разум в Материи, был сформирован под давлением трудностей -- трудностей, препятствий, страдания, борьбы. Он был "увешан" всем этим, они наложили на него отпечаток пессимизма и пораженчества, что составляет самое большое препятствие. Это громадное желание избежать катастрофы. Великий базис, грандиозный базис Жизни. Жизнь заложена на этом, на этом НЕТ. "Нет", которое предполагает тысячи и миллионы форм и маленьких заболеваний или маленьких слабостей, которые все жаждут окончательного "нет": смерти. Наконец, покоя смерти. Это совсем неуловимо, в совершенстве покрыто нашим ментальным шумом, нашими евангелиями, нашим социализмом, этим и тем, что является ни чем иным, как маленьким лихорадочным возбуждением на платформе смерти. Мы просто притворяемся на время. Затем мы больше не притворяемся (или оно больше не притворяется), и мы призываем во спасение пеницилин, доктора или пастора или небеса. Но смерть приходит не внезапно, она всегда была там. На самом деле вещи не изменились: они только стали тем, чем уже и были. И мы называем это жизнью. Мы постоянно ходим со смертью, спускаясь или поднимаясь по ступенькам, разговаривая или смеясь... смерть шепчет и шепчет и шепчет... И это может зажать абсолютно все: если вы прислушаетесь к этому шепоту, чтобы подкорректировать или отчитать его, он становится очень изворотливым, он принимает видимость десятка добрых мыслей, каждая из которых представляет особенную ловушку. Это совершенная и бесспорная ловушка, независимо от того, с какой стороны вы посмотрите на нее: с хорошей

или плохой. Она обманывает вас во плоти, предвидя заранее ваши мысли и поджидает вас впереди, растянув непредвиденные сети. Правильно думать -- неправильно, неправильно думать -- тоже неправильно. Все запятнано. Но конечно же! Это же РАЗУМ, так что никто ментальнее не сильнее разума. Разум не может подправлять Разум. Поистине полная гниль, укоренившаяся в теле, в каждом рефлексе, каждой реакции, в каждой ложке еды, в каждом шаге, который вы предпринимаете. Вы можете освободить себя от интеллектуальных рассуждений, остановить мыслительный процесс, вступит в освобожденные небеса. Все прекрасно наверху, а внизу бурлит. В самом деле, это борьба с маленькой, поистине микроскопической вещью: привычками существа, способами мышления, чувствования и реагирования... Гран-ди-оз-ная битва с тысячелетними привычками. Она интересна лишь для того, кого интересует ВСЕ, для кого ВСЕ интересно, то есть, для того, кто имеет тот тип воли к совершенству, который не пропускает ничего, ни единой детали, иначе... Ты понимаешь, в тот момент, когда ты находишься в Разуме, разум говорит: "О! нет, нет. Ты попусту тратишь время!" Это не так, но он считает все это пустяками. Но именно эти пустяки составляют саму субстанцию смерти. Наша жизнь сделана из миллиона фатальных пустяков. Может даже показаться, что наши глубины сделаны из непроницаемого осадка глины, составляющего микроскопическую пудру -- суглинистую, плотную и абсолютно черную. И это в сердце клеток, или, скорее, вокруг них. Вуаль рассыпчатой глины. Чуть задень ее -- и она взмоет вверх, как осадок на дне аквариума, и это ночь -- именно эту ночь "живые" называют днем. Они купаются в нем, в том пустяке. Тогда как если вы дадите всему успокоиться, вы наверняка увидите все яснее, аквариум станет прозрачным, но глина все же там, притаилась в глубинах. Так что же делать?

Может показаться, что этот пустяк составляет саму суть проблемы.

Но, несомненно, когда есть чрезвычайная трудность, тогда же сеть чрезвычайный ключ и чрезвычайная мощь. Именно препятствие открывает дверь. Препятствие существует для того, чтобы вести нас к открытию. Смерть -- это окончательное препятствие, которое скрывает от нас величайшее открытие.

Поначалу Мать была очень горда собой (извините за то, что я подтруниваю над ней, но временами мы можем меняться ролями). Она говорила мне: Когда эта мельница начинает работать, я подхватываю ее как пинцетом и... [она сделала жест, тянущий вверх, выше головы], затем я придерживаю ее там, в той недвижимой белизне -- мне не требуется держать ее там долго! Да, а когда она отпускала пинцет, все возобновлялось. Или же вы тащите вниз Силу: в одну секунду вы практически взорваны вспышкой света, которая рассасывает бульканье... на пять минут, пока присутствует сила. Мать ясно видела, что это тоже не работает: Я хорошо понимаю, почему Истина, Истина-Сознание не выражается более постоянным образом, потому что разница между ее Силой и силой Материи столь велика, сила Материи перечеркивается ею, так сказать -- но тогда это означает не трансформацию, а сокрушение. Это то, что они обычно делали в древности: все материальное сознание сокрушалось под весом Силы, которой ничто не могло противостоять или сопротивляться. Так что тогда ты чувствуешь: вот оно! Я ухватил это!... Но ты вовсе ничего не ухватил! Потому что остальное, внизу, осталось прежним, неизменным. А если вы не хотите или не можете использовать ту Силу, которая сокрушает это бурление, если вы не хотите или не можете подниматься вверх в недвижимую Белизну, тогда что же остается?... И если, в довершении всего, вы не можете использовать Разум, чтобы сражаться с разумом Материи, тогда что же делать?... Вы нигде. Или же, скорее, вы полностью в этом, на единственно возможном уровне, в сердце ментальной грязи Материи, и изнутри, изнутри самого препятствия, вы пытаетесь найти силу, которая пройдет через препятствие и трансформирует его. Сама сила препятствия содержит саму силу победы. Все время сражаешься с Победой, и, возможно, секрет состоит в том, чтобы знать, как взглянуть в правильном направлении.

Короткие секунды смерти

Но близко наблюдая это бурление, сталкиваешься не с одним сюрпризом.

Мать наблюдала это, "была в нем", в длинном коридоре второго этажа, в гуще тысячи

маленьких историй учеников, которые все были "ее" историей, ее трудностью, ее глупостью; она следовала этому бурлению, прослеживала его во всех жестах и движениях, и казалось, что не было решения - оно было вытеснено отсюда лишь для того, чтобы объявиться там, изменчиво и нескончаемо -- как если бы единственное решение заключалось в том, чтобы прожить трудность. И вот где проходит тонкая линия, отделяющая две разные грани одной и той же вещи, одной и той же трудности, одной и той же невозможности: грань смерти и грань жизни, закрытое, отрицательное лицо и положительное -- в зависимости от позиции. Переживаешь одну и ту же глупость и невосприимчивость, но на одной стороне она проживается позитивно, с вопросом, зовом, неким глубоким стремлением или охватом истины, которая ощущается позади, которую стремишься отыскать за черным клеем: уподобляешься крику посреди всего этого. А на другой стороне отказываешься, говоришь "нет", не хочешь видеть или допустить существование этого бурления, но оно все равно прилипает. Это означает, что ты не замечаешь врага, а пока ты отказываешься сражаться с ним, то и не имеешь силы над ним -- враг просто поджидает тебя на другой стороне.

Мать шаг за шагом продвигалась в этом болоте, и решение состояло в том, чтобы просто ходить в нем, даже если на это потребуется триста лет. Этот материальный разум любит катастрофы и притягивает их, и даже создает их, потому что ему нужны эмоциональные стимулы, чтобы стряхивать свое несознание. Все, что несознательно, всему тому, что инертно, требуются неистовые эмоции, чтобы пробудиться. И вся эта нужда порождает некое болезненное притяжение или воображение всех тех вещей -- материальный разум постоянно воображает любую возможную катастрофу и открывает дверь злым внушениям подлых маленьких существ, которые получают удовольствие как раз в том, чтобы создавать возможность катастроф... Дымка его воображения (если это можно назвать воображением) всегда катастрофична. Если материальный разум предвидит нечто, он всегда предвидит наихудшее. А наихудшее всегда очень маленькое, очень подлое и грязное -- поистине, это наиболее отвратительное условие человеческого сознания и материи... Ты чувствуешь маленькую боль -- О, может быть, это рак? И затем, после предвидения наихудшего (в долю секунды), этот чудесный персонаж предоставляет все это Господу и говорит Ему: "Вот, Господь, вот Твоя работа, и делай с этим, что хочешь!" Глупый дурак, зачем же сразу подготавливать катастрофу?! Катастрофа, всегда катастрофа, все катастрофа - и затем он предоставляет эту катастрофу Господу! И, конечно же, мы ни на секунду не думаем, что это катастрофа или что это может быть катастрофичным: "Это пустяк", это только проходная "глупая идея" -- но мы ошибаемся. Это подлинно катастрофично. Это ходячая смерть. Требуется как раз маленький набор пустяков, чтобы вызвать рак или настоящую аварию. Через эти микроскопические глупости Мать медленно отслеживала Смерть до ее истока. Она шла туда "без решения", она просто шла через все это, шла "через", совершая ошибки всякий раз, "неправильно реагируя" всякий раз, повторяя некий прошлый промах или, в другой раз... как если бы она была ни чем иным, как сплетением ошибки, лжи и просчетов. "Я" -- это ни что иное, как постоянная ошибка. Первый шаг к "прояснению" кажется квинтэссенцией грязевой ванны. И она была как раз там, она была в этом. Она была не высоко вверх, она не была "непогрешима"; она была там для того, чтобы вырвать ключ к победе из самого препятствия. Это было грязное поле боя.

И история, или болото, начало углубляться. Как много раз я замечал, как посреди беседы или разговаривая с кем-то в коридоре, она внезапно останавливалась и накладывала ладони рук на свои глаза, зажав голову руками -- пять секунд, десять -- и становилась белой, но белой не как мертвец: как если бы компактный столбик света спускался и обволакивал ее... затем все кончалось, она снова улыбалась, продолжала, переходя от одного человека к другому, давая цветок или что-то еще, поглощая этот яд или что-то еще. Или же она продолжала сидеть передо мною, глаза закрыты, внезапно окутанная тем белым светом, как бы арестованная, недвижимая - не было больше признаков жизни в том теле. Затем она тихо говорила мне: Все происходит совсем не так, как в обычной жизни... в течение трех-четырех, иногда пяти или десяти минут, я у-жас-но больна, налицо все признаки, что все кончено. Но

это лишь для того, чтобы заставить меня найти... заставить меня пережить нечто и найти силу. А также чтобы дать телу абсолютную веру в его Божественную Реальность -- чтобы показать, что Божественное здесь, и Он хочет, чтобы оно было здесь, и Он будет здесь... И лишь в такие "моменты", как эти -- когда логически, в соответствии с обычной физической логикой, все кончено -- лишь тогда можешь ты ухватить ключ... Тебе только нужно пройти через все без содрогания. Затем она посмотрела перед собой на большое огненное дерево с желтыми листьями (она всегда была обращена к Шри Ауробиндо, ее кресло или кровать всегда были повернуты в том направлении, как если бы это был ее живой вопрос, как если бы все было ее путем к нему, как если бы нужно было пройти через болото, чтобы присоединиться к нему, преодолеть некую непрозрачность, растворить нечто, чтобы он был здесь: она истирала болото, как он истирал Стену), и добавила: Сколько таких моментов еще потребуется? Не знаю, ты понимаешь, я прокладываю путь.

Должно было быть много "таких моментов", нужно было пройти через сотни и тысячи секунд, чтобы "ухватить ключ". И они приходили отовсюду, все больше и больше, как если бы чем дальше она продвигалась по болоту, тем больше трудностей вырастало повсюду, не только от ее тела, но и от других тел, как если бы ее тело простиралось все дальше и дальше. Поистине, чем более микроскопическим это было, тем более универсальным оно становилось. Она была в теле мира. Я буквально завалена внешними вещами! То одно, то другое, то третье. И какая смесь! Со всех сторон, ото всех людей, отовсюду. И не только отсюда! Из дальних, самых дальних уголков земли, и иногда из прошлого, далекого прошлого: вещи приходят из прошлого, чтобы их привести в порядок, представить новому свету и расставить по своим местам: это всегда так, каждая вещь хочет занять свое место. Так что это нескончаемая работа, как если бы на меня постоянно обрушивалась новая болезнь, а я должна была найти лекарство для нее. Мир становился чем-то очень "конкретным". Она подхватывала все заболевания мира.

И эта проблема, или вопрос, все приближался, становился более острым, как если бы все разыгрывалось в эти короткие секунды: Некая ускоренная дисциплина, галопом: значит каждая секунда. Затем, внезапно, более серьезное заболевание: филляризм. Пакостное заболевание, от которого распухают ноги, как раскаленное жало, изнутри-снаружи, от стоп и все выше и выше, везде... Четыре часа маленьких пыток. В тот день три часа; продолжалось это в течение трех лет. Это поворот нижних центров, -- сказала она просто, как Шри Ауробиндо, когда он сломал свою ногу. Она достигла той же точки, что и он, в конце 1938 года, как раз после Мюнхена. Подсознательное, универсальное болото. Но она продолжала ходить, стоя на ногах часами, слушая того или другого, давая цветок -- та же самая работа. Но в этот раз она начала детально наблюдать работу заболевания в телесной субстанции. Самое интересное, что она подхватила филляризм где-то двадцать лет назад, от комариного укуса на Плэйграунде. Она немедленно приложила свою Силу, а Шри Ауробиндо свою -- болезнь ушла... в подполье. То есть, была применена высшая йогическая сила, чтобы вылечить тело. Та же самая известная сила, которая творит всевозможные чудеса, если вы знаете, как управлять ею. Именно с этой силой некий Теон или супер-Теон мог бы сотворить чудесный и поразительный мир. Это высшие силы Разума, которые мы едва или знаем или не знаем вовсе (и так оно лучше). Но это силы, наложенные на материю свыше, они работают, лишь пока остаешься в надлежащем состоянии, именно, на ментальных высотах. На самом деле Материя не затрагивается: она "затыкается". Вы можете заткнуть ее на всю жизнь и так "вылечиться" -- но вы умираете в конце, как всякий другой. Сама смерть не вылечена; Материя не вылечена. Вот как мы могли бы наслаждаться чудесным миром, не меняя ничего, и приятно подслащивать пилюлю, пока она не кончится. Конечно, доктора окажутся не у дел, вместе с изрядной дозой наших нескладных механических приспособлений, но корень зла не был бы затронут, и этот мир оставался бы миром смерти. Нам предлагается найти настоящий ключ, нечто гораздо лучшее для нас, чем потрясающие чудеса, найти настоящую жизнь. Но для этого, естественно, все силы, подразумеваемая в конечном итоге ложные силы, должны быть убраны. Ключ должен быть найден в Материи --

в природном, что, в конечном итоге, является единственным великим Чудом мира. И так Мать утратила все свои силы, одну за другой, так чтобы само тело могло найти решение. И ее старый загнанный филляризм, похороненный на двадцать лет, тихо вернулся из подсознания тела.

Сама земля должна найти собственное чудо.

Клеточный разум

Эта длительная школа боли была нацелена на то, чтобы ускорить движение и подвести Мать к главному двойному открытию, которое кажется пустяком -- но это всегда так, открытия в теле кажутся пустяком, их даже не совсем осознаешь как "открытия", они кажутся такими неважными... И поэтому вещи тянутся в течение тысячелетий. Открытие радию серьезно; открытие относительности очень серьезно -- мы так наполнены серьезными открытиями, что полностью упускаем суть проблемы. В действительности, мы совершенно упускаем жизнь -- но, конечно же, мы в смерти! Однажды, когда я пожаловался Матери на то, что не вижу "результатов", она ответила мне в своем особом "тоне", который сокрушает стены: Мне показали совершенно объективным и детальным образом, как эффекты, кажущиеся незначительными по их размерам, могут быть гигантскими, понимаешь, гигантскими по качеству. И с улыбкой, как бы забавляясь со мной, мне добавили: "О, ты хочешь результатов, не так ли? Ну, хорошо. Хочешь эффектов? Что же, вот они!" И затем было сказано (ты знаешь, я называю "неважным" все маленькие обстоятельства повседневной жизни): "Ты хочешь ЗЕМНЫХ результатов? Хорошо, вот эти гораздо большие по качеству, чем ты представляешь." И, действительно, я увидела маленькие, очень маленькие вещи, движения сознания в материи, в самом деле, очень маленькие вещи, которые поистине были поразительными по своему качеству, но всегда проходили незамеченными, потому что казались неважными (внешне казались неважными): только при скрупулезном наблюдении можешь ты начать осознавать их -- я имею в виду эти явления сознания клеток. Ты осознаешь свои клетки?... Нет -- что же, сначала научись осознавать свои клетки, а потом увидишь результаты. В течение этих последних дней у меня были доказательства, доказательства, которые развеют любое сомнение: доказательства всемогущества Всевышнего в наиболее несознательной материи... кажущейся несознательной - нечто столь колоссальное, что рассуждающий разум с трудом может поверить этому. Он вынужден поверить. Но ты замечаешь это лишь тогда, когда достигаешь той абсолютно детальной степени внимательности, ты понимаешь, когда вместо того, чтобы искать большие вещи, которые порождают массу ощущений, создают шумиху и имеют ослепительный блеск, ты просто наблюдаешь очень, очень маленькие, микроскопические вещи, которые кажутся абсолютно неважными нашему претенциозному рассудку. Внезапно вы схватываете физический разум посреди раскручивания им своей катастрофической бобины, и "без причины", спонтанно, нечто в теле говорит "нет", и бобина мгновенно останавливается, как бы под действием магии: головная боль исчезает, зубная боль останавливается -- все растворяется просто под действием этого малого "нечто" в теле, которое говорит "нет". Это кажется пустяком, но это абсолютно непреодолимо. Нечто говорит смерти "нет" и имеет силу остановить движение смерти. (Ведь головная боль или ушиб - это тоже смерть.) Нам остается найти, что такое это "нечто".

Так Мать была "в" боли, как она была и в остальном неразрешимом болоте; но боль порождает более интенсивную нужду найти решение. Мать знала, как восходить высоко вверх, обрубить поток и улыбаться в блаженстве -- это элементарно, когда сознание развито, это аналог морфия, только лучшего и более радикального. Но духовный морфий был раз и навсегда отвергнут, как и другие подобные "штучки". Прямо до конца она будет отказываться обрубить поток. Теперь ее путь пробираться через боль имел ту особенность, что боль была полностью и физически приемлема как и все остальное: без реакций типа "нет-нет-я-не-хочу-этого, я-отказываюсь, это-больно" -- все было приемлемо, все болото. И уже, просто через это принятие боли (не ментальное принятие, напоминаю, а физическое принятие) само качество страдания неуловимо менялось... как если бы было менее плотным.

Как если бы поток боли тек легче, можно было бы сказать. Еще несколько шагов, и это просто поток, текущий через вас. И, прежде всего, вы осознаете, что именно физический разум неистово усиливает реакцию, суетится, паникует, воображает вещи, корчится и сжимается любым способом и пытается, насколько это возможно, заблокировать поток, который натывается на препятствие и расчищает свой проход... болезненно, через воющее отрицание физического разума. Потому что для физического разума все является катастрофой -- может даже показаться, что он сам ищет катастроф, чтобы покончить со всем раз и навсегда. Когда этот "приятель" спокоен, замечаешь некую тонкую аэрацию тела, как если бы все легче могло проходить через тело -- "боль" проходит легче. И по мере того, как вещам дозволяется идти своим ходом, без какой-либо реакции, без какой-либо воли (или с единственной внутренней уверенностью, что все это игра "Господа", как сказала Мать, определенное завуалированное чудо, которое нам предлагается раскрыть), тогда тело, субстанция тела, сознание тела начинает становиться широким, текучим, ритмичным, почти "волнообразным", наделенным совсем иным видом движения, в котором боль всего лишь... тот же самый поток, который магически изменил свое лицо. Это неуловимо, длится несколько секунд, "невероятно" -- и естественно, и как только это "невероятно", так боль сразу же возвращается. Эта операция повторяется тысячи раз, она подобна тому, как переходишь из одного мира в другой на несколько секунд, от одного мира к другому, туда-назад, из мира боли в другой... необъяснимый мир -- тот же самый, но совершенно другой. Тогда достигаешь сознания тела: самого тела, как оно есть, его настоящего сознания, свободного от "персонажа", который покрывает его своей магмой воющей катастрофы. Почти как если бы было два тела: тело боли и другое тела; "волнообразное" тело, если можно так выразиться, и другое, съезжившееся, скрюченное, болезненное и забившееся на край, как пациент в кресле дантиста. И как раз после одного из этих почти магических переживаний, в которых "болезнь" испарилась, как если бы растворилась под действием настоящего тела внутри, Мать с удивлением наблюдала: Сами клетки это вовсе не заботит! Это им кажется как несчастный случай или заболевание или нечто, что НЕ БЫЛО НОРМАЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ их развития и было наложено на них.

Начало необычайного переживания.

В первый раз, когда произошло это, Мать заметила: Есть некое восприятие почти полной потери уместности внешнего, материального выражения, отмечающего состояние тела: сознание тела было абсолютно безразлично ко внешним физическим знакам... Например, сломанная нога или больная печень, что же, все это совершенно не имело значения: ЭТО НИ В МАЛЕЙШЕЙ СТЕПЕНИ НЕ ЗАТРАГИВАЕТ ИСТИННОГО СОЗНАНИЯ ТЕЛА. Тогда как мы привыкли думать, что тело очень обеспокоено, когда оно больно, когда что-то идет неправильно -- это не так, его это не волнует, как мы понимаем это. "Но тогда", - спросил я Мать, - "что же обеспокоено, если не тело?" О, это физический разум, этот глупый разум, вот что порождает все, все трудности, всегда. "Это не тело?", - настаивал я. Вовсе нет! Но тогда "Тогда что же страдает?" Это также происходит через физический разум, потому что, если вы успокоите этот "персонаж", то больше не будете страдать! Вот что в точности произошло со мной. Ты понимаешь, этот физический разум использует нервную субстанцию, так что если его отвести от нервной субстанции, то больше ничего не почувствуешь. ВОТ ЧТО ВЫЗЫВАЕТ ВОСПРИЯТИЕ ИЛИ ОЩУЩЕНИЕ.

И вот где начинает опрокидываться изрядная часть стены. На самом деле это не стена, а завеса грязи, именно этот черный осадок, как клейкая, мельчайшая пудра обволакивает все -- покрывает клетки тела. Черный клей физического разума... И начинаешь выбираться из клетки. Начинаешь совсем незаметно и неуловимо поднимать вуаль смерти. Начинаешь прикасаться к настоящему телу, к истинной Материи. Потому что это открытие гораздо изумительней, чем мы думаем, давайте повторим еще раз: именно "физический разум порождает восприятие или ощущение" -- следовательно, все ощущения ложны, абсолютно и крайне ложны. Мы живем в клетке лжи. Мы живем за вуалью лжи; боль ложна, и все ложно: тяжелое, светлое, большое, маленькое, закрытое, открытое, темное, ясное... все восприятия

сфабрикованы в клетке того "приятеля" и тем "приятелем" -- в точности с намерением выбрать или заключить данного индивида в персональную клетку, что дает ему ощущение отделенности от других: я, личность. Такой была первая эволюционная цель. Как индивиды мы вылеплены руками лжи. И теперь Ложь осыпается -- все по-другому, мы совершенно другие! Физический мир, как мы его воспринимаем, является громадной ложью, введенной в уравнение посредством физического разума, который обусловил все. Физическое тело, которое мы воспринимаем и переживаем, является телом лжи. А смерть -это другая ложь: это смерть лжи.

Так что мы должны стать истинным телом через старое.

Мы должны стать настоящей жизнью через смерть.

Мы должны пересечь вуаль смерти, будучи полностью живыми, прежде чем она разложит нас.

И затем наблюдение становится совсем завораживающим, микроскопически детальным, как всегда (на шкале или в подобии мельчайшей пудры черного клея, размазанного надо всем). Потому что замечаешь существование звена между физическим разумом и чистой субстанцией тела: физический разум действует на тело через посредника. Две различные субстанции могут соприкасаться или сообщаться друг с другом, только если между ними есть хотя бы минимальное соответствие, то есть, вибрация из одной области должна суметь пробудить или поднять нечто, соответствующее в другой субстанции. Только тогда может произойти контакт и осуществиться взаимное влияние -- установиться некая связь. Когда Мать вступала в контакт с мумией в музее и входила в контакт с питоном, геранью или аметистом, она касалась там вибрации, некой формы сознания, которая находила в ней ментальную транскрипцию. Таким образом, там был некий "разум", хотя он с трудом был похож на наш, была некая вибрация, воспринимаемая на определенном уровне, который, очевидно, не был мозговым уровнем нашего интеллектуального разума: вибрация, которую она чувствовала или переживала в своем теле и которая затем переводилась в слова, ощущения и образы. Телесный разум. Клеточный разум, скажет она, или даже атомный. Шри Ауробиндо сделал то же самое открытие: И существует также темный разум тела, самих клеток, молекул, корпускулов. Геккель, немецкий материалист, где-то говорил о воле в атоме, и современная наука, имеющая дело с невычислимыми индивидуальными вариациями движения электронов, все ближе подходит к тому представлению, что это не просто образ, а тень, отбрасываемая тайной реальностью. Этот клеточный разум -- упущенное звено между чисто материальной субстанцией и первичной формой развитого разума, который мы называем физическим разумом. Именно через тело осуществляется связь с остальным миром, через этот клеточный разум. Именно это заставляет все (кроме нас) связываться друг с другом. Если бы у нас остался только церебральный разум да пара человеческих глаз, мы бы увидели мертвый, двумерный, фотографический мир, корку мира (что действительно и происходит в большинстве случаев). И этот клеточный разум покрыт, задавлен физическим разумом и подчинен ему: он слепо подчиняется физическому разуму, как бы загипнотизирован им. И здесь мы начинаем вплотную подходить к тайне... Однажды приподнялся уголок вуали, почти случайно, когда она держала руку одного человека, страдавшего болезнью Паркинсона. Непреодолимая, бесконтрольная дрожь была полностью остановлена на некоторое время, как бы заморожена давлением ее сознания: на мгновение она прикоснулась к телу напрямую, прикоснулась к телесному, клеточному сознанию того человека, и все остановилось. Как если бы она прошла через вуаль. И в ту секунду, когда вуаль была приподнята, все остановилось, ни единой дрожи -- это просто не существовало.

Это длилось лишь несколько секунд, потому что физический разум того человека мгновенно заметил: "о, я больше не дрожу" -- и дрожь сразу же возобновилась. Вуаль вернулась на прежнее место.

Так мы начинаем грандиознее осознавать масштабы этого мельчайшего, микроскопического черного клея; мы подошли к корню всех болезней, возможно, к самому корню смерти: Когда ментальность клеток, материальная ментальность, охватывается идеей,

она поистине овладевается ею, - заметила Мать, - и ей почти невозможно (не невозможно, а чрезвычайно трудно) освободить себя от этого. Вот что вызывает заболевания. То же самое с болезнью Паркинсона: дрожь -- это одержимость идеями, что зовется одержимостью идеями в сознательном интеллекте, это гипноз вкупе со страхом в материи. Великий страх физического разума, который в своей основе является страхом жизни, отрицанием жизни, что можно назвать "катастрофической волей": пусть все упокоится в смертном мире. Это некая СКЛАДКА, которую ты пытаешься выправить, но она снова возвращается, автоматически, глупо -- ты разглаживаешь ее, а она снова возникает, и приходится начинать все сначала. Это чрезвычайно интересно, но совершенно убого. Это ничтожно жалко. И ВСЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ наступают таким образом, не зависимо от внешнего выражения. Внешнее выражение -- это просто одна частная форма бытия ТОЙ ЖЕ САМОЙ вещи -- потому что вещи могут комбинироваться каким угодно образом (нет двух одинаковых вещей, и все комбинируется по-разному), и некоторые из них идут АНАЛОГИЧНЫМ ХОДОМ, вот почему доктора окрестили их "таким-то и таким заболеванием."

Это ход или складка смерти.

Вся человеческая материя находится под заклинанием грандиозного гипноза смерти, болезни, темной и тяжелой и заостренней материи... другими словами, мы все воспринимаем в тюрьме физического разума, под вуалью черного клея физического разума. Мастера гипноза знают, что такой гипноз можно снять -- они снимают его... моментально. Они снимают его силовым методом, произвольно. А вуаль нашего собственного гипноза должна быть поднята сознательно. Тело должно сделать собственное чудо. И тогда мы вылечим не просто маленькую болезнь или маленькую боль, а устраним болезнь всего мира, боль мира и, возможно, саму смерть мира.

Это будет другая Материя... и все же та же самая.

Это будет настоящее тело, как оно есть.

Это будет конец магии разума.

Требуется не создать новый мир, а снять магическое заклинание.

Шри Ауробиндо трижды сказал об этом в "Савитри":

A spell is laid upon [our] glorious strengths

The body's tissues thrill apotheosised,

Its cells sustain bright metamorphosis...

As if reversing a deformation's spell

A grand reversal of the Night and Day

All the world's values changed...

И внезапно Мать дошла до тайны: Разум клеток найдет ключ.

XII. ПРОСАЧИВАНИЕ

И иногда, по непонятной причине, появлялась из-под вуали грязи истинная Вибрация, супраментальная Вибрация или Мощь. Все, что мы знаем, это то, что это переживание приходило все чаще и чаще. Дважды было настоящее поглощение супраментальным миром, и оба раза казалось, что тело -- действительно физическое тело -- готово было полностью дезинтегрироваться под действием... того, что можно было бы назвать противостоящие условия. Конечно, мы можем представить себе одно из тех "высоких существ" на супраментальном берегу, чье тело было некой конденсацией силы и света, пытаюсь войти в этот жесткий коробок, напичканный нервами, визжащими при малейшей царапине... И внезапно, как только мы представили это, у нас тут же появляется впечатление, что наши тела сделаны из некоего превосходного картона, в котором почти столько же жизни, как и в чучеле, если сравнивать с той жизнью и тем светом. Мы начинаем соприкасаться с грандиозной разницей -- мы просто не знаем, что такое жизнь. И когда та жизнь входит в это притворство или карикатуру... разница между нашим обычным функционированием и тем функционированием иногда столь крайне ошеломительна, что, очевидно, требуется некая адаптация. Способен ли на адаптацию картон?... Конечно, мы удивляемся, будет ли эта ложная, грязная и жесткая субстанция когда-либо "приспосабливаться" и постепенно

становиться настоящей субстанцией, или же вмешается некий иной механизм. Наверняка сначала должно быть достигнуто, до некоторой степени, прояснение и расширение, должно начаться просачивание через завесу грязи -впоследствии, мы поймем или, скорее, тело поймет.

Супраментальная вибрация

Это просачивание происходило медленно, контролируемым и все более и более "питательным" образом, в течение ряда лет, с происходившими время от времени стремительными натисками супраментальной Силы. И всякий раз описание Матери было очень похожим, единственная разница состояла в количестве, которое становилось все более невероятным, так что часто у меня было ощущение, что я покидал купание в молниях, когда выходил из комнаты Матери; затем мне требовалось несколько часов, чтобы переварить те новые капли, что просочились в меня. Но Мать не называла это купанием в молниях. Она называло это "душем Господа"! Погоди, я устрою им душ Господа. И она смеялась, и иногда совершенно цивилизованные люди как пробки вылетали из ее комнаты, позабыв о всех хороших манерах, не в силах перенести заряд. Это особая вибрация. Ты чувствуешь ее?... нечто подобное чистому сверхэлектричеству? И Мать сделала замечание, которое открывало новые горизонты: Когда ты прикасаешься к Тому, то осознаешь, что оно повсюду, только мы не осознаем это. Оно везде. В действительности, это не нечто, что должно быть привнесено в мир или даже в тело; оно здесь, это сама вибрация атома и камней и растений и животных, всего сущего. Кажется, что только наше жалкое подобие тела, наше ложное тело, не осознает это или сокрыто от этого: это просто невыносимо для него. И характерно то, что наше человеческое тело -- это не просто ментальная тюрьма, которую мы выстроили: это вовсе не "субъективная" тюрьма, как можно было подумать, а настоящая тюрьма, которая обрубает все потоки -- другая материя, настоящая материя, материя животных или растений или камней, вовсе не такая: она открытая. Она не блокирована. Эта вибрация (которую я чувствую и вижу) дает ощущение огня. Вероятно, именно это Риши Вед называли "Огнем" или Агни в человеческом сознании, в человеке, в материи; они всегда говорили о "пламени". Это действительно вибрация с интенсивностью высшего огня. Несколько раз, когда работа была особенно сконцентрированной или сжатой, в теле ощущалось даже что-то наподобие лихорадки. Но, возможно, это ощущается как "лихорадка" или "огонь" лишь потому, что тело зажато в клетке. У птиц нет лихорадки! По крайней мере, супраментальной лихорадки. Но они также не знают, что они "птицы".

Мать описывала мне эту супраментальную Вибрацию дюжину раз в течение ряда лет, всякий раз, однако, с неким изумлением. Очень примечательно то, что кажется, что эта Вибрация вызывает тройную трансформацию или перестройку наших материальных данных: изменение материальных границ или кажущихся делений материи, изменение ощущения Времени -- видоизменены пространство и время -- и полностью радикальное изменение в восприятии жизни (того, что мы называем "жизнью"). Эти описание будет становиться все более точными и нарастать по масштабу, если можно так сказать, но суть выражена уже в первых ее замечаниях. Линия A1, A2, A3 начинает ветвиться и делиться в каждом направлении (бедные мы!). Сначала исчезает ощущение непроницаемой материи, поделенной на маленькие твердые куски: Это как порошок, ты понимаешь, более мелкий, чем мельчайшие точки, порошок атомов, наделенный чрезвычайной интенсивностью вибрации -- но это не движется. И все же есть постоянное движение. Это движется внутри нечто, что вибрирует на месте, не перемещаясь. Ты понимаешь, есть нечто более тонкое по природе, что движется, оно подобно грандиозному потоку силы, текущему через тот порошок. Но сама среда не движется: она вибрирует на месте с чрезвычайной интенсивностью. Некий универсальный поток, струящийся по всем этим порошкообразным концентрациям, без каких-либо границ. Разум хочет заключить этот грандиозный поток в кроличью клетку -- и, очевидно, не может это сделать, он даже не может воспринять его, потому что воспринять уже означало бы внезапно расшириться в нечто, отличное от себя. А это восприятие действительно стирает границы: У меня такое чувство, что я несу в своем

теле гораздо большее существо (под "большим" я понимаю объемность) и гораздо более мощное. Кажется, что оно с трудом уместится внутри: оно превосходит тело. И оно столь начинено силой, что ощущается какое-то стеснение.... Всегда та "плотность", та "плотная Материя". Можно удивляться, не является ли та "плотность" сверхконцентрацией сознания-силы, по сравнению с которой материя, как она проживается в разуме и через разум, кажется соломинкой -- она выдерживает лишь каплю этой концентрации, копию этой концентрации в ментальном картоне, что, конечно же, выглядит жалким подобием по сравнению с оригиналом. Как если бы была вибрация в каждой клетке, и все в целом составляло бы единый БЛОК вибраций... Что дает то ощущение, что материя больше не непрозрачна или жестка. Это компактная плотность или "уплотненная масса", так сказать, вибрации сознания. И оно доходит до сих пор [Мать делает жест, показывающий, что ее вибрационное тело значительно выходит за пределы ее видимого тела.] Иногда даже кажется, что все видимое тело растворяется [когда случается обморок]: Ты понимаешь, это было как расплавленное золото -- литое -- и светящееся. Оно было очень плотным. И оно имело силу -- ВЕС, ты понимаешь, потрясающий. И больше не было тела, вовсе не было, не было больше ничего -- ничего, кроме этого. Что действительно ставит много проблем, если мы хотим продолжать жить в теле, подобном нашему, не падая постоянно в обморок! Как удержать в теле то, к чему оно не готово? Ложное восприятие разума в его тюрьме служило, очевидно, защитой. Так что есть проблема "адаптации".

И время также меняется. Если вы позволите себе предаться "движению", тому универсальному движению, которое течет через маленькие порошкообразные концентрации, тогда ощущение времени больше не такое, как прежде, и пространство тоже другое: Движение столь тотальное -- тотальное и неизменное, неизменное -- что оно производит впечатление совершенной неподвижности. Движение, являющееся некоторой вечной Вибрацией, которая никогда не начинается и не кончается... Нечто из всей вечности, на всю вечность, и без какого-либо деления времени: лишь когда это проецируется на экран, начинает предполагаться деление времени. Очень хорошо, но видимое тело, которое мы сейчас можем назвать ментальным телом, ведь оно кажется нашим ментальным творением, продолжает жить от минуты к минуте, отсчитывая дни, месяцы и годы, или, по меньшей мере, с восприятием дней и лет... что, возможно, и есть причина старения. Наш экран "предполагает деление времени". Но что если больше нет экрана? Если можно ходить по желанию в прошлом, настоящем и будущем, то как может продолжаться "нормальная" жизнь такого тела среди людей, живущих "по часам"? Здесь тоже возникает проблема адаптации: помнить настоящее, чтобы не унестись бог знает куда... и, возможно, не позабыть в ходе этого видимое тело, ложно приклеенное к креслу 25 мая 1961 года. Может показаться, что еще должны быть созданы средства перехода, позволяющие вести двойную жизнь в старом и новом теле, не теряя то или другое. Это физиологические проблемы, вы понимаете, а не метафизические. Что вы будете делать, когда метафизика становится физикой!

Но, возможно, это полностью ментальная проблема, потому что для птиц нет трудности. Трудность заключается в структуре разума и в том факте, что приходится жить вместе с другими существами, которые приклеены к своему разуму. Поистине, должен быть сделан переход от одного вида к другому.

И жизнь тоже меняется -- когда я говорю "жизнь", то имею в виду не только отношение с людьми и с остальными вещами, а само качество воздуха, которым дышишь, тот сорт дыхания, который движет тобой: Золотой свет, абсолютно неподвижный... и затем видится, как вещи наполняются -наполняются бесконечным содержимым. Действительно было ощущение нечего полного вместо пустого. Жизнь, которой живут люди, как я вижу, как они живут, -- пуста, ложна, суха: она пуста -- тяжела и пуста одновременно. Она пуста. Тогда как от той другой жизни немедленно возникает впечатление: полная, полная, полная, полная -- полная! Ты понимаешь, она переливается через все края, больше нет пределов. Она столь полна, что все, уничтожаются все пределы, они стираются, уходят -- нет больше ничего, кроме того, того Нечто.

Как сделать, чтобы просочилось это "нечто", как жить в этом нечто, переносить, выдерживать его, в то же время видимо оставаясь в теле, которое кажется сделанным из самой противоположности всех этих качеств?

Сеть

Она пробиралась сквозь свой лес, изредко озаряемый вспышками света, и иногда это было почти обескураживающе. Мы обманываем самих себя в отношении жизни, мы одеваем ее в идеалы, движения, возбуждение, неистовство и страсти, и заявляем "это жизнь", это "волнующе", но это не верно! Мы просто навешиваем декорацию на некую пустоту каждой секунды, в которой есть шаги и еще шаги и ничего + ничего + ничего, и жесты и еще больше жестов, тысячи жестов ради... чего-то иного, за чем мы бежим и чего у нас никогда нет. Настоящая жизнь, "чистая", если осмелиться так сказать, это этот фабрикат, скопище нулей, как счетчик такси, отсчитывающий несуществующее время, чтобы прибыть "туда". "Наполненное" время там, как только мы туда прибудем -- но мы никогда не прибываем туда! Всегда одно и то же. Таков базис жизни. О, но вся жизнь, КАКОЙ БЫ ОНА НИ БЫЛА, подобна этому. Даже те события, которые кажутся с расстояния величайшими, какими они кажутся большинству людей, даже те исторические события, которые продвинули дальше трансформацию земли и явились настоящим переворотом -- решающие события, великие завоевания, как их называют -- сплетены из ТОЙ ЖЕ ткани, это ТА ЖЕ САМАЯ вещь! Когда ты взглянешь на них с расстояния, то в целом они могут произвести значительное впечатление, но сама жизнь каждой минуты, каждого часа, каждой секунды сплетена из ТОЙ ЖЕ САМОЙ тусклой, однообразной, скучной ткани, лишенной какой-либо настоящей жизни -- простое отражение жизни, иллюзия жизни -- лишенная силы, света или чего-либо еще, хоть сколь-нибудь напоминающего радость. Это хуже кошмара, некая... О, не безысходность, ты понимаешь, нет даже какого-либо ощущения ЧУВСТВОВАНИЯ -- нет НИЧЕГО! Это пустая, пустая, пустая... серая, серая, серая, плотно сплетенная, мелкаячеистая сеть, которая не пропускает ни воздух, ни жизнь, ни свет -- ничего. Мы говорим о "вуали", "тюрьме", но на самом деле это вся та же плотно сплетенная сеть, которая обволакивает все, прямо до клеток тела, как если бы вся жизнь была чем-то сглажена. И затем, временами происходит вторжение другой жизни, без нашего понимания того, как все это работает, причем мы даже не способны переносить эту жизнь дольше, чем несколько секунд или несколько часов. Величие света -- столь очень мягкого, столь наполненного истинной любви, истинного сочувствия, нечто такое теплое, такое очень теплое... Вот что здесь, всегда здесь, ожидающее своего часа, если мы только позволим ему войти. Вот что должно выйти на первый план и проявиться в вибрации КАЖДОЙ секунды -- не как целое, что видится с расстояния и которое кажется интересным, а вибрации каждой секунды, сознание каждой минуты, иначе... Да, иначе... единственная альтернатива -- это воспарить в небеса или идти в ад. Но вуаль должна быть поднята в самом низу, а не на вершинах. Именно глубоко внизу должны мы найти средство от удушья.

Важный секрет поистине должен быть найден на микроскопическом уровне каждой секунды, как раз там, куда мы никогда не хотим смотреть, потому что это ужасно -- это "ничто", как говорит Мать, удушающее ничто, отбрасывает людей в некую аберрацию, лишь бы только не видеть, не видеть это любой ценой, не сталкиваться с ним. Сталкиваться с ним означает надевать шкуру черного пигмея. Для Матери, которая знала все великие расширения сознания в течение восьмидесяти лет, это было... удушающе. Потому что физический разум -- это не просто идиот, бесконечно повторяющий попугай, который заставляет вас по десять раз проверить, хорошо ли закрыта дверь, тогда как вы прекрасно знаете, что заперли ее, но это убогий идиот и попугай, он тормозит все: в одну секунду он предвидит тысячи деталей, которые произойдут через десять лет; начиная от реплики доктора "О, придется лечиться два года" (так что, естественно, потребуется действительно два года) до самого извортливого образа. Это неумолимая память, возможно, тысячелетняя память. Это первичный разум Матери. Все затормаживается и кристаллизуется именно там -- действительно, это строитель тюрьмы. Все имеет последствие, все связано, все идет от

причины к следствию, непреклонно. Он склепал нашу тюрьму, тщательно и во всех деталях. И ничто не может быть вылечено, пока не вылечено то нашептывание: за один взмах оно сводит на нет все победы, одержанные высоко вверх, в высших областях сознания. Корни секса скрыты здесь, не в каком-либо "сексуальном органе" или "инстинкте", от которого можно очень легко отвязаться, а в темной маленькой фиксации, которая хочет... в конечном итоге она хочет ночи, разложения, дезинтеграции всего. Это некое "заикливание", внедренное в материю. И оно повторяет и повторяет свой маленький шепот смерти в каждом жесте, при каждом случае и встрече, во всем. Болезнь Паркинсона -- крайний восторг для него, его элемент, "представительный" верх его деятельности. Он хочет лишь остановить все, как столбняк -- и, на самом деле, он это и делает, скрытно. Это его работа: делать тюрьму. Он хочет воссоздать умиротворенную жесткость камня.

Смерть -- это его величайший успех.

Так что корень зла находится не в каком-либо бездонном или психоаналитическом подсознательном: он здесь, в пределах досягаемости руки или, скорее, досягаемости уха. Только, чтобы воспринять его, нам не следует покрывать его всем обычным шумом, включая моральный. То, что препятствует трансформации -- это все те вещи, которые мы считаем неважными, вся эта масса вещей, все они. И поскольку они очень маленькие (или, скорее, **КАЖУТСЯ** очень маленькими и несущественными), то являются самыми худшими препятствиями. Очень маленькие вещи, принадлежащие подсознательному механизму, до такой степени, что ты можешь быть свободным в своих мыслях, свободным в своих чувствах, свободным даже в своих импульсах, но физически ты остаешься рабом. Все это должно быть уничтожено, уничтожено, уничтожено... Это ни что иное, как механическая привычка. Но она цепляется, прилипает, о!... И мы даже не знаем, что нужно сделать, чтобы уничтожить ее! Ментально мы можем сказать: мы должны очиститься, универсализоваться, имперсонализироваться... все это очень хорошо, но это ментальная картина. Как это сделать в теле? Как прорвать ту сеть? Как можно воздействовать на тот черный глинистый порошок? Как только к нему прикоснешься, он тут же взмывает завесой грязи.

Мантра

Единственным приспособлением, которое Мать использовала на непроторенном пути, для которого не было никаких приспособлений, кроме как существовать определенным образом, просачивать определенным образом и идти дальше, была мантра.

Все организованные формы, как мы видим их, являются скоплением вибраций (ученые скажут "скоплением атомов", потому что видят только один слой материи и сквозь ментальные очки), выражающими какое-то особенное качество объекта, его "стремление", как говорила Мать, и таким путем она, например, называла цветы. Некоторым образом, это настоящее имя вещей, их особенная музыка, которая становится довольно печальной на человеческом уровне. Именно повторение вибраций обеспечивает стабильность форм. Изменение вибрационной игры влечет за собой "разлад" формы (изменение формы, если это переносимо, или дезинтеграцию и "смерть", если это непереносимо). Каждая вещь обладает своим собственным "звучанием", являющимся движением сил, составляющих его. Мантра -- это чистый звук вещи, какой бы она ни была, суть ее вибрации, которая порождает эту вещь или проявляет ее в форме. Есть целая так называемая тантрическая наука, которая манипулирует этими звуками и кажется, что творит "чудеса", воспроизводя звуки вещей -- дезинтегрирует или реинтегрирует их, комбинирует или изменяет их. Поэзия и музыка -- формы этой "магии звука", когда они являются настоящей поэзией и настоящей музыкой, то есть, когда они на самом деле вызывают определенные силы или стремления, определенные формы бытия -- есть всевозможные уровни, вплоть до самых грубых. Это также наша самая обычная магия -- о которой мы не знаем, что это магия, но ее воздействие все равно есть, печальное и грязное -- когда мы ходим по улицам, бормоча свои немые желания или бедные опасения... что естественно приходит, поскольку мы сами и зовем их. Если бы люди видели чудовищно раскрашенную слизь (и что за цвет!), в которой они живут, то им бы показалась совершенно очаровательной окись углерода, которой они дышат в своих городах. Но если

некий чистый звук введен в материю, то и его эффект может быть также магическим; только требуется большая настойчивость, поскольку наша ложная материя толстая, липкая и повторяющаяся. То же самое свойство материи и физического разума неустанно все повторять как попугай, может быть использовано в другом направлении и, "чудесным образом" материя может начать повторять настоящий звук вместо того, чтобы тянуть свою обычную смертную рутину -- насколько она способна это делать без травматических последствий или рискованного подрыва своей вибрационной моды. Есть тонкая разграничительная черта в переходе от старого материального способа бытия к новому, новому способу бытия материи.

"Чистый звук" совсем не нужно искать в каком-то мудреном магическом заклинании. Это ОМ, санскритский звук, настоящее чудо, но, как обычно, настоящая магия кроется в предельной простоте, которой мы обладаем, не зная этого, в той простоте, которая кажется пустяком, но может быть чрезвычайно сильной в своей чистоте, в своей предельной чистоте: как крик нашего сердца, потребность всего нашего существа собраться в ту секунду, когда решается вопрос жизни или смерти. Это последнее слово, которое остается, когда все остальное ушло. Один чистый звук, непохожий на другие, который делает нас некой индивидуальностью, а не безликой марионеткой, нацепившей галстук и степень доктора математики. Каждый из нас может найти этот звук или выражение этого звука в одном или нескольких словах, которые являются нашим собственным "паролем", так сказать, нашим особенным "сезам, откройся": звуком, который представляет некое переживание и обладает силой вспомнить это переживание. Это может быть звук пламени, звук уверенности или свободы, звук радости, звук чистой любви... Того, что составляет для нас весь смысл. Крик на вершине нашего существа или в пучине нашего существа, когда все потеряно. И мы пытаемся внедрить этот звук в повседневную материю, в каждую минуту, каждую секунду, в каждый жест, каждую глупость, любую пустоту, ошибку, печаль, радость -- во все. Это должно стать музыкой нашей материальной субстанции.

Такова мантра.

Это способ обожествить эту субстанцию, - сказала Мать. Звук сам по себе обладает силой, и заставляя тело повторить некий звук, ты тем самым заставляешь его воспринять нужную вибрацию. Механизм воздействия такой же, как при ежедневных занятиях за пианино, например: ты повторяешь механически, и в конечном итоге, это наполняет твои руки сознанием -- наполняет тело сознанием.

Она нашла свою мантру. Это была первая вещь, необходимость в которой она почувствовала после своего первого "заболевания" в 1958: Мое тело хотело бы иметь мантру, чтобы ускорить трансформацию (изменить свою темную вибрационную моду), написала она мне тогда. Она нашла эту мантру и повторяла ее до своего последнего дыхания, день и ночь и каждую секунду, в течение пятнадцати лет, как, возможно, делал Шри Ауробиндо, когда ходил взад-вперед по своему коридору с высоким потолком. И, возможна, она все еще повторяет эту мантру сейчас. Ведь что же может дезинтегрировать ту вибрацию?

Эта мантра обладает поразительной силой над вибрационной сетью, темной сетью грязи, которая обволакивает нас и порождает все наши болезни и старение и всевозможные несчастные случаи. Эта мантра воздействует на мое тело, - сначала отметила она. Это странно, мантра как бы сгущает нечто: вся клеточная жизнь становится компактной, прочной массой грандиозной концентрации -- и ОДНОЙ ЕДИНОЙ вибрацией. Вместо всех обычных вибраций тела, нет ничего, кроме единой вибрации. Единой массы. Вся дрожь, несчетные колебания, поползновения тела внезапно сгустились в одну единую вибрационную массу. Смерть не может войти туда. Болезни и несчастные случаи также не могут войти. Тело наполнено "неприступной" субстанцией, так сказать. Но нужно быть способным вынести эту "субстанцию". Все же, в самом начале, она заметила: Как только я остаюсь в покое на минуту или концентрируюсь, всегда начинается эта мантра, и есть ответ в клетках тела: они начинают вибрировать. В другой раз, когда это пришло, оно охватило все тело, таким вот образом: все клетки затрепетали. И с какой силой! Вибрация продолжала усиливаться и

расти, тогда как сам звук становился все громче и громче, и все клетки тела были охвачены такой интенсивностью стремления, как если бы все тело начало распухать -- это становилось грандиозно. Я чувствовала, что все готово было взорваться. И это обладало такой силой трансформации! Я чувствовала, что если бы это продолжалось, то нечто бы произошло, в том смысле, что изменилось бы некое равновесие клеток тела... Опасная переломная точка. И мы снова сталкиваемся с проблемой "адаптации" субстанции. С какого конца ни подходи к проблеме, все время наталкиваешься на одну и ту же сеть, опутывающую все: можно ли разрушить эту сеть, эту смертную вибрационную паутину, не разрушив саму жизнь и не дезинтегрировав форму?

Это станет главной проблемой Матери на многие годы: проблемой, переживаемой из минуты в минуту, физиологически. Короче говоря, она пыталась сконструировать первое "новое тело". Или, возможно, освободить настоящее. И это означает... рискованный переход.

В мантре Матери было семь слогов:

ОМ НАМО ВНАГАВАТЕН

Мать дала ее миру.

Окружающие мысли

Лес Матери был не только в ее теле, но и в тех 1300 маленьких образчиков (в 1960), каждый из которых представлял свой особый способ смерти, определенный способ бытия в сети и культивирования этой сети. Поскольку она прекратила свою внешнюю деятельность, то проблема заострилась, вместо того, чтобы ослабиться: теперь они больше не могли осаждать ее на Плэйграунде или теннисном корте или где-то, куда она приходила; вместо этого они сами наводняли коридоры, подходили к двери ее ванной комнаты или к двери холодильной установки, где она держала свои цветы, поджидали ее за каждой дверью и в любую секунду. Это было непрекращающееся вторжение. И если она позволяла кому-то войти хотя бы раз, чтобы дать цветок или свой взгляд, то это становилось законным правом на всю вечность -- и, естественно, "почему не я?". Каждый был я, я, я. Не было недостатка в маленьких я, утаскивающих свои цветы от Матери и продолжающих культивировать свою сеть. И если Мать не делала в точности того, что они хотели, тогда темная и неистовая сеть выбрасывала массу грязных маленьких вибраций, которые Мать все поглощала и поглощала. Она никогда не говорила "нет" никому. Мать никогда не говорила "нет", люди сами должны были открыть удушение собственной сети. Она просто накладывала свой спокойный свет на сеть... и она еще больше перекручивалась и переворачивалась под ее давлением. И письма тоже: Они убивают меня своими письмами. О, если бы ты только знал, какие письма они мне пишут... прежде всего, тошнотворное количество глупостей, которые никогда не следовало бы писать; затем, вдобавок к этому, такая демонстрация неведения, эгоизма, злой воли, полного непонимания и беспримерной неблагодарности, и затем все это... столь прямо, мой мальчик! Они сбрасывают на меня это ежедневно, ты понимаешь, и это исходит из самых неожиданных мест. И она отвечала, отвечала. И иногда у нее вырывался крик: Шри Ауробиндо ослеп, я не хочу ослепнуть!... Она садилась в свое большое кресло с резной спинкой, на мгновение закрывала глаза, а руки ее покоились на подлокотнике, такие бледные: Труден контакт с людьми Ашрама. Будь это только постоянная ходьба, чтобы дать им цветок... И они так неосознанно эгоистичны! Если я не делаю обычной концентрации на каждом, они возмущаются: что не так, я сделал что-то не то? И разворачивается все зрелище. Ее ноги, столь тщательно укрытые японскими табами, опухли от филаризиса, как железные палки. И она продолжала свои ежедневные хождения, переходя туда-сюда, все время повторяя мантру. Но все равно проблема оставалась той же самой: каждый человек, каждое письмо вносит свою степень беспорядка, дисгармонии и дезинтеграции. Как если бы все выливалось на твою голову из помойного ведра. И ты должен все это поглощать... Каждая вещь, поглощенная снаружи, порождает беспорядок [в теле], раскалывает все и порождает неправильные связи, нарушает организацию; и иногда требуются часы, чтобы навести порядок. Что означает, что если бы я действительно хотела использовать это тело как инструмент, не меняя его из-за того, что он не может следовать движению, то я должна была

бы остановить, насколько это возможно, материальное поглощение всех вещей, которые отбрасывают меня на годы назад.

Она продолжала "поглощать" до самого конца, и все больше и больше -- чем ближе она подходила к цели, тем неумолимей становилась окружающая сеть, отбрасывая к смерти. Это была не "ее" сеть: это поистине была сеть мира. И проблема все более запутывалась, поскольку это было не просто физическое присутствие 1000 или 1300 образчиков, танцующих свой неистовый танец в ее теле, а это была вся невидимая толпа. И для начала мысли. Пока нам уютно и тепло в сети, мы не понимаем, но как только сеть распускается, это полное вторжение. Мысли -- это не нечто безвредное; мысли -- это действия. Требуется наша обычная броня, чтобы не быть разбитым вдребезги. Некоторые мысли столь же смертельны, как скорпионы, это целое болото разнообразных сороконожек. Да, совершенно ужасная смесь, "как если бы я постоянно опускалась, подхватывая новое заболевание, и должна была найти лекарство от нее". Если бы ты знал, в какую атмосферу они меня погружают, мой мальчик! [и Мать зажимала свою голову между рук, как если бы ее били] Бессмыслица, нонсенс, глупость, идиотизм; все это переливается через все края. Ты не можешь дышать, не вдыхая этого! Еще на Плэйграунде она пыталась втолковать им это: Если бы люди вокруг меня были бы восприимчивы, то это значительно помогло бы моему телу, потому что все вибрации проходили бы через тело и помогли бы ему. Но кто понял это, за исключением маленькой группки молчаливых, кто никогда не просил ничего, никогда не искал с ней встреч и работал молча? И по истечении времени ее собственная сеть распускалась: Тело стало ужасно чувствительным. Например, дурная реакция в ком-то, некое противоречие или самая обычная реакция вызывают внезапную усталость в теле, как если бы оно истощилось. Мало-помалу ее тело становилось всеми телами. Те невинные (или не такие уж невинные) маленькие мысли и нашептывания окружающих тел виделись в их истинном свете -- почти сразу же они показывали свое настоящее лицо, то есть, смерть, содержащуюся внутри них. Каждое из этих маленьких бормотаний поистине, действительно и материально является лапой смерти. Мы не умираем от этого, потому что доза не достаточно велика, и требуется некоторое время. И к тому же мы толстокожи. Но все это входило в Мать, как есть, "чистым", если можно так выразиться. И Мать начала сталкиваться с великой проблемой: Какая досада, все эти мысли людей, о!... Все и каждый думают все время о преклонных годах и смерти, и смерти и преклонных годах и болезни. О, какая это досада! Мы не осознаем это, мысль о смерти является смертью. Мы не ведаем о настоящем движении сил подобно примату Палеолита, мы не знаем ничего о игре и силе вибраций, мы замурованы в собственную ментальную сеть! Но кто же не замурован?... Вы почти что окаменели до смерти из-за всего этого. Это было уже в 1961 -- она будет поглощать их мысли о смерти прямо до самого конца. Они выделяли смерть каждый день (и каждый час), прямо до конца. И затем ее юмор достигал наивысшей точки, она смеялась: Многие из них -- множество -- думают, что я умру, так чтобы это не застало их врасплох, когда это произойдет: я знаю все это. Но это все ребячество, в том смысле, что если я уйду, то они будут правы, а если я не уйду, то это не имеет никакого значения! Это все. Это было в апреле 1961. Еще двенадцать лет в том же режиме.

Проблема, поставленная перед Матерью, или скорее, в Матери, была ясна.

Так что же было делать? Или, более того, как можно было устранить эту сеть, не умерев, без того, чтобы буквально быть задушенной окружающим воздухом? Можно спросить и так: как умереть, не умерев от этого?

Имперсонализация

Между 1958 и 1962 годами Мать выучила один большой урок, микроскопический урок, материальные результаты которого более важны для нашего вида, чем расщепление урана. Мы еще не осознали, сколь потрясающе эти микроскопические открытия -- у них даже нет названия. Они столь радикально новые, что в нашем языке нет подходящего для них названия. Мать даже не знала, что она делала! Иногда она совершенно неожиданно произносила слово или предложение, в середине разговора, что ошеломяло меня, и годы

спустя вы говорите: "о, так ведь же..." Это не об расщеплении атома, но это касалось полной обусловленности вида. Это сама мощь атома, которая представала перед вами с улыбкой и в почти дразнящей атмосфере: о, так ты хочешь чудес! Что же, взгляни... Взгляни на этот закон, взгляни на тот. Это как сама сущность чуда, которая просовывает свой нос через щель в двери или сквозь ячейку сети; и она не делает ничего сенсационного: она попросту ударяет по маленькому "неизбежному" закону, чтобы вы ясно увидели, как все на самом деле устроено... естественно. Вы на секунду протираете свои глаза: но как же...? И все ушло. Еще остается "но как же?", которое следует устранить. Но затем вы осознаете, что мир действительно стоит на грани чуда, которое зависит от... нечто, что все еще остается загадкой, но ощущается как мельчайшая мистерия, "ничто" - удивительное ничто. Нечто удивительное, которое кажется пустяком, - сказала Мать в конце. Возможно, мы споткнемся на этом, если Мать крепко держит нас за руки с другой стороны вуали.

Первый урок -- возможно, единственный урок -- заключается в том, что на самом деле мы не можем ничего делать. Мы входим в сеть и наталкиваемся на все, завязываем везде, запутываемся в каждом жесте, как в нашем желании творить благо, так и в потемках "дурных" действий. Все реакции ложны, как плохие, так и хорошие. Вы отказываетесь от чего-то, и оно отскакивает вам в лицо как теннисный мяч; вы приемлите это, и оно идет бесчисленными извилинами. И все ощущения ложны. "Я не хочу ослепнуть", и мгновенно нечто хочет, чтобы вы ослепли, и вы видите в десять раз хуже; "я измучен", и вы чувствуете себя совершенно раздавленным, как под тонной свинца. "Но посмотри, я укололся, и идет кровь! Это действительно серьезно..." И вы ловите маленькое нечто, которое хочет быть серьезным и хочет, чтобы его воспринимали серьезно, и оно очень ранит вас, если его не воспринимают серьезно. В тот день, когда Мать произнесла: Но почему ты не скажешь своим клеткам, что они глупы, выделяя кровь при уколе, я был очень обижен. Глупость безмерна, она повсюду, в каждом укромном уголке: она "серьезна", действительно. Она смертельна. Вся медицина сомнительна, вся физика сомнительна, вся физиология -- вся невысказанная Глупость, которая опутывает нас непроницаемой и неопровержимой сетью, которая хуже гидры: мириапод с тысячью микроскопических голов -- и ОНА ПРАВА. Эта глупость всегда права, она всегда напичкана здравомыслием и ослепляющими доказательствами. Она заставляет вас завязнуть: так что же, ты сам видишь! Она заставляет вас упасть: так что же, ты сам все видишь! Невозмутимо, самым разнообразным образом, она поставляет вам все отрицания, все поражения, все падения, все свои доказательства. Нужно быть немножко ребенком, чтобы противоречить ньютонову яблоку. Нужно быть совсем ребенком, чтобы хотеть выбраться из сети. Мы слишком разумны, чтобы быть ребенком. Мать двигалась во всем этом, ударяясь то об одну, то о другую сторону, затыкая дыру здесь, тогда как она снова открывается там, вынимая одну глупость из ее оболочки лишь для того, чтобы обнаружить тысячи других: вы находите, что переполнены глупостями, переполнены ошибками, по уши в грязи. Мириады маленьких вспыхивающих заболеваний. Мириады маленьких смертей, с которыми сталкиваешься, просто проходя по коридору. Вы переполнены ожидаемой болезнью, ожидаемой смертью. Все это кишит и копошится, все это невероятно. Это ничтожно мало. Лишь потому что оно множится миллионы раз, может приобрести оно некую важность -- но это ничтожество! Ничтожество. И все это блокирует путь. Все это составляет сеть. Все это преграждает путь настоящей Вибрации -- естественному ... "чуду". Это напоминает мне миниатюрные работы, которые делаешь с увеличительным стеклом, нанося мельчайшие точки -- эти миниатюры делаются тончайшей, очень заостренной кисточкой, и ты ставишь очень маленькие точки, используя увеличительное стекло. И требуется поставить множество, много-много маленьких точек, чтобы сделать лишь часть щеки. Очень маленьких точек, очень маленьких.

И затем, если вы начинаете смотреть на эти точки, они также начинают непропорционально нарастать. Вы не знаете, что делать, все кажется везде подделкой. Хорошее -- подделка, плохое -- подделка. И есть все маленькие образчики подле вас, которые увеличивают размах проблемы. Это как бы проблема всей земли. Вы говорите "нет"

кому-то -- или, скорее, вы говорите "нет" пагубной реакции в ком-то -- и мгновенно происходит так, как если бы вы возвели стену между собой и этой реакцией: вас она больше не касается, но и вы больше не затрагиваете эту пагубную реакцию -- она ерзает по другую сторону от стены. И в конечном итоге она возвращается к вам, потому что несовершенство в ком-то -- это наше несовершенство, и все -- наше несовершенство. То, что говорит в вас "нет" -- это в точности то, что может быть затронуто этим частным несовершенством: оно в вас, та же самая вещь, скрытая, только она говорит "нет" вместо того, чтобы говорить "да", и это все. Пока есть отклик на несовершенство, это означает, что мы все варимся в одном и том же супе. И, естественно, для каждого из нас, наше "нет" является на самом деле "да", облаченным в мантию святош -- это святой суп. Вы вовсе не выбрались из этого супа, совсем нет. Это все одно и то же. Но, конечно же, все тела сделаны из одной и той же материи. Нет святой материи в противовес дьявольской: есть Материя. Мать выучила и этот урок: Тебя бьют и бьют до тех пор, пока ты не поймешь. До тех пор, пока ты не окажешься в том состоянии, когда все тела являются твоим телом. Тогда ты начинаешь смеяться! Ты обычно атаковывался этим, ранился тем, страдал от этого или того -- каким смешным все это кажется сейчас! Да, все это одно и то же. Тело простирается до границ земли. Нет ни одной глупости, которая бы абсолютно, полностью и интегрально не являлась бы нашей собственной глупостью. Только она отражается в нас другим образом. Заметьте, что я сказал "отражается": эта Глупость скрывается в нас, держится в нас благодаря экрану -- даже если это микроскопический экран, не больше клетки. Но это отражение глупости, и в действительности не сама глупость -- это отражение болезни, отражение смерти... тысяча отражений одной и той же вещи, которая играет и мерцает в или на всех телах. Может даже показаться, что этот экран и порождает глупость.

Мать наощупь продвигалась к простому и монументальному открытию, которые другие сделали на вершинах освобожденного разума, но она делала его в своем теле. Когда вы покончили со всеми маленькими точками, этими нескончаемыми частями щеки, когда вы ударяетесь обо все повсюду, завязли везде -- пресыщены этим человеком, пресыщены тем -- когда вы сбились и еще раз сбились, и все сбивает вас с пути, как "да", так и "нет", добро как и зло, личное усилие, как и не-усилие, когда желание очищения становится даже толще вуали грязи, когда желание к универсализации становится даже более тяжелой тюрьмой, когда стремление к трансформации подобно еще одному затмению, поскольку вы просто не знаете, что искать и как искать -- вы не знаете пути, вы не знаете, что ведет к цели, а что уводит от нее, вы даже не знаете, каковы требуемые качества или, возможно, требуемые дефекты... когда кажется, что вы отдубасены со всех сторон, разламываетесь от усталости (и, возможно, это тоже подделка усталости), разбиты невозможностями со всех направлений, атакованы кишащими мыслями, когда вы уподобляетесь накаченному наркотиками человеку в туче боли, тогда... тогда вы раскрываете свои руки: Единственное, что я делаю, это [и Мать кладет свои руки на колени, раскрывая их вверх, совсем белые руки с фиолетовыми венами, они кажутся просвечивающими], все время так, везде, в мыслях, чувствах, ощущениях, в клетках тела, все время: "Тебе, Тебе, Тебе. Это Ты, это Ты, это Ты." Это все... больше ничего. Другими словами, все более и более полное согласие, все более и более интегральное и все больше такое [и она сделала жест, как бы позволяя себе унести]; это когда ты чувствуешь, что должен полностью стать ребенком. Если ты начинаешь думать: О, я должен быть таким! О, мне следует быть так! -- ты попросту теряешь время. Усилие -- это просто экран в другом направлении. "Я не хочу болеть", -- это еще одна болезнь. "Я не хочу умереть", -- еще одна смерть. И "Я хочу быть бессмертным", -- еще одна смерть на экране. А как только "Я не хочу больше делать ошибок", так сразу же приходит Ошибка: ее тень схватывается на экране. Не должно быть больше экранов, и тогда болезнь течет сквозь вас, ошибка течет сквозь вас, смерть течет сквозь вас -- не осталось ничего, кроме вечности. Сеть разрушена. Глупости больше нет. Глупость -- это экран; смерть -- это экран. Нет реальности глупости, нет реальности болезни, нет реальности смерти, есть РЕАЛЬНОСТЬ экрана.

Физический разум является эти экраном.

Убери экран, и больше нет смерти.

То, что составляет экран, вызывает смерть.

Имперсонализация -- это непосредственная универсализация и мгновенное прояснение, включая прояснение смерти.

Годы спустя, Мать скажет мне: Я пыталась действовать по-разному, я очень много учила, но я увидела лишь одну абсолютную вещь -- это единственны абсолют, который может принести абсолютный результат: для Тебя, Господи -- Ты, Ты, для Тебя... И при каждой трудности, всякий раз, просто это: "Это все Твое, Господи, все для Тебя, Твое. Только Ты можешь действовать, единственно Ты. Только Ты, Ты -- Истина, только Ты -- Сила..." И эти слова по сути ничто, они просто очень неуклюжее выражение ... нечто... грандиозной Силы. Это лишь неспособность, неуклюжесть, утрата веры, которую мы примешиваем в Его мощь. С той минуты, когда мы по-настоящему чисты, что означает, что мы находимся лишь под Его влиянием, больше нет пределов, нет пределов -- ничего, ничего, нет ничего, нет законов Природы, которые могли бы противостоять, нет ничего, ничего.

Нет законов Природы.

И, действительно, целая серия физических, физиологических последствий -- невероятных для нашего физического разума -- начинает просачиваться сквозь ячейки сети, как если бы мы имели дело с другой физической Природой -- или, возможно, настоящей Природой. Мы совершенно заблуждаемся, мы совершенно сбиты с толку не только ложной материей, но и ложным Богом, который правил этой ложной материей. Реальность совершенно другая: совершенно другой "Бог" и совершенно другая "Материя". Тот Бог идет рука об руку с той материей, которой сопутствует та Смерть. Мать говорила "Ты", потому что еще нет языка для той другой материальной реальности: Вот в чем беда, ты говоришь "Божественное", а они подразумевают "Бог" -- существует ЛИШЬ То: То одно существует. То, что? Единственно То существует! она называла это "Господь", вы можете называть это как вам угодно -- это другая вещь. Это та Вещь, в которой больше не существует "Я": раздавлено, ушло. Тотальное сознание. Полное движение, тотальная мощь. Существует лишь тотальность. Без экрана. Следующее сознание. Другой вид, который не является больше ни человечеством, ни сверхчеловечеством, не улучшением животных: нечто иное. Нечто, подчиняющееся другому закону, который не имеет ничего общего со всемирной гравитацией. И все же это происходит в физическом, материальном теле. Божественная, материальная реальность. И "божественное", больше не являющееся "другим"... это то, чем вы являетесь на самом деле, что составляет все. Не некий "Ты", высоко вверх, за сотни миль, кого вы не знаете: Он повсюду, Он постоянно здесь, Он внутри -- и вы прилипаете к Нему. Это единственное решение. Понятие "Бог" использовалось, чтобы достичь другой стороны -- но что вы скажете, когда все окажется на одной и той же стороне?

Первый и абсолютный ключ -- сдача. Только это больше не мистическая сдача на вершинах существа: это материальная, телесная сдача. Пока есть персональное усилие, это... О! Подобно человеку, толкающему бочку на вершину горы, когда бочка всякий раз скатывается назад... Потому что, по мере того, как меняется равновесие между различными частями существа, и возрастает доля светлых частей, тогда остальное кажется все более и более неуместным и невыносимым, и действительно становится очень отвратительно; так что все чаще и чаще возникает совсем спонтанное, простое и полное движение: "Я сам ничего не могу поделать с этим. Это невозможно, я не могу, это такой сизифов труд, что это невозможно -- Господь, сделай это за меня." И когда ты делаешь это с простотой ребенка, просто так, искренне, действительно убежденным, что не можешь сделать это: "Это невозможно, я никогда не смогу сделать это -- сделай это за меня", тогда все чудесно! О, Он делает это, мой мальчик, и впоследствии ты ошарашен: Как!... Масса вещей исчезли и никогда не вернутся впредь -- ушли, пуф! Некоторое время спустя ты начинаешь изумляться: "Как это возможно; это было здесь..." просто так, пуф! В одну секунду... Это единственное решение, нет других. Все остальное... стремления, концепции, надежды... это все еще сверхчеловеческое, но это не супраментальное. Это высший тип человечества, пытающийся

подтянуть все человечество, но это бесполезно. От этого нужно отказаться. Тогда может прийти эта Вещь, сможет занять свое место. В этом весь секрет... и позволить себе быть поднятым, пока ты не исчезнешь.

Лучший способ пройти через сеть -- стать потоком воздуха.

Должно исчезнуть "я рептилия", чтобы могло возникнуть "это птица". Компетенция рептилии совершенно бесполезна для птицы.

И, в конечном итоге, единственно исчезающей вещью является экран. И ВОТ МЫ.

Только, - добавила Мать, - ты не должен пугаться -- если ты напуган, то становится ужасно. К счастью, мое тело не из пугливых!

Действительно, существуют совсем радикальные последствия, по сравнению с которыми наши ядерные расщепления выглядят как некое дурное и неуместное ребячество, за исключением смерти, которая остается единственной силой в этом ложном мире.

Теперь мы действительно вступаем в магический лес.

Теперь может начать просачиваться Вибрация.

Теперь мы вступаем в другой мир, и тем не менее, тот же самый.

ХІІІ. ПУТИ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ

Эту сеть не уничтожишь за один день, и не появится просто за один день чистый клеточный разум, освобожденный от гипноза физического разума. Это произойдет лишь в 1965. Истинное тело должно быть вырвано из ночи мира, из целого мира. Помехи, препятствующие нам попасть "туда" -это не досадные ошибки или некое негодное бремя, так что когда мы продеремся через все это, то достигнем прекрасного супраментального прояснения. Все устроено несколько посложнее, опыт следует по длинному, нескончаемому пути через лес, и дни идут за днями: вы дошли до пункта В, пункта С, D... -- изменения во времени, в пространстве, во сне, в видении, в органах чувств -- затем другое маленькое прояснение, другой поток, каждый из которых подобен миру в себе, и цепочка переживаний A1, A2, A3... кажется теперь далеко, далеко "позади", как если бы ее никогда не было. Вы идете из одного несвязанного мира в другой, из одного несвязанного места в другое. Затем внезапно, без какой-либо причины, в конце того пути, вы снова оказываетесь в переживании А, но теперь оно значительно расширено и углублено, с целой серией новых волн и наложений, как если бы то переживание тайком изменилось и приобрело другой смысл и последствия, благодаря тому лишь факту, что между делом вы прошли пункты В, С, D... . Затем вы снова расширяете свой путь, оставляя цепочку A1, A2 и найдя B2, C2, D2,... которая тоже успела измениться. Это подобно глобальной прогрессии, в которой ни одна точка не является "хорошей", и ни одна точка не является окончательной или покоренной раз и навсегда: ничто "там" не находится в каком-то месте, все -- вообще везде. И временами, в некоторой неожиданной точке этой прогрессии, вы как бы оказываетесь перед тотальным секретом: внезапно кажется, что все линии сливаются... и снова все ушло. И вы ходите и ходите; где же Секрет? Мать прикасалась к нему сотни, тысячи раз. И все же можно было бы сказать, что она никогда не знала, в чем Секрет: она проживала его, "вырабатывала", не давая названий. Она ходила, и этот Секрет приходил в бытие через ее хождение. Это не ментальный ход через некоторую математическую проблему, решение которой кроется в самом конце: это клеточный ход, прогресс тела. Это новое тело, делаемое в старом теле или возникающее из старого тела: новый мир, появляющийся из старого. Все точки равным образом хороши, являются тем, и все они равным образом необходимы, чтобы достичь требуемого развития. Пожалуй, можно сказать, что весь лес появляется сразу же, вообще в любой точке, как только все было пройдено. Тело Матери было символическим телом, в котором возникало тело нового мира. Недостает лишь одного звена, чтобы это было видно всем: нескрытый лес, тотальный курс, секрет в каждой точке. Развуализованная Амазония. Новый мир под нашими ногами. Новое тело здесь. Нам нужно лишь начать осознавать нечто. Чтобы перейти в мир иной, она прошла через все это. Так чего же недостает? Секрет заключается как раз в том, чтобы знать, чего недостает, а не то, что уже здесь.

Есть некая вуаль, которая должна быть поднята где-то в нашем сознании.

Мы всегда гадаем, не является ли эта вуаль тем самым физическим разумом: "заклинанием искажений", о чем говорил Шри Ауробиндо. Некая черная магия глубоко внизу, в клетках.

Настоящая материя

Когда немного распускаются ячейки сети в результате имперсонализации, как и под ударами мантры, то начинают возникать всевозможные явления, поначалу довольно неуловимые, как дуновения ветерка, но постепенно становящиеся более точными и крепнущими с годами. Но поначалу истинная супраментальная Вибрация начинает просачиваться в материю не "крушащим" или "ослепляющим" образом, а в тонкой форме, которую Мать описывала множество раз: Как только это начинает устанавливаться здесь, я вижу, что оно производит ту маленькую вибрацию -- мерцающие вибрации -- которые кажутся совершенно необходимыми, чтобы проникнуть в эту материю. Но действительно можно гадать, в каком направлении разворачивается этот процесс: слова "проникнуть в эту материю" оставляют впечатление чего-то "позади" или "вне", что проникает в телесную субстанцию, но действительно ли это "проникновение" снаружи или, скорее, некое прояснение, которое позволяет нам видеть и воспринимать или чувствовать то, что всегда было, под ячейками сети? Мы всегда гадали, как следует понимать этот процесс. Вопрос кажется очень простым, но он влечет за собой совершенно разные последствия, которые меняют всю перспективу процесса: в одном случае это "другая" вибрация мало-помалу проникает в старую материю и модифицирует ее -- следовательно, это трансформация одного под действием другого; в другом случае, это реальное положение вещей, настоящая вибрация, настоящая форма начинает проступать сквозь ячейки сети -- следовательно, это замещение или развуалирование. Мы будем задавать себе этот вопрос прямо до самого конца. Годы спустя, пройдя весь курс и пройдя через изрядное число переживаний, Мать вернется к этому "мерцающему" просачиванию и внезапно, "просто так", в середине разговора, она сделала одно замечание, которое оставило меня совершенно озадаченным. И так все время было с Матерью. Те открытия, столь грандиозные, что ученые написали бы о них тома, никогда не казались ей "открытиями": она просто отмечала текущий факт или, скорее, он становился ей известным, и на этом все кончалось, она продолжала идти дальше -- Мать была полна открытиями столь же прозрачно-очевидными, как воздух, которым дышишь, но она не всегда утруждала себя тем, чтобы отмечать их и говорить: да, это открытие. Она просто проживала вещь, не ментализируя ее -- открытия оставались на потом, когда находилось им подходящее название. В сущности, все уже открыто в путешествии Матери, но ничто не названо, так что это как бы и не существует -- для нас. Но в тот раз она назвала открытие. Она наблюдала, как то мерцающее просачивание вызывало новый целостный способ бытия в теле: Способ бытия, который будет светлым, гармоничным. Этот способ бытия все еще очень трудно определить, но в этом поиске присутствует постоянное восприятие (которое транслируется видением) многокрасочного света, содержащего все цвета: все краски, но не слоями, а как комбинация мельчайших точек, комбинация точек всех цветов... И мы припоминаем "радужный свет", который она восприняла в начале столетия в глубинах Несознательного -- что означает завершение грандиозного курса (можно сказать, курса земли: тело Матери было земным подобно любому другому телу), поскольку тот свет больше не был где-то там, под бездонными глубинами, в каком-то "гроте", а был прямо здесь, на пороге ее тела, мерцающая через все поры ее кожи, так сказать. Вуаль стала тоньше. И она добавила: Теперь я вижу это постоянно, в связи со всем, и это кажется тем, что можно было бы назвать восприятием настоящей Материи. Все возможные цвета комбинируются в светлых точках, не смешиваясь при этом. Все кажется СДЕЛАННЫМ из этого. Полагаю, что после этого она больше никогда не говорила о "настоящей Материи": пришло и ушло. В другой раз было нечто иное, что она не называла. С другой стороны, она все чаще и чаще будет говорить о "ложной материи", как если бы эти крапинки многокрасочных вибраций были настоящим способом бытия материи, который постепенно проявлялся или становился более отчетливым по мере освобождения

сети -- именно эту сеть она назовет "ложной материей". Так что все больше и больше кажется, что это явление можно рассматривать скорее как замещение настоящей Материей или развувалирование настоящей Материи, чем как трансформацию старой материи в нечто "иное". Тогда проясняется множество вещей. Все те, кто ожидали увидеть Мать внезапно помолодевшей, неогорбленной и великолепной в той же самой старой телесной субстанции, смотрели на это явление неправильным образом. Возможно, мы неправильно смотрим на всю землю: может быть, новый мир -- это не ожидаемая трансформация старого, а настоящий мир уже здесь, замещая старый. Грандиозное изменение перспективы. Полное растворение сети. Лучше следует знать, на какой стороне стоишь.

Но то восприятие настоящей Материи в ее теле, в объектах, во всем, было не только видением -- ведь, в конце концов, видения хороши для тех, кто способен видеть -- оно материально и телесно транслировалось совершенно другим способом бытия в материи, как если бы законы больше не были в точности прежними. Так мы можем понять, что необходима некая адаптация, чтобы препятствовать тому, чтобы тело внезапно не дезинтегрировалось или испарилось под давлением новых законов, или, скорее, из-за внезапного исчезновения старых законов, которые висели на теле тоннами свинца. Свинец кажется нам легким. Тюрьмы для нас не существуют. Мы должны выбраться из всего этого, чтобы понять, что оно сделано из свинца и является тюрьмой. Но в тот момент, когда мы выбираемся из всего этого, есть весьма... особенный переход для старого тела -- действительно, как можно быть в двух телах или двух материях одновременно? Как мы вступим в одно, не умерев в другом, или, по крайней мере, не упав в обморок? Это как дышать двумя совершенно различными воздушными, одним - смертельным, а другим - живым -- и как вы останетесь живы, находясь в смертельном? Как вы можете быть в настоящей Материи, жить в настоящей Материи, не теряя другую -- которая является мостом, связующим звеном со старым земным существованием и позволяет вам продолжать в нем быть, жить, видимо делать то, что делают все другие, говорить с другими и быть им доступной? Мы доступны лишь до тех пор, пока смертны как и они, ложны как и они, темны, тяжелы, стареючи, болезненны... Все больше и больше будет это становиться проблемой Матери. Нечто подобное проблеме первой амфибии. Короче говоря, проблема заключается в том, как быть на обеих сторонах сети. Быть в смерти, не умерев в ней.

Новый способ бытия

Этот новый способ бытия Материи (или бытия в Материи) обретал форму постепенно, очень осторожно, но все же... И, прежде всего, как он манифестирует, что является спусковым механизмом другого движения? Тело очень просто, как бы там ни было: оно дышит легко, оно дышит тяжело; ему удобно, оно устало; у него своя рутина, оно делает свои ежедневные жесты. В тот момент, когда меняются заведенные привычки, все начинает скрипеть. В теле миллионы привычек, все является привычкой. Его привычки, какими бы они ни были -- хорошими, плохими, полезными, вредными -- являются частью сети, они внутри сети. В конечном итоге сама сеть является привычкой, миллионами привычек. Привычка доброго здоровья или неважного самочувствия, и, в конечном итоге, привычка смерти, потому что "так заведено", это привычный способ поведения тел. Теперь же, когда мы ищем способ разрушения привычки, какой бы микроскопической и пустячной она ни была, должно возникнуть некое новое движение. И тогда сразу же нечто начинает скрипеть. Это нечто довольно легко впадает в болезнь, потому что приходит в расстройство, и все внезапно становится очень надоедливым: "Мир, несомненно, совершенно отвратителен." Все отвратительно. Сеть расстроена. Это даже кажется смертью (о, всего лишь шепот!), и действительно любой скрип указывает в этом направлении, если вы хоть немного заденете сеть или проникнете через нее. Вы можете притронуться к сети вообще с любой стороны, в любой точке, и, удивительно, вы всегда оказываетесь перед смертью -- пронзительной маленькой смертью, столь глупой, что вы смеетесь, когда замечаете ее, и вы выбрасываете ее в окно; но она не забывает, она просто ждет своего часа. Ни одно наше ментальное хвастовство в конце концов ничего не может поделать с эти: она делает, тайно.

Поэтому мы можем схватить сеть привычек вообще с любой стороны, но если мы пристально посмотрим, то увидим одну привычку, которая как бы является матерью всех остальных: это привычка пораженчества. Она препятствует любому начинанию нового движения. При малейшем недомогании тело мгновенно сдается: о, это такая и такая болезнь, она будет тянуться так много месяцев, столь много лет, и затем мне нужно сделать операцию, а потом... полный перечень. Приходят даже сны физического разума, в которых вы подвергаетесь операциям, которые длятся часами, переносите все стоически (кто знает, с каким смиренным восторгом). Физическое сознание, которое вызывает функционирование клеток [или, точнее, которое гипнотизирует клетки] приучено к усилию, борьбе, страданию, пораженчеству, столь привыкло ко всему этому... и это повсеместно. В людях настаивает на своем только ментальное сознание, а физическое сознание всегда, по привычке, предвидит катастрофу -- другими словами, конец. Конец, который был неизбежен из века в век; эта привычка намертво прицепилась. Так что все очень трудно. Требуется очень медленная и постоянная работа, чтобы заменить такую привычку -- по сути, пораженчества -- верой, истинным сознанием. Истинным сознанием того, что истина - это Гармония, истина это прогресс, истина - это свет, истина... А тело, физическое сознание, неизменно впадает в свою старую привычку, что Мать назвала "старым способом": В теле так много глупости! Например, в любой момент (они длятся несколько секунд или минут, ты понимаешь), в каждый момент есть выбор между тем, чтобы продолжать старую привычку или прогрессировать к сознанию. И так все время. И из-за ... инертности (что это? это даже не дурная воля, потому что это глупо: это глупее дурной воли) есть "естественная" тенденция выбирать вырождение, а не усилие к прогрессу. Это инертная тупость. Но когда тело знает и делает усилие, то это всегда, всегда приводит к свету, да, подобному вибрационным волнам; и волны, связанные с прогрессом, всегда многокрасочны, переливаются всеми цветами. Они связаны с маленьким спонтанным усилием отвергнуть инертность. И это не связано с важными событиями: это явление каждой минуты, для всего, все время, все время, все время -- для всего.

Так что есть некое усилие или способ бытия, который вызывает некоторую "пористость" в теле.

Когда есть то усилие, которое является скорее зовом внутри, потребностью быть чем-то иным, отличным от аморфной массы, которая отсчитывает несуществующие минуты подобно счетчику такси, когда мантра продолжает крушить эту тяжелую непрозрачность, тогда внезапно появляется в теле -и затем все чаще и чаще -- некое светлое набухание, как расширение, которое поистине является стремлением тела, его криком, его призывом воздуха в гущу этого продолжающегося удушья: тело внезапно начинает задыхаться, как если бы оно начало осознавать сеть. Это расширение, воспринимаемое в клетках и повсюду поистине как "светлое набухание", может даже стать довольно сокрушительным и репрессивным другим образом, как если бы в теле было недостаточно места, как если бы оно было все еще слишком засорено. Это знак просачивания другого движения, которое постепенно становится легким и "текучим", по мере того, как субстанция проясняется и имперсонализируется. Интеллект чувствовал то же самое, когда он начал вылупляться из первого кокона неведения: он задыхался, он чувствовал, что постоянно ударялся об уродство, глупость, ничтожность повсюду, и был всем этим зажат. То же самое происходит с сознанием тела. Но здесь глупостью являются все физиологические законы. И начинает появляться новая мода бытия, поначалу неуловимая и почти подобная легкому дуновению, но которая будет иметь громадные последствия. Мы не знаем грандиозной мощи, дающей ростки в этих микроскопических процессах. Это светлое мерцание... кажется истинной модой бытия, - сказала она поначалу; я еще не уверена, но в любом случае это гораздо более сознательная мода бытия. И я вижу это все время: с открытыми глазами, с закрытыми глазами, все время. И тело имеет любопытное восприятие одновременно тонкости и "проницаемости", так сказать, гибкости и не совсем исчезновения, а значительного ослабления жесткости форм. В первый раз, когда тело чувствует это в той или иной своей

части, оно чувствует... немного потерянным, как всегда, ощущение того, что нечто ускользает от него. И вот когда начинается серия обмороков. Но если ты остаешься очень спокойным и тихо ждешь, это просто замещается некой пластичностью или текучестью, которая кажется новой модой бытия клеток. Вероятно, это заменит физическое эго. Это действительно кажется пустяком, но некоторым образом это означает растворение всего, что составляет основание или силу сцепления нашего тела: из-за чего вы ощущаете себя телом, ощущаете "мое" тело -- то есть, привычку, сформированную сетью. Миллионы аккумулированных привычек, сплетенных в вибрационную сеть и составляющие физическое "я", точно также, как существует ментальное "я" и эмоциональное "я". Выбраться из сети - довольно необычное приключение и нелегкое. Но каким-то образом Мать открывала путь в своем собственном теле, немного наподобие тому, как древний ископаемый ящер учился, как отращивать крылья -- за исключением того, что теперь все более радикально. То есть, - продолжала Мать, - кажется, что жесткость формы должна уступить свое место этому новому способу бытия. Но, знаешь, первый контакт всегда очень... "неожиданный"; но мало-помалу, тело приучается к нему. Немного труден именно момент перехода от одного способа к другому. Переход происходит постепенно, но есть момент... просто в моменте перехода есть несколько секунд, которые... по меньшей мере, я могу сказать, "неожиданные". Все привычки растворяются подобным образом. И для всех функций тела то же самое: для циркуляции крови, пищеварения, дыхания -- для всех функций. И в момент перехода это не так, что одно внезапно замещает другое, а есть некое состояние текучести между этими двумя состояниями, вот что трудно.

Тело Мира

Это просачивание поначалу трудно переносить. Все дезорганизуется, есть некий скрытый протест: "Как наступаешь на муравейник", - сказала она, и это точно так. Все становится очень агрессивным, и может показаться странным, что все материальные вещи, даже объекты, животные и все люди вокруг становятся очень агрессивными, как если бы была некая тайная солидарность в материи. Я сам наблюдал очень примечательное явление, которое повторялось несколько раз, так что я мог ухватить суть дела. Сам по себе это странный опыт: как только вы хотите попытаться понять, как вещи на самом деле работают в материи, так сразу же происходит так, как если бы все приходило дать вам некую демонстрацию -- соучастие в другом направлении -- все приходит в жизнь и кажется, что отзывается эхом повсюду, за десять тысяч миль от вас и прямо под вашими ногами. В те дни я заметил не только некое "возмущение в атмосфере", не только всевозможные маленькие, микроскопические инциденты, накатывающие волнами, одна за другой (в людях и окружающих объектах, в моих собственных жестах), но даже и животные начинали роптать, и неминуемо я находил скорпиона на пороге своей комнаты или на лестнице... как если бы все двигалось в том же самом пагубном, микроскопическом ритме. Как если бы вся материя начинала одновременно скрипеть, так сказать. Есть маленькие беспорядки, есть и большие беспорядки. Во второй раз, когда супраментальная Сила пришла, чтобы утвердиться в ее теле, в 1961 году, Мать отметила: Любая возможная трудность возникает во весь рост -- как это должно было происходить и наверняка происходило со Шри Ауробиндо, я поняла это. Я поняла. Да уж, это не шутка, ты знаешь! Я удивлялась, почему все то свалилось на него так жестоко -- теперь я поняла! Потому что та же самая жестокость навалилась теперь на меня. В действительности, все в материальном сознании все еще восприимчиво к действию враждебных сил -- не в точности в сознании тела, а, можно сказать, в материальной СУБСТАНЦИИ, КАК ОНА ОРГАНИЗОВАНА РАЗУМОМ: первыми движениями Разума в Жизни, что вызвало переход от животного к человеку. Я имею в виду первую ментализацию Материи. Что же, есть нечто, что там протестует, и этот протест вызывает беспорядки... Вот что это, перед прославленным физическим разумом было замечательное нечто, что было сформировано с человеком и что вызвало переход от животного к человеку. В животных нет физического разума; у них есть только клеточный разум. Тюрьма существует только для нас. "Несознательное", которое во всех традициях помещается в начало времен как некая

первичная скала, является на самом деле человеческим явлением. Это явление физического разума: это вуаль или стена грязи. Сеть. За этой сетью все сообщается друг с другом, нет делений. Эволюция попала в тюрьму и стала завуалированной лишь сотни миллионов лет спустя, по причинам индивидуализации, о которой мы уже упоминали. Но если это верно, если именно физический разум порождает стену, тогда мы перед лицом чудесной возможности: нам не нужно совершать "эволюцию", трансформацию или мутацию, охватывающую века и сопутствующие мучения -- нам нужно лишь разрушить ту Стену. И все здесь. Тотальное Сознание здесь, тотальное Движение, Шакти, тотальная Мошь здесь. Мы пытались разрушить Стену сверху, но она должна быть разрушена глубоко внизу, в материи. Мы пытались стать сверх-людьми в сети, но это сама сеть должна быть разрушена, и любое "сверх" уже здесь, гораздо более невообразимое, чем мы можем даже подумать. Только, в тот момент, когда вы прикасаетесь к сети, она начинает скрипеть, и все скрипит: "поднимается во весь рост", - сказала Мать, и она добавила: То есть, это введение нечто совершенно нового в эту Материю, и тело протестует.

Тело мира протестует.

Оно яростно протестует против слабого мерцания тайно пробивающегося света, стремящегося в конечном итоге разрушить весь его способ бытия.

Но как может одно тело, одно маленькое тело, само по себе, в малоизвестном Пондишери изменить тело мира? Этот был мой постоянный вопрос в течение первых лет с Матерью. Поскольку меня занимала проблема всего мира, и я не видел, как эта улыбающаяся маленькая Мать, ходящая взад-вперед по своему коридору среди тех скрипящих людских образчиков может "трансформировать мир". Это казалось мне какой-то сказкой. Как можно, разрушая маленькую привычку здесь -- в этой пылинке на масштабах всего мира -- тем самым разрушить грандиозную привычку всего мира? Конечно, я видел, что все маленькие привычки вокруг нее как бы скрипели хором, но... "Как может та работа, которую ты делаешь в своем собственном теле, оказать общее воздействие на телесную субстанцию вне тебя?" Тем же самым образом, - ответила она, - поскольку вибрации распространяются. Например, всякий раз, когда я оказывалась в состоянии покорить нечто -- я имею в виду найти истинное решение к тому, что мы называем "болезнью" или неправильным функционированием (ИСТИННОЕ решение, то есть, не ментальное решение, не обычное знание, а духовное решение, вибрация, которая ОТМЕНЯЕТ болезнь или приводит вещи в порядок), я всегда очень легко могла вылечить людей от того же самого -- послав ту вибрацию. Вот как происходит. Потому что субстанция ОДНА. Все ЕДИНО, ты понимаешь, мы забываем это все время! Мы всегда чувствуем отдельность -- это совершенно и крайне ложно. Потому что мы основываемся на том, что видят наши глаза, к чему прикасаются наши руки... это настоящая Ложь. Как только ты немного изменишь свое сознание, ты поймешь, что... ты знаешь, это как картинка, наклеенная на что-то. Но это не верно, это вовсе не верно. Даже в наиболее материальной материи, даже в камне -- даже в камне -- как только ты изменишь свое сознание, так все это деление, все разделение полностью исчезает. Это... (как бы выразиться?) способы концентрации, вибрационные моды В ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ВЕЩИ.

Таков процесс духовного заражения. Все вибрации заразительны, хорошие тоже.

Тогда это меня убеждало, потому что Мать, говоря что-то, заставляла вас видеть вещи, вы чувствовали их в вашем собственном теле. Но я все равно продолжал задавать тот же самый вопрос в той или иной форме. "Как может это нелепое маленькое движение, шею которого я свернул в моем сознании, быть выкорчевано повсюду в мире?" Здесь я поставил перед Матерью более хитрый вопрос, и действительно я имел право делать это, поскольку в тот момент она еще не нашла настоящего механизма: она подводилась к нему "ударами кулака и молотка". Она ответила: Ошибкой будет думать, что есть какое-либо "персональное" движение в мире; это невежественное сознание человека ДЕЛАЕТ ЕГО ПЕРСОНАЛЬНЫМ, но это не так: эти установки распространены по всему миру. И затем она добавила: Это пришло с Разумом, у животных этого нет, и как раз поэтому я чувствую

некую мягкость в животных -- даже в считающихся наиболее свирепыми -- чего не существует в человеке. Что же, хорошо, но если даже эти волны имеют общую природу, то как тогда сам факт того, что я устранил движение из моей персональной сети, устранил его из сети мира? Требуется где-то затронуть некий корень. И Мать обычно объясняла мне свой метод, который она использовала тогда в течение десятилетий (и, вероятно, могла бы использовать века, не произведя никакого реального радикального изменения). Это духовный метод всех выдающихся йогов (тех, кто работают для мира, молчаливо). Мать выходила из своего материального тела, индивидуальной маленькой сети, и неизбежно, как только вы выходите из сети, все становится всеобщим. И она воздействовала на различные универсальные слои сознания: ментальный, витальный или подсознательный слои, все те волны наших блестящих или не столь блестящих идей, наши абсурдные или более вредные реакции: Когда ты выходишь, чтобы сделать какую-то работу по трансформации, например, принести Свет в различные слои земной жизни, то ты имеешь дело не с индивидуальным подсознательным, работа не делается через индивидуализацию. Она делается через противоположное движение, через некую универсализацию. В тот момент, когда ты становишься универсальным, ты можешь воздействовать на целое. Ты можешь отделить себя в мышлении, но не в реальности, что означает, что если ты хочешь устранить подсознательное в себе, то твое движение должно быть общим; оно не может быть персональным, так ты ничего не добьешься. (*)

(* Чтобы делать различие между индивидуальным подсознательным, которое обычно является полем исследования современной психологии, и универсальным элементом, на который здесь ссылается Мать, мы будем использовать терминологию Шри Ауробиндо: "Все на земле базируется на Несознательном, как его называют, хотя на самом деле это вовсе не несознательное, а скорее полное "под"-сознание, подавленное или инволюционное сознание, в котором есть все, но ничто не сформулировано или выражено. Подсознательное лежит между этим Несознательным и сознательным разумом, жизнью и телом.")

И Мать рассказывала мне о работе, которую она делала особенно по ночам, когда у нее был небольшой покой, и она выходила из тела: Это происходит каждую ночь. И это выражается всевозможными сценами и символами, всевозможными воспоминаниями, от слов до образов. И есть группы и категории тенденций; в деталях представляются различные человеческие тенденции. Эти "категории тенденций" или "земные позиции", эти тысячи глупых реакций, которые нужно было уничтожить, обычно принимали всевозможные лица, иногда странные составные лица, как если бы одно лицо представляло дюжину или, возможно, сотни лиц: оно представляло не одну персону, а скорее, позицию: Иногда эти персоны составлены из черт нескольких других персон, взятых вместе, чтобы ясно указать, что это вопрос состояния сознания, а не индивидуальности. Редко, когда это индивидуальность: это состояние сознания. Припоминаю, что даже в Японии было четыре человека, которых я никогда не могла отличить друг от друга в своей ночной деятельности: все четверо всегда были смешаны вместе (и Бог знает, они даже не знали друг друга!), смешаны вместе, потому что их подсознательные реакции были идентичны. Был англичанин, француз, японец и еще один, все из разных стран; да, ночью, все они были на одно лицо! Как если бы ты видел одного через другого. Вот как образчики в Ашраме представляли свое универсальное значение: В этой работе люди вокруг меня подобны семействам в тех мирах, иными словами, существуют типы, и каждый представляет некий тип... Эти типы принимают лицо кого-то, с кем я имею или имела персональную связь, но для меня это типы: "А, такой-то и такой-то тип!" -- и он может представлять ТЫСЯЧИ людей. И воздействие на представителя типа отзывалось на всех, кого он представляет. Но Мать добавляла: Это работа, которая кажется... бесконечно -- нескончаемой, в любом случае.

Можно гадать, является ли это действительно решением, может ли корень проблемы действительно быть затронут таким образом. И затем ее работа в дневное время, посреди тех людей, которых нужно увидеть, тех трудностей, которые нужно разрешить, того сопротивления, которое нужно преодолеть, тех тысяч маленьких реакций в и вокруг ее тела,

все это имело тот же символический характер: Физические детали неважны сами по себе, но они симптоматичны в целом... Да, как маленькие скорпионы, снующие возле твоей двери. Одна болезнь -- это миллион идентичных болезней. Другими словами, трудности, препятствия, сражения, победы, прогресс -- это ничто само по себе, но это указатели общей тенденции -- есть моменты фантастического продвижения или прогресса, которые кажутся чудесными; а в целом, виденное вместе, ощущается... ощущается как толчок -- глобальный толчок.

Бездна толчков, будьте уверены.

Но исчезнут ли из-за этого образчики-скорпионы?... Возможно, после нескольких столетий "глобальных толчков".

Действительно ли таким путем может быть разрушена сеть мира?... Задать этот вопрос, означает поставить под сомнение все духовные методы со времен начала духовности. Это означает априори допустить, что правы все материализмы мира, которые постоянно отрицали силу Духа и утверждали превосходство их машинерии для улучшения материального существования... хотя материализм был недавно несколько поколеблен.

И ответ, единственный ответ -- тот ответ, который Мать откроет в своем теле -- заключается в том, что есть лишь единственный способ вылечить тело мира: быть телом мира. Есть лишь один способ разрушить сеть, это разрушить ее в теле, которое стало всем телом земли. Следует выбраться из сети не оставляя своего тела. Экстаз -- это всего лишь милая маленькая греза. Можно реально и тотально воздействовать лишь на то, чем являешься. Если вы хотите воздействовать на земную Материю, вы должны быть всей земной Материей. То, что нужно, это материальное заражение. Можно найти решение не свыше или внутри или снаружи, или в ходе медитации или созерцания или выйдя из тела в четвертое или сотое измерение, а став каждым атомом, каждой вибрацией земного тела. А как это возможно? Ментально можно понять, как можно стать космическим сознанием и слиться со вселенским Разумом; даже витально понятно, что можно стать великой Энергией жизни и слиться со вселенским Динамизмом (даже если вряд ли найдутся земные примеры этого, за исключением, возможно, на очень малом масштабе, Наполеона, Александра Македонского или Чингиз-хана). Но телесно, как может одно маленькое тело стать всеми телами и впустить всю убогость мира, не умерев от этого? Как, даже физиологически, может оно расширить свое клеточное сознание, не взорвавшись и не растворившись?

И, наконец, маленькое мерцание могло бы действительно войти в тело мира, только если тело Шри Ауробиндо или Матери стало бы телом земли.

"Каждый атом", - сказал Шри Ауробиндо.

Маленькие двери

Мать была вынуждена жить ответом; сама Материя давала его. На самом деле мы всегда в ответе! Он постоянно дается нам, во всем, в малейших деталях, но мы не знаем, как увидеть его, мы даже не знаем, что является ответом, мы постоянно покрываем вуалью все происходящее: с нашими идеями или предпочтениями или реакциями или ощущениями ничто не достигает нас в чистом виде, все завуалировано и искажено заранее, интерпретировано тем или иным образом, и всегда "это правильно", "это неправильно", "это хорошо", "это плохо", "это ужасно", "это отлично"... Птица не задает никаких вопросов, она не спрашивает, где находится Сибирь: она летит прямо в Сибирь. И мы постоянно внутри той "Сибири" или Амазонии, той настоящей страны, которую мы ищем, внутри ответа на все наши вопросы, "реализация" никогда не в будущем, а всегда здесь, перед нашими глазами, под нашими ступнями -- только мы не знаем, что это она. Мы живем с ложным ощущением будущего, наше ощущение времени -- это Ложь, подобно остальным нашим восприятиям сети, подобно туберкулезу, смерти, гравитации и "потустороннему". Это все невероятное сплетение нереальности. Мать обычно называла это объективной нереальностью, и мы полностью понимаем, что она имела в виду. Только недостаточно продумывать вещи и понимать их ментально: мы должны научиться проживать их в наших телах, мы должны уничтожить Привычку. Мы должны снова найти полную Амазонию, которая здесь, каждое

мгновение, со всеми ответами.

Мать проживала ответ, там, в гуще всех ее образчиков. Она не знала -- или пока еще не знала -- что это было ответом; с чувством удивления она стала обнаруживать, что все является Ответом. Я говорил, что она никогда не знала, чем был Секрет, и все же она притрагивалась к нему, проживала его тысячу раз -- но знает ли птица, что "это Сибирь"? Возможно, она замечает некоторое изменение климата. Аналогично, Мать замечала много маленьких изменений климата -- Сибирь для географов. Я географ Матери. В обычной жизни, сначала что-то продумываешь, затем делаешь -- но здесь как раз все наоборот! В этой жизни мы должны делать, а затем, впоследствии, ты понимаешь, но долгое время спустя. Сначала нужно сделать, не раздумывая. Если ты начнешь думать, то испортишь все. То, есть, ты просто вернешься на прежний путь. И Мать добавляла: Невозможно говорить об этих вещах! Если бы можно было о них говорить, то они были бы здесь. И даже тогда, вероятно, ты не смог бы о них говорить. Она ходила среди своих образчиков, подписывая чеки и разбираясь в крайних сроках платежей, наталкиваясь на жалобы здесь, болезни там, недовольство учителей, недовольство учеников, "я хочу" и "я не хочу", боли в своем собственном теле и боли каждого тела, везде великая убогость, облаченная в громкие слова: Это страдание, эта общая убогость становится почти непереносимой... Это было НАЛОЖЕНО на меня как некое острое ощущение муки -что, несомненно, необходимо, чтоб выбраться из этого. Выбраться, то есть, вылечить это, изменить это -- не бежать от этого. Я не люблю бегство. Это было мое самое большое неодобрение Буддизма: все, что они советуют тебе делать просто подразумевает дать тебе возможность бегства. И она осознавала, что даже ее мука уже была неким ответом: были созданы все материальные условия, чтобы найти ответ. Удушье -- это первый шаг к тому, чтобы найти дверь. Само по себе мучение глупо, но это ложный образ или ментальная транскрипция психологического состояния, необходимого, чтобы достичь решения. И, аналогично, все ложно, и все истинно. Состояние само по себе истинно, в точности таково, как и должно быть, но ментальная транскрипция и ощущение, которое мы добавляем к нему в сети -- полная ложь. И так все в мире ложно, и все совершенно истинно! Да, она выучила, что "все глупости, которые мы совершаем -- для работы", это глупо из-за неверного смысла, который мы приписываем этому, это болезненно из-за нашей неправильной реакции, это опасно, это может привести к смерти -- и та же самая вещь, виденная и взятая по-другому, является дверью, которая ведет к победе. Мы начинаем видеть, прикасаться, чувствовать, что мы живем в мире миражей, и это очень интересно, временами почти неправдоподобно: какая-то крошка, и вещи оборачиваются Чудом, другая крошка, и они покрываются Чернотой -- и это одна и та же вещь, так называемый материальный, конкретный факт. И мы неизменно наблюдаем, что всегда именно физический Разум скрыто добавляет что-то к факту, наклеивает на него, подмешивает в него, пачкает его. И внезапно, как будто пораженная откровением, она воскликнула: Каждую секунду, каждое мгновение вселенной все в точности таково, каким и должно быть... Это всемогущество. Эти несколько слов, возможно, загадочных, начинены силой, если их полностью понять. Всемогущество, Сила, великое "Сезам, откройся!" -это, возможно, лишь вопрос восприятия, что все так, как и должно быть -но восприятия в теле. Тогда тело видит, и мираж улетучивается. Тогда тело не умирает, тогда оно не заболевает, тогда рушатся все ложные ментальные последствия. И так оно и есть. Это всемогуще и неизбежно -- это есть.

Только этим следует жить. Жить каждую секунду.

Это кажется сказочным и невероятно простым, столь простым, что в это почти невозможно поверить. Разум не может понять, что это просто -ведь его роль заключается в том, чтобы все усложнять и распахивать по ящикам.

В некотором смысле тело нужно де-ментализировать.

Выражаясь ментально, мы говорим, что Мать училась "имперсонализации", то это ужасное слово, которое подразумевает подрыв маленького я. Нечего подрывать! Нужно лишь позволить себе мало-помалу быть унесенным Очевидным. Тогда все оборачивается по-

другому. Но это течение в Очевидном -- это не некое блаженное принятие всего (хотя это может стать и этим, но оно не может по-настоящему этим стать, пока тело остается в смерти -- высоко вверх можно улыбаться, это очень мило и очень по-буддистски, вырисовывается миленькая картинка, но улыбка должна быть в теле), это течение означает открытие маленькой двери всего, во всем -- все имеет дверь. Каждая вещь, каждый малейший микроскопический инцидент имеет свою "дверь"; открываешь ее или оставляешь ее закрытой. Говорить "да" или "нет" -- это не откроет двери, но если позволишь себе проскользнуть в сердцевину вещи, если приемлишь -- приемлишь даже "наихудшее"! -- тогда открывается дверь и появляется смысл, настоящее лицо вещи и ее лекарство в ядре зла или за дверью зла. "Зло" -- это в точности ментальная дверь, которую мы навешиваем на вещь -- которая никогда не является ни "хорошей", ни "плохой", а "нечто иным". Изобретательный Разум тут же воскликнет: тогда все приемлемо, даже разрушение, даже... И вы хватаете его за руку, ведь, естественно, это ожидаемое разрушение -- и он его получит. Если Разум приемлит разрушение на свой манер, то он, несомненно, получит разрушение, и еще пару добрых затрещин. Его черный клей липнет везде, это просто безнадежно, невозможно идти по этому пути с разумом, он приклеит вас при первой же возможности. Это течение в Очевидном должно действительно переживаться во плоти, должны быть открыты эти тысячи маленьких дверей в каждую минуту, на каждом шагу и повсюду -- даже не открыты: пройдены как дуновение ветерка, повторяя Мантру... и с некоторым желанием солнечной Истины или зову Истины повсюду. Что Мать называет ИСКРЕННОСТЬЮ. И она так чудесно это определила. Вот что я называю искренностью: быть способным ежеминутно ловить себя, как только становишься частью старой глупости. Старая глупость привычки бурлящего разума, накликающего свои маленькие бедствия, свои маленькие грехи, свои маленькие "нет" и "да", свои маленькие скрипы, свою старую ненасытность подобно наказанному ребенку, помещенному в клетку и пытающемуся поглотить весь космос через прутья этой клетки. Все это должно быть проветрено; проходишь через это и ходишь с ним и переносишь повсюду -- это "неизбежно" -но есть некий способ течь во всем этом, в то же время "держа уши остро"... чтобы не быть одураченным, проходя через все это.

Даже через болезнь -- даже через смерть, как узнает Мать. Тело также учит урок заболевания, - сказала она. Это очень, очень забавно. Разница между вещью, как она есть, каким бы расстройством она ни была, и старой привычкой видеть и воспринимать ее -- обычной привычкой, которую мы называем болезнью, "я болен". Это очень забавно. Если ты будешь оставаться действительно спокойным, то всегда, всегда возникает маленький свет -- теплый маленький свет, очень яркий и чудесным образом спокойный, где-то позади. Как бы говоря: тебе нужно только пожелать этого. Тогда клетки паникуют: "Что ты имеешь ввиду, что значит пожелать? Как я могу это пожелать, это же БОЛЕЗНЬ" -- полная комедия. Это "болезнь". Затем нечто, некая глобальная мудрость, говорит: успокойся, успокойся... не оставайся привязанным к своей болезни! И они соглашаются -- "соглашаются", как дети, которые получили нагоняй: хорошо, хорошо, мы попробуем. Они пытаются -- мгновенно возвращается маленький свет: тебе нужно лишь пожелать его. И раз или дважды, в той или иной вещи, в ТОЙ ТОЧКЕ, они согласны -- в следующую минуту все кончено! Нет больше болезни. Да не через минуту, через секунду -- кончено. Затем клетки припоминают: но как это произошло? У меня болело здесь... Хоп, все вернулось! И постоянно разыгрывается одна и та же комедия. Поэтому, если они действительно извлекли урок... О, они учатся все время, все время. Все, все происходящее всегда является уроком, всегда. Всегда, всегда: все раздоры, все трудности, все так называемые болезни, все расстройства, все приходит для того, чтобы дать тебе урок -- раз уж урок дан, с этим покончено. Но мы столь медлительны и неуклюжи, нам требуется так много времени, чтобы ОСОЗНАТЬ, что это урок, что он продолжается и продолжается... Тело начинает извлекать свой урок. И так, вместо эгоистического ответа: "О, нет! Я не хочу этого, я нисколько этого не хочу! Я 'выше' этой слабости или этого расстройства," [и Мать засмеялась] оно позволяет этому прийти, принимает его и видит, каково решение. Другими словами, вместо старой привычки:

отвержения жизни, отвержения трудности и расстройств и бегства в Нирвану, это принятие всего -- и Победа.

Полное принятие, чтобы найти настоящий механизм каждой вещи, найти то, что за дверью. Другое лицо вещи, чем она действительно является, без искажения разума, без искажения чувств и реакций, искажения "заболевания" и смерти и всего. Сеть. И Мать добавила: Жизнь находится на грани того, чтобы стать чудом -- но мы не знаем, как жить. Нам нужно больше учиться. Когда мы научимся, это действительно будет нечто. И затем, по мере того, как принятие становится совершенным, по мере того, как перестаешь приклеивать "да" и "нет" ко всем вещам, обстоятельствам и находкам, тогда начинаешь плыть в "вещи", в другой вещи, в Очевидном, и открываешь чудесную организацию: Все приходит для того, чтобы ты сделал по возможности более быстрый прогресс, все: препятствия, противоречия, непонимания, бесполезные преследования, все, все, все, чтобы ты сделал прогресс. Это значит, заставить тебя коснуться одной точки, другой точки, затем еще одной, и заставить тебя прогрессировать как можно быстрее. Если ты как-то не заинтересован в этой Материи, то как она изменится?

И все эти двери открываются налево, направо, на каждом шагу и в каждую минуту, в каждом жесте, в каждой глупости, впускают воздух в существо, в повседневную жизнь -- и даже в тело. Все начинает становиться пористым.

Не понимая этого, мы подошли к Великой Двери: физической универсализации.

Мы стали широкими, как по волшебству.

Маленькое мерцание мерцает повсюду.

XIV. МЕХАНИЗМ ЗАРАЖЕНИЯ

Свечение клеток

Примечательно то, что чтобы переоткрыть чистое функционирование маленькой клетки, нужно идти к краю вселенной, и переоткрыв маленькую клетку такой, как она есть, мы можем в ней действовать так, как если бы мы воздействовали на всю остальную вселенную и жили бы повсюду во вселенной. Чистая маленькая клеточная точка, как она есть, не только содержит все непостижимым образом -- гигантская точка, сказал Шри Ауробиндо -- но что еще более непостижимо, эта точка не расширяется невероятно, чтобы поглотить или охватить все в своем сознании - нет: эта точка находится везде, мгновенно; это не внезапная сумма миллиардов точек, это каждая из миллиардов точек, столь же "своя", как она сама. И как нам понять это? Несомненно, это нужно не понять, а пережить. В любом случае, материалистические ученые поступят правильно, отметив этот факт. Несомненно, Эйнштейн очень хорошо понял бы "математическую формулу" Шри Ауробиндо и запинаящиеся не-формулы Матери, когда она наталкивалась на вещи в своем непостижимом лесу, который вел все кругами и кругами... возможно, просто вокруг одной и той же точки. Однажды -- позднее -- по запросу одного профессора, я спросил Мать: "Но как бы там ни было, на что похожа настоящая, чистая клетка, как она работает, какова в ней связь?" Мать начала отвечать мне своим мягким и тихим голосом, теми капельками слов, которые казались приходящими издали, далекого-далека, прерываемыми вспышками света и остающимися как-то погруженными в молчание снега, а затем внезапно конденсирующимися подобно неким чистым маленьким жемчужным капелькам на листе лотоса: они сияли, это были больше не слова, а некая вибрация, содержащая весь смысл, полный и очевидный -- это невозможно передать с помощью бумаги и чернил... Клетки, - сказала она, имеют внутреннее строение или структуру, соответствующую структуре вселенной. Так что связь устанавливается между идентичными внутренними и внешними состояниями, подразумевая, что клетка в своей внутренней структуре воспринимает вибрацию соответствующего состояния всеобщей структуры. Затем она закрыла свои глаза (но она почти всегда говорила с закрытыми глазами, как будто бы из далеко-далека и в то же время с таким присутствием, что вы как бы чувствовали все в своем теле): Некто -- не знаю, кто -- только что показал мне... Была большая рука человека, и в ней было... не яйцо, но он сказал мне, что это был образ клетки. Это был некий объект, который казался мне таким вот

большим [около трех дюймов], прозрачным и живым -- он жил. И он показал мне различные внутренние составляющие клетки и их связь с центром. И абсолютно точное видение, столь точное, что я была поражена, я просто выдохнула "О!"... Объект был странной формы, не совсем как яйцо, а уже на с одного конца и... не знаю, как описать это. Объект был светлым и удерживался двумя пальцами, вот так. И он показал мне его различные свечения. Периферия была наиболее темной [и мы гадаем, не является ли эта темнота на самом деле началом сети, одеянием клетки, темной оболочкой физического разума], и чем глубже ты погружался в объект, тем более светлым он становился, а центр был абсолютно светлым, ярким, то есть ИЗЛУЧАЮЩИМ. И были различные цвета, не очень выраженные, но явно разные. Одни области были немного голубоватыми, другие... Всевозможные вещи, объект был очень сложным, с различными свечениями. И СВЯЗЬ УСТАНОВЛИВАЛАСЬ ОТ СВЕТА К СВЕТУ.

Я сразу же спросил Мать, означает ли это, что центральный свет работает, затрагивая соответствующее свечение. Да, так оно и есть, через внутренний контакт существа. Было такое впечатление, что каждая клетка является миниатюрным миром, соответствующим всему миру.

Так мы начинаем ухватывать ключ к "материальному заражению". Мы начинаем видеть огни настоящего свечения Материи... Чтобы ухватить свечение пульсара из дальних уголков вселенной, вам нужен синхронный радиотелескоп, то есть, настроенный на ту же самую волну. Центральные свечения клетки абсолютно синхронны. Они видят друг друга и знают друг друга и отвечают друг другу через все пространство и все тела.

Естественно, ученые скажут, что никогда не видели свечение клетки. Демокрит и Лукреций никогда не видели атомов, и все же они были первыми атомистами.

Смена курса

Но сначала Мать должна была выбраться из темного одеяния физического Разума, толстой корки, которая препятствует чистому функционированию и заключает все в свою тюрьму. Мать "извлекала урок", как она говорила. Она открывала все маленькие закрытые двери: в повседневных обстоятельствах, в своих встречах и своих жестах. Она принимала все в совершенной прозрачности. Если отказывалась единственная маленькая вещь, то дверь мгновенно захлопывалась -- крохотная дверь, подобная двери ко всему -вы оставались запертыми в тюрьме. То есть, все происходило таким же естественным образом, как кристалл пропускает через себя свет. Уже во время своих самых первых переживаний Мать заметила: Чтобы иметь совершенное и тотальное сознание мира, как он есть во всех деталях, следует прежде всего перестать иметь какие-либо персональные реакции по отношению к любой детали, И ДАЖЕ ЛЮБОЕ ДУХОВНОЕ ПРЕДПОЧТЕНИЕ по поводу того, как все должно быть. Другими словами, полное принятие в совершенной нейтральности и индифференции -- совершенно необходимое условие для того, чтобы иметь знание через интегральное тождество. Знание посредством отождествления, что означает, что знаешь что-то потому что им являешься: знаешь аметист или м-ра Смита благодаря тому, что сам становишься аметистом или м-ром Смитом. Если есть хотя бы одна деталь, сколь малой бы она ни была, которая отклоняется от нейтральности, то эта деталь также отклоняется от идентификации. Дверь захлопывается. И, любопытно, если хотя бы одна дверь закрыта, то все так, как если бы все остальные двери не были бы по-настоящему открыты. Здесь также малюсенький уголок или мельчайшая точка содержит в себе всю Стену. Каждый имеет где-то микроскопическую стену.

Но эти стены в теле очень полезны, пока рядом другие виды! Как же существовать, когда остаешься не только беззащитным и на милости каждого, пожираемым каждым, но в то же время и стоящим на двух человеческих ногах? Это был довольно жестокий "урок", поистине -- ужасный из-за того, что кто-то должен был открыть путь: в конце концов, кто-то же должен сделать работу! - сказала она; позднее это станет Центральным Парком с протоптанными аллеями и маленькими указателями. Она подвергала себя невероятному разрушению; мы даже не можем себе представить, до какой степени. До такой степени, что

вы чувствуете, что не можете идти, не оставив все и не балансируя на грани жизни. Она оставила даже всякую йогу, даже всевышние и божественные духовные реализации -- я готов был сказать даже Божественное -- и даже мысль или волю к тому, что трансформация "должна" быть выполнена, это или то "должно"... все рушилось -- даже Цель. Невозможно вообразить, чем является та "нейтральность". В действительности, это разрушение тюрьмы: золотой тюрьмы, как любой другой. Духовной тюрьмы вместе с остальными. Ты знаешь, открепленность этого вида, да, она увеличилась до такой степени, что сейчас включает все, включая любую деятельность на земле -- вероятно, это было необходимо... Это как если бы распались некоторые вещи. Они были связующим звеном между моим сознанием и работой (не мои собственные связи, потому что у меня не было никаких связей, а связи тела, всего физического сознания, всего, что соединяет его с окружающими вещами, с работой и прочим вокруг меня), что же, они распадаются, распадаются, распадаются... Все больше и больше. Прежде я обычно использовала способность схватить вещь и держать ее, но затем пришла какая-то открепленность: все отваливалось повсюду, везде, везде... Да, ты знаешь, это трансформация -- не шутка! Вчера у меня было живое впечатление того, что все эти построения, привычки, способы видения и обычные реакции, все это разрушалось -- полностью. И я была погружена в нечто... совершенно другое. Нечто... я не знаю.

Это "нечто" было началом нового вида. Было 27 марта 1961 года. Нельзя сделать новый вид, оставаясь в старом, это очевидно; но когда уходит сам свет старого вида, это становится... опасно. Матери было восемьдесят три года.

И действительно ощущение того, что ВСЕ, что было прожито или известно или сделано, все то является полной иллюзией -- вот через что я прошла вчера вечером... Одно дело, когда имеешь духовное переживание того, что материальная жизнь -- это иллюзия (некоторых людей это шокирует; что касается меня, то я нашла это столь чудесно прекрасным и радостным, что это было одно из наиболее прекрасных переживаний моей жизни), но здесь, как раз все духовное построение, которым ты жил, становится полной иллюзией! Не той же иллюзией, а более серьезной иллюзией. А я не ребенок, я здесь сорок семь лет! И, да, где-то шестьдесят лет я делала сознательную йогу со всем, что воспоминания -- воспоминания бессмертной жизни -- могут принести тебе. А теперь посмотри, где я! Так что... когда Шри Ауробиндо говорит, что нужно запастись выдержкой, я думаю, что он прав... Абсолютность Победы вне всякого сомнения, только я не говорю это в масштабах нашей маленькой ментальности. Но как раз нам предоставлено право ИЗМЕНИТЬ КУРС -- это то, что от нас ожидается: сменить курс, перестать продолжать ходить кругами. И бесполезно сдаваться, потому что затем придется начать все снова. Это то, что я всегда говорю: это возможность, иди прямо до конца. Нет смысла говорить: "О, я не могу!" потому что в следующий раз будет еще труднее.

Эта "более серьезная иллюзия", несомненно, дает нам некую пищу для размышлений. Никто не может по-настоящему измерить глубину революции, которую она совершала -- революции не в голове, а в теле, в Материи. Ученики все еще были поглощены Бхагават-Гитой и медитациями или сравнением Шри Ауробиндо и Терьяра де Шардена. Мы все больше и больше понимаем, почему Шри Ауробиндо уделял так мало внимания своей письменной работе: Сверхразум сам объяснит себя. Однажды, к моему изумлению, Мать даже сказала мне, что вся Адженда могла бы исчезнуть, и все же Действие было бы сделано. Но, все равно, это разрушение (это разорение "старого пути", мы могли бы сказать, эта "смена курса" к другой вещи) головокружительно. Ибо она теряла опору не только во внутреннем существе, но и в теле. Внезапно произошла забавная вещь: я больше не могла подниматься по ступенькам! - призналась она мне. Я больше не знала, как подниматься по ступенькам! То же самое однажды произошло посередине ланча: я больше не знала, как есть! Все обычные действия были подорваны в своей основе, так сказать. А что касается работы, я не могу ее делать. Я не могу работать. Даже простейшую вещь, которую я должна вспомнить, я не могу вспомнить. Но она улыбнулась: Что же, это будет длиться столько, сколько и должно. Все же она продолжала видеть всех тех людей, одного за другим, каждый

из которых приносил ей "свою долю беспорядка" и подсознательных мыслей: "Мать теряет голову, Мать помешалась, Мать больна, Мать..." И всякий раз было так, как если бы преклонный возраст и болезнь входили в ее тело - обострялись в ее теле, но это было частью того гипноза, который должен быть выкорчеван, выкорчеван из этой субстанции. И затем внушения враждебных голосов: "Ты думаешь, что понемногу трансформируешься? Ты думаешь, что эта старая Материя собирается измениться, ты думаешь...? Но только взгляни на себя, это все чушь..." И тело очень хорошо осознает, что оно за миллионы миль от трансформации. Так что... так что не очень трудно убедить его. Гораздо труднее дать ему уверенность, что все будет по-другому. Оно даже не очень хорошо понимает, как может быть по-другому! И как можно понять нечто, что не является продолжением или улучшением предыдущего состояния, понять нечто, что по-настоящему является "нечто иным" -- нечто иное во тьме. Оно не существует. Если бы оно существовало, то было бы сделано! Его нужно сделать, чтобы возникло, или его надо раскрыть. Чтобы добраться туда, ты должен принять пока то, чтобы быть совершенно глупым! Так, я вижу внешний мир, людей вокруг себя, кто смотрят на меня и говорят себе: "Да, Мать впадает в детство!" Их вибрации приходят и затрагивают меня. И, к сожалению, иногда они способны встряхнуть меня... То, что необходимо, это оставить ВСЕ: всю силу, все понимание, весь интеллект, все знание, все, чтобы стать совершенно несуществующим -- вот что важно. Уничтожение старого вида. Но то, что все затрудняет, это в точности атмосфера: что люди ожидают от тебя, что они хотят от тебя, что они думают о тебе -- это такая досада! О, это как рой мух, которые приходят, приходят и приходят, отсюда, свыше, снизу... Тебе нужно тратить все свое время, чтобы отгонять их прочь. Мы еще должны начать осознавать тот чудовищный коллективный гипноз... как если бы весь мир был охвачен сетью гипноза, который заставляет видеть определенным образом, чувствовать, переживать, жить определенным образом; и тело охвачено гипнотической сетью -- ее следует снять не только с себя, но и со всего мира! Мать однажды сделала одну заметку, которая оставила меня крайне озадаченным, как если бы она прикоснулась к некому Секрету, который невозможно расшифровать: Тело, видимая форма, является в той же степени (по меньшей мере, в той же) результатом способа, которым видят тебя другие, как и того способа, каким ты являешься собой.

Вся земля должна сменить курс.

Состояние гармонии

И все же ключи начинали появляться один за другим, маленькие струйки с "другой стороны", которую Мать часто называла "состоянием Гармонии", а Шри Ауробиндо - "Супраменталом": По мере того, как растет эта открепленность, все более и более нарастает реальность Вибрации и, особенно, вибрации божественной Любви -- выходя за размеры тела, ты понимаешь: грандиозным образом, грандиозным! Это... тело начинает ничего не чувствовать, кроме этого. Это как если бы я жила, как если бы ТЕЛО жило -- несмотря на все эти заболевания и атаки, все эти злые воли, преследующие его -- в ванне божественной вибрации. Купание, нечто... громадное, безмерное, необъятное, совершенно безграничное, и с такой стабильностью! Клеточная универсальность. Почти как если бы другой тип божественного появлялся из Материи или начинал расти через ячейки сети; но когда мы говорим "другой тип", то имеем склонность представлять ту же самую вещь с некоторыми улучшениями или различиями, сверх-бога нашего мира: Хорошие вещи стоят не большего, чем плохие! - воскликнула Мать. Это не ТО. Божественное -- это нечто другое. Действительно, чем может "Божественное" реально быть для тела? Очевидно, это не Завет нового типа: тело пульсирует, дышит, вибрирует -- у него вовсе нет идей (слава "богу"!). Это другой способ пульсирования, дыхания, вибрирования, сообщения, связи. Это не вера, это дыхание. Это не заповедь бога, это безошибочная вибрация доставляет вас точно в нужное место, как угря в Гольфстрим, и заставляет вас сделать нужный жест. Это другой способ бытия. Это другое состояние. Мы полностью отравлены нашим ментальным представлением о Боге. Все великие Школы, великие Реализации, великие... (а религии находятся еще ниже), все это, какое все это ребячество!... Я смотрела на связи, которые я имела со всеми теми

великими существами мира богов и высших сфер, это совершенно объективные и очень известные связи, которые я обычно имела со всеми теми существами -- все это хорошо, но для меня это практически древняя история! Чем теперь "я" являюсь, это ЗДЕСЬ, на земле, в теле. Это тело, Материя, это на земле. И, по-правде говоря, тело не очень то заинтересовано во вмешательстве всех тех существ, которые на самом деле вовсе ничего не знают! Они не знают настоящей проблемы; они живут в том месте, где нет проблем! Они не знают настоящей проблемы -- настоящая проблема здесь... И есть некая уверенность, глубинах Материи, что решение лежит ЗДЕСЬ -- это очень сильная уверенность, очень сильная. О, как шумно, как высокопарно, как тщетно ты пытаешься! -- иди глубоко внутрь, очень глубоко, и оставайся очень спокойным, тогда ТО придет. И ты не можешь понять: нужно лишь БЫТЬ. Ты не можешь понять, потому что используешь инструменты, которые не могут понять. Это не может быть "понято": это должно БЫТЬ. Когда ты станешь этим, тогда ты будешь этим, это все, больше не будет проблем. И все это ЗДЕСЬ, на земле.

И внезапно Мать прикоснулась к ключу. Эта все нарастающая "колоссальная" и "безграничная" и грандиозная вибрация приходила лишь тогда, когда Мать была совершенно незащищена, как обычно, когда все проходило через нее как потоки воздуха -- и можно легко понять, что самое маленькое препятствие, малейшая неровность внутри могла бы взорвать все, вот почему Вибрация была столь невыносима в начале, "как лихорадка". Она должна проходить без малейшего сопротивления; весь "беспорядок" проистекает из-за сопротивления. Тело знает одну вещь: лишь когда (и потому что) оно может быть абсолютно мирным и покойным -- покойным как нечто совершенно прозрачное и недвижимое -- только тогда может прийти та Мощь. Тотальная и прозрачная неподвижность. Но затем эта Мощь стала обнаруживать очень удивительные свойства. Фактически, весь мир начал обретать форму, и многочисленные переживания быстро разворачивались на всех сторонах; но, прежде всего, некая абсолютность, всемогущество и... естественность, можно было бы сказать. Нет необходимости делать что-либо: мощь делает это. Нет нужды "иметь способности": мощь способна. Только нужно быть тем. Первое такое переживание пришло тогда, когда один маленький довольно злобный индивид однажды внутренне набросился на Мать с таким неистовством, которое могло бы оказаться фатальным для такого тела, как тело Матери, находящегося в состоянии полной сдачи, "пористости", в котором она жила. Сам по себе инцидент ничего из себя не представлял, но в тот момент случилось некое вторжение Мощи, так что тот человек не был раздавлен или сметен, как можно было бы подумать, а вылечен. Мгновенно вылечен. Это не та сила, которая крушит или защищает: это Сила порядка. Она снова расставляет все по своим местам -- так, как все есть на самом деле. Это чудесное восстановление естественности (чудесное для нас). Это поистине было необычайное переживание. Сила устраняет то, что было наложено на субстанцию, прилипло к ней. Возможно, она действительно разрушает нить ячейки в той или иной точке, некую часть гипноза физического разума. И все становится так, КАК ЕСЛИ БЫ НИЧЕГО И НЕ БЫЛО. И человек, пришедший убить Мать, ушел очень радостным, позабыв свою ненависть. Это чудесный тип Гармонии, но в нем нет ничего чудесного!

Поначалу я не понимал, что она имела в виду, пока однажды это не поразило меня настоящим откровением. Сначала я спросил Мать, почему она не использует самые материальные оккультные мощности, как например, те, что использовал Теон. О, это совершенно бесполезно. Совершенно бесполезно, - ответила она. И она рассказала мне, что они со Шри Ауробиндо всегда отказывались совершать то, что люди называют чудесами, потому что совершение этих так называемых чудес означает созыв всякого рода витальных и прочих сил, которые и являются искажениями, производимыми Ложью на земле. Именно они и прядут эту сеть, можно сказать, и время от времени потворствуют тому, чтобы распустить одно звено... чтобы лучше им поклонялись. Они отодвигают засов с двери тюрьмы, и мы говорим: О! Тем самым они зарабатывают себе "очки" за то, что чудесным образом спасли вас от вреда, чинимого ими же. При теперешнем состоянии мира, - сказала Мать, прямое чудо, будь то материальное или витальное, обязательно должно принять во

внимание ряд элементов лжи, которые не могут быть приняты -- это неизбежно ложные чудеса. С другой стороны, она сказала (и здесь я обрел свое откровение): Шри Ауробиндо совершил ряд чудес в разуме... Что на земле может быть чудом в разуме?... И Мать ответила: Он ввел в ментальное сознание, то, которое контролирует все материальные движения [то есть, физический разум] некое образование, или мощь, или супраментальную силу, которая мгновенно ИЗМЕНИЛА ОРГАНИЗАЦИЮ. И это внесло кажущиеся нелогическими эффекты, потому что они не следовали обычному курсу ментальной логики. Я все еще не очень хорошо понимал это. Затем Мать добавила: Это лишь в разуме есть представление о чуде! Потому что это Разум со своей собственной логикой решает, что при тех или иных обстоятельствах такая-то вещь может или не может быть. Но все это ограничения Разума! И внезапно я понял грандиозную сеть. Это вовсе не было "чудом", это была противоположность чуда -- можно было бы сказать, это было исчезновение "чуда" разума! Именно разум решает, что при такой-то и такой-то болезни требуется столько-то лекарств и столько-то времени на лечение; он решает, что для перемещения на такое-то расстояние требуется столько-то часов полета или езды на поезде; он решает, с нашими ушами и глазами мы не можем видеть дальше, чем за столько-то сотен ярдов и слышать без телефона; он решает... все. Он решает все. Он уже все решил. Это расчетливо и неизбежно, как ньютоново яблоко. Приняв это, вы не можете сделать то. Это целая тюрьма, безотказная, медицинская и безупречная. Все логично. Шри Ауробиндо изменил логику и все стало... естественным. Все было как оно есть. И вся "организация меняется".

Внезапно, как-то в феврале 1962 года, Мать вылечилась от филариазиса -- болезнь ушла, не оставив и следа. В одну секунду с ней было покончено -- не постепенное лечение, нет: одна секунда. Как обращение условия. И она по-настоящему вылечилась, подразумевая, что болезнь не была загнана куда-то вниз: ее БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО. Как если бы у меня были новые ноги! И она не использовала какую-либо йогическую силу: она просто была той естественной... Вибрацией. И болезни больше не существовало. Сеть поддалась в той точке. И Мать объяснила мне миниатюрный механизм, можно было бы сказать, миниатюрные "не-чудеса" той естественной Гармонии, которую мы называем Сверхразумом: Это довольно тонко, как очень, очень тщательно выверенный ряд шестеренок, тонкая машинерия: малейшая вещь выводит все из сцепления. Эта малейшая вещь -- вмешательство или повторное вмешательство физического разума. Например, неправильная реакция в ком-то или плохая мысль, вибрация нетерпения или беспокойства, что угодно, и вся Гармония исчезает. Не всегда те события, которые мы считаем большими или важными, оказывают наиболее пагубное воздействие -- далеко не так. Иногда это всего лишь мельчайшее вкрапление лжи, по совершенно маленькому поводу, что обычно называется глупостью... Но это так чудесно, действительно, когда приходит та Гармония: ты видишь радостную и светлую милость, проявляющуюся во всем, во всех вещах, даже в том, что мы обычно считаем неважным. Но затем, если эта Гармония уходит, то все, в точности те же условия, те же самые вещи, те же самые обстоятельства, становятся болезненными, утомительными, долгими, трудными, вымученными, о!... И Мать добавила это, чрезвычайно открывающее: И это то, что заставляет тебя чувствовать, что значат не вещи сами по себе -- то, что мы называем "в себе", это не так! Это не верно: ЭТО СВЯЗЬ СОЗНАНИЯ С ВЕЩАМИ. Да, так называемые вещи в себе являются тюрьмой, нашим ментальным восприятием вещей, липкой сетью, которая перехватывает все, помещает все в некую конструкцию, замораживает все в своей неумолимой логике, иначе... пластичность, чудесная текучесть, "свободная от последствий", супраментальная Гармония. И это обладает грандиозной мощью, поскольку, скажем, в одном случае ты касаешься чего-то и тут же роняешь это, или, в любом случае, все идет "из рук вон плохо", тогда как в другом случае это так мило, вещь становится гармоничными, даже наиболее трудные движения прodelываются с легкостью. Это сказочная сила! Но поскольку она не производит грандиозных эффектов, то мы не придаем ей значения. Совершенно невидимые чудеса, потому что они совершенно естественны. Они должны перестать быть естественными, чтобы мы заметили их. В действительности,

ментальный человек стал замечать мир, как только он начал расстраивать все. И в этом кроется весь ключ, тотальный ключ. Если мы хотим чуда мира, то должны пристально взглянуть на те маленькие микроскопические чудеса... и наблюдать, как в маленьком уголке сеть протирается, либо смыкается еще плотнее. Если она может протереться в одном уголке, то она может протереться повсюду -- ничто больше не непоправимо, ничто больше не является следствием чего бы там ни было. Нет больше последствий. В каждое мгновение это есть, и есть так, как оно есть -- Гармония, как она есть, без ментального одеяния. Нет существенной разницы между тем состоянием, из-за которого вы спотыкаетесь о ступеньку, и тем состоянием, которое вызывает смерть -- есть Гармония, и есть смерть. И все, что не есть Гармония, является смертью, или началом смерти. Вот где должны мы схватить Смерть: в том маленьком жесте, в той маленькой неуклюжей оплошности. Вибрация проходит или не проходит, вещи ясны или затуманены, это гармонично или это скрипит. Все начинается там.

И меняется вся организация.

Тогда мы по-настоящему, полностью понимаем, что Мать имела в виду в начале: "Это должно быть не понято: это должно быть."

Быть, - сказала она, - это единственная вещь, имеющая силу.

"Сказочную" силу.

Освобождение настоящей материи

То "пористое" состояние, которое оставляло Мать на милость каждого, и, прежде всего, на милость всех беспорядков, начало внезапно давать ей ключ к излечению; что показывает, что лекарство в самом деле всегда заключается в сердцевине трудности. Я вижу, что весь тот странный период, через который я только что прошла, был грандиозным прогрессом, и я не знала об этом! Это так к месту! Мы вообще не знаем, в чем состоит прогресс; он согласуется с нашим "лучше" ничуть не больше, чем с нашим "хуже". Мы идем не к "лучшему", мы идем к нечто иному. Я еще не в конце, но я поняла, что это. И это существенно. Пористое состояние без "да" и "нет", без стен, -- это вообще не "смутное" состояние, которое мы себе представляем; возможно, это как бриз, но несколько странный бриз, в любом случае. Как если бы та пустота, свободная от персональных соображений, ловится повсюду, как переносимое ветром семя ловится кустарником; внезапно вы оказываетесь в существе, в его реакциях, в его заболевании, как если бы все это было вашим собственным -- внезапно вы становитесь "я", поскольку вы пойманы там. "Я" -- это ни что иное, как поток, схваченный или отраженный в чем-то. Вы становитесь камнем, цветком, бутылочкой с водой для полоскания рта. Вместо того, чтобы быть пойманным в теле, вашем собственном теле, вы ловитесь всем тем, что происходит. Вы в преклонном возрасте того, кто думает, что вы стары; вы чувствуете, что умираете в мыслях о смерти. Это все маленькие "вспышки-заболевания", через которые Мать шла постоянно. В действительности, это не неопределенное состояние; это чрезвычайно точное состояние, болезненно точное -- вы находитесь в самом деле во всем, с чем соприкасаетесь или что видите, со всем, что происходит, вплоть до малейшей вибрации. И, опять же, это не так, что вы "видите" или "касаетесь" чего-то: вы находитесь в нем. Все как оно и есть. И чем бессодержательней и "беззащитней" эта пустота, тем больше она спонтанно наполняется Вибрацией, вибрацией, подобной Любви, как если бы в конце всего, когда ничего уже не осталось, остается лишь то: Любовь... чистая. Как если бы мир действительно был сделан из любви, раз уж вы сняли с него все одеяния. Супраментальная вибрация -- это действительно вибрация чистой любви. Это естественное основание мира, истинное состояние мира. И как раз это произошло с Матерью, когда она внезапно оказалась перед, или внутри, того маленького злого образчика, который мог бы убить ее; совсем внезапно она оказалась Любовью в сердце того маленького зла; и произошло так, как если бы то маленькое зло было сразу же вылечено его же собственной вибрацией любви -- вылечено тем, что на самом деле есть. Мир болен, потому что он не является тем, что есть на самом деле.

И внезапно Мать поняла весь Механизм: Было ощущение Моши, Моши, которая исходит от Любви -- это было колоссально! И это заставило меня понять одну вещь:

состояние, в котором я оказалась [все заболевания, все расстройства, вся боль] было лишь для того, чтобы обрести эту Мощь, которая проистекает из тождества со всеми материальными вещами -- мощью которую имеют, например, некоторые медиумы. Я видела это у мадам Теон; она хотела, чтобы вещи сами шли к ней, а не она к ним: когда ей нужны были сандали, например, то вместо того, чтобы идти к ним, она заставляла их прийти к ней. И она делала это благодаря своей способности проецировать собственную субстанцию, она имела контроль над этой субстанцией: ее центральная воля действовала на Материю повсюду, ПОСКОЛЬКУ ОНА БЫЛА ТАМ. Так что я рассматривала эту Мощь с систематической точки зрения, для организации (не случайной или неустойчивой или эксцентричной, как в случае с медиумами), для ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИИ. И так ты начинаешь понимать: почему, обладая этим, можно расставить все по свои местам! -- при условии, что ты достаточно универсален. Тогда я поняла. Теперь я знаю, куда я иду. И если ты добавишь к тому материальную способность идентификации и использование воли, если ты добавишь ТО, то "нечто", которое было в тот момент [Вибрация Любви], это фантастично! Это обладает мощью изменить все. И как оно меняет все! Ты просто ЯВЛЯЕШЬСЯ тем: ОДНОЙ ЕДИНОЙ вибрацией ТОГО. Вы являетесь тем, так что вы возвращаете каждую вещь на подобающее ей место. Не нужно чудес, чтобы изменить мир: требуется лишь расставить все по своим местам. Поправить контакт. Я говорил "устранить сеть", но это, возможно, негативный способ сказать то же самое. Мы должны посеять то "мерцание" многокрасочного света повсюду, ту реальность Материи, настоящей Материи, и она протрет вуаль изнутри -- автоматически. Это та "автоматическая" сила, о которой говорил Шри Ауробиндо. И Мать добавляла: Со времени того опыта [маленький злой человек] случаи подлинного отождествления -- подразумевается, ты ЯВЛЯЕШЬСЯ тем, поэтому ты ДЕЛАЕШЬ то -- стали множиться во всех маленьких материальных вещах, мельчайших вещах материального порядка. Но это ключ! Это ключ.

Ключ материального заражения.

Только универсализация тела должна стать достаточно полной, чтобы посеять или, скорее, пробудить повсюду маленькое мерцание истинного света.

Грандиозная реорганизация Материи. Возможно, нам следует сказать грандиозное освобождение настоящей Материи: расщепление маленьких ядер света, сияющего под своим темным коконом, в сердце клетки. Являешься тем, поэтому делаешь то. Нечего менять: мы должны лишь заставить сиять то, что находится там. Даже не требуется разрушать сеть: она разрушится сама по себе под действием того излучения.

Вот что происходит.

На грани

Но все же, чтобы делать свою работу, Мать должна была выбраться из сети. Микроскопическую работу, касающуюся маленьких реакций, маленьких мыслей, маленьких рефлексов, тысяч привычек: Есть некое колебание: оно приходит [состояние Гармонии, супраментальная Вибрация] на некоторое время или на несколько часов, и затем внезапно все идет наперекося и приходит... изнуренность, ты понимаешь, я не могу на самом деле сказать, что оно непереносимо, но... Например, вечером в 5:30, когда я поднималась по ступенькам, после того как провела полтора часа с людьми, то само движение давалось с большим трудом, я была в напряжении, на грани срыва. Спустя некоторое время я начала ходить (я не останавливалась, не отдыхала), начала ходить со своей мантрой -- через полчаса все поднялось, пух! Это действительно как вуаль, которая поднимается и снова падает, и это вуаль каждого. Эти маленькие образчики делают свою работу достаточно хорошо; они дают Матери в точности ту трудность или переживание, которое необходимо, чтобы найти решение (с эмоциональной точки зрения мы можем быть опечалены или шокированы, но это неверная точка зрения, образчики не являются какими-то особенными людьми: это "тысячи людей"). И Гармония возвращается -- утомление мгновенно исчезает. Как исчез ее филариазис. Как исчезают все остальные микроскопические смерти. Это действительно ключ к смерти, в миниатюре. Там смерти больше не существует. Для нее нет места, ее не может

быть -- это Ложь с другой стороны сети. Но затем, совершенно внезапно, по некоторой глупости, из-за простого пустяка тело забывает -- оно возвращается к себе, и появляется страх исчезновения, страх небытия. И все нужно начинать с самого начала. Как только тело чувствует себя как "я", оно снова входит в сеть. Оно снова становится рептилией. И осознаешь, что та универсализация является странным условием для того, чтобы переоткрыть чистое функционирование маленькой клетки, которое здесь, в нескольких дюймах под поверхностью. Как если бы не могло быть настоящей, чистой клетки без того, чтобы она была всей вселенной! Затем снова возвращается Гармония, на несколько часов, но теперь чаще: Я гуляла в некоторой вселенной, которая была исключительно Божественным; ее можно было потрогать, ее можно было чувствовать; она была внутри, вне, повсюду. В течение 45 минут не было ничего, кроме ТОГО, повсюду. Да, тогда больше нет проблем, могу тебя заверить! И простота! Не о чем думать, нечего хотеть, нечего решать -- быть, быть, быть!... в бесконечной сложности совершенного тождества: все было там, но НИЧТО НЕ БЫЛО ОТДЕЛЬНЫМ; все было в движении, и ничто не двигалось. Это действительно было переживанием. Переживанием во время ходьбы кругами по своей комнате вместе с мантрой. Не переживанием в медитации: переживанием в теле. Именно тело чувствует, дышит, живет тем -- и, находясь в том состоянии, делает то, спонтанно, потому что это здесь и там, без разделения. Именно разум производит разделение и заключает все в ящик, а затем он удивляется, что ему нужны телефоны и пульта дистанционного управления.

Мать с борьбой продвигалась дюйм за дюймом, от точки к точке -- не борясь на самом деле; это была не борьба, это был определенный способ бытия во всем этом, с неким криком посреди темной сети, нужда воздуха, нужда света в удушении: Я видела круговорот мыслей - - силу мыслей над телом -- это потрясающе! Мы просто не можем представить, сколь велика эта сила. Даже подсознательные и иногда несознательные мысли оказывают свое воздействие и производят невероятные результаты. Вы думаете о смерти: вот она. Вы думаете об усталости: тело устало -- вы думаете, и все отравляется. А затем все становилось яснее и яснее, точным, как если бы механизм Лжи раскрывался на каждой стороне, в каждом жесте, при каждой встрече: чем больше "ошибок" вы делаете, тем яснее видите. Ежедневное функционирование становится труднее и труднее, потому что вы видите его все лучше и лучше. И вы начинаете понемногу контролировать механизм: с одной стороны, в этой позиции все сдвигается к Гармонии; с другой стороны, в другой позиции, все сдвигается к расстройству. Минутное колебание, быстрее и быстрее, от одного состояния к другому, через тысячу "глупостей" повседневной жизни. И внезапно Мать поняла: У меня есть некая уверенность (это не формулируется на словах: это ощущение или отпечаток уверенности), что как только эта микроскопическая работа будет окончена, то результат будет... поразительным. Потому что любое действие Силы через разум разрезается, разбавляется, сокращается и упрощается, и почти что ничто не достигает нижних уровней. Тогда как когда эта сила сможет работать через эту материю, то, несомненно, это будет фантастично... Требуется прямая сила! Сила, которая побуждает к тому, чтобы ее ощущали непосредственно, иными словами, от клетки к клетке: через вибрации того же качества... Как если бы я стояла на пороге грандиозной реализации, которая зависит лишь от микроскопической вещи.

Если сеть протрется, то вся вселенная окажется прямо здесь, мгновенно. Вся вселенная в теле, можно было бы сказать. И не только это, а появляется настоящая Материя, появляется свечение клеток, мир истины; появляется супраментальный мир, который через одно тело начинает просачиваться во ВСЕ тело.

И Мать добавила: Лишь когда эта маленькая работа по "локальной" трансформации выполняется с полным сознанием и полным господством или БЕЗ КАКОГО-ЛИБО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, тогда, да... Это как химический эксперимент, который ты хорошо усвоил: ты повторяешь его по желанию, когда потребуется.

Мать смотрела на большое огненное дерево над могильной плитой Шри Ауробиндо. Кажется, что она видела Шри Ауробиндо все больше и больше, лучше и лучше, как если бы

все больше протиралась та сеть: что отделяло Шри Ауробиндо от ее тела и от тела мира, возможно, что отделяет дом Шри Ауробиндо от нашего дома здесь. В великой поэме Шри Ауробиндо разве не искала Савитри Сатьявана в смерти?... Или же она действительно разрушает смерть, и другая сторона оказывается здесь? Ты знаешь, мы как раз на границе, на грани; это как если бы была полупрозрачная занавеска, и ты видишь вещи на другой стороне, ты пытаешься схватить их, но пока еще не можешь. Но такое ощущение родства! Иногда, совершенно внезапно я ощущаю себя как грандиозную сконцентрированную силу, которая все проталкивается, проталкивается, проталкивается во внутренней концентрации, чтобы пробиться. Это происходит со мной везде, всегда, в любой момент: я вижу всю массу сознания, собранного в устрашающей мощи, которая проталкивается, проталкивается, проталкивается, чтобы добраться до другой стороны. Когда мы достигнем другой стороны, все будет хорошо.

Шел 1961 год.

Год первого полета в космос.

Покорение другого пространства или же завоевание другого вида на земле?

XV. ПЕРВЫЙ ВЫХОД ИЗ СЕТИ или НОВЫЙ ТИП

Затем наступила великая Поворотная Точка.

Шел март 1962 года. Начало формирования "нового типа" на земле, в первом земном теле или, возможно, втором, после Шри Ауробиндо -- но никто не знал об этом в то время. Даже Мать! Только в 1967 году, пять лет спустя, Мать внезапно осознает: да ведь вот что произошло в 1962! И то из-за того, что я задавал ей вопросы. В то время никто ничего не знал об этом: это было просто "происходящее явление". Адженда Матери полна "явлений", которые никак не отмечены. Кто бы заметил новый вид *Homo sapiens* среди приматов? Теперь мы говорим о "настоящей Материи", но когда вы видите только первые проблески света, что это? Нечто мерцающее, это все. И когда вы падаете в обморок со странным ощущением, то доктора щупают пульс и дают вам корамин (сердечный стимулянт). Не дали бы они корамин Христофору Колумбу, чтобы излечить его от Америки?

Мы, по-существу, делаем некую пред-географию или, возможно, палеонтологию наоборот, прежде чем вещи не успели окаменеть. Затем мы сможем развить иную географию для другого века.

Всегда будет новая география того же самого извечного мира.

Волнообразное движение

На самом деле это явление начало возникать еще до марта.

Мало-помалу, с "чередованиями" -- иногда сотни чередований за день, как будто бы вуаль поднималась и снова опускалась или же дверь приоткрывалась и закрывалась, в соответствии... в соответствии с чем? -- Мать достигла некой телесной прозрачности, в которой ее собственное существование было ничем не большим, чем существованием некоего особенного луча, который начинает осознавать "нечто" всякий раз, когда он ловится чем-то или встречает экран. Иногда экран был еще внутри по причине довольно острой боли, которая мгновенное делала где-то "я", но даже и тогда существовал некий способ "повалить" эту боль, плавно проходя через нее и растворяя ее, не связывая с ней какой-либо реакции типа "это больно" -и эта боль уходила, когда уходила та мысль физического разума, которая и вызывала реакцию "это больно". В любом случае, "я" означает страдание. Это великий беспорядок. Это тюрьма. Так что спадают ложные ощущения, спадают ложные реакции, спадает ложное деление "я и остальное". Но как мы уже говорили, это снова подкрадывается в самых незначительных вещах, это глупость, простой пустяк -- просто пустяк, который удерживается, блокируя необъятную новую Америку.

Все это сопровождалось неким странным состоянием, населенным лишь более или менее агрессивными образчиками (естественно, каждый хочет брать) и очень напоминало кошмар, в котором все еще было достаточно "я", чтобы раздражаться от этого кошмара: Во внутренних мирах все ясно, все очень ясно, все очень хорошо, там ты очень счастлив! Но действительно стоит жить лишь для того, чтобы сделать здесь -- ЗДЕСЬ -- эту жизнь и этот

мир чем-то стоящим. Еще недостает некоего умения. Это все, что я могу сказать. И я застряла здесь. "Но все же", -- возразил я, -- "'здесь', в физической жизни есть несколько довольно прекрасных вещей" (Я не понимал, до какой степени Мать искала нечто иное, нечто радикально другое для земли, я все еще грезил о джунглях и плаванию вокруг света), "есть морские приключения..." О, совсем пустяки! - перебила она, - это вовсе ничто, это детские забавы. Нет, физическая жизнь вовсе ничто (какой она является сейчас). Все вещи в физической жизни -- вовсе ничто, вовсе ничто! Это детские игры, о них не стоит думать и секунды. Даже все те моменты, которые мы можем иметь в жизни, прежде чем найдем Истину, когда мы находимся в пути и внезапно получаем проблески бессмертного сознания, имеем контакт с истиной, все те переживания очень милы, это очень хорошо, но это все на пути, это не ТО. Настоящий смысл жизни: что она действительно значит? Что за ней? Почему Господь сотворил жизнь? На что Он метит? Что у Него на уме? Что Он ожидает? Мы еще не нашли это. Что действительно Он хочет!... У него, очевидно, есть секрет, и Он держит его. Что же, что касается меня, я хочу Его секрет. Почему вещи устроены так? Определенно, они такие не из-за того, что и должны быть такими; они такие, чтобы стать нечто иным. Что же, именно это нечто иное я и хочу. Она так хотела красоты этого мира и сладостности и истины этого мира. Настоящей земли.

Даже это "я хочу" медленно растворялось. Она вынуждалась проживать Секрет, она медленно обучалась Секрету в собственном теле -- ведь, в конечном итоге, что хочет знать? Это разум хочет знать, тело хочет только жить. Вещи становились абсолютно "инфернальными" там внизу, в коридоре и за каждой дверью -- иногда она падала в обморок в своей ванной комнате, единственном спокойном месте, где можно упасть в обморок, не вызывая шума. Затем она начинала снова. Но она падала в обморок не из-за сверхусталости (хотя эта усталость могла свалить тридцатилетнего человека): внезапно она просто проходила через все до такой степени, что ее тело ускользало от нее, как если бы ее тело больше не было в полной мере ее, так что тело падало... чтобы напомнить о своем существовании. Это некое очень безличностное состояние, в котором полностью исчезла вся привычка реагирования на внешние окружающие обстоятельства. Но она не заменена ничем. Это... волнообразное движение. Это все. Она уносилась в волнообразное движение. Так когда же это изменится в нечто иное? Не знаю. Невозможно, невозможно пытаться! Нельзя делать усилие попытаться сделать что-либо, потому что это вызовет интеллектуальную активность, которая не имеет ничего общего со всем этим. Вот почему я пришла к заключению, что это нечто, чем должно становиться, быть, жить -- но как? И каким образом? Не имею представления. Вы не можете попытаться стать новым видом! Потому что это будет старый вид, который пытается что-то сделать своими сверх-старыми методами. Нет методов! Вы не можете попытаться стать тем, чего нет (или видимо нет); как вы можете сделать это? Вы можете попытаться стать математиком или поэтом или даже йогом в космическом сознании, но как вы будете пытаться делать несуществующее? Нет пути, никто не ходил туда! Так что она жила этим волнообразным движением, прерываемым резкими возвращениями в тюрьму.

Двойной мир

Все же наш секрет лежит в этих возвращениях в тюрьму. Очень хорошо говорить о другом состоянии, это даже довольно увлекательно -- смотреть на Мать, которая была в приключении, неисчерпаемом приключении. Приключение было всякий раз новым, как если бы вы заблаговременно входили в будущее -- но тот переход составляет сердцевину мистерии. Как добраться туда, и почему снова возвращаешься в старое состояние? Мать сотни раз переживала это движение "туда-назад", переживала в течение многих лет, и она всегда возвращалась к моменту перехода от одного к другому как если бы это была великая Тайна. Всякий раз ее описание было очень похожим (это мимолетная маленькая вещь), и всякий раз это было подобно загадке. Мимолетная маленькая вещь, которая, по-видимому, содержит всю мистику мира. Действительно, ошеломляет именно тонкость проблемы. Ты берешь абсолютно идентичные обстоятельства... даже не несколько дней назад, а несколько

часов назад -- идентичные обстоятельства: те же самые внешние условия и те же самые внутренние условия. То есть, "расположение духа" то же самое; жизненные обстоятельства в точности такие же; события те же; люди без какой-либо ощутимой разницы... И в одном случае тело (я имею в виду клеточное сознание) производит некую слаженность движений, общую гармонию в атмосфере, все так чудесно согласовано, без скрипа, без трения: все, все работает и приходит вместе в полной Гармонии... Тогда как в другом случае (все подобно, сознание похоже)... вот где... нечто ускользает от меня. Но того восприятия Гармонии больше нет. В чем тут причина? Я не понимаю. И затем тело начинает работать неправильно. Но заметьте, что с тем же успехом мы могли бы сказать, что мир работает неправильно -- это одно и то же. Это действительно проблема тела земли. Это как если бы ты преследовал нечто, что постоянно ускользает от тебя и больше не имеет никакого смысла. И обстоятельства абсолютно идентичны, возможно, даже движения тела (я имею в виду функционирование тела) идентичны; все же они чувствуются дисгармоничными (слова слишком неуклюжи, это тоньше), без смысла, без гармонии. Что же ускользает? Я не понимаю... Все больше и больше у меня впечатление -- чего? Как выразиться?... Вопрос вибраций в Материи. Это непостижимо. То есть, это совершенно не подчиняется никакому ментальному закону, даже психическому закону -- это нечто само-существующее... Нет недостатка в вопросах! Чем более детально ты в это погружаешься, тем более загадочным все это становится. И Мать сидела с закрытыми глазами, как если бы прислушивалась к пульсациям той Материи: что же вынуждает мир идти неправильно -- ведь Гармония ЗДЕСЬ! Именно из-за тонкости, - продолжала Мать, - это почти... почти как стоять на границе двух миров. Это тот же самый мир и все же -это два аспекта мира?... Я даже не могу сказать так. Все же это ТОТ ЖЕ мир: ВСЕ это Господь, ты понимаешь; это Он и только Он, все же... И это очень тонко: если ты пойдешь так [Мать немного поворачивает свою руку вправо], то это совершенно гармонично; если ты пойдешь так [Мать немного поворачивает руку влево], фью! Это... это одновременно абсурдно, бессмысленно, и трудно, болезненно. И это ОДНА И ТА ЖЕ вещь! Все то же самое... Выражаясь громкими словами, можно было бы сказать: все это [Мать немного наклоняет руку в одну сторону] Истина, а все то [наклон в другую сторону] Ложь -- все же это ТА ЖЕ САМАЯ вещь! В одном случае ты чувствуешь, что тебя уносит, ты уносишься, плывешь в блаженном свете к вечной Реализации; а в другом случае все смертельно, тяжело, болезненно -- в точности та же самая вещь! Почти те же самые материальные вибрации. Это так тонко и непостижимо, что ты действительно чувствуешь, что это ПОЛНОСТЬЮ ускользает от сознательной воли, даже высочайшей. Что это? Что это??... Возможно, если мы найдем это, то будем иметь все -- полный Секрет.

Мир един.

Микроскопическое "нечто", что заставляет тебя идти этим или тем путем. И Мать была очень хорошо знакома с микроскопическими битвами: она проводила в них свое время. Дуновение, и вы движетесь к той стороне. Почти так, как если бы вы возвращались к... смутному Истоку. К тому моменту, когда нечто повернулось в Материи неправильным образом (не в голове, та глупость очевидна, а в источнике, в первом движении). Это путь, из-за которого Истина обернулась Ложью, - добавила она, - но "путь", что такое "путь"?... Я застряла на этом факте: как действительно Истина стала Ложью? Как она стала смертью, можно было бы сказать, тем моментом смерти в мире. Смерть не заложена в природе мира, мы видим как раз ложный мир, это нечто... что исказилось -- и что требуется выправить. Для всего мира. Космический "несчастный случай". Я не задаю этот вопрос интеллектуально, то совсем не интересует меня!! Я имею в виду здесь, в Материи... Это двойное, оно двойное. О, как долго те слова звенели в моих ушах и все еще продолжают звенеть: двойное, двойное... Как это произошло? Но теперь "как" отошло в историю: каков МЕХАНИЗМ? И как выбраться из этого?... Есть некое предвидение, что только тело может это знать, вот что так необычайно!

Если бы мы знали тот механизм, то выбрались бы из смерти. Мы бы увидели Мать, мы бы увидели Шри Ауробиндо, мы бы увидели супраментальный мир -- потому что он здесь,

все здесь! Это не на "другой стороне" - другой стороне чего? Это двойное, двойное... Вуаль смерти над чем-то, что то же самое. И что меняет всю жизнь. Это тот же самый мир!

Очевидно, следует искать ответ в теле.

Мать отправилась искать его. Она хотела ДЕМОНТИРОВАТЬ механизм.

Отменить смерть.

Так что же произошло? Или что происходит?

Кажется, что Мать ушла. Но Матери вовсе не свойственно бегство, вы понимаете.

Физическая универсализация

Она переживала то "волнообразное движение", а затем снова возвращалась в болезненную тюрьму, десять раз, пятьдесят раз за день. Можно ли даже сказать, что это именно "я" составляло тюрьму? Достаточно долгое время она не имела "я" -- значит, "я" в Материи? Возможно... На самом деле мы не знаем, мы идем через лес вместе с ней. Но иногда приходила и раскрывала себя "другая" вещь, она появлялась из Материи -- да, она была там, и это действительно был тот же самый мир, было не так, что она уходила в другое сознание (если только не само тело уходило в другое сознание: настоящая Материи, возможно, клеточная Материи появлялась из-под вуали инерции): Вся атмосфера стала конкретной... Вот что удивительно, всякий раз, когда Мать касалась другой вещи, она говорила "мир становится конкретным", как если бы прежде он был абстрактным! Как если бы прежде в нем на самом деле ничего не было, как если бы он был копией нечего: Все, все ощущается как Господь. Не знаю, как объяснить это; это было совершенно материальным, как если бы этим был полон твой рот! И так было везде. Везде. И так физически! Как... это можно было бы сравнить с наиболее изысканным вкусом. Очень, очень конкретно: как если бы, зажимая руку, ты бы чувствовал в ней нечто твердое -- такая теплая, сладкая и сильная вибрация, столь мощная, столь конкретная!... Как если бы мой рот был наполнен самой чудесной пищей, и затем мои руки подняли бы это в атмосферу; это было так забавно! Но, любопытно, казалось, что приближение к той клеточной Материи -- хотя она прямо здесь, под поверхностью -сопровождалось неким распространением сознания, как если бы вы были отброшены... не знаю куда, возможно, к границам вселенной. Все более и более быстрое и охватывающее волнообразное движение. До того дня в начале 1962 года, прямо перед великой Поворотной Точкой, когда Мать еще раз упала в обморок, но в этот раз с лучшим восприятием явления: В этот раз я была совсем одна в ванной комнате... Довольно продолжительное время мое тело говорило мне: мне нужно лечь, мне нужно лечь... я грубовато ответила: у тебя нет времени. Так что вот что произошло. Тело нашло свой способ улечься! -- оно просто легло там, где находилось в данный момент и... я распростерлась над миром, распростерлась ФИЗИЧЕСКИ -- вот странная вещь: это ощущение КЛЕТОК. Было движение распыления, которое становилось все более и более интенсивным и быстрым, и затем внезапно я очутилась на полу. И Мать рассмеялась, а затем продолжила объяснение: Это некая децентрализация. Чтобы сформировать тело, клетки концентрируются, есть некая центростремительная сила, удерживающая их вместе; а это как раз противоположное, это как если бы центробежная сила вынуждала бы их разбегаться друг от друга. И когда это движение стало "чутьочку чересчур", я вышла из своего тела, а внешне это выглядело, как я упала в обморок -- но на самом деле я не "упала в обморок" и не "потеряла сознания", потому что я оставалась полностью сознательной. Но это движение естественным образом создает некую странную дезорганизацию.

Вот когда они хотели дать ей дозу корамина, чтобы вылечить ее от нового мира.

В конце, когда она больше не могла бороться, она начала поглощать корамин, потому что это их успокаивало. С губельными последствиями для своего сознания. Наркотическое лекарство означает мгновенную вуаль над клеточным сознанием. Это возвращение к возобладанию физического разума -- другими словами, возвращение к одержимости смерти.

Но проблема все оставалась, становясь все более актуальной: Я постоянно сталкиваюсь с этой проблемой, являющейся совершенно конкретной, абсолютно материальной, когда ты имеешь дело с этими клетками, и они должны оставаться клетками, а не испаряться в некую

нефизическую реальность! И в то же время у них должна быть некая гибкость, пластичность, чтобы они могли бесконечно расширяться... Чтобы удержать или выдержать крушащую супраментальную Вибрацию, мы должны расширяться (она "крушащая" только из-за нашей малости и клеточного засорения), а когда мы расширяемся или теряем "центр коагуляции", как она сказала, то что происходит? Как мы можем жить в том состоянии?... Вероятно, это всегда одно и то же, это кажется невозможным из-за того, что такое никогда не делалось, но если это достигнуто однажды, тогда мы осознаем, что лишь ничтожное маленькое "нечто" препятствовало этой возможности. В самом начале, в 1959 году, также казалось невозможным, что тело может выдержать "пузырящуюся кашу" Сверхразума. Должен быть найден правильный метод, это все. Все заключается в методе. Но именно тело должно найти этот метод. Ментально это относительно просто: устранение пределов эго, бесконечное расширение, и движение, которое следует за ритмом Становления. Витально тоже... Но это тело! Это очень трудно -- очень трудно без потери (как мне следует сказать?) его центра коагуляции и растворения в окружающей массе. И, по крайней мере, если бы это происходило в естественном окружении гор, лесов, рек, в обстановке естественной красоты, на грандиозных просторах, это было бы довольно приятно! Но нельзя сделать материально ни одного шага вне тела, чтобы не натолкнуться на болезненные вещи. Иногда можно вступить в контакт с приятной, гармоничной, теплой субстанцией, вибрирующей с высшим светом. Но это редко. Да, цветы, иногда цветы... Но этот материальный мир, о!... ты бит везде, поцарапан, ободран, бит всевозможными вещами, которые не раскрываются. О, как это трудно! Как замкнута человеческая жизнь, как она сморщена, затвердела, без света, без теплоты, и я уж не говорю о радости. Как раз это она чувствовала семьдесят девять лет назад, в своем маленьком креслице, в возрасте пяти лет.

Мать искала нечто, что заставляло эту Материю сморщиваться, ссыхаться и затвердевать. Тот момент эволюции, когда исказились вещи. Есть лишь одна вещь, один корень, тем не менее мы рассматриваем "проблему". Микроскопическое нечто, которое делает мир тем же самым, и все же он больше не тот же самый. Он широк; он сужен. Он живет; он умирает. Так где же жизнь, которая больше не является этой жизнью или этой смертью, но, тем не менее, это Жизнь? Настоящая жизнь.

Мир двойной, мир двойной...

Все равно, вы должны иметь нервы из стали.

Великие пульсации

Мать, как обычно, получит ответ во плоти: грубый ответ. Девятьсот шестьдесят второй год -- год кубинского кризиса и китайских атак на северные границы Индии. Вместо того, чтобы "упорядочивать" вещи, Сила (скажем, та, которая правит вещами и движет миром, Шакти) расстроила все еще дальше -- полный беспорядок, в теле. Но таков Ее способ работы: Ее способ привести вещи в порядок -- это дезорганизовать все -- очевидно, чтобы внести новую организацию. Но когда это доходит до тела... которое больше не знает, как пульсировать, как дышать? В течение последней встречи с Матерью в нижней комнате, прежде чем она не удалилась в свою верхнюю комнату, чтобы никогда больше не выйти оттуда, кроме как присоединиться к Шри Ауробиндо под большим желтым огненным деревом одиннадцать лет спустя -- еще одиннадцать лет -- Мать много смеялась. В действительности, она подсмеивалась надо мной, а я был довольно расстроен, но, тем не менее, некое маленькое предупреждение вырвалось у нее, которое должно было меня встревожить, будь я более спокоен. Прежде всего, она больше не хотела, чтобы ее слова записывались: это пустая трата ленты. Я пытался заставить ее понять, что ее путь мог бы быть интересен миру позднее. Давай встретимся через пятьдесят лет -- тогда у тебя будет белая борода? Шутка казалась мне неуместной, но, прежде всего, Мать сказала, что ее Адженда "не имеет значения": Когда мы дойдем до конца, когда это будет сделано, мы УВИДИМ, а если я... я не намереваюсь это делать! И она рассмеялась, а я сжал свои зубы. Послушай, - сказала она, - тебе я могу сказать: когда я такая, когда кажется, что я шучу, это потому что бывают очень опасные моменты, по-настоящему опасные. Я не хочу делать

драмы. Я не хочу быть трагичной, я скорее предпочту сделать из всего шутку, чем быть трагичной! Так, вместо того, чтобы принимать напыщенный вид и говорить, как это трудно, я шучу. Я не люблю драмы, не выношу этого. О самых великих вещах, самых высочайших, наиболее благородных и тонких можно сказать очень просто. Не нужно быть драматичным или считать ситуацию трагической. Ты понимаешь, я не хочу быть ни жертвой, ни героем, ни... ни мучеником, ни чем подобным! Ты знаешь, я не люблю историю Христа. Вовсе нет. Распятый бог -- нет, благодарю! Если он теряет свою кожу, он ее теряет -- это все. И это не важно. Ты понимаешь? Да, вот так. Точно так.

Это было 13 марта. Три дня спустя Мать не могла сделать и шага, чтобы не "упасть в обморок"; и не только это, но через ее голову больше не могла пройти ни одна ментальная вибрация -- то сеть, видимость полного идиотизма: ушла вся ментальная и витальная сила. Оставалось лишь тело... которое не могло обходиться без посторонней помощи. Как старая кляча, - скажет она после, смеясь. Следует согласиться быть идиотом -ты готов? - спросила она меня позднее, ведь у меня было много мозговых извилин и я жаждал более радикальных путей. И я был готов, идиотизм несколько меня не затрагивал, поскольку разум мне казался идиотским инструментом, в любом случае, за исключением того, чтобы писать книги! (Хотя я открыл, что книгу можно писать и без разума; мне даже была показана некая демонстрация того, что происходило с Шри Ауробиндо, когда десятки тысяч строчек проходили прямо через клетки его рук.) Но я не совсем уловил масштабы того, что происходило с Матерью, а она хотела пощадить меня: Это из-за моего возраста я вынуждена делать все быстро; вот почему нужны радикальные меры. И мы действительно начинаем понимать, какая грандиозная корка покрывает тело и препятствует тому, чтобы тело было самим собой: мы не можем сделать и шага, не подумав или не используя витальную силу -- тело никогда не функционирует само по себе, кроме как когда иногда доктора заявляют, что все потеряно и перестают пичкать его лекарствами, тогда оно находит собственный "чудесный" путь выздоровления -- оно просто уклоняется от чудес медицины и совершает свое маленькое естественное чудо. Но, вообще, корка слишком толста, и тело не может освободиться от коллективного внушения. Мать была радикально "освобождена" от этого внушения, чтобы научиться, как жить в теле, предоставленном самому себе. Мать была лишь телом, суммой клеток... которые забыли, как жить обычным образом. Затем, спустя месяц жизни в таком режиме, ее подвело сердце -- сердце больше не могло больше достаточно хорошо помнить, как функционировать -- что для тела сродни смерти. Но затем, из той "смерти" возникла новая пульсация, можно даже было бы сказать, что возникло новое тело внутри старого, появился новый способ бытия, жизни, видения, дыхания, понимания, чувства. Новый тип на земле, поистине. Первый эмбрион нового вида. Человек привык думать, что существа будущей эволюции, следующего вида будут... божественными существами, подразумевая, что у них не будет тела и они будут наполнены светом, подобно тому, какими им представляются боги -- но это вовсе не так!

Действительно, было совсем не так.

Первые знаки этого радикального переживания появились ночью 12 апреля 1962 года, когда старое тело было крайне ослаблено. Мать не могла сказать много слов, чтобы поведать о том, что случилось, но когда она снова обрела возможность выразить себя, то она начала говорить по-английски, как если бы Шри Ауробиндо контролировал весь процесс, и слова были краткими: Были грандиозные пульсации вечной, изумительной Любви, только Любви. Каждая пульсация Любви несла вселенную дальше в ее манифестации. Это все продолжалось и продолжалось... Небеса звенели песнями Победы. И уверенность, что то, что должно быть сделано, СДЕЛАНО и супраментальная Манифестация РЕАЛИЗОВАНА... В то мгновение это было сделано. Работа Шри Ауробиндо и Матери была сделана, как если бы один этот чистый контакт с Тем, в земном теле, проделал всю Работу. Возможно, подобно тому, как в первый раз в мире минерал вступил в контакт с Жизнью -- или достаточно растворился, чтобы позволить возникнуть первым "шевелениям" Жизни. Тело Матери было полу-растворено. Новое "нечто" вошло в контакт с землей. Оно вошло в земное тело... Что

вошло? У нас нет нужных слов для того, что принадлежит другому виду; Мать сказала Всевышняя Любовь, но это просто то, что было в глубинах клеток, свободных от какого бы там ни было покрытия; и это было мгновенно везде: это была вся вселенная. Пульсирующая вселенная, - скажет она позднее. Без ментальной и витальной тюрьмы материальная вселенная предстала как одна пульсация, одна единственная пульсирующая вещь: Все результаты Лжи исчезли: Смерть была иллюзией, Болезнь была иллюзией, Неведение было иллюзией -- нечто, что не имело реальности, не существовало. Только Любовь и Любовь, и Любовь, и Любовь -- грандиозная, необъятная, изумительная, всеохватывающая... И все СДЕЛАНО. Затем она добавила, теперь уже по-французски: Потом я разъясню это. Инструмент еще не готов... Теперь давай приступим к работе.

Приступим к работе, чтобы заставить это жить в теле, которое... способно. Эта "новая" вещь (Она вовсе не новая! - воскликнула Мать. Нова именно способность воспринять эту вещь), это нечто в глубинах клеток должно найти способ нормально пульсировать в теле. Это как создать новое тело в старом или использовать старое тело в качестве поддержки для нового. Переживание Матери не имело ничего общего с каким-либо космическим супер-видением и всеми этими "ах! ах! ах!", которые все остальные имели на вершинах сознания: это было переживание ее тела, земного тела, такого же тела, как и у всех: Я ем те же вещи, и мое тело сделано точно также, и оно было столь же глупо и темно и несознательно и упрямо как все остальные тела в мире. Все это началось, когда доктора заявили, что я очень больна, это было начало. Потому что тело было совершенно лишено своих старых привычек и старой силы, а затем медленно, медленно, медленно клетки начали пробуждаться к новой восприимчивости. Короче говоря, это космическое сознание тела -- его естественное сознание. Чтобы животное стало человеком, требовалось лишь внедрение сознания, ментального сознания; а теперь это пробуждение сознания, которое было в самых глубинах. Центральный свет клеток. И Мать сказала: Это противоречит всем духовным утверждениям прошлого: "Если вы хотите полностью осознать божественную жизнь, тогда оставьте свое тело -- тело не может последовать за вами"; что же, пришел Шри Ауробиндо и сказал: тело не только может последовать, но оно может стать основанием божественной манифестации... Требуется еще проделать свою работу. Они обычно уходили далеко, далеко вверх, в глубокой медитации, в нечто более и более эфемерное и тонкое и "чудесное", от чего мир казался иллюзией -- и, действительно, корка этого мира является иллюзией: "Смерть -- это иллюзия, болезнь -- это иллюзия", - говорила она, но за или под этой коркой кроется телесная, материальная и универсальная реальность, бесконечно более чудесная и конкретная -- поистине конкретная -- без смерти и болезни и всего нашего Неведения, и все же это все в земной жизни и в реальном земном теле: настоящая Материя. Материальные клетки должны обрести способность воспринимать и проявлять сознание ["воспринимают" ли они или же попросту убирают то, что стоит на пути?], и как раз это позволяет провести радикальную трансформацию, а не вечное, бесконечное восхождение [от плана к плану сознания, как рекомендуют все пособия по йоге последних четырех тысячелетий; и затем вы растворяетесь на вершине], это появление нового типа. Пробуждение сознания, которое было на самом дне. Разум уходит, витал уходит, все уходит: когда казалось, что я заболела, это ушел разум, ушло витальное, и тело было предоставлено самому себе -- с целью. И как раз из-за того, что разум и витал ушли, казалось, что пришла очень серьезная болезнь. И так, в этом теле, предоставленном самому себе, мало-помалу клетки начали пробуждаться к сознанию. Сознание обычно вливалось в тело при помощи витала (от разума к виталу, а от витала к телу); когда же то и другое ушло, сознание начало медленно, медленно появляться. То же самое сознание, которое было монополией витала и разума, стало телесным: сознание, действующее на клетки тела. Клетки тела становятся сознательными, абсолютно сознательными. Сознание, являющееся НЕЗАВИСИМЫМ, которое вовсе не зависит от витального или ментального сознания: телесное сознание. И когда это сознание будет достаточно сформированным (сколько потребуется на это времени, я не знаю), из него появится новая форма, которая будет той формой, которую Шри Ауробиндо назвал

супраментальной -которая будет... чем угодно, я не знаю, как будут называться эти новые существа. Каков будет их способ выражения, как они будут общаться друг с другом, и все такое?... Несомненно, будет несколько стадий в этой манифестации, и, возможно, кто-то придет в качестве примера и скажет: вот как все это. И Мать закрыла свои глаза: Я могу видеть это... Только, когда из животного появился человек, не было способа записи -- чтобы заметить и зафиксировать весь процесс -- сейчас все совершенно по-другому, так что это будет интереснее... Хотя у Матери были сомнения: Но даже сейчас подавляющее множество -- подавляющее множество -- человеческой интеллектуальности совершенно удовлетворено тем, чтобы заботиться лишь о себе и о своих маленьких кругах прогресса. Оно даже... оно даже не желает чего-то иного! Вот почему появление следующего за человеком существа может быть пройти совершенно незамеченным или неправильно понятым. Трудно сказать, потому что не было прецедента! Ясно, что если бы обезьяна, одна из больших обезьян, повстречала бы первого человека, она могла бы попросту почувствовать, что это... странное создание, и это все.

Другими словами, переживание 1962 года -- это первое пересечение вуали или сети. Грандиозной сети, которая обуславливает все наше человеческое существование в теле. Генетическое и атавистическое и тысячелетнее покрытие, которое блокирует работу чистой маленькой клетки. Эволюционный прорыв столь же новый, как первая ментальная вибрация в куске серой материи -- которая заполнила все серостью. Это растворение серости существования. Это чистая клетка, непосредственно выражающая сознание. Другой мир в этом мире. А когда я спросил Мать, как ее опыт может в какой-то степени повлиять на всю землю, она воскликнула: Но, посмотри, раз уж это происходит в одном теле, то оно может произойти во всех телах! Я не сделана из чего-то необычного, что отличало бы меня от остальных.

Теперь давайте приступим к работе. Матери 84 года. Осталось лишь "выработать и подготовить инструмент", способный сотворить тот "другой мир" или же способный ввести настоящую клеточную моду в существующую сейчас, развить новое тело, которое еще даже не могло очень хорошо стоять на своих ногах -- таковы одиннадцать лет, оставшиеся Матери перед приходом Мистерии 1973 года, настоящей, великой Мистерии всей этой истории, которая, возможна является собственной Мистерией мира. Одиннадцать лет, в ходе которых разворачивался этот невероятный "процесс", шаг за шагом, со всеми его изменениями времени, видения, пространства и органов чувств: поистине сотворение нового тела. До 1973 года, когда нечто произошло. Нечто произошло... что? Возможно, полное слияние двух миров. Иногда кажется, что мы понимаем "математическую формулу" Шри Ауробиндо... за вычетом одного неизвестного.

Возможно, мы найдем это неизвестное в конце.

Но теперь, - заключила Мать, - есть уверенность. До результата еще очень далеко -- очень далеко -- надо пройти еще долгий путь, прежде чем внешняя корка, внешняя жизнь в ее теперешней форме, не проявит то, что происходит внутри (внутри не в "духовном" смысле: внутри тела), пока она не станет способной проявить то, что внутри... Это придет в самую последнюю очередь, поскольку приди оно раньше, мы бы забросили всю работу, мы бы были столь счастливы, что позабыли бы закончить нашу работу. Все должно быть завершено внутри, по-настоящему и полностью изменено, и тогда внешнее скажет свое слово. Шри Ауробиндо говорил то же самое: изнутри наружу.

"Снаружи" -- это, возможно, и есть сама корка мира.

В конце это будет пустяком: одно дуновение, и все сделано. Трудно все остальное.

Возможно, мы очень близко к этому дуновению.

И вуаль будет сдернута.

Нечто совершенно новое, совершенно неожиданное, о чем они никогда не думали.

XVI. ТЕЛО ПОВСЮДУ!

Теперь лес становится очень плотным, и я должен признать, что чувствую себя немного потерянным. В течение одиннадцати лет я был свидетелем тысяч переживаний; я

путешествовал в завтра с Матерью, но как можно описать целый мир, как может человек, внезапно очутившийся на планете Long Island, описать остальной мир? Все ново, от А до Я. Так что?... Где "правильное" переживание, то переживание, которое значимо? Есть Бостон и Гон-Конг, затем Аляска и... Я оказывался в большой комнате Матери наверху, с огромными окнами, открывавшимися на большое огненное дерево и кокосовые пальмы, и небо повсюду. Крошечный силуэт, белый и один-одинешенек в ее кресле. Гирлянды жасмина обвивали спинку кресла; на полу лежал большой желто-золотой шерстяной ковер, по нему ходишь, как по мху. И затем те спокойные руки, почти холодные, те глаза, которые уносили вас куда-то, куда угодно, в Истинное, где вы наконец-то могли дышать. Чувствовалось так, как если бы вы клали там свою голову и никогда уже не выходили из той сокровенной необъятности, сладкой и ясной, такой мягкой, где вы погружались глубоко, как если бы в любовь собственного сердца, любовь, о которой вы в себе и не догадывались, как если бы вы открывали в себе другое существо, как если бы долго жили в некой карикатуре самого себя, и затем, внезапно, все здесь, все изменилось, вы сбросили свое бремя и всплывали в собственном золотом веке. Вы терялись во взгляде Матери, уходили в необъятную и сладкую Страну, навсегда известную и желанную, в которой можно было бы остаться навсегда.

"Теперь давайте приступим к работе."... Мы здесь для того, чтобы работать, чтобы то перешло на эту сторону. Тогда все будет полным и законченным, каждая секунда будет наполнена всем золотым веком и всей необъятностью. Это все больше и больше просачивалось в Мать, как если бы с марта она изменила судьбу. Прежде вы всегда ощущали некую сгущенную Мощь возле нее, вы были схвачены неким лучом; теперь... было нечто иное. Да, возможно, как если бы этот луч был теперь повсюду: вы были не схвачены Матерью, а тонули в ней. Как со Шри Ауробиндо. И все же это было мощно, чрезвычайно мощно, но мощно так, как если бы это приходило одновременно со всех сторон, без какого-либо центра: некая ванна, точно так. И грандиозная ванна, которая уносилась в бесконечность. И очень мягкая. Спокойная, как и ее руки.

Великий ритм

Ее "болезнь" оставила свой отпечаток, она выглядела столь хрупкой и столь необычно спокойной, что это поражало: ничто не шевелилось в ее теле, она казалась прозрачной, вещи проходили через нее, как если бы они уносились, чтобы отразиться... кто знает, где, возможно, они уносились в бесконечность или в никуда, поглощенные внутри той белоснежной недвижимости. И у нее была та маленькая озорная улыбка, как если бы она только что сыграла добрую шутку над каждым. Она спокойно повествовала о своих последних путешествиях, той универсальной пульсации (и это сразу же мне напомнило "супраментальное нисхождение" 1956 года, когда была "некая пульсация в клетках"): Они были как волны -- большие волны, заканчивающиеся во вспышках. И всякий раз каждая из этих волн была одним размахом вселенной. Это была Любовь в ее всевышней сущности, но она не имела ничего общего с тем, что мы обычно подразумеваем под этим словом... Вселенная, как мы знаем ее, больше не существовала, она была некой странной иллюзией, не выдерживающей никакого сравнения с ТЕМ. Была лишь истина вселенной с теми великим волнами цвета -- они были цветными, великие волны, окрашенные нечто, что представляло сущность цвета. Все творение было цветными волнами, но цвета эти были не те, которые у нас здесь. Это было... созидательная Вибрация, которая разворачивается бесконечно. И я удивлялась, как можно с тем Сознанием, тем всевышним Сознанием иметь какую-либо связь с теперешней, искаженной вселенной? Как установить связь, не теряя то Сознание? Именно связь между этими двумя казалась невозможной. "Но ты выходила из своего тела, или как это было?" - спросил я, потому что такое переживание вполне возможно, выше, в космическом сознании. И Мать дала мне загадочный ответ (она сама не очень хорошо понимала это явление): Могу лишь сказать, что на некоторое время тело совершенно вышло из моего сознания. Это не я вышла из своего тела, это тело вышло из моего сознания!... В первый раз я пытаюсь объяснить это. В действительности я в первый раз смотрю на это. И

это интересно. Это интересное явление... Например, чтобы снова привыкнуть к телу, я немного гуляю (с чьей-то помощью), и я заметила довольно необычное состояние. Нечто, что я могла бы описать как предоставление мне иллюзии тела! [И я понимаю, что имеет в виду Мать: быть одним частным телом ощущалось как некая иллюзия.] Я веряю свое тело тому человеку, с которым я гуляю (то есть, это не на моей ответственности, а на ответственности сопровождающего смотреть, чтобы тело не упало или ударились во что-то, ты понимаешь!), и это телесное сознание является неким беспредельным сознанием, материальным эквивалентом или трансляцией этих волн, но волн... это не индивидуальные волны, это ДВИЖЕНИЕ волн; движение материальных, даже телесных волн, если можно так сказать, столь же обширных, как и земля, но не круглых или плоских или... нечто, что ощущается совсем бесконечным и волнообразным в своем движении. И это волнообразное движение является движением жизни. И так что это сознание (сознание тела, я полагаю)... есть некое сознание, которое плывет там в некоем вечном покое... Но это не "расширение", это слово неправильно: это безграничное движение с очень гармоничным и спокойным и необъятным ритмом. И то движение является жизнью. Я гуляю по комнате, и гуляет именно это. И это очень молчаливо: нет ни мысли, вряд ли есть даже способность наблюдать, и все же это некая беспредельность движений и вибраций чего-то, что кажется сущностью мыслей, и что движется ритмически, как волны, не имеющие ни начала, ни конца, с одним таким сгущением [вертикально] и с одним таким сгущением [горизонтально], а затем движение расширения. То есть, сначала некое сосредоточение сознания или концентрация, а затем расширение или распространение. Пульсация. Пульсирующее "тело", которое могло бы быть телом каждого, которое будет любым телом. Небрежно говоря, я могла бы сейчас сказать: "которое было моим телом", но, конечно, я очень хорошо знаю, что оно живо! И она засмеялась.

Но как сделать сообщение между Тем и этим?

Миром без сетей и миром в сети.

Поле боя

Она довольно болезненно знала, что ее тело живо. Странно, но единственным звеном, единственной связью или мостом между той "истиной вселенной" и этой старой телесной субстанцией, старым телом, можно было бы сказать, была боль: Первым знаком моего возвращения к индивидуальности была боль, точка боли. Иначе не было больше ничего, ни тела, ни индивида, ни границ. Но это странно, я сделала любопытное открытие: я думала, что это индивид ощущал боль, непрочность и все невзгоды человеческой жизни; что же, я открыла, что это не индивид, не мое тело ощущает невзгоды, а каждая беда, каждая боль, каждая ненадежность обладает собственной индивидуальностью, и каждая представляет особенную битву. Это поле боя. И внезапно меня осенило, что именно то тело, тот маленький конгломерат, сидящий в кресле, был, так сказать, единственным земным мостом между той истиной Материей, полной, ЕДИНОЙ, которая двигалась в нерушимой Гармонии, и этой старой, темной и разделенной и болезненной Материей -- нашими телами. Она была на двух сторонах одновременно, и было так, как если бы через нее, в ней, в том конгломерате, должна была быть покорена боль мира, чтобы проникла другая вещь. Это была не "ее" боль, это был сам экран мира, тот, который препятствует тому, чтобы воспринимать то и жить тем. Именно через ее старую субстанцию могло то просочиться из одного мира в другой. Что сказали бы мы о рыбе, впервые дышащей свободным кислородом и ее удушении, когда она падала назад, в воду? И все же, если она не падает назад, если она не задыхается вместе с другими, то что же тогда возведет мост между этими двумя состояниями? Некоторым образом она была местом вуали -- да, местом битвы. Точкой пересечения. ЕДИНСТВЕННЫМ ощущением, оставшимся прежним, является физическая боль. И я чувствую... действительно я чувствую, что они являются символическими точками того, что остается от старого сознания: боль. Боль -- это единственное, что я ощущаю так, как прежде. Например, пища, вкус, запах, видение, слух, все это совершенно изменилось. Оно принадлежит другому ритму. Все это волшебная сказка... И единственной вещью,

которая остается материально конкретной в этом мире -- мире иллюзии -- является боль. Она кажется мне самой сущностью Лжи. Только то, что ее чувствует, чувствует ее очень конкретно! Что касается меня, я ясно вижу, боль ложна, но это не удерживает меня от того, чтобы не чувствовать ее -- есть причина. Есть причина: это поле боя. Мне даже запрещено использовать свое знание, мощь и силу, чтобы устранить боль, как я обычно делала это прежде -прежде я очень хорошо с этим справлялась. Теперь же все это совершенно запрещено мне делать. Но я вижу, что нечто иное замышляется. Нечто иное находится в процессе делания... Это все еще, не могу сказать что это чудо, но это как чудо, неизвестное... Когда оно придет? Как оно придет? Не знаю. Но это интересно.

Волшебная сказка для всего мира?

И Мать сделала это совсем маленькое и... загадочное замечание: Страдает не тело: страдает само страдание. Только в этом все дело. Есть нечто головокружительное в этом маленьком предложении. Но это само головокружение мира. Возможно, лучше оставить это на время...

Затем переживания стали множиться, по мере того, как "выздоровливало" ее тело. Как если бы была освобождающая Мудрость, возможно, сама Мудрость той тотальности сознания, от которой мы отрезаны в своем ментальном теле, потому что птицы и животные не таковы, их тела не таковы -- возможно, только мы являемся "безмозглыми курицами"! Их страдание вовсе не таково, как человеческое страдание, за исключением тех, которых мы приручили и которые начали подражать нам: как если бы их страдание не имело бы индивидуальности, не было прикреплено и прочно связано с сеткой скрипучего медицинского "я". Возможно, в них страдание не любит страдать. Но это другая история. Например, если кто-то случайно ударяет меня (такое случается), задевает меня предметом или рукой или ногой, что же, это НИКОГДА не нечто, происходящее вовне: это происходит ВНУТРИ -- сознание тела гораздо больше тела... Когда в ком-то есть непринужденность или напряжение, я чувствую это: я ощущаю эту непринужденность или напряжение в себе; но не во "мне" здесь, в кресле: я чувствую это ТАМ, в "другом". Все больше становится так. Реакция здесь, в этом конгломерате, ощущается не более сокровенно, чем в других. Нет разницы: все зависит от придаваемого внимания и концентрации сознания. Но сознание больше вовсе не индивидуально, это я могу утверждать. Сознание... которое становится все более и более тотальным. И время от времени -- время от времени -когда все "благоприятно", оно становится Сознанием Господа, сознанием всего, и это... капля Света. Ничего иного, как Света.

Затем переживания начали становиться все более сильными, "наступая на пятки" предыдущему, можно было бы сказать, как если бы все разворачивалось час за часом; я часто видел, как Мать внезапно останавливалась, закрывала свои глаза, как бы погружаясь вовнутрь, иногда даже стонала как ребенок, а затем возобновляла прерванное, как если бы ничего не произошло, оставалась лишь бледность -- нужно было найти ключ, ключ для всего мира, для боли мира. Это был не просто вопрос поглощения страдания того или другого человека, это был вопрос нахождения механизма, вибрации, которая переделывает. "Переделать" не означает вылечить, а водворить Истинное на свое место, где страдания не существует.

И, наконец, переживание стало очень ясным, грубо ясным, ровно год спустя после переживания великих пульсаций. Было 6 апреля 1962 года. У меня есть сознание тела, но это не сознание этого тела, этого конгломерата: это сознание ЭТОГО Тела! Это может быть чье угодно тело. Особенно я чувствую те вибрации беспорядка (чаще всего они приходят в форме внушения расстройства, чтобы увидеть, будут ли они восприняты и окажут ли должный эффект). Например, скажем внушение кровоизлияния (я упоминаю [мозговое] кровоизлияние, поскольку оно собирается вырисовываться). Находясь под высшим Влиянием, тело отказывается от него. Развязывается борьба (и все это внизу, в клетках материального сознания) между тем, что мы можем назвать "волей к кровоизлиянию", скажем, и реакцией клеток тела. И это совершенно как настоящая битва, настоящее

сражение. Но внезапно появляется как бы генерал, отдающий приказ, говорящий: Вот что!... (этот генерал осознает высшие силы и божественное вмешательство в Материю, ты понимаешь); так что после попытки использовать волю и эту реакцию или ту реакцию и чувство примирения, и т.д., он внезапно ОХВАЧЕН очень сильной определенностью и отдает приказ, и сразу же начинает ощущаться эффект от этого приказа, и постепенно все приходит в норму... Все это происходит в материальном сознании: физически у тела есть все ощущения, но не ощущение самого кровоизлияния, ты понимаешь. Оно имеет все ощущения, то есть, все сенсорные воздействия. Хорошо. Раз уж битва окончилась, я смотрю, я осматриваю свое тело (которое достаточно потрясено, напоминаю) и говорю себе: Что все это значит?... Несколько дней спустя я получаю от кого-то письмо, и в этом письме описывается вся история, начиная с атаки, кровоизлияния, и внезапно существо ОХВАЧЕНО грандиозной волей и слышит слова -- слова, произнесенные ЗДЕСЬ. И вот результат: этот некто спаен (он был почти мертв), спасен и излечен... Я припоминаю свой эпизод (!) и начинаю понимать, что мое тело повсюду! Ты понимаешь, это не вопрос просто этих частных клеток: это вопрос клеток, которые могут быть, да, во многих, сотнях и, возможно, тысячах людей... Это ВСЕ тело -- этот [конгломерат] не более мое тело, чем другие тела. И все время оно охвачено подобными вещами, все время, все время, ты понимаешь; они приходят и падают на него с одной стороны, с другой стороны, со всех сторон. Так что я должна оставаться спокойной, и затем начинает развязываться битва... Но что ужасно и благоговейно, это то, что эта сказочная мощь должна быть ВОПЛОЩЕНА в физических клетках, чтобы выдержать все это!...

Двадцать раз за день она проходила через смерть.

Она воплощала другую вещь в тело мира. Все те невзгоды были местом соединения с другой вещью, можно даже сказать, средством соединения. Это был не вопрос лечения маленькой боли здесь или там, или даже тысяч маленьких или больших болей, а вопрос трансформации ВСЕЙ боли -- эта боль может быть охвачена собственной реальностью любви. Или, выражаясь "по-научному", заменить эту непрозрачность, эту темную точку (и болезненную вследствие темноты) светлой пластичностью настоящей Материи: той пульсацией, теми великим волнами Гармонии. Так что это могло бы замерцать повсюду.

Через старую болезненную Материю ее тела это начинало мерцать в теле мира.

После того урока внезапно что-то появилось в этом общем телесном сознании: некое стремление, нечто такое чистое и сладкое -- столь сладкое -- нечто, что было мольбой к тому, чтобы Истина и Свет проявились здесь, в этом. И это было не просто здесь, в этом частном конгломерате, это было повсюду. И затем произошел контакт -- был контакт и бледно-голубой свет, очень мягкий, очень яркий, и Уверенность. Это длилось всего лишь секунду, но было так, как если бы открывалась новая глава.

Только контакт -- с ТЕМ, ЧТО ЗДЕСЬ.

Тогда это станет сказкой для всего мира.

Третья позиция

И под тем же знаком рухнул увесистый кусок духовности. И большой кусок материальной жизни. Или, скорее, обвал материальной стены или деления, той сети, автоматически и одновременно принес с собой обвал всей земной духовной моды, как если бы одно было оборотной стороной и спутником другого -- что материалисты скажут, когда узнают, что то все, что им было противно и от чего они отказывались, это их собственный взлелеянный продукт? Все же это произошло в течение того месяца, в апреле 1962 года (и, вероятно, было прежде, но Шри Ауробиндо ничего об этом не сказал).

С тех пор как человек стал человеком, он смутно воспринимал, сначала во сне, а затем с закрытыми глазами, в свои "потерянные" моменты (потерянные для материальной жизни), всевозможные силы и воздействия, которые принимали то или иное лицо, ужасающее или сладкое, светлое или темное, угрожающее или благотворное; человек чувствовал грандиозные движения, которые уносили его на "небеса", как если бы они были неким сном внутри сна, светлым погружением, сияющим обмороком, от которого никогда полностью не

оправляешься; иногда человек воспринимал другие загадочные движения, как если бы путешествовало его собственное тело или другое тело внутри этого, и он оказывался свидетелем удивительных сцен, которые материально совершенно неожиданно разворачивались несколько часов или дней спустя; или же человек воспринимал некоторые земные события, происходящее где-то там, за тысячи миль от него, или же воспринимал некоторых друзей или знакомые ландшафты, как если бы он мог переместиться по желанию (хотя все же не полностью) в любую точку мира; человек воспринимал странные злые дуновения, которые вносили всевозможные маленькие болезни в его жизнь и в жизнь его окружающих, он видел странные свечения; человек получал новое знание или информацию, о которой не имел ни малейшего представления; а иногда он пробуждался вылеченным, не ведая, как это произошло (и иногда заболел по непонятной причине). В течение веков он систематизировал свое знание, культивировал некий сознательный сон, практиковал медитации и трансцендентность, развивал странные и не всегда благоприятные силы. Он научился различать некоторые планы сознания, некие миры, признал неких спасителей здесь или там и маленьких дьяволов повсюду. Чтобы ориентироваться в этой великой мистрии мира, были удобны и утешительны разные религии, либо людей устраивали колдуны, посвященные -- за исключением тех, кто положительно ничего не чувствовал. Но, возможно, это лишь потому что они имели слишком толстую кожу. Как бы там ни было, были "мудрецы" и даже гении (и не обязательно крещенные), которые действительно чувствовали "нечто" высоко вверху, как, например, потоки вдохновения или течение музыки или "прозрения", некоторые области откровения и живого света -- нечто, что превышало это маленькое ограниченное тело и даже его мозг, как если бы мозг был бы лишь получателем нечто иного. И затем были все эти маленькие животные вокруг него, которые вели себя столь непогрешимо, даже не задумываясь над этим (!) И мы называем это "инстинктом", но что это есть на самом деле? Мы говорим "Бог", мы говорим "Дьявол", мы говорим "хромосомы", и всю эту научную или духовную чушь. Мы окропили и укротили все со своими уравнениями, греко-латинской терминологией или святой водой. И затем мы составляем словари или энциклопедии, в зависимости от частного вкуса или климата. Мы делали и продолжаем это делать более или менее комфортно - но...

Было это "но", как ни крути. Мы никогда не чувствовали себя надежно ни на этой, ни на той стороне. Когда все было тщательно "материализовано", оставалась другая сторона с ее сюрпризами, а когда мы тщательно "одухотворяли" все, другая сторона грубо тыкала нас в грязь при первом же удобном случае. И так эти двое и шли рука об руку, Материя и Дух, как несчастливая пара, не способная разойтись и не способная идти вместе, как если бы они были не полными противоположностями, а двумя сторонами одной и той же Стены непонимания.

Что же, это Стена рухнула 13 апреля 1962 года. И понимаешь, что она могла рухнуть лишь в Материи, на материальном и телесном уровне из-за того что именно там она и находится. Предмет спора между материалистами и спиритуалистами находится не на вершине человеческого сознания, а в клетке. Это не метафизический спор, а физический. Вот где находится Стена. И когда она падает, тогда больше нет ни материализма, ни спиритуализма, есть... нечто иное. Мы могли бы даже сказать, что больше нет Материи или Духа, как мы понимаем их, а есть нечто иное. Нечто, что все ЕДИНО -- но ЕДИНО не на вершинах мысли (там нет мысли!): ЕДИНО телесно, на клеточном уровне, физиологически -- и универсально. Действительно другой мир, и все же тот же самый. Все сейчас изменилось, и все же все по-прежнему то же самое, - сказал Шри Ауробиндо.

То же самое сказала мне и Мать, это одна из первых вещей, о которых она мне рассказала спустя лишь месяц после переживания: Через йогу я пришла к некоторой взаимосвязи с материальным миром, базирующейся на представлении о четвертом измерении (внутренние измерения, которые становятся неисчислимыми с йогой) и к использовании этой позиции и этого состояния сознания. Я смотрела на связь между материальным и духовным миром с ощущением внутренних измерений и совершенствуя

сознание внутренних измерений... [Мать обычно выходила из тела и путешествовала где угодно, по всем планам]. Но теперь все использование ощущения четвертого измерения со всеми его толкованиями кажется мне поверхностным! И это столь сильно, что я не могу снова поймать это ощущение... Но конечно же! Это так называемое четвертое измерение слилось с нашими тремя! Ощущение от этого стало совсем иным. Матери не нужно было больше закрывать свои глаза, медитировать и подниматься от плана к плану, чтобы встретить некое удаленное Всевышнее, ей больше не требовалось выходить из своего тела, чтобы узнать, что происходит "где-то там", чтобы воздействовать на чье-либо сознание или вылечить того или иного человека, или чтобы путешествовать в прошлое или будущее -- все это здесь. Тело повсюду! Больше не нужно "спать", как мы обычно это делаем, или идти глубоко внутрь сознания: больше не было глубин! Внутреннее стало наружным, с широко открытыми глазами и всеми клетками тела -- "где-то там" находится здесь, завтра здесь, вчера тоже здесь. И Божественное здесь, все это Он, есть только То. И это не некое Божественное, которое является расширением по другую сторону от Стены -- нет больше "другой стороны": есть лишь определенный способ бытия, дыхания, который является Божественным. И мы теперь сильно подозреваем, что людям требовались те состояния "сна", "транса", "медитации" и "концентрации" просто для того, чтобы иметь возможность проскользнуть сквозь ячейки физического Разума. Когда физический Разум "спит", то тюрьма открывается, и все оказывается здесь. Так что кажется, что мы во "сне" шли на "другую сторону", но это лишь другая сторона физического Разума, это просто более или менее смутный или искаженный "сон" старого тела, пытающегося припомнить, что оно видело и чем жило за сетью. И теперь эта сеть естественным образом исчезла, в теле, в клетках тела, больше нет ни "сна", ни другой стороны, ни "планов сознания", ни "миров": все это принадлежит географии Разума. Все живо, мгновенно живо. Все соприкасается, можно было бы сказать. Весь мир становится конкретным, осязаемым, непосредственным. Все является единым планом, единственным измерением, охватывающим все измерения. Нам больше не требуются "видения", поскольку все является живым видением, где угодно - во времени или в пространстве. Это ДРУГОЙ мир... в этом мире. Но не "внутри" этого мира: появляется именно настоящий мир, а другой мир подобен некой искаженной карикатуре, действительно подобен сну -- вот где на самом деле сон. Мы спим в мире... по-научному.

И мы находимся в ходе осознания того, что это является кошмаром.

Ведь уничтожается не только четвертое измерение, но и третье -- которое уходит вместе с четвертым. Оба они не реальны (но не в буддистском смысле иллюзии, потому что буддистский иллюзионизм -- это еще одна иллюзия, это иллюзия иллюзии), оба являются визуальными заблуждениями, можно было бы сказать, или осязаемыми, физиологическим, врожденными заблуждениями той же самой реальности, которую можно тотально и по-настоящему воспринять лишь на клеточном уровне: Другой, трехмерный мир абсолютно нереален, а этот [четырёх-мерный] кажется мне (как бы выразиться?) ... условным. Он кажется некой удобной условностью, позволяющей нам делать некое приближение. Но описать другую, настоящую позицию... Это настолько вне всякого интеллектуального диапазона, что я не могу это сформулировать. Но формула придет, я знаю. Она придет через серию живых переживаний, которые я пока что не имела. Так что вот в каком состоянии я нахожусь. Не могу сказать большего. Предпочла бы сделать некий прогресс, прежде чем сказать что-то еще.

Эти серии живых переживаний займут всю ее новую жизнь в течение одиннадцати лет; это будет медленный процесс соединения переживания клеточной жизни, что мы могли бы назвать сознанием настоящей Материи, с переживанием старого тела и старой Материи; нечто все еще стояло одной ногой на этой стороне, а другой ногой -- на другой, и должен был построен мост между этими сторонами -- но построен не интеллектуально: построен физиологически. Новая мода бытия. Другая "позиция". Некое новое тело с новыми органами. В возрасте 84 лет Мать пробудилась со старыми, ложными органами, дающими ложное восприятие мира, и внутренними органами, дающими несколько другое, но тоже ложное

восприятие мира. Как если бы она должна была сделать в своем теле переход от старого трехмерного мира к другому... скорее как внезапно перейти от рыбы к птице, в том же самом теле.

И вот где она осознала самым конкретным, материальным, физиологическим образом, что научная позиция может ничем не большим помочь в решении проблемы, чем духовная позиция. Это не вопрос того или другого, а вопрос нечто иного. Вы не могли больше строить новые органы или новый способ бытия и дыхания, ища его при помощи ложных глаз, нацеленных через микроскоп, или при помощи несколько иных, но тоже ложных глаз, через медитацию: Было время -- оно длилось довольно долго -- когда я думала, что если Наука бы подошла к самому концу своих возможностей абсолютным образом (если это возможно), то она бы пришла к истинному Знанию. Например, при изучении строения Материи, просто идя все глубже и глубже и глубже, наука дошла бы до такой точки, когда две позиции сливаются. Что же, когда я имела то переживание перехода от вечной Истины-Сознания [вселенской пульсации] к сознанию индивидуализированного мира, то осознала, что это невозможно. И если ты спросишь меня сейчас, то я думаю, что оба представления -- возможность соединения путем продвижения научного исследования до самого конца и невозможность какой-либо настоящей сознательной связи с материальным миром -- оба они неверны. Есть нечто иное. И позднее я все больше и больше сталкивалась с этой проблемой во всей ее тотальности, как если бы я прежде никогда ее не видела... Потому что она сталкивалась с этой проблемой в своем теле. Проблема не была больше метафизической, она стала чисто физической. "Другая вещь" это конкретно другая вещь. Не улучшение, гипер-точность или даже возвеличивание старого: нечто другое. Возможно, это два пути [наука и духовность], которые ведут к третьей точке, которую я... не совсем изучаю, а скорее ищу -где оба пути сольются в третьем, который явится настоящей Вещью. Она сказала мне это месяц спустя после своего радикального переживания. Но, что можно сказать определеннее, это то, что объективное, научное знание, доведенное до своей крайности -- если это может быть абсолютно тотальным -- ведет, по меньшей мере, к порогу. Вот что говорит Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо говорит, что это фатально, что посвятившие себя этому частному знанию верят в его абсолютную истину и таким образом закрывают перед собой дверь к другому подходу. В этом смысле научный подход фатален. Но из моего личного опыта я могу сказать, что все, верящие исключительно в духовный подход, подход через внутреннее переживание -- считают его исключительным -- находятся в точно такой же фатальной позиции. Потому что они соприкасаются с ОДНИМ лишь аспектом, ОДНОЙ истиной Целого, а не всем Целым. Другая сторона тоже кажется совершенно необходимой, в том смысле, что когда я была столь тотально погружена в ту всевышнюю Реализацию, то было абсолютно бесспорным, что другая внешняя, ложная реализация была лишь деформацией (возможно, случайной) "нечто", что было **СТОЛЬ ЖЕ ИСТИННЫМ**, как и другое. И то "нечто" есть то, что мы ищем -- и, возможно, не только ищем: возможно, **СТРОИМ**... Нечто, о чем еще не ведаешь, поскольку оно еще не существует. Выражение еще должно прийти.

И Мать замолчала на долгое время, склонившись, как если бы прислушиваясь к будущей пульсации в своем теле. Это действительно состояние сознания, в котором я живу. Как если бы я смотрела в лицо извечной проблеме, но **С ДРУГОЙ ПОЗИЦИИ**. Те позиции, духовная и "материалистическая", как ее можно было бы назвать, которые верят исключительно в самих себя, недостаточны, не только из-за того, что не приемлют друг друга, но из-за того, что взаимного принятия и их объединения еще не достаточно для решения проблемы. Нечто иное -- нечто третье, что не является следствием этих двух, а нечто иным, что еще нужно открыть -- вероятно, откроет дверь к тотальному Знанию. Вот на чем я сейчас стою.

Третья позиция, которую следует построить в Материи.

Нечто, что могло бы двигаться с теми великим волнами, не растворяясь в воздухе. Нечто, что могло бы воспринимать себя во всех других телах, не забывая о "своем собственном" теле, жить в любом времени, не забывая о настоящем, выражать свое

восприятие через органы как бы еще несуществующие... и сообщаться с другими телами, оставшимися в прежнем ритме, не умерев при этом от удара, полученного от них.

Нечто, что могло бы жить вне смерти, оставаясь в смертном теле и в мире смерти.

Как можно физически пройти через смерть?

Потому что все это касается сознания тела, клеточного сознания -- и что останется, если старое тело дезинтегрирует? Даже будучи сознательными, клетки нуждаются в теле, которое соединяло бы их вместе.

Новое тело?

Сформированное чем?

Или, иначе, обладает ли клеточное сознание силой для трансформации старого тела, как оно трансформирует гусеницу в бабочку?

XVII. НО ГДЕ ЖЕ СМЕРТЬ?

В действительности, Мать чувствовала безотлагательность ситуации. "Гонка между трансформацией и Смертью" становилась очень конкретной. "Построение" третьей позиции должно происходить в теле, это не интеллектуальная позиция (и поистине, все эти интеллектуальные сложности "красные против белых", все эти дуальности и "измы" стали такими ребяческими! Можно удивляться, как люди все еще могут жить в этом, тогда как Настоящая Вещь, судьба мира, конец болезни, крушение Смерти находятся прямо здесь, в маленькой клетке). В Разуме, сердце и глубочайшем существе мы обладаем бессмертной жизнью, и коль скоро сознание хотя бы чуть-чуть развито, мы можем воспринимать непрерывность жизней, более или менее точно вспомнить прошлые обстоятельства, видеть их продолжения в этой жизни и развертывание вечной истории; но тело просто разлагается, это все. Ты понимаешь, мы все время говорим ободряющие слова, мол, вся проделанная нами работа не теряется, и что эта вся работа над клетками, нацеленная на то, чтобы они начали осознавать высшую жизнь, не теряется -это не верно, она совершенно утрачивается! Допустим, завтра я оставлю свое тело; это тело обратится в прах (не сразу же, а спустя некоторое время), так что все, что я проделала для этих клеток, будет вовсе бесполезно, за исключением того, что сознание выйдет из клеток -- но оно всегда выходит из клеток, как бы там ни было! "Поистине, это должно быть проделано в течение жизни Работника", -- сказал я. Да, точно! Это должно быть сделано прежде. Нечто прежде должно укорениться. И я настаивал: "Да, именно в твоем теле, через твоё тело должна быть выработана другая форма. Ведь после смерти все кончено." Следовательно, это пустая трата. С физической точки зрения это крайняя трата. Что касается разума и витального, это другой вопрос, это не интересно; издревле мы знаем, что их жизни не зависят от тела. Но я говорю о теле, это то, что интересует меня, клетки тела; да, смерть есть ни что иное, как пустая трата. "Да, трансформация должна быть проделана в течение одной жизни. Это не на следующую жизнь, это в одной-единственной жизни. Прогресс, достигнутый твоими клетками, не будет перенесен на другое тело -- если ты не разовьешь другое тело." Что означает, -- сказала она, - - что прежде чем разложится это тело, должно произойти новое творение... должно быть достигнуто определенное клеточное качество, чтобы привнести другую форму (форма может меняться, в действительности, она меняется все время, она никогда не остается той же самой), но таким путем, что сохраняется сознательная взаимосвязь между клетками. "Но это невозможно!" Это более чем возможно, -- сказала она, смеясь, -- только следует научиться делать это!

Вот как эта "проблема" представлялась в то время. Но что касается "Трансформации", то никто не знал о ней ничего, Мать вообще ничего не знала -- как вы будете пытаться стать чем-то, о чем ничего не знаете! Что такое новое тело? Трансформация старого или нечто иное, другой вид неизвестного? Единственный ясный факт -- перед распадом эти клетки должны создать нечто иное, если они не найдут способ не распадаться. В действительности, в чем трудность по сути дела?... Ведь Истина, та, которая истинна, бессмертна; умереть может лишь Ложь -- наше тело полно Лжи и сущности гнили. Но если эти клетки истинны, совершенно истинны, чисто светлы, как свет, который сияет из их центра, то как они могут

распасться? Они не могут разложиться. Ни чуть не больше, чем может распасться душа -- это то же самое!... Есть темная периферия, которая обволакивает центральный свет клетки. И внезапно мы удивляемся, не является ли эта проблема совершенно ложной, не является ли эта Материя, как мы видим ее, ложной, ущербной, иллюзорной, темным покрытием "нечто" - настоящего мира, настоящего тела. И вся трагедия смерти является тогда настоящей комедией: вы просто поднимаете вуаль, и вы тут, вы те же самые, и мир здесь же, он тот же самый, но теперь истинный. Нам нужно не "трансформировать" Ложь: нам надо позволить Истине засветить через нее. Нам нужно поднять вуаль. Смерть должна исчезнуть -- то, что делает Смерть. И, возможно, клеточная работа в теле Матери была нацелена не столько на то, чтобы трансформировать нечто, как на то, чтобы растворить вуаль, которая препятствует тому, чтобы вещи были истинными, чистыми, бессмертными - какими они и являются. Темная периферия вокруг клеток.

Периферия Смерти.

А на глобальном масштабе?...

На самом деле мы не знаем, давайте просто следовать за явлением.

Два состояния

В действительности, Мать скорее просто следовала явлению, чем "делала" что-либо -- она повторяла Мантру и шла через все боли, одну за другой. Она "изнашивала" Боль Мира. Все зависит от способности идти через необходимые переживания, -- сказала она. Это не нечто, что вы в действительности "делаете", это нечто, через что вы проходите -- и благодаря самому факту прохождения через это, благодаря самой способности пройти через это без отступления, вещь продельвается, автоматически. Таким было долгое путешествие Матери, с нечто невозможным сформулировать, происходящим на самом пути.

Странное состояние, тем не менее. Если в действительности некая третья позиция обретала форму, то делалось это очень негативно. Конечно, птица очень "негативна" для рыбы, поначалу. Вы гораздо более связаны с рыбой, которую вы оставляете позади, чем с птицей, которой вы становитесь, и, скорее всего, лишь когда рыба совершенно оставлена позади, вы внезапно осознаете: ага, так что это птица? Полностью оставить тело, не покидая его... трудно. Эти одиннадцать лет составляют самый поразительный парадокс, когда-либо переживавшийся человеческим видом. Парадокс Матери является нашим секретом -- нашим следующим секретом. Изменились все обычные ритмы материального мира. Тело базировало свое ощущение доброго здоровья на определенном числе вибраций, и когда эти вибрации были, тело чувствовало себя здоровым; когда в эти вибрации вмешивалось нечто другое, то тело чувствовало, что оно начинает заболеть или было больным, в зависимости от интенсивности вторжения. Теперь все изменилось. Эта базисная вибрация была попросту устранена, отогнана прочь. Вибрации, на которых основывалось его ощущение здоровья или болезни, были заменены чем-то другим, нечто, чья природа такова, что эти старые представления о "здоровье" и "болезни" стали бессмысленными! Но не только доброе здоровье или болезни были унесены в нечто иное (хотя для тела это важный базисный элемент: это его дневное существование), это именно сама жизнь странным образом изменила свой курс и вошла в нечто иное, что больше не ощущалось как "жизнь", и все же, очевидно, не было смертью, как если бы жизнь и смерть были другой парой сообщников с третьим... неопределимым значением. Это "неопределимое" вполне хорошо для интеллекта, который, помимо прочего, очень даже может не суметь "определить", не умерев от этого, но тело! Тело, которое больше не знает собственного определения... И с юмором, который никогда не оставлял ее, однажды в июне 1961 года Мать внезапно воскликнула: Это дошло до такой степени, что если бы я не беспокоилась о спокойствии других людей, то сказала бы: я не знаю, жива ли я или мертва! Мать делала это замечание множество раз в последующие годы, все чаще и чаще и все сильнее, как всегда. И кажется, что весь Секрет здесь, в том нечто, что больше не является ни "жизнью", ни "смертью" -поистине третья позиция. Потому что есть жизнь, определенная вибрация жизни, которая полностью не зависит от... Нет, лучше сказать так: тот способ, которым люди ощущают обычную жизнь, чувствуют, что они

живы, сокровенно связан с определенным ощущением, которое они имеют о себе, ощущением себя и своих тел. Теперь же ты полностью уничтожаешь это ощущение, этот тип ощущения, этот тип связи, который люди называют "я жив" или "я не жив" -- это БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Да, вот что полностью устраняется. Той ночью ["великих пульсаций" в апреле 1962] это ощущение было устранено навсегда. Оно никогда больше не возвращалось. Это кажется невообразимой вещью... И, действительно, в течение одиннадцати лет жизни Матери было нечто совершенно "невозможное". Но это то, что они называют "я жив". Я не могу сказать, как они "я жива" -- это совсем иное. В действительности, просто еще один шаг, и я бы сказала, что умерла и... возвратилась к жизни. И, более того, "вернулась" не к прежней жизни: вернулась к нечто иному. Это была некая смерть, это наверняка -- наверняка, наверняка -- но я не говорю это, потому что... да, ты должен уважать здравый смысл людей! И в течение одиннадцати лет Мать никогда ничего не говорила (и теперь я могу понять, почему Шри Ауробиндо не говорил, я понимаю, и понимал это все лучше и лучше, ведь вся история абсолютно "невозможна"): Лучше ничего не говорить, потому что в конечном итоге они начнут думать, не требуется ли полечить мой разум! И она засмеялась. Что касается меня, я немного чувствую себя так, будто бы вылупляюсь из яйца... другими словами, требуется определенный период инкубации, нет? Инкубация длилась до 1973. Что произошло в 1973, когда она оставила эту так называемую жизнь, которая больше не была жизнью, чтобы вступить в ту мнимую смерть, которая не была смертью? Но, конечно, она больше не была "живой" -- и не была длительное время! И, конечно же, она не мертва! Вы умираете только из этой жизни.

Так что где же она?

И все это касается телесного сознания, вы понимаете, это не ее разум грезил о бессмертии: это ее тело жило иначе, воспринимало иначе, гуляло иначе, было... в нечто ином. Что это "нечто иное"? Та другая телесная, материальная вещь. Другое состояние Материи в Материи?

Как говорила Мать, вопросов хватает! И читатель не должен думать, что я знаю Секрет, но скрываю его -- я вовсе его не знаю! Это как если бы Мать, находясь по другую сторону вуали, хотела бы нас самих заставить открыть его шаг за шагом; и это открытие будет прелюдией или, возможно, началом... я не отваживаюсь сказать. В самом деле, мы увидим.

Возможно, это "Час Бога", о котором говорил Шри Ауробиндо.

Мать с запинками поясняла третью позицию: Ты должен чувствовать такую грандиозную мощь, такую СВОБОДНУЮ и независимую ото всех обстоятельств, всех реакций, всех событий -- и это не зависит от того, как настроено тело. Нечто иное... Нечто иное. И она добавила: Есть только одна вещь, которая зависит от тела: речь, выражение. Кто знает?... И Мать сидела, вглядываясь вперед себя, в будущее. Я гадаю, не было ли это "кто знает" наблюдением за этой ручкой, пытающейся изложить Секрет Матери? А, на сегодня достаточно! И она прервала разговор, смеясь.

Телесная жизнь, не зависящая от тела?

Но тогда что такое тело?... Разновидность Материи, которую мы не знаем. Возможно, Материя, находящаяся в ходе развувалирования. Она мерцает повсюду, вы понимаете.

Все таки я хотел больше знать об этом. Как если бы больше не было "доброго здоровья" или "болезни" (и, возможно, больше не было бы "жизни" или "смерти"), тогда что же было, что она чувствовала?... Она шла ощупью в это новое ощущение, которое с годами становилось все более явным, но, определенно, совсем микроскопическим поначалу, нет "чудесных" явлений -наше представление о чудесах совершенно неправильно; чудо микроскопическое, он в клетках. Но если маленькие клетки начинают вести себя по-другому, не по человеческой генетической программе, то это гораздо более грандиозное чудо, чем полет в воздухе! Это действительно начало нового вида. Есть ощущение установленной Гармонии в клетках, которая все более и более укореняется и которая представляет правильное функционирование, что бы это ни было: нет больше вопроса желудка, сердца, этого, того... Есть Гармония, и есть старое смертное состояние, в котором ты чувствуешь

себя сердцем или желудком и т.п., которые очень даже могут "расстроиться" или "правильно работать", как они говорят. Если вы прислушаетесь к этим сердцебиениям, то будьте уверены в миокардите. Мы должны перестать прислушиваться к этому, мы должны прислушиваться к другой вещи. Если мы слушаем только другую вещь, тогда все естественно хорошо, даже если кажется, что сердце начинает фибрилировать. Все же, есть привычка прислушиваться к старому способу; эта привычка в каждом закоулке и каждом жесте является в точности всей трудностью перехода. И малейшая вещь, которая приходит, чтобы опрокинуть эту Гармонию, ОЧЕНЬ болезненна... Мать обычно говорила, что чувствуешь, что ты умираешь старым образом -- если ты чувствуешь это чересчур, то ты действительно умираешь. И в то же время есть знание того, что должно быть сделано, чтобы мгновенно восстановить ту Гармонию, и если Гармония восстановлена, то функционирование тела не нарушается. Говоря конкретно, это означает, что Мать каждый день имела множество сердечных атак или других заболеваний -- маленьких вспышек смерти -- так что она могла выучить механизм "правильного функционирования". Она учила урок Гармонии. И если Гармония восстановлена, то функционирование тела не нарушается. Но если, например, просто из любопытства (это ментальная болезнь в людях), ты начинаешь спрашивать: что это? Какое воздействие это окажет, что произойдет? (что называется "хочешь изучить") -- если тебе не посчастливилось задать такой вопрос, то можешь быть уверен, что подхватишь что-то мерзкое, что согласно докторам (в соответствии с их невежеством) становится заболеванием или функциональным расстройством. Тогда как если у тебя нет этого нездорового любопытства и ты, напротив, настаиваешь на том, чтобы не нарушать Гармонию, тогда достаточно -- выражаясь поэтически -- [и Мать шаловливо улыбнулась] поместить одну каплю Господа на это место, и все вернется в нормальное состояние. И Мать добавила: Тело больше не знает тем способом, каким знало раньше.

Подытоживая, тело должно позабыть целый мир, чтобы научиться новому миру.

Так что есть период, когда ты подвешен: этого уже нет, а того еще нет. [Больше не рыба, но еще и не птица]. Ты как раз посередине. И это трудный период, когда ты должен быть очень спокойным и терпеливым, и прежде всего -- прежде всего -- никогда не пугаться и не быть нетерпеливым или беспокоиться, поскольку все эти вещи катастрофичны. И трудность состоит в том, что постоянно, со всех сторон приходят все глупые внушения обычного мышления: возраст, увядание, возможность смерти -- болезни и старческое слабоумие, одряхление. Это приходит все время, все время. Так что все время это бедное изношенное тело должно держаться спокойно и не прислушиваться, чтобы концентрироваться исключительно на поддержки своих вибраций в гармоничном состоянии. Это вечная проблема Матери -возможно, единственная проблема: маленькие образцы человеческих существ, окружавшие ее, постоянно поливали ее своими внушениями или болезнями -с хорошими намерениями, но, тем не менее, смертельными. Трудностью Матери была не смерть, а мысли других о смерти. Никто никогда не понимал это. Но, вероятно, это было частью общей работы, потому что, в конечном итоге, вуаль должна быть поднята для каждого и в каждом, а иначе что? "Темная периферия" начинается как раз там.

Состояние без смерти

Медленно, осторожно, Мать была вынуждена ступать размашистыми шагами, и я понимаю, что все эти микроскопические переживания вели к определенной точке, почти неуловимому моменту, который связывает одно состояние, называемое нами "жизнью", с другим, называемым нами "смертью". Она познавала механизм смерти. Смерть -- это не нечто сенсационно-чувственное, а очень маленькое, крохотное, что заставляет тебя опрокидываться -именно в жизни мы должны ухватить "спусковой крючок смерти", в те несколько секунд перехода: в пограничную секунду, которая как бы на двух сторонах сразу. Ощущаемый факт труп -- это только увеличение или конечный результат неуловимого маленького смещения, которое может произойти в любое время, даже при наилучшем здоровье. Масса преходящих переживаний, которые, как кажется, дают ключ, затем уходят, возвращаются снова и исчезают; каждый раз ты остаешься все более сбитым с толку, каждое

прояснение вскрывает другую мистерию... Мать шла наощупь в Смерти. Она не боялась, она никогда не боялась. Мы знаем ряд бесстрашных человеческих существ, способных на героизм, но эти крохотные расшатывающиеся ловушки требуют некоего бесстрашия, не заметного на первый взгляд, в клетках тела: ничто не должно и шелохнуться там. "Невозмутимость" приобретает здесь абсолютное значение. И кажется, что все вращается вокруг того перехода от состояния Гармонии к другому состоянию, общему для всех, которое Мать иногда называла Беспорядком (но в действительности весь наш мир находится в состоянии смерти; только он умирает более или менее быстро. Даже его "порядок" скорее смертелен, как и остальное, даже его "доброе здоровье" столь же смертельно, как и остальное; так что в основном это переход от состояния Гармонии к старому, обычному эволюционному состоянию). "Гармония", которая, очевидно, имеет очень мало общего с тем, что мы обычно понимаем под этим словом -- животные лучше бы поняли, что это значит, но в ту минуту, когда они были бы способны это понять, это было бы мгновенно испорчено! Вот что происходит с нами. Это состояние гармонии в действительности является супраментальным состоянием. Мы должны выбраться из состояния ментального "понимания", которое, по правде говоря, понимает очень мало (оно больше индивидуализирует или загоняет в клетку, чем понимает), так что мы можем войти в тотальное сверх-понимание, которое "понимает", потому что является объектом, который оно стремится понять -- и ему даже не нужно хотеть понять: оно попросту является, поэтому автоматически знает. И поскольку оно знает, то действует автоматически, безошибочно. Это Гармония. О, теперь я делаю постоянное различие между... (что бы сказать?) жизнью по прямой линии и с прямыми углами и "волнообразной" жизнью. Есть порывистая жизнь, в которой все имеет острые углы, все тяжело, угловато, и ты наталкиваешься на все; и есть волнообразная жизнь, очень сладкая, очень очаровательная -- очень очаровательная. Но не очень прочная! [В действительности Мать не слишком прочно стояла на ногах в то время.] Странно, это совсем другая разновидность жизни... Искусство позволить себе быть унесенным Всевышним в Бесконечность. Но это Бесконечность СТАНОВЛЕНИЯ. И безо всякой тяжести и столкновений обычной жизни. Искусство позволить себе быть унесенным Всевышним в бесконечное Становление... Все, что исходит отсюда [Мать касается своего лба] тяжело, сухо, съезжино -- насильственно и агрессивно. Даже добрая воля агрессивна, даже привязанность, нежность, преданность -- все это ужасно агрессивно. Это как удар палкой. По существу, вся ментальная жизнь тяжела... Мы должны, должны захватить ТО: некая модуляция, волнообразное движение, столь охватывающее и мощное! -- оно поистине колоссально, ты знаешь. И оно не возмущает ничего, и ничего не смещает. Оно ни с чем не сталкивается. И оно несет вселенную в этом волнообразном движении -- столь гибком!... Такое впечатление, что ты не существуешь, а единственная вещь, которая существует, та, которую ты обычно называешь собой, есть нечто, что скрипит и сопротивляется. То, что Мать назвала "покрыв колочек". Старый обветшалый вид.

И она закрывала свои глаза, и маленькие капельки слов доходили как жемчужины издалека, далекого далека, как если бы через необъятное пространство: В любое время, вообще в любое время, если я перестану говорить или писать или работать, в любое время появляются... те великие приливы блаженства, обширные как мир, медленно взмахивающие... Впечатление грандиозных крыльев -- не двух, они все кругом и распростерты повсюду. И постоянны. Но я участвую в этом, лишь когда я спокойна... Но они не оставляют меня... Крылья Господа.

И давайте не сделаем здесь ошибки: это не "поэтическое" описание состояния, это самое практическое (скажем по меньшей мере), телесное состояние, то же состояние, которое мягко опустило маленькую Мирру на камни в Фонтенбло. Йоги очень хорошо знают эту силу, они называют ее лагхимой: сила легкости. Только здесь это была не "сила", а естественное состояние тела. Но Мать вовсе не хотела "творить чудеса" и летать по воздуху. Она искала нечто гораздо более серьезное, что является ключом к настоящей жизни -- нечто, в чем больше нет Смерти. И, естественно, в том "волнообразном" состоянии Смерть больше

не существовала, вы не могли умереть там, это было некое состояние "без жизненных передрыг", говорила Мать. Нет трения, все течет через тело. И затем покой, но не тяжелый, прикованный и заторможенный вид покоя: вы покоитесь в волнистости... вы позволяете себе плавать в ней. И внезапно я припомнил слова Матери, которые она произнесла в 1959 году, которые в то время показались довольно загадочными; мы должны достичь состояния без смерти. Не бессмертия, которое действительно кажется мне достаточно незрелым -- ведь зачем же кому-то хотеть оставаться тысячу лет в одном и том же старом каркасе -- а состояния, наделенного такой пластичностью, что оно может менять форму, заключенную в ее жесткой клетке -- поистине говоря, смерть есть жесткость. Состояние без смерти, -- говорила она, -- есть то, что можно вообразить для физического тела в будущем: это постоянное возрождение. Вместо того, чтобы отступать и дезинтегрировать по причине утраты пластичности и неспособности адаптироваться ко вселенскому движению, тело ЗАРАНЕЕ ОТМЕНЯЕТ СЕБЯ, я могла бы сказать. Ослепительно! Внезапно я понял настоящий смысл волнообразного движения... тело отменяет себя наперед. Да, но вы все еще должны продолжать стоять на своих ногах! Труден именно переход к новому виду. Как можно "отменить" себя, не отменив все? Мать изучала тогда переход от истинного Движения к движению ложному (тому, в котором мы обычно живем и которое в конечном итоге является движением смерти), и наоборот, из смертного состояния к состоянию без смерти: Это подобно переходу от чего-то сухого, точного и определенного к чему-то мягкому и вкрадчивому... мягкому, ясному, ясному, и покою... о!... как если бы ничто в мире не могло бы сопротивляться этому покою. Мы действительно откроем, что этот "покой", как и "волнистость" обладают поразительными и "чудесными" свойствами, но это некое микроскопическое чудо, которое и составляет само чудо мира, по сравнению с которым все чудеса летания по воздуху представляются безделушками маленьких смертных -- ничто не может противостоять этому, даже смерть. Смерти не может там быть. И я напоминаю о циклоне, который не мог ворваться в комнату Шри Ауробиндо. Только мы должны найти то истинное Движение в маленьких деталях повседневной жизни; мы должны создать птицу внутри рыбы, установить ее там постепенно, очень медленно, как и всегда, так чтобы эта старая Материя могла приучиться к Движению и переносить его без того, чтобы раствориться в тонком воздухе или "отменить" себя слишком рано. Для обычного взгляда, во внешнем и поверхностном смысле, ты мог бы сказать, что произошел большой износ [в теле Матери]; хорошо, но тело так вовсе не чувствует! То, что оно чувствует, это то, что данное движение или усилие или жест или действие принадлежит миру -- этому миру Неведения [то есть, миру смерти] -- и не делается верным способом: это не истинное Движение, это не делается должным образом, это не правильный путь. И тело чувствует или воспринимает, что это состояние... мягкое, вкрадчивое, без углов, должно развиваться определенным образом и производить телесные результаты, которые позволяют настоящее действие, выражение истинной воли. Возможно, внешне это та же самая вещь (я еще не знаю), но делаемая другим путем. И я говорю о повседневной деятельности, ты понимаешь, о каждой минуте: подъем, прогулка, умывание -- я не говорю о "больших" вещах... Существует путь, который должен быть найден. И "найден" не чьей-то головой: это тот путь, который находится где-то в стадии делания.

Это наша третья позиция. Состояние, которое не является ни Материей, как мы ее знаем, ни Духом, как мы его постигаем, ни добрым здоровьем, ни болезнью, ни "жизнью", ни "смертью". Следующее состояние тела.

И мы хорошо понимаем, почему Мать сказала "Не знаю, жива я или мертва!"

Затем она добавила, смеясь: Это дошло до той точки, что всякий раз, когда я меняю состояние, у меня внезапно возникает ощущение, что мое тело покрыто изрядным количеством дерева!... тогда как оно очень комфортно расположилось на пуховых подушках! И ощущение времени полностью исчезает в... во внутренней неподвижности. Но неподвижности в действии!... Если так будет продолжаться, они поместят меня в палату, обитую войлоком! Я все еще слышу ее смех, подобный смеху маленькой девочки, такой

ясный, такой восхитительный: как забавно!

Странно, - заключила она.

Неправильная позиция

Множились маленькие головокружительные переживания -- и я думаю о Шри Ауробиндо, сидевшем здесь в своем большом зеленом кресле, и обо всем, что он должен был произвести и вынести, окруженный таким тотальным непониманием. Я не знаю, видела ли когда-либо земля пример такого абсолютного само-забвения! Он не говорил ничего, ни слова; он отвечал на тысячи их глупых или претенциозных вопросов, и он жил той маленькой смертью; он даже позволил себе умереть, ни проронив ни слова о том, что он делал для земли -- он хотел делать, это все. Никто не знал ничего. Если это не любовь, тогда что же это?... Но во все времена и на всех континентах существует великая Вибрация, которая зовется Шри Ауробиндо и которая открывает бесконечные сокровища тем, кто любит Истину, вплоть до их тела и в малейших жестах. Есть секрет Материи, секрет жизни в теле, очень маленький и грандиозный секрет. Мать стучалась в маленькие двери, во все двери, каждое дыхание ее жизни с 1950 г. не имело другой цели, кроме как найти, сделать -- вырвать Шри Ауробиндо у Смерти или, скорее, вырвать нечто, что скрывает его, выкорчевать Смерть из мира, и он будет здесь, и мир будет истинным. Что такое Смерть? Что это?... Мы полностью введены в заблуждение трупом -- смерть наступает раньше. Когда? Когда она наступает? Где она? Где корень Смерти?... Мать была в том великом ритмическом Сознании, сознание ее тела текло в нем, необъяснимо, как будто единое с движением тела мира -- как само мировое тело. Там смерть была невозможна, это было состояние без смерти, но как мы можем заставить то состояние, которое сформировало тело, оболочку, скрепляющую вместе все эти клетки, это нечто столь ложное и смертное, но которое, тем не менее, содержит не-смерть, содержит ту грандиозность -- иначе все просто бы исчезло в великом Неразличении -- как можем мы его заставить принять участие в другом состоянии, состоянии без оболочки? Что препятствует этому? Та самая вещь, которая вызывает смерть, именно она препятствует этому, но что вызывает смерть? Где смерть?... Мать переходила от маленького тела к великому Телу, от смерти к состоянию без смерти -- это некий парадокс, кажется, что мы должны умереть, чтобы больше не умирать... И что такое умереть?

Еще раз Мать только что прошла через маленькую насильственную операцию: Как нечто, что хочет вырвать жизнь из физического тела. В течение последних трех дней битва, битва, битва... У меня вовсе нет ощущения болезни или чего-то подобного, но... Это странное ощущение, причудливое восприятие одновременно двух функционирований -- которые даже не наложены, нельзя сказать даже это -- истинное функционирование и функционирование, искажаемое индивидуальным ощущением индивидуального тела. Они почти одновременны, что очень трудно объяснить. Как если бы сознание наталкивалось или тянулось или ставилось в определенную позицию, и тогда неправильное функционирование мгновенно появляется -- не как следствие: а, скорее, сознание ЗАМЕЧАЕТ их существование... Есть мимолетный секрет в этом "замечает". Но затем, если сознание остается в этой позиции достаточно долго, происходит то, что обычно называется последствиями (неправильное функционирование имеет последствия: очень маленькие вещи, некие физические неудобства). И если при помощи -- будь это йогическая дисциплина, или вмешательство Господа? Можешь называть это, как угодно -- если сознание снова возвращается к своей истинной позиции, это МГНОВЕННО прекращается... И мало-помалу это переживание станет столь радикальным, что Мать откроет, что неизлечимые или хронические или фатальные заболевания могут быть вылечены или убраны за секунду (например, филариазис): Это как поворот призмы, - сказала она, как бы внезапно, "чудодейственно" внезапно, самым лишь фактом, что обретена верная позиция - действительно, как если бы болезнь не существовала в определенном состоянии и существовала бы в другом. Но затем, иногда, оба функционирования переплетаются, так сказать [и Мать быстро переплела и развела пальцы своих рук], иными словами, это ТО, а

затем это, ТО и это... эта позиция и затем та позиция, эта позиция и та позиция -- туда-сюда за считанные секунды [как перейти от жизни к смерти или, скорее, от смерти к жизни -мы всегда путаем направления -- в головокружительном движении туда-назад]. Так что у тебя есть почти одновременное восприятие обоих функционирований. Вот как я узнала об этом явлении; иначе я бы не поняла, я бы подумала, что это было лишь какое-то особенное состояние, а ЗАТЕМ я попала в иное состояние. О!... но тогда это не "лечение" следует за "болезнью", это нечто иное; здесь видится грандиозный секрет. Это не то, это просто... Все, вся субстанция, все вибрации, должны следовать своим нормальным ходом, ты понимаешь; меняется лишь восприятие сознания. Что означает, что если ты доведешь это знание до его крайности, иными словами, обобщишь его, то жизнь (то, что мы обычно называем "жизнью", физической жизнью, жизнью тела) и смерть - это ОДНА И ТА ЖЕ ВЕЩЬ, ОНИ ОДНОВРЕМЕННЫ: только лишь сознание делает это или то, движется здесь или там. Не знаю, осмысленно ли это звучит, но это фантастично.

Это совершенно фантастично. Жизнь и смерть одновременны. Это не жизнь, затем смерть. Это не болезнь, затем выздоровление. Это одна и та же некая среда, и в одной и той же среде сознание сдвигается из одной позиции в другую, с истинной позиции в ложную позицию. Но где же тогда смерть? Смерти нет нигде! Или же она существует одновременно с жизнью, повсюду, и мы идем из ложной позиции сознания к истинной. Смерть - это затвердевшее и заскорузлое явление сознания, можно было бы сказать, хроническое состояние ложного сознания. Но в субстанции жизни нет ничего, что является смертью. Нет "у меня рак, у меня туберкулез"; есть "у меня ложная позиция сознания, которая вызывает рак, которая вызывает туберкулез, которая вызывает смерть." Мы можем вычеркнуть из книг любое заболевание, поскольку ни одно из них не истинно; есть лишь истинное сознание и ложное сознание. Есть лишь болезнь сознания, смерть сознания. И все не-чудесные чудеса здесь с той самой минуты, когда вы восстанавливаете естественное, то есть, истинное положение. В одну секунду исчезает филариазис -- он не существует. В одну секунду вы избавляетесь от болезни Паркинсона, ее не существует. Смерть не существует. Нет физического микроба, который вызывал бы смерть -- вообще нет микробов. Если вы в неправильной позиции, то можете умереть от чего угодно, от царапины или ушиба, потому что неверная позиция вызывает смерть. Это единственный микроб.

Мать сказала, что "замечаешь" неправильное функционирование -- "замечаешь" смерть -- подразумевая, что она наступает внезапно посреди "нормального" хода жизни. Это не так, что она сначала приходит, а затем вы замечаете ее: заметить ее означает, что вы сдвинулись в ложную позицию, так что автоматически, мгновенно появляется болезнь или смерть. Это не "другое" физическое условие: это то же самое физическое условие, но чистое, с другим состоянием сознания. Мы не заболеваем: мы попадаем в ложную позицию, и смерть тут как тут. Мы замечаем ее.

Две позиции, которые четко отмечают переход через сеть: либо ты вне сети, либо снова попадаешь в сеть; либо ты в новом виде, либо возвращаешься к старому виду. Все переживание движения туда-назад составляет переход через сеть.

Но сеть эта находится на клеточном уровне.

Это темная периферия.

И я имела это переживание в самых конкретных и банальных ситуациях. Например (это только ОДИН пример), внезапно происходит некий сдвиг в сознании -- это неуловимо, и ты не замечаешь его, потому что, полагаю, если бы у тебя было время заметить его, то этого бы и не произошло -- и у тебя такое ощущение, что ты вот-вот упадешь в обморок, то есть, вся кровь отливает от головы к сердцу!... Но если сознание вовремя схвачено, то этого не происходит; если не схвачено, то происходит. Что означает, по-видимому (Не знаю, можно ли это обобщить на все случаи, или это специфических случаев в стадии выработки нечто иного), у меня очень четкое впечатление, что то, что транслируется как смерть в обычном сознании людей, в видимости вещей, могло бы быть просто тем фактом, что сознание не было достаточно быстро схвачено и удержано в его истинной позиции... Я полностью

допускаю, что это может показаться полной бессмыслицей. Я чувствую, что не хватает нужных слов или выражений, чтобы объяснить это переживание. Но, возможно, это шаг к познанию этого явления -- ко знанию, то есть, к силе изменять, ты понимаешь. Иметь силу над явлением означает знать его. То, что мы называем знанием, это быть способным создавать вещь, менять ее, продлевать ее существование или останавливать его. Вот что такое знание. Все остальное -- это только объяснения, которые Разум дает самому себе. И я ясно вижу, что нечто ведет меня к открытию той Силы -- того Знания -- естественным образом через единственно возможное средство: переживание. И очень осторожно, потому что я чувствую, что...

Так что остается лишь единственный вопрос: что же вызывает неправильную позицию?

Но эта позиция довольно поверхностная... если мы по-настоящему взглянем на нее.

А что если мы не будем замечать Смерть?

Если бы мы по-настоящему и физически осознали, что ее не существует... то ее бы больше и не существовало. Есть нечто искривленное, ложное, искаженное, что вызывает восприятие смерти, и через это восприятие порождает и вызывает смерть и всю ту благословленно-проклятую цепочку. Но Смерти нет нигде, ее нет ни в какой точке физического пространства и ни в одной точке физического тела.

Смертельно именно наше восприятие.

Где же корни этого восприятия?

Но проблема больше не в том, чтобы изменить нечто в Материи, чтобы она перестала быть смертной: нечто нужно изменить в сознании. Это чисто явление сознания. Ничто не препятствует тому, чтобы это тело было бессмертным, ничто не препятствует этому миру быть истинным -- они уже истинны, уже бессмертны, за исключением определенного восприятия, покрывающего их, которое делает трагическую пародию из великолепной реальности.

Есть, очевидно, тюрьма, которая вызывает эту деформацию.

Есть смертельная тюрьма.

Сеть.

Но Смерть мертва.

Остается "выработать"... осторожно.

*

* *

И теперь я припоминаю, с неким головокружением, эти слова Матери как раз за два года перед Мистерией 1973: Я на пути открытия того, какой иллюзией является то, что должно быть уничтожено, чтобы физическая жизнь могла бы быть непрерывающейся.

*

* *

Умереть для Смерти

Вы могли бы сказать, что птицы живут в совершенно естественном состоянии, но они все же умирают - существует ли действительно для них смерть? Чтобы заметить смерть, требуется "я", по отношению к которому смерть существует, должно быть "я умираю" или "я собираюсь умереть". Это наш несчастливый жребий. Но есть и факт смерти, окоченевшее маленькое тело на пшеничном поле, и вы могли бы сказать, что если сознание птицы всегда бы оставалось в истинной позиции, то смерти не должно было существовать, то есть, труп. Следовательно, где-то смерть существует, даже если она ощущается совсем по-другому, не как мы ее ощущаем. Думаю, что в терминах эволюционного процесса смерть на самом деле не более фундаментальна, чем жабы лягушки: смерть развивается, как и жизнь, это эволюционное приспособление, как тысячи и миллионы других; приходит момент, когда лягушке больше не нужно жабер, а гусенице -- ее кокона. До определенной степени смерть нужна жизни, чтобы разрушать старые застойные формы -- в действительности, разрушать неспособность к вечному само-развитию: неспособность прогрессировать автоматически вызывает смерть. Жизнь прогрессировала с миллионами жизней, она никогда не умирала --

она начинала умирать со смертью "я". С человеком в его тюрьме. То есть, кусочек, маленький кусочек жизни начинал осознавать "я умираю", в то же время хорошо зная, что жизнь продолжается совершенно непрерывно. Это особенное "я" составляет всю мистерию эволюционного перехода от кажущегося смертным индивида к тому индивиду, который обрел достаточно "я", чтобы включить в него других и остальной мир, и поэтому не имеет больше никакой необходимости смерти -- этой эволюционной уловки -- чтобы следовать вселенскому ритму. Целью эволюции является полное сознание, точно также как целью семени является полное дерево. И, естественно, форма, все лучше и лучше приспособленная к гибкости и красоте того полного Становления. У смерти больше нет причин существовать, раз уж она замещена другими средствами прогресса: она атрофируется, она должна атрофироваться, как бесполезная конечность. На самом деле это и происходит на всех уровнях индивидуального человеческого существа с того момента, как он прорывается через собственные границы: ментально сознательный индивид (не марионетка, которая извечно повторяет то, что она раньше видела и читала и слышала в соответствии со старой хромосомной и культурной привычкой, а существо, сознающее вселенский Разум, имеющее независимую ментальную жизнь) не дезинтегрируется ментально после своей смерти, он сохраняет приобретенный динамизм, специальную форму своей ментальной жизни, отпечатки и памяти этой жизни, которые он переносит в следующую жизнь, такие как определенные предрасположенности или спонтанные открытия, определенные особенные таланты или трудности. Это совершенно ясный факт для всех тех, кто хоть немного сознателен, а миллионы несознательных людей могут отрицать это, не изменив сам факт ни на йоту! Гусеница может извечно отрицать бабочку -- но рано или поздно гусеница становится бабочкой. То же самое верно и для эмоциональной жизни, той, которая достаточно универсализирована, той, которая разорвала маленький круг своих чувств, чтобы включить в себя вещи, лежащие за пределами простой генетической необходимости: дезинтеграции не происходит -- снова находишь существа, которые по-настоящему любил. Но вот остается маленький труп, который еще никогда не становился частью вселенского сознания -- а пока остается где-то хотя бы кусочек смерти, дерево не будет полным. Тело являет полное доказательство.

Мы находимся на той стадии эволюции, когда, благодаря "я", мы смогли внести в тело осознание его собственной смерти -- осознавать препятствие уже является средством преодоления препятствия (в действительности, единственное препятствие -- это не знать, где находится препятствие); и когда, из-за этого же "я", мы не можем оторвать себя от смерти. Это переход, в котором прежняя инструментальность становится препятствием, точно так же, как сами качества рептилии были тем, что не давало ей взлететь. Качества старого вида являются препятствием для нового вида. В этом вся история эволюционных переходов. Но если есть надлежащие условия, то и смерть должна эволюционировать, как и все остальное: либо выйти из эволюции, либо превратиться в нечто, что пока за ней скрыто.

Вот суть проводимого сейчас исследования.

В "истинной позиции" смерти больше не существует. Только все тело должно знать это: когда тело станет полностью истинным, оно окажется полностью вне смерти. В действительности, умирает только Ложь, будучи самой сущностью Смерти. То, что истинно, не умирает, на каком бы ни было уровне, даже на телесном уровне. А что является ложью в теле? Тюрьма является Ложью. Это "я-один-одинешенек-в-этом-маленьком-теле-отделенном-от-мира-и-других-тел". Именно тюрьма вызывает смерть. Мы должны "аннулировать наперед", - сказала Мать. И именно непрогрессирующая тюрьма птицы или любого застойного вида, неспособного выбраться из своих двух крыльев или четырех лап или плавников, вызывает смерть. Это другой тип тюрьмы, чем наш. Это не та же самая смерть. Нет такой вещи, как "смерть": есть лишь определенное явление жизни, которое вынуждено "сделать крюк", чтобы всегда жить и развиваться, потому что мы склонны замыкать ее. По сути это не клеточное явление: это явление жизни, текущей неправильно. Смерть -- это не противоположность жизни! - воскликнула Мать после одного из своих

переживаний. В тот момент я поняла это, и никогда больше не забывала. Смерть -- это НЕ противоположность жизни, это не противоположность жизни!

Но мистерия гораздо обширнее, чем мы думаем, и, возможно, гораздо проще также. Странное переживание произошло с Матерью по случаю смерти одного ученика, который упал, гуляя в медитации: Вероятно, он потерял сознание, упал и проломил себе череп, что вызвало кровоизлияние в мозг и сделало его "несознательным" ("несознательным", выражаясь современным научным языком!). Во время этого происшествия он пришел ко мне, не как точная форма, а, скорее, как некое состояние сознания, которое я сразу же распознала. И он оставался здесь [рядом с Матерью] в полном доверии и блаженном покое, недвижимым... Они пытались "привести его в сознание", боролись, делали операции -- он не подавал признаков жизни. Тогда наконец они заявили, что он "мертв". В течение всего того времени он был здесь, неизменно [возле Матери]; затем внезапно я почувствовала некое дрожание и взглянула -- его больше не было здесь. Я была занята и не заметила время, когда это произошло, но случилось это после полудня. Затем мне сказали, что они решили кремировать его -- и они кремировали его в то время... Ты понимаешь, тот человек был насильственно "выброшен во вне", повредив свою голову; в это время он, должно быть, думал обо мне, находясь в том состоянии доверия. Он пришел, он не двигался -- он совершенно не знал, что произошло с его телом! Он не знал, что умер, и если... Внезапно я сказала себе: привычка сжигать людей -- ужасающе грубая вещь. Он не знал, что умер, и вот КАК он об этом узнал! Путем реакции жизни формы в теле... [давайте здесь отметим, что то, что Мать называет "жизнью формы", является в действительности клеточным сознанием, которое остается, например, в мумии, если она достаточно хорошо сохранилась, так что с ней возможен сознательный контакт, какой Мать имела в Музее Гвинэ. Таким образом, тот человек узнал о том, что "умер" через насильственную реакцию сжигаемых клеток]. Тогда как для того состояния, в котором он был, -- продолжала Мать, -- быть мертвым или живым не составляло для него НИКАКОЙ разницы... Вот что интересно. Он был все в том же блаженном, доверительном и умиротворенном состоянии -- он совершенно не знал, что умер!

Это было как откровение для Матери... откровение в ее теле, не в голове! Внезапно я сказала себе: но он продолжал существовать, жить, иметь переживание; он совершенно НЕ ЗАВИСЕЛ от своего тела, ему не нужно было тело, чтобы иметь переживание! Так что же тогда было "телом", которое кремировали? И что это за другое "тело", которое продолжало иметь переживание не зависимо от того тела, которое сожгли...? Есть ли, таким образом, тело клеточного сознания, не зависящее от жизни и "смерти" материального тела, которое мы видим -- тела ложной материи, возможно? И является ли оно клеточным сознанием настоящего тела, в котором мы продолжаем жить? Это вопрос еще следует прояснить, но суть в том, что как внезапное откровение Мать вспомнила собственный переход в обратном направлении -- не из жизни в "смерть", как тот ученик, а из так называемой смерти к жизни -- в ходе переживания в апреле 1962, когда она, как бы находясь на пороге смерти, была унесена теми великими Пульсациями на другую сторону сети, а затем "возвращена к жизни"... И в момент перехода, как раз когда она была близка к тому, чтобы вернуться в свое тело (которое еще не успели сжечь), она видела или восприняла нечто неопределимое и светлое, которое было подобно полному Секрету: Как! нам нужно лишь умереть для смерти, и это все!... Умереть для смерти, то есть, СТАТЬ НЕСПОСОБНЫМИ УМЕРЕТЬ, ПОСКОЛЬКУ СМЕРТЬ БОЛЬШЕ НЕ ИМЕЕТ КАКОЙ-ЛИБО РЕАЛЬНОСТИ!... Это было ясно, это было... Это переполняло мощью. И также впечатление: легко, это легко! Нет вопроса, трудно это или легко: это спонтанно, ЕСТЕСТВЕННО, и так мило! Это "умереть для смерти" было столь радостным, столь радостным!... Ты понимаешь, я могла сказать: да это же ясно, как божий день! разве ты не видишь, как все просто! Именно так, нам нужно умереть лишь для смерти, и все сделано!

Это было как быть на пороге молниеносного открытия: вот оно! Сейчас я ухвачу это, вот оно!... Несколько секунд переживания, которые дали впечатление, что главная часть

проблемы решена. Но затем...

Но затем все исчезло -- снова попадаешь в смерть.

Это касается клеток и сознания в клетках, -- заключила Мать.

Сознания в клетках, для которого смерть не реальна, не существует... Начать осознавать смерть означает смерть. Нечто осознает смерть и умирает -- оно умирает из-за того, что осознает ее. Потому что оно скатывается в ложную позицию. Но тогда мы должны научиться забывать смерть, живя (а не после, как тот ученик!). Тело должно научиться забывать смерть -- в ту минуту, когда оно забывает о смерти, ее больше не существует. В теле, как всегда, есть два уровня: клеточный уровень, для которого смерти не существует, и другой... корка. Темная периферия. Есть, как обычно, Стена в теле между двумя типами жизни. Есть иллюзия смерти на поверхности -- мы должны расстаться с этой иллюзией, и это все! Мы должны умереть для смерти. Нет такой вещи, как смерть, есть лишь некая вуаль, которая вызывает смерть. Истинная позиция, ложная позиция. И легко, это легко!... естественно. Изменение позиции, которое надо провести в теле.

Но именно тело должно понять это.

То, что я называю пониманием, это иметь силу делать и перечеркивать сделанное. Вот что я называю пониманием. Но тогда это будет означать силу равным образом как вызывать, так и предотвращать смерть или совершать нужную манипуляцию силами: воздействовать на клетки почти напрямую, оказывать на них почти механическое воздействие. С этой мощью ты мог бы "переключать" смерть или предотвращать ее -- ты мог бы легко предотвратить то, чтобы она наступила тем или иным образом [Мать сделала жест, означающий перетягивание сознания на ту или иную сторону].

Вуаль, которую следует поднять в материальном сознании земли. Склонность к истинной позиции. Мир тот же самый, и все истинно. Жизнь та же самая, а смерти больше нет. Смерть -- это Ложь мира... необходимая иллюзия, чтобы сражаться с иллюзией ментальной индивидуализации, чтобы придать ей силу и необходимость вырваться из собственного заточения.

Очевидно, это будет означать новую фазу жизни на земле.

И я ясно вижу линию, -- сказала она, -- линию переживания, ведущую к этому -- к той точке, где смерть больше ничего не значит. Когда мы доберемся туда, то сможем сказать: что же, теперь смерть больше ничего не значит. Только тогда можешь ты быть уверен... Ты можешь покорить смерть лишь тогда, когда она больше не имеет смысла.

Такова истинная позиция. Позиция, в которой смерть больше не имеет смысла.

Не интеллектуальная позиция: клеточная позиция.

Темная клеточная периферия, которую следует вылечить или очистить.

XVIII. ИЗМЕНЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В течение лет Мать переходила от жизни к смерти и от смерти к жизни в микроскопическом головокружительном маятниковом движении -- смерть каждую минуту, можно было бы сказать -- в попытке познать секрет перехода, той маленькой секунды, когда жизнь уходит, и вы вступаете в смерть... Теперь мы более или менее понимаем этот процесс, и он может показаться достаточно рациональным, но пойдите и скажите умирающему телу, что его смерть "рациональна"! Ей действительно нужно было иметь стальные нервы. Когда вы не знаете, как проходит процесс, вы просто спрашиваете себя: это "преклонный возраст", признаки "конца"? Как раз это неустанно бормотали все "образчики" вокруг нее -- за исключением того, что эти образчики не были больше "вокруг нее", они были внутри, в Матери, и это было так, "как если бы" ее собственное тело имело все их реакции. Так что же делать?... Конечно, я замечал маленькие "скатывания" Матери в "трудное" (!) состояние, можно было бы сказать, и я также наблюдал, что они совпадали во мне с состоянием, напоминающим сдерживаемый ураган: все скрипело. И наконец я сказал об этом Матери: "Странно, что всякий раз, когда тебе трудно, во мне все скрипит." О, мой мальчик, я как раз собиралась тебе сказать: не будь в плохом настроении, это отзывается во мне болью! Вот так оно и происходило. Были все болезни маленьких образчиков вокруг нее (или на расстоянии:

тысячи образчиков -- они были повсюду). И она действительно должна была пройти через смерть каждого. Каждую секунду я ловлю себя на том, что бываю этим, бываю тем, делаю это, делаю то -- все вещи, которых не должно быть! Все приходит ко мне таким вот образом, как если бы оно было во мне, и я ловила себя на том, что являюсь этим или тем... Затем нечто говорит (все это в сознании тела), тело говорит: "О, я все еще в этом положении, не могу поверить!" И мгновенный ответ: "Но разве ты не видишь, разве ты не видишь пользу этого?" И затем мне показывается вся сеть движений, вибраций, реакций, действий... Все имеет смысл, у всего есть свое место! Ты можешь очень хорошо видеть, что это эгоизм, именно эгоизм, который ищет индивидуального личного совершенства: вместо поисков общего прогресса он хочет личного прогресса и все еще создает деления, где их нет, разделения, где их не существует, и что следует принять то движение, которое происходит [через тело], так чтобы ЦЕЛОЕ могло следовать своим ходом -- это очень, очень интересно. Мать сказала это очень спокойно спустя лишь несколько минут после "скатывания" в нечто, что ужаснуло бы кого угодно. И она добавила: Все должно прогрессировать одновременно, невозможно отделить один кусок и сделать его совершенным -- такого не может быть! Это не возможно. Это не так, что этого не должно быть: это просто НЕ МОЖЕТ быть. Все связано друг с другом.

Но это бескрайняя работа...

Сейчас мы можем понять причину того ужасного маятника; но Мать сама не совсем понимала, куда все это ведет. Это должно подчиняться неким законам (законам, выражающим Мудрость, которая превосходит нас), потому что кажется, что все это следует какой-то кривой, которую я не понимаю, так как нахожусь на кривой. Лишь когда это кончится, когда ты окажешься в конце, ты действительно поймешь эту вещь, но я нахожусь как раз посередине, возможно, в самом начале... Мать никогда не "понимала" (некоторым образом, это мы должны понимать): она прокладывала путь. Она проживала явление. А в конце?... Мы по-настоящему поймем явление, лишь когда все будет сделано. Возможно, мы просто пытаемся "приручить" его, чтобы оно раскрыло себя быстрее.

Другая комната

Как бы там ни было, казалось, что "кривая" всегда упиралась в одну явно выраженную точку: Довольно странно -- есть нечто, что случается со мной все время, по меньшей мере, пятьдесят раз за день (и особенно ночью это очень, очень ясно), это как... переходить из одной комнаты в другую, или из одного дома в другой, и ты переступаешь через дверь или стену, не осознавая этого, автоматически... И "Стена" Шри Ауробиндо внезапно оказывается перед нами, ярко освещенная и наделенная смыслом. И затем, быть в одной "комнате" внешне транслируется довольно комфортабельными условиями, в которых вовсе нет боли, нигде, и есть великий покой, радостный покой крайней недвижимости -- короче говоря, идеальное состояние, которое иногда может длиться очень, очень долго. Но внезапно, по непонятной и неуловимой причине (я еще не способна обнаружить "как" и "почему"), ты... ПАДАЕШЬ, попадаешь в другую комнату или другой дом, как если бы внезапно ты обо что-то споткнулся, и сразу же это отзывается болью здесь или там... Другими словами, эти два состояния теперь отчетливо различимы -- отчетливо различимы -- но я еще не нашла "как" и "почему", не знаю, вызывается ли это нечто приходящим "снаружи" или просто это старая складка -- да, как старая складка на одежде: ты знаешь, как ее не разглаживай, она появляется снова. Так что, когда я в состоянии старой складки... Вся мировая боль в старой складке. Но где же эта "складка"? И Мать снова и снова возвращалась к тому переживанию, как бы пытаясь выхватить его секрет, как если бы смерть была ничем иным, как малюсенькой вещью, которая заставляет вас сползать в "другую комнату" -- мы подхватываем смерть в действии, можно было бы сказать. Я нахожусь в некой позиции, в которой все течет, течет как спокойная река тихого умиротворения -- это поистине чудесно: все творение и жизнь, все движения и вещи, все ПОДОБНО ОДНОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ МАССЕ. И это тело составляет однородную часть того целого, и все течет в бесконечность как спокойная и улыбающаяся река умиротворения. А внезапно, бац! Ты спотыкаешься.

Снова ты ОБУСЛОВЛЕН, ты находишься где-то, в определенный момент времени. И затем появляется боль здесь, боль там, боль... Эта "обусловленность" возвращает память тюрьмы. И кажется, что эта тюрьма также связана с определенным восприятием времени. Если бы я только могла найти механизм! -- воскликнула Мать... Очевидно, во мне есть нечто, что связано с другими и что отвечает. Но я не могу порвать эту связь. Я не заинтересована в том, чтобы найти это только для самой себя, ведь не для этого я здесь остаюсь! Я должна найти механизм.

Затем, внезапно, Мать смогла назвать этого виновника -- но грандиозного виновника, возможно, того самого, который вызывает смерть и, уж определенно, все наши боли. Называть его означает уже изгонять его. Занятное "визуальное" переживание. Я шла навестить неких людей, которые жили на том берегу реки. Вода в этой реке была обычно темной, и требовалась лодка или что-то, на чем можно было бы переправиться через реку. Но вчера я была в таком особом состоянии, что я села на воду и сказала: "Пойду туда". И, совершенно естественно, поток чистой кристальной воды просто подхватил меня и понес туда, куда я хотела. Это было очень приятное ощущение: я сидела на воде, все улыбалось, и фить! Я была доставлена на другой берег. Я сказала себе: "Ах, очень хорошо! Так всегда и будет?" И когда я возвращалась, то сделала то же самое. Я сказала: "Пойду туда"... Но пришел кто-то (это все символические персонажи, которые состоят из частей существа людей, окружающих меня: я не могу сказать "этот человек" или "тот человек", но нечто в этом или том человеке отображается в таких персонажах). Он был как "большой брат", который помогает при определенных обстоятельствах (например, если есть лодка, этот брат правит ею), так вот, он пришел и сказал: "Да, я знаю, как сделать это" и начал пытаться. Я ответила: "Нет, боже упаси! Ты испортишь все! Мне просто нужно сказать: Я ХОЧУ ПОЙТИ ТУДА, и все будет сделано." Пока он пытался заставить меня пересечь реку на его собственный манер, вода стала темной, и я начала тонуть! Поэтому я запротестовала, сказав: "Нет, нет, нет. Совсем не так. Все, что требуется для ТОГО -- это сказать Я ХОЧУ ПОЙТИ ТУДА, и все сработает"... А вода была такой реальной! Такой чистой и прозрачной, с маленькими "барашками" и темно-синими глубинами, но поверхность была совершенно ясной и прозрачной, как бы бесцветной. Переживание было столь реальным, что я могла чувствовать холод воды. И приятное ощущение того, что сидишь на чем-то очень мягком и прохладном и быстром, несущем меня... А когда пришел "большой брат" и начал хвастаться, что все знает и хочет доставить меня на другой берег, то вода стала становиться темной, как обычно выглядит река, то есть непрозрачной, желтоватой или сероватой. И Мать оставалась задумчивой... Должно быть, это продолжение того переживания, когда переходишь из одной комнаты в другую. Я начинаю схватывать ключ. Действительно, это показывает весь механизм перехода от ясной жизни к мутной жизни, от простой и прямой жизни к жизни болезненной и усложненной... и смертной жизни. Жизнь в сети и вне сети.

Кто этот "большой брат"?

После недолгого раздумья Мать внезапно сказала: Думаю, он обозначает материальное знание, то есть высшее использование физического Разума, который блокирует переход в истинную комнату. Потому что я просто говорила: ХОЧУ ДОБРАТЬСЯ ТУДА (другими словами, кристальная воля, чистая и императивная). Мне просто нужно сказать Я ХОЧУ ТУДА!

Физический Разум заставляет вас соскальзывать в смертную комнату.

И внезапно я вспомнил историю, которую мадам Александра Дэвид-Нил рассказала Матери в начале этого века: о той речке в Индокитае, которую она перешла в медитации (она по обыкновению медитировала во время ходьбы), не зная как, и перед которой она снова оказалась, когда вышла из медитации; и теперь она уже вынуждена была переплыть ее. Это кристально ясно, как видение Матери! Физический Разум спит (убаюканный в медитации) и не замечает речки, и вы запросто пересекаете ее. Вы пробуждаетесь (или выходите из медитации) и замечаете речку -- и вы вынуждены ее переплыть или использовать лодку, приспособление: миллионы приспособлений и ухищрений, которые Разум выстроил в своей

тюрьме. Именно физический Разум замечает трудность, замечает болезнь, замечает смерть, замечает мутную воду -- он и есть катастрофический "большой брат". Большой брат, который столь изобретателен в предотвращении катастроф, которые он сам же и выдумал. Он изобрел буквально все!... Он выдумал даже смерть -- изобрел боль, изобрел тяжесть, гравитацию, медицину (наиболее серьезное зло всего человечества) и все же планирует покорить собственный мираж.

Он есть тот, кто первоначально заметил мир.

Он -- темная периферия вокруг клеток, опутавшая их как спрут.

Так что теперь фраза "умереть для смерти" обретает совершенно понятный смысл -- все это должно перестать иметь хоть какой-нибудь смысл. Но этот смысл должен быть утрачен в теле, этот гипноз физического Разума, который заточает в тюрьму свободное и ясное сознание клеточного Разума, для которого все это просто не существует. Переходишь в другую комнату, и это больше не существует.

Другая жизнь в жизни.

Мы должны увидеть, что есть.

Есть "я желаю", которое нужно открыть в теле.

Тогда, поистине, наступит "новая фаза жизни на земле".

И простая, простая! Естественная.

Радость клеток

Прелестная река становилась мутной. И все же это была та же самая река...

Мы начинаем раскрывать механизм, посредством которого человек мог бы освободить себя от определенного числа законов и громоздких приспособлений и зажить более "непосредственной" жизнью; но полеты по воздуху или гуляние по воде, конечно же, не составляет суть проблемы -- именно все должно измениться, сам принцип жизни. Гораздо более темная операция, медленная подпольная работа, невидимая, почти неуловимая, чтобы добраться до корня Зла и найти, что же делает мутной прелестную реку жизни -аннулировать Зло, вот что делала Мать. Найти "где" и "почему" Зла -- это долгая, непрерывная физическая операция. Была чистая вода, конечно же -- есть чистая вода жизни. Но как она стала этой Ложью и Смертью... искусственной природы, можно сказать? Иногда казалось, что Мать находила ключ и, возможно, всякий раз это действительно был ключ, но выглядело так, как если бы нужно было найти множество ключей и покрыть много точек, прежде чем придеши к центральной точке, где подходят все ключи и, возможно, все разом. Я была в гуще этой Мешанины Лжи, -- сказала мне Мать после другого из ее бесчисленных "сползаний", -- это действительно было болезненно, и я отслеживала все это вплоть до малейших вибраций, до истока, до того момента, когда Истина могла измениться в Ложь -- как это произошло. Но та деформация, та изначальная деформация столь микроскопична, почти неуловима, что ты немного теряешь отвагу и говоришь себе: как же легко я все еще могу сползти на другую сторону. Малейшая вещь, которая может заставить тебя сползти в Ложь: Деформация. И я припоминаю Шри Ауробиндо: "Заклятье деформации". Потому что действительно это подобно деформации -- да, небольшой угол преломления, и все становится искаженным, смазанным, смертным. Это как нечто клейкое вокруг тебя, липнущее к тебе везде; ты не можешь сделать и шага, ты не можешь сделать ничего, не встретив те черные и клейкие пальцы Лжи. Это дает очень печальное впечатление. А прошлой ночью это было как Ответ. Было так, как если бы я начала жить СПОСОБОМ изменения этой Лжи в Истину, и это было так радостно!... Я имею в виду, что вибрация растворения и преодоления вибрации Лжи сходна той радости. Было совершенно ясно, что ни усилие, ни прямота, ни сомнение, ни твердость, ничто из этого не оказывает никакого воздействия на ту прискорбность (это прискорбие) Лжи, это нечто столь печальное, столь БЕСПОМОЩНОЕ, столь жалкое... Ужасная скрытая беспомощность грандиозного Механизма, который опутал весь мир, как паралитик, непрерывно изобретающий новые руки и новые ноги, чтобы заменить утраченные -- он даже пытается создать улучшенный генетический код. Это печально и смешно одновременно, нелепо. И только вибрация Радости может изменить это. Это была

вибрация, которая струилась, как серебряная река. То есть, строгость, аскетизм, даже интенсивное и очень сильное стремление, вообще любая дисциплина, все это не имеет никакого эффекта -- Ложь остается на прежнем месте, позади и не шевелится. Но Ложь не может сопротивляться искрам Радости. И Мать продолжила: У меня даже было видение этого типа вибраций в клетках: эти вибрации были серебряными, искрящимися, сияющими, и все же очень устойчивыми и точными. Как можно это объяснить?... Это было противоречие Лжи в клетках. Как маленькие вспышки серебряного света.

Мы всегда возвращаемся к клеткам. Нам скажут, что радость не предрасположена к подчинению -- но это не обязательно, клетки сами являются радостью! Там есть радость, как если бы все жило вместе совершенно естественно (наконец то). Как если бы корнем существования была эта Радость и Любовь. Если бы можно было быть там, жить там, совершенно определенно, все проблемы были бы разрешены; это ясная жизнь, истинная жизнь, "жизнь божественная" -- но можно ли жить там одному? Маленькая клетка -- это как раз то, что не может быть отрезано от остального мира. Это весь мир, вся вселенная. Этот переход должен быть найден для каждого, а что провоцирует сползание в старую комнату? Чем является маленькая разграничительная линия или пограничная стена между двумя комнатами, между Деформацией и недеформированным состоянием? Мы ставим на него милый ярлык "Физический Разум"; это очень удобно, прямо как доктора говорят: это столбняк. Мать не создавала новый словарь для сверхученых завтрашнего дня. Она наощупь искала механизм. Выше, в Разуме и над ним все прекрасно -- все прекрасно. Но великая трудность состоит в том, чтобы изменить Физическое, изменить Материю. Ты чувствуешь, что прикоснулся -прикоснулся к секрету, нашел ключ -- и затем, в следующую минуту, пуф! Это больше не работает, этого недостаточно... И внезапно -- совсем внезапно [именно внезапность явления поражала Мать всякий раз], поразительный Отклик: исчезает весь беспорядок, не только внутри, но и вокруг (вокруг, иногда на значительном поле), и без малейшего усилия все автоматически выстраивается и гармонизируется и начинает двигаться в необычайно прогрессивной Гармонии. Затем, без видимой причины, без какого-либо изменения в сознании и внешних обстоятельства, прр, все возвращается к прежнему -- беспорядок, конфликт, хаос, скрипение. И давайте отметим, что это "скрипение" простиралось от маленького болезненного неврита до границ Туркестана, откуда китайцы готовили вторжение в Индию -- все это было одним единым движением; все всегда было одним движением, неким общим телом: Есть интенсивная борьба [в теле] с постоянным Отрицанием всей высшей жизни... А внешне возвращение трудностей проявляется в том, что китайцы опять обуяны завоевательской страстью -- они скапливают людей на границах. По сути, это может быть поистине очень резким конфликтом между Да и Нет, я имею в виду, между тем, что борется за то, чтобы ускорить появление новых вещей, и всем тем, что отказывается -- отказывается с нарастающим неистовством. Шел 1963 год, год в котором убили Джона Кеннеди... И поскольку мы не осознаем причины [сползания], то у нас нет ключа! Другими словами, чем дальше мы идем, чем ближе мы подходим к Цели, тем более... необъяснимым все это кажется.

И чем ближе подходила она к Цели, к механизму маленького сползания, тем более яростным становилось бешенство в ее теле, как и "снаружи" -нечто, что говорит НЕТ. Кажется, что мы всегда возвращаемся к тому нечто у истока жизни, которое явилось некой катастрофой. Нечто, что в глубинах телесной субстанции отказывается, говорит "нет" -- что хочет умереть, как если бы Смерть означала конец всем его страданиям. Блаженная недвижимость камня. Нечто неисправимо накликающее катастрофу в глубинах тела, что неустанно продлевает свой маленький спазм, свой маленький фатальный трепет, чтобы заморозить и задержать все, зафиксировать жизнь раз и навсегда в неменяемой позиции. Великий паралич Механизма. И как раз ниже (под чем?) есть радость клеток. Искрение клеток, свободное универсальное течение как серебряная маленькая река... Есть НЕТ в теле мира, и ДА чуть-чуть ниже. Два тела в одном. И что же их разделяет?

Фатальная дрожь

Мать следовала явлению "вплоть до малейших вибраций". Ее прозрачность становилась непостижимой для нас -- малейшие вибрации воспринимались с микроскопической точностью: Это как чрезвычайно чувствительный приемник, но без какой-либо реакции [все проходило через нее без малейшего намека на реакцию -- и вот как все может проходить, начиная от великой супраментальной Мощи, которую лично я чувствовал в некоем крушащем переживании, и заканчивая дуновениями воздуха, даже запахом ядерного взрыва]. Физическая реальность стала ничем иным, как полем переплетения -- и, к несчастью, также полем столкновения и конфликта -- вибраций; и это столкновение, этот конфликт является приступом некоей напасти, беспорядка и путаницы, созданной определенными вибрациями, которые по сути являются вибрациями неведения (это из-за того, что мы не знаем) и столь малыми, столь узкими, столь ограниченными -- столь грубыми. Проблема больше не видится с психологической точки зрения: есть лишь вибрации. И знание этих вибраций (не могу сказать "всецело научное", потому что это внесет ментальные представления) обладает такой мудростью! Мудрость, спокойствие и такая недвижимая уравновешенность; и совершенно свободная от любых представлений о правильном, неправильном, божественном, плохом и всем этом -- абсолютно независимая -- и чисто материальная... И Мать добавила с очаровательной улыбкой: Но гораздо чудеснее, если знаешь, что это Ты!... Возможно, современные научные умы, изучившие атомы, поймут лучше. Это то же самое понимание, как научный анализ строения Материи -всякое психологическое объяснение бессмысленно. И все проблемы (будь они психологическими, чисто материальными или химическими), все сводится буквально к этому: нет ничего, кроме вибраций (*) (* Иногда научный подход поразительным образом приводит к заключениям, похожим на восприятия Матери. Одна из последних научных теорий, или математических моделей, представляет нашу вселенную как среду, сплошь заполненную высокочастотными электромагнитными волнами -- "поле вибраций". Далее, согласно этой модели, субстанция самих планет составлена из этих волн, которые, выше определенного частотного порога, становятся "коагулированными волнами".) И есть восприятие той тотальности вибраций и того, что может быть названо, очень грубым и приблизительным образом, разницей между конструктивными и деструктивными вибрациями. Мы могли бы сказать, что (выражаясь просто), что все вибрации, приходящие из ОДНОГО и выражающие Тожество, конструктивны, а все усложнения обычного разделяющего сознания ведут к деструкции. И это может быть увидено для всего, начиная с малейшей вещи и заканчивая мировыми событиями. Я даже припоминаю, что однажды я был очень поражен замечанием Матери о ком-то, кто уронил нечто: Есть постоянная суэта, это ужасно, когда ты воспринимаешь ее, это некое маленькое дрожание, о, это ужасно!... И это ОДИНАКОВО ДЛЯ ВСЕГО: землетрясение и цунами, извержения вулканов и наводнение, либо войны, революции, люди убивают друг друга, даже не зная, почему... Та же самая вещь, та же вибрация, которая заставляют тебя споткнуться на тротуаре или спускает толпу. Так что мы действительно можем схватить Смерть в маленьком жесте -Смерть, которую она преследовала везде, каждую секунду, с момента ухода Шри Ауробиндо. Мы полностью одурачены видимостью события, кажись оно нам грандиозным или мелким. Чтобы понять хлористый натрий, химику не требуются все солончаки Америки -- достаточно щепотки соли. Щепотки смерти. Маленькой вибрации где-то. Это одно и то же.

Мать встречала эту мельчайшую деструктивную вибрацию повсюду, смешанную со всем в этой запутанной "солянке Лжи", но она была даже более восприимчива, более различима из-за своей отделенности от всех других смесей, на пороге... истинного тела, мы могли бы сказать. Узкий порог, который, возможно, представляет первичное введение разума в Материю, как раз где разум соединяется с клетками: тончайшая форма физического разума, как только он был рожден, так сказать. Некий мельчайший трепет. Я изучаю, как Материя, тело, может постоянно поддерживаться в Гармонии с божественным Присутствием, и это очень интересно: нет противопоставления как такового, есть лишь очень маленькая микроскопическая деформация. Используя слова, которые сильно

преувеличивают явление (ибо оно микроскопическое), мы могли бы назвать его спешкой, вьёвшейся в Материю (в определенный тип Материи). Нетерпение, чтобы выбраться из текущего момента и перейти к следующему моменту, и в то же время неопределенность относительно того, что принесет следующий момент; и это порождает вибрацию беспокойства... Все время я ловлю свои клетки на этом. Естественно, я реагирую, но это совсем обычное для них состояние: всегда напряжение к следующему моменту, никогда нет спокойствия текущего момента. И в результате (слова дают слишком конкретное ощущение чего-то, что довольно текуче) ощущение того, что нужно вынести и перетерпеть вещи, и спешка выбраться из этого состояния терпения, с надеждой (очень слабой и нереальной), что следующий момент будет лучше. И это так от одного момента к следующему, одного к следующему... Естественно, она говорит здесь не о некоем беспокойстве, присущем нашим разъединенным жизням, а о истоке этого: шепотке смерти. По сути, это некая спешка, чтобы покончить со всем, остановить все конфликты и немного задыхаться. Но в глубинах Материи, на том пороге, это еще более радикально: дышать немного -- это все еще беспокойство. Есть страстное желание более радикального покоя: смерти. Полная остановка: состояние камня (и даже больше). Возможно, это один из истоков НЕТ в глубинах Материи (или, в любом случае, на том пороге).

Так вот, супраментальная Вибрация обладает одним особым свойством, среди многих других... (но чем же является эта "супраментальная" Вибрация, в конце концов, если не Вибрацией истинной Материи, естественным, божественным состоянием Материи, маленькой светлой пульсацией чистых клеток, по другую сторону сети): она останавливает эту дрожь. Это необычная Вибрация в том смысле, что она объединяет два противоположных качества нашей видимой Материи: безграничность и абсолютное Движение, и абсолютную Недвижимость. И, довольно любопытно, эта Вибрация порождает другой вид времени. Вхождение в нее подобно вхождению во временную шкалу (без шкалы!), на которой прошлое, настоящее и будущее находятся вместе, так сказать, или одновременно! Действительно, это без времени. И все там. Это мгновенно. Все пространство также там, мгновенно: нет "там", нет завтра. И все же это не покоится! Это то, что несет всю вселенную на сумасшедшей скорости и не двигаясь. Это не имеет ничего общего с великим статическим Всевышним, которого находишь в "бесконечностях" сознания наверху, с закрытыми глазами: это нечто, что является одновременно необъятностью космического потока и недвижимостью "Брахмана", как говорят в Индии. И это жизнь, настоящая жизнь. Метафизика оборачивается физиологией. Это нечто, что прямо здесь, с открытыми глазами, но не проживаемое (пока что) очень легко из-за того, что мы вообще не приучены: это уничтожение нашей дрожи и всего того, что дает нам ощущение "я жив" -- в действительности, это сожжение тюрьмы. Птицы живут этим совершенно комфортно, не накладывая на это никакую философию, и вот, вероятно, почему они летят напрямик в Сибирь, которая не "где-то там", а полностью содержится в них, и которая сама вся разворачивается. Только они не знают этого. Такова клеточная жизнь: она одновременно повсюду, без деления, и это никогда не утомляет; все течет без трения. Короче говоря, все работает как в совершенной неподвижности. Мать сделала множество открытий, о которых мы поговорим позднее, что она назвала "вездесущностью клеток". И поскольку это везде, то и время, очевидно, больше не является тем же самым. Есть некая безвременность, которая порождает, или является, всеми временами. Прежде [до переживания 1962], когда тело покоилось и входило в статическое состояние чистого Существования, у меня было (или просто было) впечатление тотальной неподвижности, не знаю, как и выразиться... не как противопоставление между чем-то, что не движется и нечто, что движется, не то: это было отсутствие возможности движения [и, более того, это и давало ощущение, что вся вселенная погружается в некую иллюзию]. А теперь происходит так, что тело чувствует не только земное движение, но и вселенское движение такой грандиозной скорости, что это невоспринимаемо, это за пределами восприятия. Это так, как если бы, за пределами Бытия и Не-Бытия, было бы нечто, что не движется в пространстве, а находится одновременно за

пределами недвижности и движения, в том смысле, что его скорость делает его абсолютно невоспринимаемым для всех чувств (не говоря уж о физических чувствах), всех чувств во всех мирах. Скорость столь фантастична, это это кажется недвижным.

Мать начала переживать с большой предосторожностью это грандиозное Движение без движения, и здесь происходит нечто особенное (множество вещей, на самом деле), на этом пороге Материи: Для обычного сознания это выглядит как состояние упадка, идиотизма, комы или оцепенения -- принимает все эти видимости. Нечто, что становится неподвижным, неотзывчивым, намертво останавливается. Ты не можешь больше думать или наблюдать, или реагировать, ты не можешь сделать ни малейшей вещи... [Мать это не пугало; беда в том, что некоторые из персонажей вокруг нее все более воспринимали это как высшую форму упадка или дряхлости, или же как медленный отход от Материи, тогда как, напротив, это было погружением в самое сердце Материи.] Всевозможные мысли приходят от людей снаружи, мысли, которые приходят и пытаются нарушить это; но если мне удастся противостоять им, если я смогу удержать это состояние, то спустя некоторое время это станет столь МАССИВНЫМ, столь конкретно мощным, столь массивно недвижным, о!... это должно куда-то вести. И, в самом деле, это осторожно вело к состоянию другого вида. Все трудности в действительности являются ничем; лишь новизна для тела вызывает трудность. Для тела все новое подобно смерти: состояние, которое оно никогда не переживало прежде, следовательно, это "смерть". Все же это состояние массивной недвижности (и фантастического Движения, которое, на самом деле, направляется к той "массивности") было действительно началом состояния, которое может считаться чудесным, в котором не только были невозможны болезнь и смерть, но и исчезали утомление и износ, и наступало некое омоложение или совсем радикальная модификация (при условии, что состояние могло удерживаться) во всех ритмах старого тела и, возможно, будь достаточно времени, даже в его субстанции. То, что мы называем сном, это некая карикатура на это состояние (этот застойный, тяжелый и приковывающий сон, говорила Мать); все токсины, которые сжигаются во время сна, давая нам ощущение отдыха после 6-8 часов, автоматически и мгновенно сжигаются в том другом состоянии. И это вовсе не сон: это полностью пробужденное состояние, даже сверхпробужденное -- разнообразное и распространяющееся повсюду -- и разнообразное действие, в абсолютном покое. И мы припоминаем недвижность Шри Ауробиндо в его большом зеленом кресле. Как если бы я лежала на ковре Силы, столь быстром, что он недвижим, -- сказала Мать. И любая малейшая дрожь материального Разума замораживается там -- как если бы НЕТ Материи было бы полностью поглощено в ее абсолютном ДА, в своем Покое наконец. Но не в покое Смерти: в покое всевышней Жизни. По сути, стремление к Смерти -- это темный поиск истинной жизни, это жизнь, ищущая Жизнь. Смерть -- это карикатура вечной Жизни; смерть может быть уничтожена только во всевышней Жизни... на земле. И мы снова и снова отбрасываемся туда, пока не найдем Секрет.

Мать стучалась в дверь бесконечно малого Секрета.

Ты знаешь, ты чувствуешь себя действительно некомфортно, ты не чувствуешь себя хорошо, ты не можешь дышать, ты чувствуешь тошнотворность и беспомощность, не можешь двинуться или подумать или что-либо еще, и внезапно... ЭТО Сознание -- телесное сознание Вибрации Любви, которая составляет саму сущность творения, только секунда: все освещается, пух, прежнее ушло, все ушло! Так что ты смотришь на себя, изумленный -все ушло. Ты действительно чувствовал некомфортно -- все ушло.

Прошел через сеть.

Но старое тело или старая привычка тела удерживает свою глупую привычку долгое время: Время от времени -- два или три раза за день -- мне дается несколько минут этого. Это чудесный отдых. Но я всегда выхожу из этого (то есть, тело выходит) с некоторым беспокойством, подразумевая, что тело говорит: "О! Я позабыло жить." Очень странно. Это длится лишь секунду, но одну секунду беспокойства: О! Я позабыло жить -- и вся комедия разыгрывается снова. Маленькая смертная дрожь, которая дает телу ощущение "я живу".

Снова падаешь в свою тюрьму. Эта маленькая дрожь, возможно, есть то, что помогло Материи пробудиться к жизни -- к катастрофе жизни. Но я полагаю, что это только катастрофа индивидуальной жизни, заключенной в индивидуальное тело, в котором Вибрация не может течь, в котором мы зажаты в ложное время, которое является ложным пространством, разделенным дистанциями не-я. Именно "я" порождает дистанции, поскольку оно помещает все вне себя. Это жизнь удаленная, поделенная, разделенная, без дыхания -- обдирающая, смертная.

Лишь мелкая дрожь на пороге.

Но вместо того, чтобы опускаться до духовной иллюзии вселенной, мы приходим к ошеломляющей Истине вселенной. Вместо космического бегства мы раскрываем космический приход в новую жизнь, новое пространство, в само сердце Материи и в абсолютный покой, абсолютное расширение, абсолютное знание маленькой вездесущей клетки.

Другая Жизнь в жизни, как раз за маленькой смертной дрожью.

Другой вид за сетью.

XIX. ЛОЖНАЯ МАТЕРИЯ

Болезнь Земли

Мать переживала этот переход из одной "комнаты" в другую или из одного времени в другое (или, скорее, из не-времени в болезненный период времени) минуту за минутой и в наиболее ужасных условиях -- но, вероятно, "ужасные" -- это только реакция нашей человеческой сентиментальности, а условия были в точности таковы, какими они и должны были быть для выполнения задачи. Мы всегда в наилучших условиях, какие только возможны -- только настоящая история ускользает от нас, и мы боремся с трудностью, которая на самом деле является нашей великой тайной Дверью. Она выигрывала не-время посреди ужасного времени и, определенно, не в блаженных медитациях маленького ржавеющего Ашрама. Новая жизнь, несомненно, в жизни. Она думала, что "болезнь" 1962 предназначалась для того, чтобы освободить ее от "инфернальной" жизни, которую она вела на нижнем этаже: ее жизнь стала в тысячу раз более адской. Вместо того, чтобы "проблема" была рассосредоточена по определенному физическому пространству с коридорами, дверьми и комнатами, все теперь сконцентрировалось в единственной комнате без выхода, кроме как ванной комнаты, которая служила переходом в маленькую "музыкальную комнату", где она принимала визитеров... и временами, склонясь над клавишами, глаза закрыты, немного раскачиваясь на своем стуле, она отдавала себя органу, и мы слушали странную музыку, подобную ванне души, как если бы вы бежали через невесомое пространство, нечто, что говорило с вами столь глубоко внутри, что это было подобно распознаванию хорошо известной Страны, где вы жили тысячу раз и где вы струились как маленькая река -- вы могли струиться там навсегда. И все было сказано. Все было сделано, там. Возможно, это было не-время. Мы ищем вещи где-то далеко, но все здесь. Возможно, это была музыка нового мира, да, этот серебряный свет, сверкающий как световая пульсация клеток, освобожденных от их тернистого покрытия. Но даже музыкальная комната вскоре закроется, и вся проблема будет безжалостно сконцентрирована в пространстве 300 квадратных футов - - не было выхода! Можно было бы уйти внутрь, но внутри больше не было "внутренним", поскольку с закрытыми глазами она чувствовала себя ничуть не лучше, чем с открытыми: Когда люди оставляют мое тело в покое физически, они не оставляют его в покое внутренне! Поистине, другой способ бытия в жизни. По 200 человек в день, с которыми ей приходилось встречаться до 1973 года, за исключением тех периодов, когда маятник отклонялся слишком далеко, и тело проходило через смерть, как в 1968 году, во время второй великой Поворотной Точки. Невероятная и немыслимая жизнь для любого человеческого существа, даже в расцвете его сил. Они имеют ПРАВО приходить -- а у меня ОБЯЗАННОСТЬ видеть их. А когда я говорю, что у меня нет времени, они возмущены. Что за комедия, знаешь ли! И эта комедия тянется с 1929 года... О Йоге не может быть и речи: это за тысячи миль от их сознания! Множество слов исходят из их рта, но это только слова. Все же, если бы я не была

в этих особенных условиях, то многие вещи были бы упущены, многие. Множество вещей не было бы сделано. Есть всевозможные вибрации, которые никак не сродни этому агрегату [Мать указывает на собственное тело], у которых не было бы случая прикоснуться к трансформирующей Силе, не находишь я в контакте с каждым.

Ведь это не тюрьма какого-то частного существа, это тюрьма мира. Чем ближе подходила она к центру проблемы, тем более глобальной казалась эта проблема. Высоко вверху, в космических просторах, можно найти индивидуальную свободу (или иллюзию свободы), но здесь, в Материи, проблема до крайности ЕДИНА. И то, что кажется колоссальной невозможностью, является, вероятно, самым знаком потрясающей простоты -- только кто-то должен найти проход, спусковой крючок... маятниковый рычаг всего мира. Она проходила через это явление шаг за шагом: Случаются всевозможные вещи; например, я наблюдала такое: вспыхивает болезнь или расстройство, скажем, уступает группа клеток; по той или иной причине они подчиняются расстройству -- они повинуются расстройству -- и определенная ТОЧКА становится "больной"; но это вторжение Расстройства оказывает свое воздействие повсюду, оно везде имеет последствия: оно проявляется, если есть более слабая или менее сопротивляющаяся точка. Возьмем, к примеру, кого-то, кто обычно подхватывает головную боль, простуду или у кого болят зубы, что угодно, любые такие болячки, которые приходят и уходят, нарастают и спадают. Если есть где-то серьезная атака Расстройства, то все эти маленькие неприятности немедленно возникают, здесь, там, повсюду... А противоположное движение идет по тому же образцу: если ты преуспел в том, чтобы принести истинную Вибрацию -- Вибрацию Порядка и Гармонии -к атакованной точке и остановить там Расстройство... тогда все прочие вещи возвращаются в свою русло, как бы автоматически. Я говорю здесь о клетках тела, но то же самое применимо ко всем внешним событиям и даже к мировым событиям. То же самое относится и к землетрясениям, извержениям вулканов и т.д. ... Кажется, что вся эта земля как одно тело, то есть, если одна точка уступает и проявляет Расстройство, тогда равным образом затрагиваются все чувствительные точки. С человеческой точки зрения, распространение вибрации в толпе -- особенно вибрации беспорядка (но и других тоже) -- совершенно ясно. И это абсолютно конкретное доказательство Тождества. Очень интересно. Сотни раз я наблюдала это явление с точки зрения клеток тела. У тебя больше нет того ментального впечатления, что одно расстройство добавляется к другому, усложняя таким образом всю проблему -- это вовсе не так, это... если ты коснешься центра, тогда остальное естественно вернется в норму. Абсолютно конкретное доказательство Тождества. И можно ухватить ключ именно через это знание Тождества. Можно удивляться, например, как это одно действие человека или его мысль может снова правильно выстроить вещи -- как раз этим вот образом. Это не так, что нужно думать обо всех нарушенных точках, нет: следует коснуться центра.

И болезнь земли будет вылечена.

Тонкая мембрана

Все больше и больше возникало такое чувство, что этот "центр" был там, на пороге клеток, при переходе из одного состояния в другое: Естественно, когда ты начинаешь думать обо всех уровнях и вселенских планах сознания, а о Нем как о находящемся где-то там далеко наверху, в самом конце всего этого, тогда это действительно становится очень, очень удаленным! - сказала она, смеясь. Но когда ты думаешь, что Он во всех вещах, что Он повсюду, Он во всем, и лишь наше восприятие препятствует нам видеть и чувствовать Его, тогда как нам нужно сделать лишь это [и Мать немного наклоняет свою руку сначала в одном направлении, затем в другом], это очень конкретное движение: ты делаешь это, и все становится искусственным, тяжелым, сухим, ложным, обманчивым; ты делаешь то [Мать наклоняет руку], и все становится необъятным, спокойным, светлым, мирным, грандиозным, радостным. И требуется лишь это или то. Как? Где? Это невозможно описать, но это только - только -- движение сознания, ничего более. И разница между истинным сознанием и ложным сознанием становится все более и более... точной и ТОНКОЙ в то же время -- нет "больших вещей", которые следует делать, чтобы выбраться из этого. Прежде [до 1962], я

чувствовала, что жила в нечто, и что требовалась большая интериоризация, концентрация и поглощенность, чтобы избавиться от этого; но теперь чувство таково: это нечто, что приемишь, что подобно тонкой маленькой мембране, очень тяжелой (очень тяжелой, но податливой), но очень, очень сухой и тонкой -- очень тонкой -- нечто, подобное маске, которую ты нацепляешь -- а когда ты делаешь это [Мать наклоняет свои руки], оно исчезает... Можно предвидеть время, когда больше не будет нужно осознавать эту маску. Но в этом все и дело! Нечто в нас осознает неправильный путь: это осознание приводит к тому, что подхватываешь болезнь, ложь, беспорядок или смерть -- и без единого микроба! Микроба сознания или микроскопического сознания, нечто очень микроскопического и очень тонкого, но прилипчивого. И Мать добавила: Это станет столь тонким, что мы сможем увидеть это, чувствовать и действовать через него, без необходимости нацеплять маску. Вот что начинает происходить.

Эта "маска" на восприятии, эта маленькая мембрана, является чрезвычайно интересным явлением с невероятными ответвлениями. Вы чувствуете, что касаетесь удушения мира именно там, и для этого не требуется многого: достаточно лишь маленькой щепотки. Мать годы будет иметь дело с этой щепоткой, чтобы найти механизм. Некое обращение сознания, которое обращает все материальные условия, и, на самом деле, обращает всю обусловленность человеческого вида. Переходишь в "комнату" нового вида. Только не нужно сбиваться с толку величиим: это явление должно быть искорено в малейшей вибрации, в корне. Каждый день она проводила эту операцию снова и снова с маленькими персонажами вокруг нее. Например, в этом истинном Сознании (что Шри Ауробиндо называл Истиной-Сознанием, а Мать иногда называла, на манер Риш Вед, Прямым Сознанием, ритам, потому что там все просто, прямо, непосредственно, всемогуще, действительно то, чем и является на самом деле, то есть, всемогущая простота безо всякого мыслительного процесса, она автоматическая и автоматически верная), в этом Прямом Сознании, она говорила ученику: пойд и скажи тому-то то-то, чтобы получить такую-то и такую-то вещь. Если ученик совершенно прозрачен, если ничто не движется или вопрошает в его сознании, он идет, произносит слова, и все делается мгновенно, очень просто. Если же у человека активное ментальное сознание, -- сказала Мать, -- тогда он видит трудности, видит проблемы, которые нужно решить, видит все сложности -- и, естественно, все это и происходит. И поэтому, в зависимости от пропорции (все всегда -- вопрос пропорции), это действительно создает сложности, или же требуется некоторое время, все отсрочивается или, немного хуже, искажается, происходит не в точности так, как это должно было быть, или же, наконец, это вовсе не происходит -- есть много, много степеней, но все они принадлежат области усложнений (ментальных сложностей) и желания. Тогда как другой путь прямой. Так что люди говорят: О, да ты сделала чудо! -- никаких чудес и не было: так и должно быть всегда. Просто посредник ни прибавил себя к Действию. Птица не добавляет себя к Действию, и идет прямо к своей невиденной цели; есть "я", которое добавляет себя, и все мгновенно идет по боку или становится искореженным -- ментальное "я". Мембрана. Мембрана, которая видит всевозможные осложнения: маска над прямым восприятием, которое одновременно является действием и мощью делать воспринимаемое -- воспринимать означает быть способным автоматически делать то, что воспринимаешь. Это можно распространить даже на земное действие. Есть случаи, в масштабе земли, когда вещи проделываются таким же образом: никто не понимает, как они были сделаны или почему -- просто так, очень просто, совершенно просто, все устраивается само собой (*). (* Есть поразительный пример первой атаки китайцев на Индию в сентябре 1962 года. В то время как индийские войска потеряли свой плацдарм к северу от Ассама, и китайцы были готовы ринуться в долину, не встречая никакого сопротивления, они внезапно прекратили свое наступление, как бы замерев на месте, и сами заявили о прекращении огня 21 ноября. Никто не понял, почему.) А в других случаях, просто чтобы получить простую визу или разрешение, тебе нужно свернуть горы! Так что, начиная с малейшей вещи, малейшего физического дискомфорта, и прямо до самого широкого мирового действия, действует

всегда один и тот же принцип, все сводится к нему.

Прямая вибрация, искаженная вибрация. Действие искажается, проходя через мембрану, как если бы оно входило в другую, деформирующую среду. Это то, что я прежде называл "аквариумом". Это как тонкая кожица трудностей, усложнений ДОБАВЛЯЕТСЯ человеческим сознанием. И это напомнило мне о "большом брате", который так хотел "упростить" переход через реку, изобретая некую фантастическую лодку, тогда как достаточно было сказать "я хочу". У животных этого нет, -- добавила Мать, -- это нечто, свойственное человеку и ментальным формациям, и это нечто очень тонкое: столь же тонкое, как шелуха лука и столь же сухое -- и все же оно портит все. Глупая луковичная шелуха человеческой ментальности. Они как шелуха лука, все трудности подобны луковичной шелухе. Луковичная шелуха ужасно тонкая, ты знаешь, но ничто не проходит сквозь нее.

Все изменение мира лежит в том микроскопическом переходе, когда Луч внезапно искажается. И не нужно делать "больших вещей", чтобы избавиться от этого. Но это должно быть сделано на клеточном уровне, как раз там, где Разум опутал Материю. Теперь же, чем ближе подходила Мать к клеточному уровню, тем больше она открывала микроскопическую грандиозность, если можно так сказать, или микроскопическую универсальность проблемы, действительно очень маленькое универсальное ничто: Все материальное творение опутано паутиной -- паутиной, которую можно было бы назвать катастрофической -- дурной воли. Иначе говоря, некая сеть. [В первый раз Мать использовала это слово восемью годами раньше.] Да, пораженческая сеть -пораженческая, катастрофическая -- в которой все, что ты пытаешься сделать, проваливается, которая содержит любой возможный несчастный случай и дурную волю. Это как сеть. И тело учится выбираться из нее. Это как бы смешано с Силой материализации и выражения, нечто, что смешивается с материальным творением. И тело учится освобождаться от этого. Но это очень трудно, очень трудно. Это причина болезни, причина несчастных случаев -это причина всех разрушительных вещей. И эта сеть там все время, все время, опутывая всю землю таким вот образом.

Маленькая глупая и смертная шелуха, опутывающая всю землю. Темная эпидерма, которая отделяет материальный уровень (что мы знаем и называем "Материей") от клеточного уровня.

И, наконец, какую это среду мы называем "Материей"?

Может ли одно тело уничтожить сеть для всего тела земли -- и возможно ли это без коллективной травмы?

Иллюзионизм наоборот

До 1968 года Мать переживала странный период, в котором она брела наощупь между двумя мирами в поисках нового вида или нового типа, со всеми головокружениями, которые следуют из того, что оставлен "твердый" мир ради нового мира, чьи законы она еще не очень хорошо знала. Но что мы называем "твердостью", если не кристаллизованную привычку? Для рыбы вода совершенно тверда. Мир есть ни что иное, как громадная привычка. Следовательно, будет точнее говорить об изменении среды. Вы не изобретаете среду: она есть и была извечно. Это вечная среда, в которой мы живем с разными привычками, водными или земляными, но та вода и та почва -это просто различные способы касания и видения при помощи определенного сознания, которое все продолжает расти, и по мере своего роста прорывается через границы своей теперешней среды и постепенно начинает касаться, видеть и жить другим образом. Это всегда более чистое или более тотальное открытие вечной Среды: законы -- это временные маленькие костыли, привычки в пути. Именно постепенное открытие великого Закона расставляет вдоль пути все маленькие законы. Эволюция -- это сознательное открытие великой Среды и великого Закона: тысячи и миллионы маленьких составных частей, каждая из которых открывает чудо великого Всего, которым они являются. Человек -- это индивидуализированный переход от великой тотальности, не осознающей себя, лишенной само-рефлексии, можно было бы сказать, как птицы и все маленькие создания, к великой тотальности, сознающей свою множественность в единстве: возвращение к великой Естественности мира, от которой человек отрезал себя,

чтобы развить это маленькое рефлекслирующее или рефлексивное приспособление. Это болезненный экран -- наш великий "космический несчастный случай" или так называемое падение из земного рая. Но земной рай как раз здесь; нам не нужны небеса, нам требуется лишь снова найти великое Сознание, истинную Среду, тотальный Закон. Нам нужно снова найти, чем мы являемся. Наша великая боль -- это не быть тем, чем мы являемся, нет ничего другого. Тогда все маленькие кристаллизированные привычки исчезнут в великом, счастливом Ритме, непосредственном Знании, Мощи стать тем, что мы видим. Это великий переход от искаженного сознания в искаженной индивидуальной среде к Прямому Сознанию, Точному Сознанию, Истине-Сознанию, которое мы можем назвать Божественным или Господом или всем, чем пожелаем -- важно отведать ее.

Действительно, это можно попробовать: Было так, как если бы я была погружена в ванну Всевышней Любви. [Для тела это подобно ванне, это не сентимент.] И это некая гомогенная и недвижная вибрирующая масса, с бесподобной интенсивностью вибрации, которая может транслироваться как теплый, золотой свет. И это одновременно повсюду, везде одинаково, без изменения или чередования высокого и низкого, с неварьирующейся интенсивностью ощущения. И это "нечто" есть как абсолютная неподвижность, так и абсолютная вибрационная интенсивность. И Это... любит. Нет "Господа" и "вещей"; нет "субъекта" и "объекта". И То любит. Как описать, чем То является?... Это невозможно. Оно любит везде и все, все время, в одно и то же время. Раз уж ты пережил То, то бесповоротно осознаешь, что все целиком и полностью зависит от индивидуального восприятия, а индивидуальное восприятие, в свою очередь, зависит от недостатка, инерции, непонимания, неспособности клеток схватить и удержать Вибрацию, другими словами, от того, что человек называет своим "характером" и что вытекает из его животной эволюции. Но Он, Он здесь; Он здесь, здесь! Он постоянно -- Он ЕСТЬ постоянство. Постоянство, которое искал Будда, находится здесь. Будда заявлял, что его нужно искать в Нирване -- но оно здесь, в Любви. Это здесь, здесь, здесь -- прямо здесь. Но сами вещи не могут почувствовать больше, чем они могут выдержать. Это завтрашний или послезавтрашний мир. Неизменное великолепие... Не знаю, сменится ли этот мир (я говорю не просто о земле, а о теперешней вселенной), сменится ли этот мир другим, или будет длиться тот же самый, или же... но То, о чем я говорю и что я называю Любовью, является Мастером этого мира. В тот день, когда земля (потому что нам было обещано, и это не пустое обещание), когда земля проявит То, настанет великолепие... Довольно странно: витальный мир потрясающе пышный, ментальный мир обладает своим блеском, мир богов (это реальные существа, которых я хорошо знаю) действительно очень прекрасен; но, представь себе, с тех пор, как я имела этот Контакт, все то кажется пустым -- кажется пустым и... утратившим нечто существенное. И эта сущностная вещь заложена в принципе земли, здесь.

Это переживание тела, клеток.

Кого обезьяны называют "Богом"? Вероятно, молнию, гром... нечто очень естественное и материальное. То, что мы называем "Богом", возможно, еще более естественное и материальное -- и менее глупое -- чем воображает наш Ментальный Век. О Аристофаны вселенной,... - сказал Шри Ауробиндо.

Но переход к великому Сознанию, к истинной и тотальной Среде, действительно является "неожиданным" для животного тела, которое видит, как крошатся его старые привычки, и которое время от времени вступает в совершенно незаконное Чудо: это не философия, вы понимаете, это физиология. Только не всегда легко учить другую физиологию. Мать учила физиологию нового вида, но она учила его "наоборот", так сказать: не то, чем на самом деле являешься, а чем становишься, утратив свои старые привычки. Вероятно, лишь в конце, когда будут утрачены все привычки, мы скажем: О, так вот что это такое! Когда не останется ничего, кроме Того. Одним словом, она шаг за шагом раскрывала иллюзорную ложь (или временную истину) старых привычек человеческой среды; она расставалась со всеми законами. Интереснейший предмет для учеников Ньютона, Лавуазье, Клода-Бернарда, Нильса Бора и всех остальных, кто систематизировал весь наш священный

или проклятый багаж трюков. У меня очень сильное чувство, что нам предлагается выучить нечто. Это очень сильно. И я не знаю, что это. Это нечто подобное... тайне функционирования. Мне всегда показывается, через маленькие происшествия наподобие этого, что та процедура, которую мы постигает или понимаем или выучили, ложна, она не соответствует реальности, и нам предлагается найти, открыть -- но открыть В ЖИЗНИ -- истинный процесс Манифестации (*) (* Шри Ауробиндо и Мать предпочитали использовать слово "манифестация" вместо "творение". Это не нечто фиксированное, выдвинутое неким божественным властелином, а "нечто", что находится здесь и все больше и больше проявляется.), все "как" и "почему". И в этом состоянии сознания я постоянно пребываю. Как если бы я проталкивалась и проталкивалась...

Действительно, она пробивалась через стену тюрьмы или ячейки сети, и всякий раз эта сеть или тюрьма немного уступала, казалось, как если бы все легальные или, по крайней мере, разумные законы, улетучивались -микроскопическое испарение, маленькая щепотка "чуда". Так что вопрос становился очень точным: что такое "Материя", в конце концов? Ведь на самом деле мы вообще не знаем, чем является Материя, потому что мы полностью погружены в нее, телом и душой. Рыба ничего не может понять относительно своей воды, кроме того, что в ней хорошо плавать. Но здесь это еще более радикально, поскольку это не как рыба, выходящая из одной формы Материи, чтобы войти в другую, даже летающую, форму Материи, это... нечто иное. Да, другая Среда, которая, можно сказать, является настоящей составляющей всех возможных форм Материи, и для которой то, что мы именуем "Материей", несомненно, нечто иное; и все же эта Среда материальна: в конце концов, у Матери было такое же тело, как и у всех других, она же не была чистым духом! И именно это материальное тело начало по-другому воспринимать свою материальность. Внезапно, или постепенно, она открывала некий иллюзионизм, который не был Буддистским: он был клеточным. То, что другие открывали на вершине сознания, оставляя вселенную в ее печальной иллюзии или в "юдоли слез", она открывала в своем теле -- но с лежащей в основании экстраординарной Реальностью, мы могли бы сказать, с совершенно другой разновидностью "Материи". И это не было нечто "под" или "позади" нашей материальной иллюзии; нет, это внутри, в самом центре "иллюзии", это та же самая вещь, та же Материя, но другая. Как если бы все виделось и проживалось с ложными глазами и неправильными чувствами. Наложение лжи на настоящий факт, -- сказала она. То, что мы видим, не является ЭТОЙ вещью: это лишь отражение, образ, искаженный в нашем сознании. Но вещь СУЩЕСТВУЕТ САМА ПО СЕБЕ, отдельно от нашей рефлексии; и в своей настоящей природе она не имеет того характера, который мы ей приписываем.

Это странно: некий конкретный иллюзионизм -- иллюзионизм наоборот. Когда исчезает мираж в пустыне, человек, умирающий от жажды, видит, как растворяется в песках его золотой город: не было города. Здесь же мираж исчезает и остается город! Именно мираж мешал нам видеть прекрасный золотой город.

Так что вот мы где, в пустыне, в поисках настоящего города людей -ища, возможно, нашу истинную реальность.

Чтобы начать прикасаться к другой вещи, надо иметь большую жажду в другой вещи. Следует проталкиваться, пробиваться через ячейки сети.

Тонкая мембрана лжи, которую следует сбросить.

И явится настоящее функционирование мира.

Вертикальное время

Трудно сказать, какие из тех тысяч переживаний или воздействий действительно значимы, потому что все они имеют значение для нечто, что мы не знаем. Адженда -- это проверяемые лабораторные записи, и я думаю о тех металлургах, которые выкидывали в лабораторный двор свои бесполезные образцы, пока однажды, посреди груды ржавеющего металла один из них не заметил сверкающий образец, без следа ржавчины: это была нержавеющая сталь. Все наши настоящие открытия случайны, смею это сказать, потому что мы не знаем, что следует открыть. Я молюсь Матери, что она не позволит нам выбросить

Эльдорадо за борт, подумав, что это еще один кусок бесполезного леса. И, в самом деле, Мать делала в чем-то аналогичное открытие: она открывала неоткрытие, как всегда.

Нечто еще неуловимое проскользнуло в нее вместе с тем изменением времени или состоянием "массивной неживимости", которое, как казалось, имело странные свойства: другая Вибрация, которую она назвала Прямой Вибрацией или Вибрацией Всевышней Любви или... Другой способ бытия жизни. На каком бы ни было уровне, всегда есть цель. Мы сами говорим о "супраментальной реализации". Но совсем недавно, не знаю, как это произошло, но нечто завладело мной с восприятием того, что Всевышний есть все, везде, делает все -- что было, что есть, что будет, все, что происходит, все, действительно все. И затем внезапно возникло некое... (не мысль, не ощущение, это было больше, чем состояние): нереальность цели. Не нереальность: бесполезность. Даже не бесполезность: несуществование цели. И даже вся оставшаяся воля в теле, пройти через Переживание, даже это ушло! Это нечто... не знаю. Как пружина, которая существовала раньше и имела свою цель (и вот почему она оставалась здесь): делай это, чтобы достичь того, и это приведет к тому (даже тоньше этого), и совсем внезапно пружины не стало, потому что она стала бесполезной. Теперь же есть некая абсолютность каждой секунды, в каждой секунде и в каждом движении, от наиболее тонкого и духовного движения до самого материального. Исчезло ощущение сцепления. Исчезла связь: это не "причина" того, и это не делается "для" того -- ты не идешь "туда". Все это кажется... Возможно, так видит Всевышний? Возможно, это всевышнее восприятие -- абсолют. Многообразный и вечный и одновременный абсолют... Как те пульсации в переживании двухлетней давности [1962], пульсации Любви, которые взорвались и сотворили мир. Они следовали одна за другой, но не имели связи причины и следствия: каждая пульсация не являлась результатом предыдущей или причиной следующей -- вовсе нет -- каждая была целым в себе. Каждое мгновение Господа полно в себе... Ушло ощущение соединения, ощущение причины и следствия -- все это принадлежит миру пространства и времени. Каждое... (каждое что? Что есть "то"? Ты не можешь назвать это "движением" или "состоянием сознания", ты не можешь сказать "вибрация", все это все еще принадлежит нашему способу восприятия -- так что ты говоришь "вещь": вещь не означает что-либо конкретное), каждая "вещь" в себе несет свой абсолютный закон.

Что означает, что исчезло все, что составляет основание и ощущение связи наших законов Материи. Наши "законы" -- это выводимые следствия, базирующиеся на повторении одного и того же явления: но нет такой вещи, как то же самое явление! Есть извечно новое явление. Каждая "секунда" [если мы говорим о секундах] имеет свой собственный закон. Но тогда это чудесная вселенная! Каждая секунда новая! Каждая секунда свободная! Нет того, что "завтра мне исполнится 89 лет": мне ноль лет каждое "мгновение"! Нет того, что "я должен вынести туберкулез в следующие четыре года": я вылечился от туберкулеза, еще не заболев им, или в тот самый момент, когда заразился им: его просто не существует. Все болезни -- это болезни времени. Наше время очень болезненно.

Как говорит Мать, Решение предшествует проблеме.

Это, эта разновидность связи [горизонтальная] не существует. Вместо этого есть [и Мать сделала вертикальный жест]... Нечто, что не имеет ни причины, ни следствия, ни расширения ни намерения -- намерения чего! Нет ничего, что "нужно сделать"! Это так [и Мать сделала тот же вертикальный жест].

Вертикальное время.

Но самое важное это то, что это переживание является переживанием тела, сознания тела -- если бы оно происходило в разуме, то Разум легко смог бы нескончаемо ходить кругами в вечном безвременьи, а время бы здесь продолжало неумолимо отсчитывать свои 89 лет + 1 день + 2 дня + могила. Но если тело чувствует это, живет этим...? Вероятно, таким было значение этого переживания. Тело должно жить этим непрерывно без того, чтобы "скатываться" из одной комнаты в другую, от одного состояния к другому, от прямой вибрации к искаженной вибрации, от безвременного времени к болезненному времени. Потому что, очевидно, если тело, если Материя может жить этим... это "путает все карты".

Мать начала "путаться" все больше и больше -- и, довольно странно (или нет), земля начала "путаться" вместе с ней. Человеческие существа, - сказала она дальше, всегда делают что-то РАДИ чего-то, с целью, причиной, мотивом; даже духовная жизнь, даже духовное усилие -- ДЛЯ прогресса индивидуального сознания, ЧТОБЫ достичь истины, чтобы... это вибрация всегда тянет за собою хвост -- хвост, выходящий на передний план. Но эти клетки осознали, что если они преуспеют в том, чтобы иметь вибрацию без хвоста, то сила возрастет в десять раз -- "в десять раз" по самым скромным оценкам! Иногда разница фантастическая.

И в этом "вертикальном времени" Мать начала быть очень "скользкой" или странной -- текучей. Вот где Адженда начинает оборачиваться магическим лесом. Но микроскопически магическим, или, скорее, это обращение магии: как если бы грандиозное Злое Заклятье растворялось бы, поминутно. Это не "чудеса" происходят, это Злое Заклятье исчезает, в той или иной точке. И поэтому вещи становятся чудесными совершенно естественным образом. Нечего "делать", лишь быть... естественно. Только наше тело вовсе не естественно, вот в чем проблема. Быть Тем: когда вы ТО, все меняется, не субъективно, а объективно, материально. Именно эти микроскопические явления, десятками и сотнями, день за днем, составляют лес с невероятными безднами света, и попадающимися иногда смущающими знаками вопроса. Ведь эти маленькие "щепотки" чуда или прорывы в Злом Заклятии происходят в теле, вы понимаете... но тело означает множество людей, возможно, целый мир. Та что?... Это великая Сеть. Растворить сеть мира? Возможно, как раз это Мать искала в тот день, когда ее глаза были закрыты, а она сама немного склонилась, рука ее была прижата ко рту, а я сидел возле ее ног на толстом золотом ковре; внезапно она взглянула на меня или через меня с грандиозным взглядом голубой бесконечности, какими были глаза Шри Ауробиндо к самому концу, и она начала говорить по-английски (Так что очень часто я слышал речь Шри Ауробиндо), это были слова Шри Ауробиндо: Через некоторое время я скажу... [долгое время Мать сидела, уставившись перед собой, возможно, на огненное дерево с его желтыми цветами перед ее открытым окном] что в точности подразумевается под нереальностью этой кажущейся материи. Затем, после одного из тех длительных молчаний, которые казались столь вещественно сделанными из бесконечности, как если бы бесконечность действительно была бы здесь, в самом качестве воздуха, но такого легкого воздуха, она добавила по-французски: У меня такое чувство... что я на пороге того, чтобы найти ключ (ключ или метод, не знаю, как выразиться, все эти слова -- вульгаризация), нечто, которое, если вы им обладаете и не находитесь полностью на верной стороне... в одну секунду может вызвать катастрофу. И вот почему интегральная подготовка сознания должна идти рука об руку с восприятием этой Мощи. И есть такая тонкая разница... кажется, что малейшее неверное движение, почти неуловимое, может вызвать катастрофу. Какую катастрофу? Не знаю... возможно, растворение мира.

Растворение мира или Сети? Наша кажущаяся Материя делается нереальной? Развувалированная Настоящая Материя?

И здесь ты и находишься, как бы стоя на невидимой пограничной линии, с экстраординарной и всемогущей Мощью, которая дает тебе возможность знать и препятствует знанию в то же самое время, с чрезвычайно маленькой тонкостью движения, так что ничто не произойдет слишком рано -то есть, не прежде, чем ВСЕ будет готово.

Шел 1967 год, год первой арабо-израильской войны и первого термоядерного взрыва, произведенного Китаем.

Кажется, что мы у центра проблемы.

Есть лишь одно единственное тело.

Растворение Лжи

Чем дальше продвигалась Мать, тем ближе, как казалось, она приближалась к нечто очень простому и в то же время очень загадочному, нечто, что казалось невозможно... простым. Возможно, вселенная есть ни что иное, как легкая всевышняя невозможность -- должно быть она, несомненно, очень легка для "некто" или неким путем, хотя этот путь еще нужно открыть. Например, сползание в "другую комнату": Мать открывала, что это не была

на самом деле другая комната! Здесь также нечто было упрощено, придвинуто ближе, как если бы стены невозможности были бы только в нашем сознании или в нашем способе видения. Тождество просто; всякий раз, когда нечто кажется нам "другим" или "отличным от" или "вне" или даже "не частью того", мы сбиты с толку, потому что все есть То, непосредственно -- только мы неправильно видим, неправильно живем или неправильно чувствуем. В определенном состоянии, состоянии, связанном с Тем, в сущностном состоянии все гармонично и живо с улыбающимся, счастливым миром, а как только... это ничто, ты знаешь, просто введение в атмосферу чего-то диссонирующего -- ничто -- это ощущается как что-то чрезвычайно острое и болезненное. Каждый дает свое собственное объяснение; некоторые говорят, что это падение из Истины в Ложь, другие называют это падением из Света в Тьму, третьи -- падением из Ананды в страдание, остальные... [доктора назовут это болезнью]. Каждый навешивает свое объяснение, но это нечто... У меня нет слов для описания этого, но тело чувствует это, ощущает это очень остро, и оно видит, что в конце этой линии, как следствие, дезинтеграция. И все усилие тела направлено к тому, чтобы восстановить ту внутреннюю Гармонию, состояние, в котором все становится гармоничным, все -- хотя, в их видимости, вещи не сдвинулись! И все же одним способом они чудесны, другим -- отвратительны. И контраст между этими двумя позициями становится все более и более выраженным, с минуты на минуту: в один момент все божественно, в следующий все отвратительно -- это одна и та же вещь. Но это не имеет ничего общего с мыслью или даже ощущением, это чисто материальное [здесь Мать коснулась своего тела]; это разница между прогрессирующей и непрерывающейся Гармонией, которой вовсе нет причины останавливаться, "нечто", нечто столь естественное, такое естественное и... в созвучии с ритмом вечности -- одним словом, То; и внезапно ты падаешь назад в... ТУ ЖЕ САМУЮ ВЕЩЬ. Все то же самое, и все противоположное. Настолько, что у меня ощущение -- материальное ощущение -- совершенной Гармонии, которая может стать, в сознании, серьезной болезнью!

Вы проваливаетесь в ту же самую комнату. Та же самая комната, отделенная чем? Есть лишь разница в сознании или в восприятии, в котором на самом деле нет ничего субъективного, оно очень "конкретное", поскольку в одном случае наступает смерть и конец, а в другом -- непрерывающаяся Гармония. Действительно, жизнь и смерть в то же самое время, в той же самой комнате. Восприятие смерти, восприятие жизни, и это не означает воспринимать нечто, что является смертью: само восприятие есть смерть.

И это другое "состояние" даже не является состоянием сознания: Это СПОСОБ БЫТИЯ, даже не "состояние сознания", потому что это подразумевает, что ты осознаешь "нечто"; это не так, это способ бытия. И этот способ бытия есть то, что выражается в человеческом сознании путем: "О, Божественное!" -- путем противопоставления. Это совершенно естественный, спонтанный способ бытия. В конечном итоге, Божественное является самой естественной вещью в мире. Вот почему мы не видим ее, пока к ней не прибавится некоторая доза философской и религиозной лжи. Но как То стало этим? Как То исказилось?... Все время я иду от одного к другому, от одного к другому, все время [и Мать сделала очень маленькое и непрерывное движение в воздухе туда-назад], как если бы училась -- училась, как То является этим: механизм.

Гармония, становящаяся фатальной болезнью? Без сомнения, мы стоим на границе определенной иллюзии. Ужасающе конкретной иллюзии. Как сказала Мать со своим неизменным юмором: Поди скажи кому-нибудь, мучающемуся желудком, что его боль -- иллюзия! Как можем мы развеять иллюзию боли и смерти? - вот в чем вопрос.

И кто этот иллюзионист?

Переживание продолжалось, неисчислимыми путями, микроскопически, не только в ней, но и во всех больных маленьких образчиках вокруг нее. Внезапно, в течение двух-трех секунд кажется, что ты ухватил ключ. Тогда все, что мы обычно называем "чудесами", кажется самой простой вещью в мире. "Посмотри, это совсем просто, нужно сделать лишь это!" И затем... это исчезает. А когда оно ушло, ты ищешь, ты пытаешься -- совершенно

бесполезно. Когда это здесь, оно так просто и естественно! И совершенно всемогуще... Например, возьмем такую вещь, как сила исцеления -- но это вовсе не то, что мы обычно о ней думаем, совсем не то, это не "лечение", ты понимаешь? Это... расстановка всего по своим местам. Нет, это даже не это... Исчезает маленькое нечто, и это маленькое нечто есть... в сущности Ложь. Очень странно. По сути, именно это дает обычному человеческому сознанию ощущения реальности. Как раз это и должно исчезнуть. То, что мы называем "конкретным", "это конкретная реальность", да, то, что дает тебе ощущение реального существования, как раз это и должно исчезнуть и быть замещенным... Это невыразимо. Помню, что после того, как я вернулась, БУДУЧИ теми взрывами, теми пульсациями созидательной Любви, когда я вернулась к обычному сознанию, да, именно то состояние, именно ТО должно заменить здесь это сознание конкретной реальности, которая является и становится нереальной; это нечто безжизненное (оно тяжелое, сухое, инертное, безжизненное), и именно оно дает нашему обычному сознанию впечатление: "Да, это конкретное, это реальное!" Что же, именно это "это", это особенное ощущение должно быть замещено явлением сознания той Пульсации. Это одновременно все-свет, все-мощь, все-интенсивность Любви, и великолепие!... И когда Это здесь, в теле, в клетках, то достаточно повернуть Это на кого-то или что-то, и сразу же все снова выправляется. Так что, выражаясь обычными словами, это лечит: оно лечит болезнь. Но оно не лечит ее: оно устраняет ее! Да, просто устраняет. И сразу же нет никакой болезни. Оно делает ее НЕРЕАЛЬНОЙ.

Сделать нереальной смерть.

Но не сделает ли это также "нереальной" нашу жизнь? Потому что, в конце концов, мы ценим наше "конкретное", у нас нет ни малейшего желания идти бродить в туманный мир сознания, даже если он очень реален другим образом -- мы очень ценим наш земной путь, иначе зачем же мы пришли на эту проклятую планету, именуемую землей? И Мать улыбнулась, она читала меня как открытую книгу: она играла несходностью со мной, внешне, сидя в своем кресле. И это не перечеркивает ничего, вот что чудесно! Все здесь, ничто не уничтожено. Отменена лишь нереальность Лжи, а не нереальность мира. Это лишь явление сознания. Я имею в виду, что это не убирает ничего из Манифестации; нет даже чувства, что убирается Ложь: она просто не существует, ее нет! Все может оставаться в точности таким, как оно есть. Выбор полностью за тобой. Все становится вопросом выбора: ты выбираешь это или то. И в блеске радости, красоты и гармонии, в великолепии светлого сознания, свободного от любого затемнения: его больше не существует. И, действительно, это выбор между жизнью и смертью, так сказать... Если можно выразить это в словах, то можно сказать, что это как если бы невыразимое Присутствие говорило: "Ты видишь, я всегда здесь, а ты не знал этого." И это живет в самом сердце клеток. "Ты видишь, ты видишь, что я всегда здесь, но ты не знал этого." И так что... это просто ничто -- которое меняет все. Вот как мертвая личность может снова прийти к жизни.

Но как работает это сознание не-смерти, где мы можем подхватить его? Что практически делала Мать, чтобы "сделать нереальной" никудышную вещь? Бесспорно, что состояние всех клеток (вибраций, составляющих это тело) -- это то, что делает лечение возможным; то есть, в зависимости от состояния тела оно служит как приемник-передатчик либо, наоборот, как препятствие. Потому что это не действие "высшей силы" ЧЕРЕЗ Материю, на другие тела: это прямое действие, от материи к материи. То, что люди называют "силой лечения" является очень большой ментальной или витальной силой, которая накладывает себя на Материю, несмотря на ее сопротивление -- но это вовсе не то! Это заразимость вибрацией. И, следовательно, это бесповоротно... Здесь, та Вибрация производит впечатление некоего "разбухания". Ты понимаешь, тело в его обычном состоянии связано, зажато, затвердело, можно сказать; но в те моменты оно как бы разбухает, расширяется.

Очевидно, другая разновидность Материи, или материальности, или мода Материи. Нечто на клеточном уровне, в чем Ложь не существует, ее нет. В чем нет смерти. В чем нет нашего затвердения и ложной непрозрачности. В чем нет нашей "конкретности" -- и все же

жизнь остается той же самой... минус Ложь. И это естественное состояние. Великое Естественное мира. Сеть Лжи опутала Материю, как она есть; эта сеть есть нечто, что ставит стенку в той же самой комнате -- мы всегда возвращаемся, и Мать всегда возвращалась, к той первой ментализации Материи, тому катастрофическому и пораженческому Разуму, именно он является иллюзионистом! Мы не видим ничего, как оно есть, мы никогда не находимся в прямом контакте с миром и Материей, даже с нашей собственной материей, мы всегда контактируем через Разум: ментальное восприятие Материи. Разум видит нечто вне себя и говорит: это Материя, это птица, это раковая опухоль, это Джон Смит; тогда как тело -- клеточное тело -- не "воспринимает" мир, можно сказать, оно не воспринимает Материю, это не нечто, что тело поглощает снаружи и выдает это как чувство, мысль или определение: оно становится или находится внутри, тело находится внутри мира, в вещах, в людях, в потоке, без какой-либо отделенности. Для него Материя есть... нечто иное. Это поистине как другой мир. Вместо того, чтобы сводить переживание на уровень индивида, индивид сам (говоря "по-телесному") вырастает до размеров переживания. И чем ближе подходила Мать к чистому клеточному уровню, растягивая ячейки сети, тем более "чудесными" становились вещи, естественно чудесными, универсально чудесными, и не нужно делать ничего: просто быть. Быть Тем. И не только исчезает весь аппарат болезни и смерти, но Мать сама становилась совсем иной, как если бы наделенной другими качествами, которые не имеют ничего общего с теми старыми качествами (и все же...). Как только достигаешь той области, области самих клеток, клеточного строения, то сколь более легким все кажется! - воскликнула Мать. Исчезает некая тяжесть Материи: она снова становится текучей, вибрирующей. Что, по-видимому, доказывает, что тяжесть, инерция, тупость, неподатливость есть нечто, что ДОБАВЛЕНО, это не присущее ей качество... Это ложная материя, та, о которой мы думаем или которую мы чувствуем, но не сама Материя, как она есть.

Всемирное обращение сознания?

Так перед нами открывается грандиозное поле открытий. Нечего лечить! Нечего изменять! Есть лишь сеть, которую надо устранить. И смерти больше не будет. Действительно, новая жизнь на земле. Но Мать хотела этой новой жизни для земли, не для самой себя. Она не собиралась становиться "целителем" или летать по воздуху, либо гулять по воде. Она хотела исцеления мира -- исцеления этой ложной материи: сделать ее нереальной для сознания земли. Но кто понял это, даже или особенно среди тех, кто окружал ее? Ты понимаешь, вера человека является предрассудком -это не вера. Это предрассудок. Теперь становится все больше людей, которые думают, что они имеют веру и которые приходят ко мне и спрашивают о смехотворных вещах! Они приносят мне ребенка, рожденного с кривой рукой и думают, что если я наложу свою руку на его, то он будет вылечен... Подобные этому вещи. Это совершенно абсурдно. Это не Сила! Ты понимаешь, они нуждаются в каком-то маленьком чуде по собственным меркам. Человечество все еще очень, очень маленькое, очень маленькое. Но даже люди, которые могли бы иметь некоторую силу... посмотри, как происходит: некоторые люди могли бы иметь определенную силу, им требуется лишь истинное вдохновение -- они боятся этого, мой мальчик! Они отказывают истинному вдохновению, потому что ДУМАЮТ, что вещи должны идти своим "естественным" ходом -- что они называют "естественным". Человечество отвергает истинное чудо! Оно верит лишь в... Есть моменты (Шри Ауробиндо называет это Часом Бога), есть такие моменты, когда возможны истинные, настоящие чудеса; если ты упустишь этот момент, мир сделает свой обычный черепаший шаг. И это трудно -- масса страдания, масса усложнений. Но вера, кто имеет веру? Настоящую веру. Веру, которая здесь, веру в то, что все возможно, прямо здесь, за сетью нашего ментального иллюзионизма -- и без чудесных "сил", без "приспособлений": прямо, естественно, если мы просто проделаем дыру в громадной Стене того, что мы думаем, что вся Наука думает, Наука, упорно цепляющаяся за создание новых "сил", чтобы преодолеть собственную иллюзию. Это не Сила! Сила... прозрачна. Сила повсюду -- чудо повсюду, каждую минуту, отделенное от нас той сетью.

Вот то Чудо, в котором мы нуждаемся. Человек в своем естественном состоянии все-могущ - он позабыл это. Его естественное состояние -- быть всемогущим. В этом состоянии забытья все становится "конкретным", да, в том смысле, что ты можешь получить отметину на свой глаз [Мать указывает на свой левый глаз, пораженный кровоизлиянием], может быть такое последствие, но это из-за того... из-за того, что мы позволяем этому быть. "Конкретная" реальность конкретна лишь для физического разума, который обратил весь мир в фатальное заболевание, потому что заключил мир в свою тюрьму, затем он изобрел законы этой тюрьмы и решил: вот каков мир. "Но, послушай, это раковая опухоль! Но, послушай, это же закон гравитации! Но, послушай, это же за тысячи миль от тебя..." Конечно, все так в этой тюрьме. Но как только вы выбрались из тюрьмы, все становится по другому. Это Божественное. И все остается столь же конкретным и реальным -- оно не подергивается дымкой! Это столь же конкретно, столь же реально, но... но это становится божественным, потому что... потому что это И ЕСТЬ Божественное. Это Божественный, играющий... Он играет на меняющихся позициях. Ты видишь, сколь многими вещами обладает Господь, Он играет всеми ними -- Он играет, Он играет сменой позиций. Так что, когда ты видишь это -- эту Тотальность -- ты чувствуешь такое неограниченное Чудо, что могут быть легко исполнены все цели наших самых чудесных стремлений, и что они будут даже превзойдены. Так что тогда ты утешаешься. А иначе это существование... неутешимо. Он играет материалистом, Он играет духовником, Он играет в тюрьме и вне тюрьмы, Он играет тем, что занимает любую возможную позицию в пространстве и времени -- возможно, пришло время, играть в третьей позиции... естественной, наконец-то, божественной. Потому что в мире никогда не было ничего, кроме Того, только мы выбрали позабыть это на время, чтобы снова обрести тотальность Того через наши мириады индивидуальных глаз.

Это настоящее чудо мира. Простая позиция, всемогущая, потому что она включает в себя все, вместо того, чтобы выставлять все вне своей тюрьмы.

Сколь странны те наши научно-фантастические рассказы, изображающие будущее, и все детские журналы, нескончаемо изобретающие мир, еще более оснащенный чудодейственными супермашинами -- никто не смотрит в направлении упрощения приспособлений, прямой мощи. И чем более чудодейственны их машины, тем более хмуры лица людей, использующих их.

Мать искала именно переход к третьей позиции на базисе мира. Чудо земли.

Все время, все время, без перерыва -- все время тело сталкивается с этим переживанием: когда вы таковы [Мать поворачивает два пальца в одну сторону], то есть, повернуты к Божественному, вещи организуются чудесным образом -- чудесным, это невероятно; и достаточно быть вот так [Мать поворачивает свои пальцы в другую сторону, как если бы она пересекала невидимую стену], чтобы все стало отвратительным, пошло наперекосяк и стало скрипеть: просто микроскопическое движение. И это включает микроскопические и неважные вещи, ты понимаешь -- другими словами, ВСЕ, будь то "важное" или "неважное", это вовсе ничего не значит -- все просто становится чудесным, и все же это то же самое! Но в одном случае ты в боли, ты страдаешь, ты чувствуешь себя несчастным, а в другом случае... И это та же самая вещь. Это просто так [Мать резко поворачивает свои пальцы из одной стороны в другую], это не требует какого-либо времени, нет никакого предупреждения или чего-то подобного: это просто флип-флоп!... как если бы указать, сколь глупым является тело. Это нечто довольно глупое, как живая демонстрация чудесного Сознания, которое грядет и в котором все исчезает как... как нечто утратившее уместность или реальность, и которое просто исчезает. И также демонстрация, что это не только воображаемо, а ФАКТИЧЕСКИ: демонстрация Мощи, так что все это... вся эта тщетная греза жизни, как она есть, может превратиться в чудо, просто вот так, просто с тем обращением сознания. Это переживание повторялось во всех деталях и в каждой области, как живое доказательство. И это не включает в себя "длительный процесс" трансформации, это нечто, что внезапно переворачивает все... И все то же самое, ничто не двинулось, за исключением сознания. Я могла бы выразиться так: тело чувствует, что зажато в чем-то -- да,

зажато -- зажато как в ящике, но оно видит сквозь него; оно видит и может также действовать (ограниченным образом) через нечто, что еще здесь, но должно исчезнуть. Это "нечто" производит впечатление заточения. Как оно собирается исчезнуть? Этого я еще не знаю.

Универсальный "ящик".

На уровне клеток.

И Мать осталась задумчивой: То, что нам нужно найти, это связь между сознанием в ОДНОМ теле и сознанием целого. До какой степени есть зависимость и до какой степени они независимы; то есть, до каких пределов тело может быть трансформировано в своем сознании (и, следовательно, в своей видимости) без... без того, чтобы трансформировалось все бытие -до каких пределов? До какой степени трансформация целого необходима для трансформации одного тела. Это предстоит еще найти... И она добавила: Видение коллективного прогресса (наше поле опыта -- это земля), произошедшего на земле, очень ясно, но, взглянув на прошлое, может показаться, что все еще требуется значительное время, чтобы все было готово к изменению... И все же, есть почти обещание... что будет внезапное изменение. Так что тело все пытается и пытается ухватить секрет.

Всемирное обращение сознания?

Последний "бунт", объявленный Шри Ауробиндо, конец ментального ящика.

Но Разум не собирается делать никакого обращения, он слишком занят своими высшими кувырканиями: обращение сознания тела... которое откроет ящик несмотря на нас?

Как произойдет трансформация мира -- или, возможно, она происходит?

Как произойдет переход от ложной материи к истинной Материи?

И что это за истинная Материя, как она работает?

Казалось, что тело Матери стало лабораторией Нового Мира.

XX. ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Клеточный мост

Мать получала ответы на свои вопросы в своем собственном теле. Она переживала ответ, не зная ясно здесь, снаружи, что все это означает, помимо того, что это была странная жизнь, становящаяся все более странной с каждой минутой, где казалось, что две крайности невероятного великолепия и нависающей дезинтеграции постоянно переплетались: Продвижение по очень острой кромке между двумя обрывами. И никогда не было уверенности, что это "правильный" путь -- хотя, вероятно, все было правильным путем. В первый раз, когда я увидела Шри Ауробиндо, он сказал мне: "Другие приходили подготовить почву и уходили, но теперь это вопрос ДЕЛАНИЯ..." Он тоже ушел. Он ушел. Верно, что он сказал мне: "Именно ты сделаешь это", но он никогда... Ты понимаешь, он сказал это так, походя, как он обычно говорил. Это не было чем-то, что наполнило бы тебя абсолютной уверенностью... И не могу сказать, что я задаю вопрос, потому что это не верно, я не спрашиваю, но обе возможности здесь; да, нет ответа, что будет то или другое. Есть моменты, когда у меня возникает видение, что все будет кончено, а в следующую минуту появляется возможность пройти до конца трансформации. Временами, когда все это полностью путается, когда я спрашиваю Уверенности -- я ясно вижу, я очень ясно вижу, что если клеткам моего тела, телесному сознанию сказать: "Вы бессмертны; все это, все эти трудности являются просто переживаниями; страдание, которому вы подвергаетесь, не имеет значения, это кажущееся разложение не важно: все это просто необходимые переживания, и вы дойдете до конца этого опыта, то есть, до конца трансформации"; если бы так было сказано, тогда, очевидно, это было бы не больше, чем детской игрой -- выдержать трудности -- это пустяк. Но мне никогда так не говорилось! Мне никогда не давалась Уверенность -- время от времени, тело оказывается в некоем состоянии, являющемся состоянием бессмертия. Но это не постоянно, это зависит от других вещей; и в ту минуту, когда это "зависит", больше нет всевышней Уверенности. И в то же время нечто вырисовывается: возможно, клетки полностью ослабили бы свое усилие. Если бы им было сказано: "Это не важно, все это не имеет значения, потому что вы протяните до того момента, когда все не будет

закончено", тогда, возможно, они бы ослабили свое усилие. Так это все и идет, я продолжаю идти этим путем и не знаю, что произойдет завтра. Вчера я могла бы сказать: да, возможно, это конец... А затем, когда исчезает это состояние и приходит другое, ты говоришь: Что ты имеешь в виду, умереть? Как ты можешь сказать такое? И это не так, что эти два "состояния" сменяют друг друга, одно в противопоставление другому -- это вовсе не так, они почти одновременны! Но иногда ты смотришь этим образом, иногда -- тем. И это все то же самое "нечто", являющееся... Истиной. Нам очень трудно понять, что Всевышний делает все, все время. Вот в чем дело. И [добавила она, смеясь] мы лишь несмышленные дети, которые хотят, чтобы все было по-другому, потому что они вовсе ничего не понимают! Потому что мы думаем: о, если бы это зависело от меня, я быстро бы выстроила вещи правильным образом - и, Бог знает, что значит это "правильным образом"!

Мать никогда не получала Уверенности -- никогда. И можно сказать, что она не знала ничего до самого конца. И я подозреваю, что здесь кроется гораздо большая тайна, чем мы можем себе вообразить. Матери не предназначалось это знать. Почему? Не только для того, чтобы избежать ослабления ее усилия... Возможно, потому что был ужасающий тест, через который нужно было пройти. Иногда мне кажется, что я ухватываю проблески секрета этого конца.

Вышеприведенные слова датированы 1965 годом. Будет еще 8 лет того особенного состояния, в котором жизнь и смерть кажутся идущими вместе в каждое мгновение, почти без какого-либо перехода от одного к другому. Не знаю, жива я или умерла, - будет она мне часто говорить. Возможно, она разучивала новое состояние, которое не было ни жизнью, ни смертью. Новый способ бытия.

И все странным образом было по-другому, даже беспокойным (для кого угодно, кроме Матери) в том гибридном состоянии, которое по сути было одновременно обоими сторонами барьера. Возможно, мы недостаточно буквально понимаем, что одновременно она была по-настоящему жива на одной стороне и фактически мертва на другой (нашей), все время поддерживая видимость старой привычной жизни. Да, мертва, и все же жива в то же время -- попробуйте вынести что-нибудь из этого! Но в этом состоянии было не так-то легко жить. Как отреагировала бы рыба, вытащенная из воды? Да, некоторым образом нужно быть на обеих сторонах одновременно, чтобы найти тайну барьера. Когда Мать сказала, что она не знает, будет ли это "конец", она имела в виду конец смерти, можно было бы сказать: тело служило необычным звеном между двумя сторонами... как если бы клетки тела были местом встречи жизни и смерти, мостом, той точкой, которая находится на обеих сторонах. Вот где проходит "барьер" или, скорее, где он исчезает. Вот где на самом деле была тайна. Вполне возможно, все странные переживания Матери сводились к одному-единственному переживанию: исчезновению барьера. Некое вторжения бессмертия в ту смерть, которой мы живем, "другого" мира в этот мир. Немного похоже на состояние постоянного воскрешения. Мать является тем исключительным эволюционным свидетелем, который постепенно рассказывает нам не только о том, на что похож другой мир, но и как он может войти в этот. И, в конечном итоге, как он может трансформировать этот. Просто маленькой клеточной сутью. Клеточным мостом.

Возможно, Мать -- это конец барьера между жизнью и смертью.

Вот почему ей никогда не давалась уверенность. Она должна была найти жизнь в смерти. И с новой глубиной я припоминаю слова Риш Вед: "Он раскрыл два мира (Землю и Небеса), извечных и в одном гнезде" (Риг Веда I.62.7). Живое тело отправляется исследовать состояние, где все предполагаются мертвыми, состояние где-то там, в "мире ином", как обычно говорят, и открывает другую физическую жизнь, оперирующую под нашими законами, и эта жизнь не в "ином мире", она только отделена от нас неким клеточным мостом: темной периферией. Запредельность рыбы -- это не мир мертвецов, а просто другая физическая форма дыхания. Жизнь и "смерть" в одном гнезде. Клетки -- это место очень тонкого "склонения", где смерть трансформируется в нечто иное. Кажется, что если это сделано, то все будет кончено, и затем... будет нечто иное.

Парадоксальное состояние

Я полностью осознаю, что пытаюсь на неуклюжих словах и с бедными аналогиями описать тот новый мир, но что я могу поделать? Как можем мы мастерски описать то, что еще не существует, мы, у кого еще нет языка следующего мира! Как бы там ни было...

Основная трудность во всех этих физиологических опытах -- они физиологические, вы понимаете, не психологические: новая и неизвестная физиология -- заключается в том, что требуется, чтобы тело продолжало жить в состоянии, противоположном всем законам тела; почти можно сказать, что тело должно жить так, как если бы не было тела! Но, возможно, это просто явление гусеницы, становящейся бабочкой -- и как можно стать бабочкой в теле гусеницы? Как можно поддерживать связь со старым телом, то есть, оставаться внешне живым, обладая в то же время модой жизни или бытия, больше не принадлежащей гусенице? Это парадокс, проживаемый вплоть до клеток тела -- опасный парадокс. Так что я "мертв", то есть, я порхающая бабочка, или я "жив", то есть я ползаю по земле, как и другие тела -- и где же жизнь, а где смерть? Если в теле остается некий уголок, который поддерживает точку зрения гусеницы, то он мертв; этот уголок чувствует, что умирает; но если все маленькие уголки начинают трансформироваться вместе, тогда это выглядит так, как если бы вы подвергались радикальной смерти. И что для маленького уголка, который летает, который начинает летать, что для него означает то "ползучее" состояние на другой стороне, состояние умирающее, темное и жесткое? И, более того, все это проживается вместе, одновременно, в том же самом теле. Странно... Переживание происходило на всех уровнях тела и в каждой детали, как если бы органы или функции брались одно за другим, с них полностью бы стиралась их старая природа, и они бы снабжались другой, ужасающей способностью (ужасающей для органа, который подвергается этой маленькой операции). "Другая вещь" всегда ужасна для старой вещи -- это ужасное чудо! И Мать говорила столь часто, все более и более часто: Не знаю, блаженство это или мука; есть моменты, когда хочется завопить, и в то же время я говорю себе: А! Вот что такое блаженство!... Я больше ничего не говорю, потому что они подумают, что я сошла с ума.

Среди множества переживаний, которые будут продолжать множиться и становиться хуже, как обычно, мы можем упомянуть то, которое произошло в раннем 1968 (уже). Мать заметила вечный Факт тотального Сознания, без разделения, и нашего маленького индивидуального сознания, которое фрагментирует, разделяет, отделяет, ставит все вне своей тюрьмы -- ведь, по сути, весь наш переход от гусеницы к бабочке является лишь переходом от отделенного сознания к тотальному сознанию, что, естественно, должно иметь свои физиологические последствия и, возможно, в конечном итоге, вызвать изменение формы. Кажется, что вселенная была создана для того, чтобы реализовать этот парадокс сознания Целого, живущего (не только воспринимаемого, но и живущего) в каждой части, в каждом элементе, составляющем Целое... И именно этот парадокс тело Матери воспроизводило физиологически. Так, -- продолжала она, -- образование этих элементов началось с Разделения, и именно это Разделение породило деление между тем, что мы называем "добром" и "злом", черным и белым, ночью и днем... но с сенсорной точки зрения, в наиболее материальной области, можно сказать, что это боль против Ананды [блаженства], эта тенденция имеет два полюса: приятной или хорошей вещи, неприятной или плохой вещи. И как только ты хочешь вернуться к Истоку, эти две вещи стремятся снова стать одним. И есть совершенное равновесие, то есть, невозможно больше деление, и одно не влияет на другое -- эти две вещи поистине становятся одним -- вот где следует искать известное Совершенство, которое мы пытаемся обрести... И это в точности ошибка разума -- хотеть выбрать одну вещь и отбросить другую: все должно быть вместе -- что мы называем правильным, что мы называем неправильным, что мы называем добром, что мы называем злом, что кажется приемлемым и что кажется неприемлемым, все это должно быть вместе. Отвергать одно и принимать другое -- это по-детски. Это неведение. И все ментальные трансляции, такие как представление об извечном Зле, рождающее идею ада, или представление об извечном Добре... все это крайне и совершенно по-детски. И именно здесь

метафизика встречается с физиологией, а парадокс вселенной -- с парадоксом тела Матери. Все это слишком по-философски на мой вкус, это недостаточно конкретно, но переживание этим утром было конкретным, и оно было конкретным из-за того, что было вызвано крайне конкретными ощущениями в теле; это было переживание присутствия этой постоянной (кажущейся) дуальности или противоречия (не только противоречия, но и отрицания) между двумя вещами, которые можно взять в качестве символов: боль и Ананда. И истинное состояние (которое, кажется, невозможно сформулировать в словах в данный момент, но которое проживается и чувствуется): тотальность, содержащая все, но вместо того, чтобы содержать все как элементы, противоположные друг другу, это Гармония и равновесие целого. И когда это равновесие реализуется в творении, творение сможет продолжать прогрессировать без каких-либо "ломок". Другими словами, без смерти, мы готовы сказать,... но здесь мы снова попадаем в ловушку ментальности, разводящей вещи к противоположным полюсам, поскольку вот что Мать добавила: Эти последние несколько дней, с повторениями (методологическим образом, организованным абсолютной Организацией, далеко превосходящей все, что мы только можем о ней помыслить), было состояние, которое ведет к нарушению равновесия, то есть, к разложению формы, что мы обычно называем "смертью" (и это состояние переживалось до крайнего предела, как демонстрация), и в то же время было состояние (не восприятие, а состояние), которое препятствует этому нарушению равновесия и позволяет идти нерушиму прогрессу. И в сознании тела это дает одновременное восприятие (по большей части одновременное) того, что можно было бы назвать крайним страданием разложения и крайней Анандой единства -- эти две вещи одновременно. Так что, выражаясь обычными словами, крайняя хрупкость (больше чем хрупкость) формы и вечность формы... Состояние смерти и состояние жизни, одновременно.

Затем Мать добавила следующее, что, определенно, совершенно поразительно на физиологическом уровне: И это не только единение, а сплавление, отождествление этих двух состояний является Истиной. Именно единение обоих состояний ведет к истинному сознанию ("единение" все еще подразумевает ощущение деления), отождествление этих двух состояний ведет к истинному сознанию. Сплавление "жизни" и "смерти"... Третье состояние... нечто. На границе между "жизнью" и "смертью", на переднем крае предельного страдания разложения нечто иное обретает форму, что кажется продуктом сплавления этих двух вещей.

И затем, -- продолжала она, -- у тебя есть ощущение, что то сознание является всевышней Мощью. Ты понимаешь, Мощь ограничивается противостояниями и отрицаниями (наиболее сильная мощь -- та, которая преобладает, но она полностью несовершенна). Но существует всемогущая Мощь, которая формируется сплавлением этих двух. Это абсолютная Мощь. И если бы ТО было физически реализовано... вероятно, это был бы конец проблемы.

Больше не победа жизни над смертью, а трансмутация жизни и смерти в третье состояние, прямо здесь, на агонизирующей границе между двумя мирами, на клеточном пороге, который кажется мостом между "жизнью" и "смертью". Сердце Парадокса. Место третьего состояния. И нам становится все яснее, что Мать подразумевала под "Не знаю, жива я или мертва... Не знаю, блаженство это или мука."

Кислород открытого воздуха мучителен для рыбы.

Некое парадоксальное состояние. Или, скорее, ЭТО парадоксальное состояние.

Состояние амфибии.

Переход к летающему виду, который заключается на самом деле не в отращивании новых крыльев, а в преобразовании смерти в новый способ жизни -- жизни без барьеров между этой и той стороной. Потому что смерть и жизнь одновременны... и они -- нечто другое. Нет больше сторон. Целое течет неразделенным.

Возможно, это место настоящей Материи.

Урок чуда

Это парадоксальное состояние без барьера медленно обретало форму в течение ряда

лет; требуется долгое время, чтобы достичь этого клеточного порога: надо вычистить слой за слоем, отложившихся в ходе эволюции, все остатки животного, растительного и минерального царств -- несметную привычку, составленную из миллиона привычек, которые образуют наш "естественный" способ бытия. И все это составляет вуаль, сеть: темная запись на поверхности клеток, которая продолжает и продолжает повторяться -- некое "намагничивание" клеток, во многом подобное нашим магнитным пленкам. Выражаясь негативно, мы могли бы сказать, что мы должны стереть эту запись, но скорее это некая позитивная прозрачность убирает записанную привычку. Есть агрегаты, маленькие группы клеток, которые сохранили отпечаток, отпечатки, которые они получили; есть маленькие потайные уголки -- множество темных маленьких мест; и затем внезапно разворачивается память обстоятельств, частных случаев и чувств и ощущений, которые создали этот отпечаток: это видится в новом Свете, чтобы быть очищенным. И затем... да, ты много путешествуешь таким вот образом. Ты путешествуешь по грандиозному миру, ты понимаешь. И это не прошлые вещи, они... это грандиозное Настоящее, в котором ты путешествуешь. Вся предыстория и история прямо здесь, непосредственно, без "вчера". Есть целая память, которая должна исчезнуть, грандиозная память -- в действительности, все "естественное" функционирование должно исчезнуть. А в чем должна заключаться эта операция, в конечном итоге? Это необъятная передача мощности, как сказала Мать, переход от маленького индивидуального сознания, которое провело бороздку за бороздкой и медленно захлопнуло себя в той или иной тюрьме, "намагнитило" эти и другие клетки, загипнотизировало и заперло свою субстанцию в некоем функционировании, которое сделало некий смысл, свой смысл, к великому неделинному и тотальному Сознанию, для которого каждая "секунда" является новым творением без какого-либо последствия, без какой-либо памяти, можно было бы сказать: пульсацией. Фантастическая, тотальная Пульсация, которая непогрешимо и точно и автоматически организует каждое из своих "мгновений": она есть и она совершенна. Это совершенно новый способ бытия на земле. Другое время, другой ритм, другое функционирование. Пластичность, в точности противоположная нашей фиксированности, потому что для нас зафиксироваться означает быть; и нет стены, мы чувствуем это просто как эфемерное ничто. И это составляет смерть, необходимость смерти - - разбить на куски эту корку, чтобы продолжать прогрессировать. Мы ведем окаменелую жизнь, мы окаменели прямо с колыбели. Обучение сознания клеток означает научить их выбирать божественное Сознание, божественное Присутствие, божественную Мощь (все это без слов), "нечто"... Это выбор каждой секунды между правлением старых законов Природы и правлением Всевышнего Сознания. Правление открытого воздуха против правления аквариума, можно было бы сказать.

"Выбор"; легче сказать, чем сделать это, ведь как это транслировать на уровень клеток? Глядя со своих высот, разум может держаться, но запись все равно продолжается вниз. Есть лишь один способ научить клетки: полностью их дезорганизовать -- то Сознание, которое мы называем супраментальным, является потрясающим дезорганизатором, на каждом уровне: оно расстраивает все. Не щадит ни одна из тюрем, будь то моральная, духовная, национальная или клеточная. И, в конечном итоге, есть лишь одна тюрьма, как раз та, которую медленно уничтожала Мать -- когда рухнет эта, обрушатся и все остальные; наше "нагромождение" политических или религиозных историй цепляется за простую маленькую заблокированную клетку. Так что это Сознание начинает с того, что набрасывает одну хорошую болезнь, или несколько, на это тело, чтобы научить его функционировать по-другому (то же самое оно делает с нациями), и это продолжается до тех пор, пока вы не поймете. Это "болезнь трансформации", - говорила Мать. Мать имела их добрую полдюжины каждый день. Наиболее трудно то, что сама ткань тела сплетена из Неведения, так что всякий раз, когда Сила, Свет и Мощь стремятся проникнуть где-то, то сначала должно быть удалено это Неведение [или старый способ дыхания, можно было бы сказать]. И то же самое переживание происходит всякий раз, вплоть до каждой детали. Это некое отрицание из-за невежественной глупости (не из-за дурной воли, нет дурной воли), это

инертная и невежественная глупость, которая отрицает возможность божественной Мощи [или открытого воздуха], и всякий раз должна быть уничтожена. На каждом шагу, во всякой детали, всегда должно быть устранено одно и то же. То есть, естественное, которое дает ощущение надежности: все прочее просто ужасные чудеса. В действительности, для клеток "чудеса" являются очень серьезной формой заболевания. Чудо должно иметь массу терпения, прежде чем оно будет принято как самая естественная вещь в мире. Если бы только эта больная земля знала, что она посередине проживания чуда... возможно, вещи пошли бы быстрее. Она тоже учится на своих уроках, как Мать.

И переживание повторяется. Оно не такое же, как в царстве идей: там, как только вы поняли и узнали что-то, все кончено; сомнения и глупости могут возвращаться к тебе снаружи, но как только вещь установлена, так свет здесь, и противоположности автоматически отталкиваются или трансформируются. Но с клетками совсем не так! Для каждой маленькой совокупности клеток это не так, что она воспринимает вещи со стороны: она ПОСТРОЕНА таким образом! Она построена инертным и глупым Неведением. Инертным и глупым автоматизмом. И так автоматически она отрицает (даже не "отрицает", нет воли к отрицанию: она НЕ МОЖЕТ понять, это противоречие -- ВСТРОЕННОЕ противопоставление -- божественной Мощи). И всякий раз происходит некое действие -- действительно в каждой детали и почти чудесной природы -- и она внезапно принуждается увидеть, что эта божественная Сила всемогуща. Если посмотреть под другим углом, то это некое вечное маленькое чудо. Например, в прошлый раз, когда ты был со мной, наступила ужасная боль вот здесь [левая сторона], такая боль, которая заставляет людей вопить (они думают, что очень "больны", ты знаешь). Но ты не увидел ничего, не так ли, я ничего не показала. И пока ты был здесь, я не беспокоилась об этом -- я просто думала о чем-то другом. А как только ты ушел, я сказала себе: не к чему этому продолжаться. Так что я сконцентрировалась, призвала Господа и поместила Его сюда [на больное место]. И почти мгновенно: первой реакцией является СОСТОЯНИЕ, отрицающее возможность божественного Действия (это не воля, а автоматическое отрицание), затем всегда приходит Улыбка, которая отвечает (вот что интересно: никогда нет гнева, раздражения, никогда нет силы, которая накладывает себя, просто Улыбка), и почти мгновенно боль исчезает -- То устанавливается, светлое, тихое... Но это не окончательно, напоминаю тебе, это только первый контакт: переживание возвращается по другому случаю, по другой причине, и теперь есть уже начало сотрудничества. Клетки выучили, что с приходом Того условия изменились (они помнят, что очень интересно), и так что они начинают сотрудничать, и Действие становится даже более быстрым. Затем это возвращается в третий раз, через несколько часов; но теперь КЛЕТКИ САМИ призывают и требуют божественное Действие, потому что они помнят. [Они помнят вольный воздух.] Так что То приходит в великолепии, как нечто установленное... Меняется не расстройство! Оно возвращается со своей регулярностью, в этом его работа -- вызывает изменение именно восприимчивость, реакция клеток. Мы должны лечить не Расстройство, это "восприятие" расстройства... Если бы мир понял это, это явилось бы всемогущим секретом. Нет расстройства! Нечего лечить -- нет расстройства, которое надо лечить: нужно лечить просто позицию. С этой позицией исчезает Расстройство, как если бы его никогда и не было. Болезненная иллюзия расстройства... предназначенная, возможно, для того, чтобы заставить нас открыть собственное автоматическое всемогущество. Как однажды Мать воскликнула: Расстройство -- это не воспринимать То! (нечто, улыбающееся и чудодейственное То, везде и всегда.) Ведь есть ПЕРМАНЕНТНАЯ Реальность, ПЕРМАНЕНТНЫЙ божественный Порядок, а Расстройство, теперешняя Ложь -- неспособность воспринимать это. И в конце, Расстройство является тюрьмой, великим Сознанием, которому препятствую течь -- это болезнь, смерть, сумасшедший и смертный трепет мира. И Мать заключила: Теперь я знаю -- я знаю трюк! Все это нацелено на то, чтобы учить клетки. Это не так, что кто-то болен и должен постепенно вылечиться: это обучение клеток, чтобы научить их... как жить. Однако Мать добавила: Беда во всей этой атмосфере физического разума, которая полна любой постижимой глупости; следует всегда быть

начеку и отметить их прочь -- мнение докторов, пример других людей, все это... всю эту ужасную и вечно присутствующую мешанину Неведения, которую ты должен постоянно отмечать. Это наша старая проблема. И это не просто атмосфера одного тела, это атмосфера везде и повсюду. Мы купаемся в этой мешанине.

Передача мощности

Но это лишь начало обучения клеток существованию Того, улыбающегося чуда. Для них припасены еще более радикальные операции -- в действительности, то, что происходит, это одна и та же операция: передача мощности. Это переход от тысяч лет привычек, кристаллизованных в законы, к великому Закону, который является скорее не-законом или спонтанной изобретательностью каждой секунды. Можем мы вообразить себе тело, которое должно снова обучаться тому, как жить каждую секунду, или, можно было бы сказать, переоткрыть жизнь каждую секунду -- постоянное возрождение тела?... Все же как раз с этим мы и имеем дело. Эта работа включает в себя изменение сознательного базиса всех клеток -- но не всех одновременно! Это было бы невозможно. Даже мало-помалу это очень трудно: момент изменения сознательного базиса -- это... почти как паника в клетках и впечатление: О, нет, вот что произойдет! Так что иногда это трудно. Она закрывала свои глаза и становилась очень бледной, или, когда доза была слишком сильной, все могло казаться просто дезорганизованным -- хотя, на самом деле, это не доза была слишком сильна, она была в совершенстве отмерена, но были окружающие трудности, примешанные к ней: Я борюсь и борюсь... слишком много лжи вокруг меня. Я буду слышать это до самого конца. И различные функции тела овладеваются одна за другой, в чудесно логическом порядке, в соответствии с функционированием тела. Это происходит группами, почти что способность за способностью или частью способностей, и некоторые немного трудны [передачи, включающие в себя нервы и сердце -- особенно нервы -- будут, на самом деле, наиболее опасными и болезненными.] Не знаю. Поскольку это совершенно ново, не знаю, будет ли легче ничего не делать. [Было множество людей, поджидавших ее за дверью или даже в ее комнате.] Вероятно, нет, не в этом дело; дело в общей позиции остальных. Это дает некую коллективную поддержку во время перехода. В то время, когда отходит сознание, которое обычно поддерживает клетки, чтобы уступить другому сознанию свое место, клетки нуждаются (не знаю, именно ли клетки нуждаются, но...), есть потребность в поддержке... (как бы выразиться?) некое сотрудничество коллективных сил. Это не очень много, это не совершенно необходимо, но это немного помогает. Есть моменты почти что муки, ты знаешь, ты просто подвешен -- возможно, на несколько секунд, но эти секунды ужасны. [И тогда ученики, глядя на Мать, думали: Мать очень больна, Мать покидает нас, Мать... Темная коллективная атмосфера, в которую непосредственно затягивались ее клетки.] И даже это исходит от глупого инстинкта само-сохранения, прочно укоренившегося в глубинах клеточного сознания -- оно знает это. Оно знает. Это старая привычка... Этот инстинкт само-сохранения объясняет самые первые прутья тюрьмы. Первая индивидуализированная Материя, она больше не воспринимает, что обладает всей Жизнью и грандиозностью Мощи всей вселенной -- есть "я", и оно напугано. Оно вступило в смерть. Мать приближалась к этому корню. И этот процесс всегда был одним и тем же: В тот критический момент есть полная сдача всего в теле, его существования и всего, и это наполнено светом и силой. Это Отклик. Тюрьма уступает, и все здесь. Сдача старого вида. Не проходит и дня без доказательства того, что одна доза, даже не полная доза, мельчайшая доза, ничтожная капелька Того, может вылечить тебя за минуту (нет так, что "может", оно лечит); все время в равновесии, и малейшая неудача может означать расстройство и конец, тогда как просто с капелькой Того... все становится светом и прогрессом. Две крайности. Две крайности рядом друг с другом.

Придет время, когда эти крайности будут не рука об руку, а невероятным образом переплетутся друг с другом. Это медленное продвижение к мистической границе, к парадоксальному состоянию, которое подобно смерти и жизни в одно и то же время: одновременно на этой и той стороне. В течение этих лет Мать "совершенствует сдачу", как

она обычно говорит. Мы говорим о трансформации, даже о преображении, но есть переход от старого движения к новому движению, от старого статуса к новому статусу, что является нарушением равновесия, и для того, что все еще принадлежит старому творению, это нарушение равновесия кажется опасным и производит то впечатление, что все ускользает, что больше нет какой-либо опоры. Так что именно здесь ваша вера должна быть непоколебимой. Но вера, отличная от ментальной веры, которая является самоподдерживающейся: вера в ощущения. И это очень трудно. Год за годом мы можем отмечать этот прогресс к тому новому состоянию и как бы следовать курсу, нанесенному на карту: В течение перехода между этими двумя видами сознания встречается момент, когда ты чувствуешь себя совершенно глупым -- ты больше не можешь думать или делать что-либо, ты совершенно никчем и теряешь связь с вещами. Всякий раз, когда какая-либо часть подвергается изменению (что я назвала "смена господина"), у тебя такое чувство, что все кончено. В первый раз, когда это происходит, ты опасаясь; после ты привыкаешь к этому и держишься спокойно; затем внезапно проглядывает свет. И это: Тысячелетняя привычка, что все идет иначе, так сильно внедрена здесь, что у тебя ощущение... растягивания жгута; пока ты тянешь, эффект ощущается, но если натяжение ослабить, хотя бы на секунду, тогда все возвращается назад просто по привычке. Что заставляет тебя быть в постоянном напряжении. Но так не будет вечно. Это переход от одной привычки к другой. И [в "другой" привычке] есть это необычайное ощущение нереальности страдания, нереальности болезни, нереальности... Это довольно странно. [Нереальность законов аквариума.] И затем есть все те тысячелетние привычки, которые приходят, пытаются противодействовать и говорят, что нереальна как раз ситуация, в которой ты оказался!... Есть моменты неопишемого великолепия, ты знаешь, но они мимолетны. И другое состояние здесь, оно вокруг и постоянно давит. Затем движение становится более точным и интенсивным: Идет работа по переходу во всех ее деталях, и это не легко. Взять, к примеру, привычку клеток черпать силу снизу, через питание и т.д.; когда ты хочешь трансформировать это в постоянную привычку черпать силу сверху в каждую секунду и в каждой детали, то встречается трудный момент... ("свыше" -- это манера выражаться, потому что на самом деле нет никакого направления, нет ни верха, ни дна, ни чего-либо подобного). Но это означает, что ты больше не получаешь поддержку на поверхности, будь для того, чтобы стоять или гулять, сидеть или двигаться... И если приходит память о прошлом способе -- обычном способе, универсальном способе всех человеческих существ -- тогда внезапно это как если бы... (это действительно странно), как если бы тело не могло больше ничего делать! Как если бы оно было готово упасть в обморок.

И это не "как если бы".

Затем курс стал ясным: Больше не та же самая вещь заставляет тебя действовать -- под "действием" я понимаю все: ходить, гулять, просто все. Центр больше не тот же. Например, в это утро клетки тела, то есть, форма тела, несколько раз чувствовали, что оставаться ли им вместе или распасться -- зависит от определенной позиции. Наряду с восприятием (иногда почти дуальным или одновременным), восприятием того, что заставляет тебя двигаться, действовать или знать: старый способ, остающийся как память, и новый способ, для которого, очевидно, нет причины распасться, кроме как если ты сам выберешь его -- это бессмысленно, иногда совершенно бессмысленно: зачем распасться! На другой стороне тюрьмы смерть не имеет смысла, она не существует. Но есть граница между этими двумя позициями. И в момент, когда ты снова проваливаешься в старое сознание, или, скорее, когда старое сознание появляется вновь, если ты не очень внимателен, тогда это вызывает обморок... В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ есть ощущение нереальности жизни и реальности того, что можно было бы назвать вечным: нет ощущения смерти, она просто ничего не значит. Нет ничего, кроме выбора. И расстройство не имеет значения, ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ: это фантазия. Смерть состоит в том, чтобы просто быть в неправильной позиции, занимать неправильное положение. Или же подчиниться старой губительной привычке. Нет ничего смертного, кроме неправильно поставленного сознания. И контраст или противопоставление [этих двух состояний] огорчительно, болезненно; жалуются оба состояния: старое, потому

что чувствует, что падает в обморок, и новое, потому что его не оставляют в покое [полсотни людей ждут за дверью]. Когда ты в том или другом состоянии, все в порядке, но когда оба вместе, это не очень приятно. И также есть некое ощущение неопределенности: ты не совсем уверен, где ты находишься, здесь ты или там -- ты не совсем уверен. И затем глупость людей и вещей становится поистине жестокой, потому что даже в обычном сознании все эти усложнения не имеют для меня никакого смысла, но затем, если из-за необходимости удерживать одновременно два почти противоречивых состояния, ты добавляешь эту массу глупостей, то это не очень-то приятно.

И все же ключ был спрятан в том противоречивом и парадоксальном состоянии. Потому что на самом деле это был не вопрос перехода на ту или иную сторону, от одной позиции к другой, а вопрос трансформации самого перехода в третье состояние, которое комбинировало эти два. Короче говоря, это почти так, как если бы нужно было просверлить отверстие или протянуть мост между двумя состояниями, чтобы заменить теперешнюю необходимость прыгать из одного мира в другой. Мост должен быть построен в теле, а не вне его. Мост в теле. Переход между "жизнью" и "смертью" -- это место, где третья реальность должна прийти в бытие. Ячейки сети или прутья клетки, что порождает некое обращение от жизни к смерти (или, скорее, от смерти к жизни) должны быть изменены в непрерывную и целостную жизнь. Тело, являющееся местом нашего заключения, само должно найти, и через собственное заточение, ключ к непрерывной жизни. Жизни, которая находится на обеих сторонах и которая, в конечном счете, не имеет сторон. Не должно быть никаких "сторон" -- тогда "смерти" больше не будет: будет нечто иное. Нечто иное на обеих сторонах. Очевидно, новый тип жизни.

Тот тип жизни, который медленно зрел в теле Матери -- медленно и острожно и рискованно: Да, скажу тебе, это действительно странное состояние... Бывают даже моменты, когда ты чувствуешь, что простой пустяк мог бы заставить тебя потерять контакт, и только если ты остаешься спокойным и индифферентным -- индифферентным -- могут продолжаться вещи. Чтобы быть способным соединить две стороны, вы должны установить полную индифферентность к смерти, сделать смерть нереальной, она должна утратить свой смысл. Смерть должна потерять все свое значение в теле, не должно быть ничего, кроме Того, текущего без барьеров -- нет больше опоры, нет больше привычек: только привычка Того. И курс близится к завершению: Готова ли ты ко всему? Естественно, я говорю: ко всему! И Присутствие становится столь чудесно интенсивным... Нет выбора, нет предпочтения, нет даже стремления: полная, полная сдача... Покончено с рабством и привязанностью ко внешним вещам, все это полностью ушло -- полностью, абсолютная свобода. Другими словами, нет ничего, кроме Того, всевышний Мастер становится мастером. Великое тотальное Сознание. Старый вид сдался. И Мать добавила: Тело больше не зависит от физических законов.

Это "передача силы".

Шел 1966 г.

Это переход от темного автоматизма старых клеточных отпечатков к сознательному автоматизму великого Точного Сознания.

Тем не менее, простой пустяк вынуждает вас терять контакт.

И однажды утром, своим спокойным голосом как серебряная река, Мать сказала мне: Я на границе нового восприятия жизни... Как если бы определенные части сознания превратились из гусеницы в бабочку.

Жизнь без барьеров.

Место на обеих сторонах.

Место настоящей Матери.

XXI. КЛЕТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ

Мы никогда полностью не оценим эволюционную важность того, что происходило в теле Матери -- пока новый век не будет здесь, видимым и реализованным. Тогда мы скажем: о, так вот это как! Короче говоря, нас просят немного понять заранее, и вполне возможно,

что наше понимание поможет или ускорит эволюционный процесс. Это то, что называется сознательной и желаемой эволюцией, вместо того, чтобы проходить через непрерывное вареву в Природном котле, где маленькие человеческие элементы смешиваются и перемешиваются, комбинируются и рекомбинируются, пока новый состав не будет совершенным. Возможно, "То" Матери покажется новой формой мистицизма -- что сказали бы приматы о той маленькой тревожащей ментальной вибрации, с которой мы сейчас обращаемся как эволюционные переростки? Они также подвергались передаче силы от одного способа бытия к другому. Сверхъестественное, -- говорил Шри Ауробиндо, -- это то, чьей природы мы не достигли или еще не знаем, или средства которого мы еще не покорили. Нет сверхъестественного: есть последовательное естественное. Вся работа пионеров эволюции заключается в том, чтобы оно стало естественным. И как только оно станет "естественным", мы больше не будем его замечать, подобно воздуху, которым мы дышим, и мы скажем: но что такого Божественного во всем этом? Божественное или не Божественное, это одно и то же -- просто маленькая улыбка... которая составляет всю разницу. И, возможно, в этой маленькой улыбке есть все.

Но каждому предоставляется это открыть.

У него нет катехизиса.

Единственный катехизис сегодня -- это наши научные законы; одни выдумали 10 заповедей Бога, эти -- 10000 заповедей Физики! Это последняя мировая религия. Возможно, последний предрассудок.

Время и Материя

Как в действительности работает это новое естественное?... Оно вовсе не кажется естественным, временами оно непостижимо и неизмеримо (для нас). Мы пытаемся понять его. Мы пытаемся навести некий порядок в лесу Матери! И Богу только известно, покажется ли наш "порядок" глупым для нового реализованного вида, но как бы там ни было... Те, кто пойдут через Адженду Матери, смогут открыть в ней свои собственные новые и непредсказуемые дороги. Дорога повсюду. Я пытался отсортировать некие линии или повороты явления, и я называл их: универсализация, имперсонализация, ложная материя, Гармония, вертикальное время, передача... потому что вещи должны быть выражены одна за другой, это закон Разума, он видит одну былинку за другой; но есть лишь единое, многостороннее явление, которое разворачивается одновременно, в котором любой маленький прогресс в одной точке меняет позицию или ценность всех других точек, и всякий раз, когда вы продвигаетесь здесь, в Х4, с того момента открываются где угодно и одновременно неисчислимы маленькие окна. В действительности, как бы новая разновидность воздуха начинала течь повсюду. Новое восприятие.

Также новое дыхание.

И что это за одно и то же, идентичное явление, которое разворачивается безо всякой меры? Это сеть, поддающаяся в той или иной области, или во всех областях, с различными физиологическими последствиями. Мы сбиты с толку, потому что не видим Мать летающей по воздуху, но это гораздо серьезнее -- этот тип чуда, по сути, есть Разум, проецирующий себя вне своей тюрьмы и воображающий, чем должно быть это чудо. Когда вы выбираетесь из тюрьмы, нет нужды летать: вы мгновенно повсюду. Вы видите сразу же все. И вы не видите Материю такой же, как ее видят те, кто находится в тюрьме -- это очевидно, потому что то, что составляет их Материю, есть в точности то, что препятствует им быть и видеть везде. Таковы их неотвратимые законы: закон смерти, закон жизни, закон гравитации, все есть закон. Это их грубая и темная и отвердевшая материя -- хотя их микроскопы менее отвердели, чем их глаза. Это та Материя, как они думают о ней и чувствуют ее. Тогда как черта, которая казалась все более и более отчетливой в переживании Матери -- это определенная текучесть Материи. Это всегда одна и та же Вибрация фантастической скорости, и все же недвижимая в то же самое время (все определенно противоречиво в супраментальном сознании, или, скорее, все противоположности там одновременно вместе), которая просачивается сквозь ячейки сети и наделена очень странными свойствами; она

лечит заболевания, как если бы их и не было, лечит смерть, как если бы ее и не было, лечит всю нищету или законы нашей Материи, как если бы их и не было -- и на самом деле не так, что она "лечит", а скорее так, что она заставляет вас вступить в другую разновидность Материи (все же, внешне, вы остаетесь в той же самой, поскольку тело Матери было там, было "конкретным" и ощутимым и сидело в своем кресле), в которой все эти вещи не существуют. Обращение сознания, говорила Мать. Изменение вибрации, которое меняет все. Изменение Материи, мы могли бы сказать. Вибрация, которая аннулирует темноту и фиксированность Материи, как она аннулирует ее болезнь и смерть, ее расстояния и законы и все это варевое, которая является в точности результатом темноты и фиксированности. Определенно, стоит взглянуть на эту странную Вибрацию. Например, может ли наша "конкретная" Материя просто быть продуктом особого восприятия времени? Измените ощущение времени, и пространство тоже изменится, со всем, что в нем находится, и все же вы во многом все еще в той же самой вещи. Теперь же та Вибрация предельной скорости (все же неподвижная) изменяет ощущение времени, замораживает его, если можно так сказать, тогда как в то же самое время она дает вам возможность быть везде одновременно, как если бы Париж и все прочее было одновременно прямо под вашими стопами, без расстояний и ощущения "пространства" -- и в том "не-пространстве" или не-времени, проживаемыми телом (это восприятие тела), исчезают возраст и износ и их неизбежные последствия. И все же это та же самая Материя. И это как другая Материя. Ощущение пространства связано со временем, как мы знаем, но все, содержащее в этом "конкретном" пространстве, как будто бы чудом меняет свои свойства, как только меняется восприятие времени -- как только входит в игру супраментальная Вибрация. Мы могли бы сказать, что частная скорость вибрации или, скорее, особенная ее медленность, дает нам впечатление наталкивания повсюду на куски твердой Материи, разделенной большими дистанциями, тогда как другая вибрационная скорость отменяет расстояния, как и застывшую непрозрачность, которая составляет нашу "воспринимаемую" среду. Нам могут сказать, что нога Матери все еще ударяется о ножку стула и, вполне возможно, получает ушиб, даже если сознание Матери может быть одновременно в Нью-Йорке и Гон-Конге и проходить через ячейки сети. И нам скажут, что в конце есть факт труп. И что все изменения во времени и сознании никак не меняют этот факт. Труп служит доказательством. Вы просто живете внутри фантазии "высшего" сознания. Ваша вибрация не меняет ничего.

Верно, обезьяна тоже могла бы сказать (если бы говорила), что та глупая ментальная вибрация ничего не изменила в обезьяньей жизни -- и все же... "Время" человека больше не похоже не время обезьяны, и это замечательным образом изменило наше пространство и материю (возможно, не к лучшему). Поэтому мы можем просто сказать, что эксперимент идет, это начало новой эволюции -- что произойдет в конце, до какой степени сможет "другая материя" или "другое время" модифицировать старую материю, которую мы переживаем и в которой мы живем ("кору", как называла ее Мать)?... Мать часто сталкивалась с этим вопросом. Возможно, это действительно настоящий вопрос. Возможно, это также ложный вопрос: когда гусеница начинает летать, то что она говорит о ползучей Материи? Остается только труп гусеницы и бабочка, летающая внутри другого времени, другой Материи -- которая все еще является тем же самым миром и той же самой Материей. Можно ли стать бабочкой, не сбросив тело гусеницы? Это неким образом та проблема, с которой мы сталкиваемся. Вместо того, чтобы оставлять одно ради другого, не может ли одно измениться в другое? Это неразгаданная мистерия.

Но факт труп никоим образом не отрицает бабочки. Возможно, наша вибрация все еще слишком медленна, чтобы схватить бабочку.

И не заключается ли разница между жизнью и "смертью" в разнице вибраций?

В переживании Матери сходятся обе вибрации.

Тайна всей трансмутации и двух миров в одном скрывается на клеточном уровне.

Прохождение через сеть

Следует повторить, что особенность всех этих переживаний, что делает их столь

чрезвычайно интересными с точки зрения эволюционного Переживания на земле, заключается в том, что все они происходят в Материи, на мистическом пороге, где исчезают старые клеточные отпечатки -- темный код, мы могли бы сказать, решетка или сеть, которая обволакивает и гипнотизирует клетки -- и где чистая клетка начинает сиять, где есть великий Код вселенной, без прошлого, создаваемый заново каждое "мгновение": уникальная Пульсация, в которой все пульсирует в одно и то же время. То, что мы называем "прошлым", это только наше усилие узнать то, что на самом деле есть -- это наше смутное приближение к тому, наши миллионы и миллиарды болезненных отпечатков и тщетных попыток и повторяющихся усилий. И когда мы достигнем того, когда мы придем к тому, что на самом деле есть, тогда нечему будет учиться, не будет больше прошлого: навсегда Настоящее. Оно было извечно настоящим. Оно будет извечно настоящим. И это переживается среди Материи. Так где же смерть в том, что больше не во времени? О, высоко наверху можно переживать вечности сознания и вечные волны Становления, пустыню вечного покоя, как сказал Шри Ауробиндо, но что тогда?... Мы же не рождены для того, чтобы жить в созерцании, не так ли? В чем тогда прок, что мы имеем две ноги? Мы рождены в Материи, чтобы найти Истину Материи, а не истину небес -- и самое странное во всем этом то, что очень даже может оказаться, что они составляют ОДНО

Haven in its rapture dreams of perfect earth,
Earth in its sorrow dreams of perfect heaven...
They are kept from their oneness by enchanted fears;
Sundered mysteriously by miles of thought,
They gaze across the silent gulfs of sleep.

Старое "магическое заклинание" снимается на клеточном уровне, и сон также становится нечто иным.

И именно здесь заполняется пропасть.

То, что мы отслеживаем в словах Матери и за ними, это журчание той новой жизни, нащупывание того нового восприятия: Нам нужен новый язык! так часто она восклицала... То еще невозможно выразить. Не через слова и идеи его нужно выразить. [Конечно, ведь это наконец-то конкретная жизнь, прямая жизнь Материи!] Следует найти средства выражения. По сути, большая разница, связанная с появлением человека, состоит в том, что он изобрел язык -- и затем, конечно же, письменность и все такое -- что же, должен быть найден некий иной способ, превосходящий язык и письменность... В ведические времена они говорили "Слово" -- слово, которое творит... Слово, которое точно выражает вибрацию. Пусть слова обладают силой, пусть они несут смысл в себе! Возможно, сознательное и преднамеренное обращение с определенными светлыми вибрациями, добавленными к звуку?... Но современные языки столь искусственные (я имею в виду, поверхностные, интеллектуальные): они разрезают вещи на маленькие кусочки и устраняют свет, стоящий за ними. Это язык поделенной и разделенной жизни -- но как говорить о полной и тотальной жизни? Так что временами она бралась за орган: Я пыталась играть музыку, просто чтобы СКАЗАТЬ что-то.

Другие придут и изобретут музыкальный язык, созидательное Слово, мантру Материи, но пока что вы можете лишь ходить в той странной жизни или, скорее, в той странной разновидности Материи, том странном Времени, том другом Ритме -- все было другим! Поистине как если бы совершенно другой материальный мир существовал бы на клеточном уровне. Но когда исчезли старые отпечатки, вы все еще должны научиться оставаться "на другом пути", как говорила Мать. Этот переход является трудной вещью. Она имела все те переживания не в созерцании, а когда ходила, двигалась, и по большей части в своей ванной комнате, поскольку это было единственное место, где ее оставляли в покое: Эти переживания столь конкретные и спонтанные и реальные (они не являются результатом какой-либо силы воли или усилия), что им не требуется позиция покоя: я как раз одевалась. Вы не медитируете о плавании в море: вы идете и входите в воду. Входишь в море новой жизни, совсем просто и практично, потому что она и та же повсюду. В ней можно гулять,

пить и дышать. И как вы сделаете каталог по плаванию! Я все больше и больше понимаю, почему Мать всегда говорила о своем "душе Господа".

Тем не менее, поначалу есть период "шатания", когда вы теряете свою почву (то, что она называла "поддержкой" старой привычки, старым заржавелым, но все еще убеждающим кодом). Качества этих двух вибраций (которые все еще наложены друг на друга, так что ты можешь осознавать обе) совершенно необходимы; одна представляет собой деление -- бесконечное деление -- и абсолютную неустойчивость, как атомизированная аэрозоль, непрестанно движущаяся; а другая -- это вечный покой, бесконечная Грандиозность абсолютного Света... Все же сознание переходит от одного к другому. Затем переживание разворачивается дальше, и кажется, что обе вибрации сливаются, как мы уже заметили: Теперь тело имеет представление не только о земном движении, а о вселенском Движении такой грандиозной скорости, что она неуловима, находится за границами восприятия. Как если бы "нечто" двигалось не В пространстве, а одновременно за пределами движения и недвижимо в том смысле, что скорость неуловима для всех чувств... Это супраментальная Вибрация, которая окончательно объединяет все противоположности. И я заметила, что в том состоянии Движение превосходит силу или мощь, которая удерживает клетки вместе, чтобы образовывать индивидуальную форму... То есть, вы чувствуете, что распылены по всему месту. Это то, что происходило вначале: Мать валилась с ног. И это состояние кажется все-могущим; воздействие автоматическое, (не зависящее от какой-либо воли): как только есть нечто, вызывающее физическую боль, это исчезает МГНОВЕННО... как если бы боль, расстройство и все прочее зависело бы только от старого кода, от слишком медленной вибрации -смерть также зависит от старого кода. В самом деле, это тюрьма боли, чтобы мы поняли... чем мы на самом деле являемся. Но затем, что очень интересно, из-за того, что тело возвращается в свое обычное состояние, оно притягивает ПАМЯТЬ того, что существовало и, через эту память, возможность вернуть расстройство... Это должно быть переходом от настоящей вещи к тому, что больше таковым не является, это уже искажение по сравнению с чистой Вибрацией. Это дает ощущение плохой привычки, остается лишь вопрос плохой привычки. Действительно, нужно найти нечто, чтобы прекратить или устранить это, предотвратить его возвращение. И это постоянно. Это постоянная вещь: переход от этого к тому, от того к этому, от этого к тому [и Мать делает жест "туда-сюда", как бы переход от одной вибрации к другой, из одного состояния в другое], и до такой степени (это так сильно), так что на одну секунду или минуту, или, как бы там ни было, на некоторый промежуток времени, не знаю, ты ни здесь, ни там. Так что у тебя такое чувство, что больше ничего не существует. Это почти мгновенно: если бы оно сколь-нибудь длилось, то, вероятно, вызвало бы обморок или нечто в этом роде. Но это постоянно: То, это. И между Тем и этим есть переход... Это забавная жизнь, ни это и ни То, ни смесь из этих двух вещей, ни их наложение, но как если бы они работали друг через друга. Это должно быть внутреклеточным, то есть, смесь должна быть совсем микроскопической, на поверхности. И у меня отчетливое впечатление, что это в точности переход через сеть или темную периферию: сползание в старую "память" происходит на поверхности клетки. Это долгая тренировка на размытой границе между жизнью и смертью, не только для того, чтобы научиться как не "сползать" с одной стороны на другую, но также и трансформировать саму природу этого перехода.

Затем, медленно, "новая привычка" или новый способ приводится под контроль, и первоначальная паника клеток расплавляется в полной сдаче -тот "глупый инстинкт самосохранения", как она сказала -- но у старых органов все еще есть трудность выстоять ту "пульверизацию" (или, скорее, ощущение пульверизации): "Ты выглядишь бледной", - сказал я ей как-то утром. У меня такое чувство, что я не здесь... Мое тело далеко от меня... Я в очень, очень "разбавленном" сознании -- очень распыленном. Естественно: она была повсюду! Действительно, очень трудно не спутать новое Движение с дезинтеграцией. Это НЕДВИЖИМО вот так [и она распростерла свои руки над грандиозным морем], но с великой силой вибрации... Есть растущее ощущение Мощи, которое начинает быть беспредельным,

но именно это состояние связано с этими трудностями [сердечными, кровеносными]. Я вот так, в "нечто", что кажется способным оставаться так вечно, но в чем я воспринимаю волны и волнообразные движения (и иногда концентрации, когда вовлечены земные события) грандиозной силы. Затем она улыбнулась: Лучше оставаться спокойной, и мы увидим, мы увидим, что произойдет.

Она училась быть в теле, будучи одновременно повсюду: "Простой пустяк может вынудить тебя потерять контакт."

Новая жизнь, которой следует научиться.

Клеточный уровень, на котором жизнь казалось распростертой повсюду. Текучая и неделимая Материя.

Мое тело далеко от меня...

Децентрализация

В том состоянии то, что мы называем "Материей", казалось все более и более проблематичным, казалось нечто связанным исключительно с тюрьмой нашего ментального восприятия и имеющим совершенно другую реальность -- не так, что Материя была иллюзией, а она иллюзорно воспринималась и переживалась, и эта иллюзия была причиной всей мистерии. Вопрос был не в том, чтобы выбраться из Материи, как выбираешься из кошмара -- способ, который рекомендуется всеми духовниками -- а в том, чтобы устранить очки восприятия или что-либо, что делает ее кошмаром; и остаешься в той же самой Материи, настоящей вместо ложной. И все изменилось. Этот кошмар или искажение вызывалось "я", которое продолжало выстраивать мир вокруг себя: оно оградило себя стенами в мире. Тогда как другая Материя не имеет "я", или все есть "я", и она "течет" без стен -- Материя течет. Нам могут сказать, что течет сознание или, возможно, воображение сознания, но не Материя. Нам могли бы заметить, что именно другое воображение сознания делает Материю твердой! Но дело в том, что это не воображаемое восприятие Разума, а клеточное восприятие, восприятие клеток -- действительно, они могут подхватить кровотечение неизвестного человека, удаленного на десять тысяч миль. Пока не доказано обратного, клетки сделаны из Материи. Но один раз в истории земли кто-то снял очки и увидел землю, почувствовал и пережил землю так, как сама Материя чувствует и переживает ее, непосредственно. Это явление мы изучаем. И весь вопрос состоит в том, чтобы открыть, может ли это явление, новое восприятие трансформировать тело -- это тело, сделанное из ложной материи, можно сказать -- которое служило эволюции, будучи мостом на клеточном уровне к другой реальности Материи (без тела -- этой "старой вещи", как Мать называла ее -- мы бы никогда не сделали мост), или же иллюзия будет растворена вместе с телом: кожа, сброшенная гусеницей. То есть, мы идем на другую сторону, в настоящую Материю, которая находится прямо здесь, но невоспринимаема нашим обманывающим и искажающим восприятием. И тело сброшено.

Кажется, что это не согласуется с фактами эволюции, которая до сих пор всегда поддерживала непрерывность своих тел и лепила одно тело из другого.

И будь ли это вопрос "перехода на другую сторону" или того, чтобы оставаться на этой стороне и комбинировать два способа в одном существе, но как можно жить без физического "я", без нечто, что дает отдельную и твердую уверенность посреди этой движущейся грандиозности мира? На клеточном уровне нет "я", нет необходимости воспринимать в связи с "кем-то", потому что этот кто-то везде одновременно; я есть все, тогда как же иметь дело с этим? И что тогда воспринимаешь? Конечно, это неудобно поначалу, как рыбе, которая должна внезапно взлететь: Долгое время находишься под впечатлением, что если эго исчезнет, тогда и существо исчезнет, форма исчезнет -- но это не так. Это не так. Трудность заключается в том, что обычные законы жизни больше не справедливы; тогда что же, есть все старые привычки плюс новая вещь, которую следует выучить. Как если бы клетки (на самом деле, не клетки, а организация, которая составляет форму и удерживает все это вместе, которая составляет то, что мы называем человеческой формой), как если бы они должны выучить, что могут продолжать существование без ощущения отдельной

индивидуальности. Тогда как в течение тысячелетий они по обыкновению существовали отдельно только благодаря эго. Без эго они могут продолжать жить по другому закону, который им пока что неизвестен и непонятен, но... Это не имеет ничего общего с волей, или... Не знаю, это нечто... способ бытия.

Универсальный способ бытия.

И я вижу, что в течение многих лет тело и все телесное сознание по обыкновению обращалось к старому способу как к прибежищу -- средству спасения -- чтобы убежать [в действительности это было "как" обморок], а теперь оно доведено до той точки, когда оно больше не может убежать, а, напротив, оно принимает: "Что же, если это распад, тогда распад. Что бы ни произошло, мы увидим -- великое приключение."

Различные стадии этого приключения выглядят несколько ошеломительно, и можем лишь отмечать слова Матери, здесь и там, через года: Тело стало почти прозрачным и почти несуществующим, не знаю, как бы выразиться... оно не препятствует вибрации: все вибрации могут пройти сквозь него. Я понимаю, что это происходило постепенно, но это нечто новое, так что это трудно описать. Но теперь именно само тело больше не чувствует себя ограниченным: оно чувствует себя распростертым во всем, что оно делает, во всем вокруг, во всех вещах, в людях, движениях, ощущениях, всем этом... Оно так вот распростерто. Это стало очень забавным, очень интересным. Это на самом деле новое. Ты должен быть немного внимательным и осторожным, чтобы не удариться о вещи, или когда держишь что-то -- жесты немного неточны. Должен быть переходной период, пока не установится истинное Сознание, тогда тело будет работать совершенно по-другому, чем прежде, но с точностью, которую мы не можем предвидеть... [Конечно, из-за того, что вы находитесь в мельчайшей частице гранита или в любой молекуле тела, то что же тогда остается "тайным"? Что остается "узнать", "измерить"? Все точно до милесекунды и дюйма.] И совсем другого порядка. Например, многие вещи видятся яснее с закрытыми глазами, чем с открытыми. Вам не нужно смотреть "куда-то туда" на нечто "другое" - это здесь; вы являетесь тем, на что смотрите. И больше нет нужды в органе видения: этот орган повсюду.

Изменяется способ бытия всего, всего. И сознание... да, оно постоянно вне инструмента [тела], как нечто очень обширное -- очень обширное и пластичное -- но постоянно так, днем и ночью. И все же это сознание ЭТОГО ТЕЛА. Вместо того, чтобы сознание было внутри тела, это тело находится внутри сознания, и все же это все еще телесное сознание. Кажется, что тело -- то, что мы называем телом, эта тонкая и жесткая корка на поверхности -- переносится, обволакивается или содержится в том безграничном клеточном теле, которое живет и чувствует и воспринимает все так, как у себя дома. И тонкая корка вовсе не обязательно является теперь его домом. Нет больше центра: центр везде. Оно децентрализовано, совершенно децентрализовано, -- скажет она вскоре. Это даже не так, как человек, который все больше растет, чтобы вобрать в себя других, это не так: это сила, сознание РАСПРОСТЕРТО над вещами. У меня нет ощущения пределов: у меня чувство нечто распростертого, даже физически... это как здесь, так и там, и там. Тело -- как нечто текущее в этом сознании, но не активное. Не могу объяснить это... Как океан света, который продолжает делать свою работу, и затем есть нечто текущее в нем [тело]... Цвета темного ультрамарина. Знаешь этот цвет?... Это все. И все больше и больше, в этом ультрамариново-голубом океане клеточного сознания, старое тело казалось нечто жестким, почти нереальным, некой ложью: Оно производит ощущение нечто все еще... несколько упрямо-жесткого -- точно: немного жесткого, немного напоминающего кусок коры. Некий пережиток, не знаю, как нечто несколько оцепеневшее или высохшее. И только та Великая Вибрация, столь мощная и столь спокойная. [Мать показывает два грандиозных крыла, взмахивающих в бесконечности.] Видимость является единственной противоречащей вещью. Вот что интересно: эта видимость [то есть тело] с очевидностью является противоречием истины; это нечто, все еще управляемое старыми законами, по меньшей мере, в своей видимости. Но это вовсе не соответствует состоянию сознания. Есть текучесть и широта и некая тотальность, а снаружи лишь нечто... что все больше и больше становится как бы

иллюзией. И все же другие видят именно эту внешность, это они понимают, это они знают и называют личностью... А поверхность, в точности та часть, которая чувствуется как корка, есть то, что изменится в последнюю очередь -- так что же произойдет? Не знаю... не знаю. Но эта вещь изменится последней.

Растворение коры или трансформация коры?

Говорилось, что Материя есть Энергия, $E=mc^2$, но на клеточном уровне обнаруживается новое уравнение: Материя=Сознание. Океан сознания и всемогущей силы, цвета ультрамарина.

Но как мы перешли от той текучести к этой отверделости, как эта корка или кора стала затвердевшей? Вся эволюция представляет собой грандиозный процесс затвердения, построения тюрьмы, на том или другом уровне. "Ложная материя" не ждала, пока сформируется наш разум -- возможно, она сделала его "толще", чем у других видов; верно, что только мы отрезаны от вселенской жизни, только мы знаем персональную боль и смерть, только мы переживаем беспорядок и отлучены от знания точного закона и спонтанного движения, но также только мы стали осознавать свою индивидуальную тюрьму, и, возможно, только мы способны сознательно вернуть себе ту пружину или тот источник, который позволил бы трансформировать нашу тюрьму боли и смерти и беспорядка в нечто иное, чего не знал ни один из предшествовавших видов. Такова Поворотная Точка, которой достигла Мать. И одним утром, когда она приближалась к той движущейся границе Материи (нашей "Материи"), ей стала ясна вся картина эволюции: Можно сказать, что все переживания ведут к единственному откровению: существует только сознание. И именно решение или выбор сознания творит форму -- все формы -- от наиболее тонких до самых материальных; и материальный мир, ВИДИМАЯ жесткость материального мира, проистекает из искажения или затемнения сознания, которое утратило чувство всемогущества. И это искажение стало гораздо более выраженным с появлением Разума, который в своем действии заменил сознание [великая эволюционная точка "отсечки", которая началась с нашим отделением от "животного"], настолько, что фактически он занял место сознания, и теперь Разум, в своем обычном действии, не может отличить себя от сознания: он не знает, что такое сознание. Чтобы Разум был сознательным, он должен ментализировать, другими словами, преградить Поток, поделить вещи на кусочки и рассовать их по ящичкам, что замещает (бедно) спонтанность животной жизни. Быть сознательным означает размечать. Нет меток, нет "сознания". И все это имеет смысл -- единственный лишь смысл -- если достигнешь конца этого. Конец -- это когда сознание восстанавливает свою силу.

Будет ли это иметь силу трансформировать "корку"?

Трансформация корки, или попытка растворить корку, станет последней стадией йоги Матери после великой Поворотной Точки 1968 года. Объединить две стороны в новом бытии.

Нулевой час материи

Но тогда, если Материя=Сознание, то в зависимости от светлости сознания, мы будем иметь более или менее грубую и темную материю. Если вибрация тяжела, то и материя тяжела. Если сознание медленно, то и материя медленна -- почти в застое. Легкость Материи пропорциональна скорости сознания; в истинные моменты Материя светла и прозрачна; в ложное время она несговорчива и заточает вас в тюрьму -- и все же это та же самая Материя. Как материя гусеницы и бабочки. С различными ритмами сознания.

Чтобы перейти от гусеницы к бабочке, Материи не нужно меняться: должен измениться ритм сознания. В куколке бабочки время останавливается... и Материя трансформирована.

Возможно, это неожиданный взгляд на проблему.

Трансформация Материи -- это проблема трансформации ритма материального сознания.

Супраментальная Вибрация одновременно совершенно спокойная и характеризуется фантастическим движением.

Математики говорят, что при достижении скорости света время останавливается или же, что это тот предел, когда время замыкается на себя, и теоретически возраст человека, путешествующего со скоростью света, будет оставаться неизменным, тогда как его братья будут стареть и умирать на медленной земле. Не зная этого, они прикоснулись к глубокому закону. Только это не вопрос скорости в километрах в час, это вопрос скорости сознания. На пределе материального времени, как и на клеточном пределе материальной толщины, та же самая Материя трансформируется и меняет свои законы. На обоих полюсах наталкиваешься на единственное сознание, которое формирует и переформовывает Материю в соответствии с ее скоростью... или радостью.

Материя есть свойство скорости сознания.

Когда время останавливается, Материя меняется.

Нулевой час Материи.

Смерть -- это изменение ритма.

Вместо того, чтобы менять ритм, умирая, мы должны изменить этот ритм в теле.

Возможно, в этом заключается вся проблема трансформации.

Посмотрим.

Но, прежде всего, как можно жить в той клеточной текучести, в той жизни "без барьеров" и как организовать ее практически?

Как выглядит эта децентрализованная жизнь?

XXII. НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Пройдя через ту сеть, ту многообразную клеточную жизнь или клеточное сознание, поначалу наталкиваешься на ужасающий хаос. Поистине хаос нового рождения в мире. Если бы это был вопрос рождения существа, полностью нового и обнаженного, то это было бы прекрасно, но это возрождение в старой корке или через старую корку и несмотря на нее. Глаза уже не видят прежним образом, руки уже не действуют привычным способом, а ноги удерживают тело прежним способом, функции тела подчиняются старым привычкам, сон мирно спит, время отмеряется часами, и тело находит свое пристанище в своей маленькой благовидной броне. Требуется время, чтобы начать понимать, что есть что, и начать организовывать то, что поначалу кажется очень неопределенным, если не бесконечным сознанием цвета ультрамарина -- не падать в обморок: несмотря ни на что идти и встречаться с той сотней, двумя сотнями людей в день, отвечать на их вопросы, распутывать их ссоры, подписывать чеки и оценивать расходы... Поддерживать контакт, имея совершенно другой контакт. Этот "фарс" будет продолжаться прямо до 1973 года. И, естественно, "Мать дряхлеет, Мать стара, Мать...", как говорила она мне, смеясь, со своим неизменным юмором, как если бы юмор был бы поистине единственной вещью, которая могла бы существовать на обеих сторонах! Возможно, это единственная вещь, которой недостает животным, и единственная вещь в нас, которая перейдем в следующий вид.

И, действительно, все новое функционирование, которое постепенно появлялось, меняло, атрофировало или разрушало старое функционирование: зрение ухудшалось, слух ухудшался, пульс был столь странный, что убил бы кого угодно еще дюжину лет назад, память подводила... все признаки дезинтеграции. Прием пищи тоже становился проблемой. Понятно, это одна из необходимых вещей, -- говорила она, смеясь, -- тело должно есть. Но до какого предела и как?... Переход, как сделать этот переход? Шаг, скорость трансформации, приемы трансформации?... Тело ничего не знает. Это бедное тело ничего не может сказать, потому что оно не знает. Ему совершенно ясно было показано, что все то, что оно, как оно думало, выучило за девяносто лет, не имеет вовсе никакого значения, и все должно быть еще выучено! Так что тело полно доброй воли, но находится в абсолютном неведении. Оно лишь пытается прислушиваться к малейшему намеку, но эти намеки... не очень ясные. Дело дошло уже до того, что даже те вещи, которые были понятны и были приняты (с самого раннего возраста мы обретаем привычку о вещах, что "так и должно быть") стали абсолютно нереальными и фантастическими. Все те вещи, которые никогда не обсуждались и принимались как должное: нереальными и фантастическими. Иногда тело удивляется, как, как

же можно сделать какое-то движение. Ты понимаешь, все функционирование, все поставлено под вопрос. И все маленькие образчики вокруг нее наблюдали и отмечали это, и все это кишение было в Матери, или, скорее, она была повсюду в том кишении тревожных или нетерпеливых или катастрофических реакций -- осада. Осада Смертью. Это будет до самой последней секунды. Они предвидели все, даже ее смерть. Они знали все. Подождите, последний акт еще не сыгран! -- сказала она. Ты знаешь, ты расскажешь им.

Ты расскажешь им...

Я не знаю; я держу ее руку на другой стороне вуали, и странные вещи завариваются для мира.

Мы действительно на пороге новой эры. Совершенно неожиданной.

Тогда она засмеется -- она всегда смеялась: Внезапно я поняла [почему работа по трансформации началась так поздно, после восьмидесяти лет], это как если бы Шри Ауробиндо заставил меня понять, что это пришло в преклонном возрасте для того, чтобы выглядело правдоподобным! Все можно списать на преклонный возраст, это кажется столь убедительным! И внезапно, все стало кристально ясным -- и я сказал ей: "Произойди это с тобой в возрасте тридцати лет, и никто бы не понял физического испытания, через которое ты проходишь, потому что... кажется, как если бы тело должно умереть, чтобы перейти на другую сторону."

Телесное тождество

Трудно логически описать, как чувствует себя новорожденное дитя, когда весь новый мир обрушивается на него со всех сторон -- есть тысячи явлений, которые читатели Адженды откроют одно за другим в странном лесу Матери. С самого начала Мать была фантастически одарена видением, но я намеренно избегал этого предмета, во-первых, из-за того, что нам уже достаточно чудесных видений: мы просто предпочли бы видеть собственными физическими глазами; во-вторых, "физика" с ее сомнительными суждениями столь преобладает в наших журналах, что этот предмет дискредитирован, как и все прочее: мы живем в век всеобщей дискредитации. Старый принцип политэкономии применим ко всем областям: плохие деньги прогоняют добро. И, возможно, это и к лучшему, ведь, в конце концов, то, что нам нужно, это не сверхъестественное, а самое естественное. Однако, сам новый тип видения, который начал проглядывать сквозь ячейки сети, не имеет ничего общего (или все меньше и меньше) с нашим органом зрения, а также ничего общего с божественными видениями Иакова или любого другого пророка, и не имеет ничего общего с выдумками физики (которые, однако, не обязательно являются выдумками, вовсе нет, а в большинстве случаев предстают плохо настроенным инструментом, почти всегда смешанным с другими вещами и также плохо понимаемым). Это было некое новое видение не только Материи, но и жизни в Материи: клеточное видение, мы могли бы назвать его, хотя этот термин рискует быть вульгаризированным и девальвированным; лучше назвать его телесным видением. Это само тело, непосредственно взирающее на мир, без вмешательства разума и все в большей степени без вмешательства глаз, которые так запачканы, как если бы заранее зафиксированы разумом в этом состоянии. Годы спустя Мать сделает одно очень интересное замечание, следуя за маленькой радикальной операцией, о которой мы поговорим позднее, и которая совсем просто уничтожила в ней Разум: Странно, я осознала, насколько разум влияет на то, что мы видим. Она начала терять свое физическое видение, то есть, становиться слепой, когда ее Разум был устранен... как если бы 90% физического зрения зависело бы от разума. Но тогда если видят не физические глаза, видит не разум, если все это устранено, тогда что же видит? Мать никогда не видела так хорошо, когда ослепла. Так что же?... За тысячи миль или вблизи, все едино. Иногда она не могла различить лицо человека прямо перед собой, и все же она видела малюсенькую иголку, которая была ей нужна, или людей, гуляющих в Нью-Йорке или Лондоне. Это был другой закон видения, и чем был этот закон? Если не глаза, не голова, а также не созерцание, не экстаз или глаза сновидения, если не все это видело, то что же было поддержкой видения? Мать видела лишь с единственной поддержкой, оставшейся в ней: сознанием тела. И тело повсюду! Как только

оно вне сети, сознание тела напрямую достигает всего. Оно видит все физически. Это тело, непосредственно взирающее на мир.

Но оно не смотрит на мир так же, как смотрели бы мы, будь у нас тысячи глаз! На самом деле это вовсе не материальная проекция нашего ложного ментального видения (это как раз то, что мы могли бы вообразить, потому что мы всегда проецируем в воображении наш способ видения в тюрьме): это видение вне тюрьмы, видение материальной реальности, свободной от всех ее ментальных видимостей, побочных продуктов и масок. Это материальный мир, видимый без искажения. "Но тогда в чем оно отличается от старого видения и всех старых видений?", -- спросил я как-то Мать. Это как если бы сознание не было в том же самом положении по отношению к вещам. Так что они выглядят совершенно по-другому... Обычное человеческое сознание, даже если оно максимально широкое в своих представлениях и так далее и тому подобное, всегда занимает некий центр, так что вещи существуют по отношению к этому центру -- ты находишься в определенной точке, и все существует в связи с той точкой сознания. А теперь такой точки больше существует, так что вещи существуют В СЕБЕ. И внезапно я широко раскрыл свои глаза (эти бедные физические глаза), как если бы разваливалась на части вся фантазмагория мира. Мы не видим ничего, как оно есть на самом деле! Мы живем в фантастической ментализации мира, центрированного на маленькой точке "я": и именно это "я" проецируется без всякой меры, со всем его бедным багажом наследственности, философии, супружества и всего остального. Ты понимаешь, мое сознание находится В вещах -- это не "нечто, что воспринимает". Это гораздо лучше этого, но я не знаю, как выразиться... Так часто она не знала, как бы выразиться, и как действительно можно это сказать?! Прежде, когда я имела переживания (очень давно, долгие годы назад), это был разум, который извлекал из них ту или иную выгоду, затем раскрывал и распространял их и как-то использовал. Теперь это не так: именно непосредственно само тело, само тело имеет переживание, и переживание ГОРАЗДО БОЛЕЕ РЕАЛЬНОЕ. Есть определенная ментальная позиция, которая накидывает некую вуаль или... Не знаю, что, нечто... Нечто нереальное, набрасываемое на восприятие. Как если бы ты видел через определенную атмосферу. Тогда как тело СТАНОВИТСЯ тем. Оно чувствует это в себе. Как если бы вещь была захвачена снаружи, именно само тело становится ею.

Это тело, чисто, без добавлений органов или мышления (действительно тело новорожденного младенца), видит чистый мир, чистую Материю, чистого человека и чистое все. Ему даже не нужно "видеть", как если бы вещь была перед ним; телу даже не нужно "становиться" тем, что оно видит: оно является всем -- парфюмерной бутылочкой, прохожим, Эверестом, войной в Биафре -- оно видит, потому что является этим. Это видение через тождество (и даже слово "тождество" подразумевает две вещи: есть лишь ОДНО). Чудесно быть Эверестом, но менее чудесно быть болью ученика, страдающего от рака, кровоизлиянием другого или смертью третьего.

Станный мир.

Как выглядит чистый мир?

И нет ли некоего фильтра, защищающего вас от нежелаемых переживаний?... Да, есть Фильтр, грандиозный Фильтр, сверхъестественный Фильтр. Ведь то тотальное сознание -- это не сознание сумасшедшего: это точное сознание, до секунды и до микрона -- оно является всем. И оно, очевидно, очень хорошо знает каждую точку своей тотальности, от электрона до дорожного полицейского. Все движется вместе и все является всем. И оно совершенно точно знает силу потока, который может пройти через нечто, не расплавив предохранители или разрушив что-то. Короче говоря, это все, неисчислимо переживающее себя. И величайший восторг мира -- к которому шла Мать и хотела, чтобы к нему двигался и весь мир, шаг за шагом -- это иметь в каждой точке неисчислимо переживание, неисчислимо открытие, неисчислимо удивление повсюду в восторге всего. Вот почему, прежде всего, развернулась вся эта несчастная история.

Так что это колдовской "Фильтр".

Для его заклания не требуется какая-то борода или крест или заповеди. Нужно найти

лишь определенную улыбку.

Возможно, это действительно наша улыбка.

На этот раз.

Есть лишь ОДНО, вы понимаете, так где же другое, где же Бог на своих высотах?

Мы еще должны понять этот мир.

Глаза Материи

Это новое видение не установилось за один день; в действительности, вся новая жизнь оформлялась на всех фронтах, как и обычно, это первый контур моды бытия следующего вида; и бесконечно интересен переход от одного способа видения или слышания или движения к другому, потому что через него мы можем ухватить ключ к тому механизму, который, по сути, составляет всю разницу между старым видом и новым. В начале Мать говорила: я теряю мое зрение, я теряю слух, я теряю память... Всегда "я теряю", когда нечто иное должно прийти на смену -- есть даже некое "я теряю свою жизнь", что также должно измениться. И она заметила с изумлением, потому что она всегда изумлялась: Например, я беру листочек бумаги и читаю с него столь же ясно, как это было обычно. Как только я замечаю, что вижу ясно -- все кончено!... Она замечает. Да, как только "замечаешь", так сразу же возвращаешься в тюрьму -- там можно заметить все, так что ничто больше не естественно или чудесно, как оно должно быть. В другой же раз, после нескольких попыток прочесть послание, беря увеличительное стекло, откладывая его в сторону и, наконец, прочтя на одном дыхании, она отметила: Я только что прочла и видела очень хорошо. Но как только возвращается старая привычка (как идея или как воспоминание), что мне нужно увеличительное стекло, тогда я больше ничего не вижу! Затем я забываю о том, что нужно видеть или не видеть, и работа идет прекрасно! Я не замечаю, вижу ли я или нет. И так во всем... Со внешней стороны здесь какая-то несуразица. Это должно зависеть от другого закона, который управляет Физическим, и который я пока что не знаю. Она вскоре узнает этот другой закон: что есть лишь один орган, сознание, который в ходе эволюции как бы "окаменел", чтобы быть по привычке связанным с глазом или ухом, но который распространяется везде без какой-либо поддержки -- естественно, ведь он поддерживает все!

Затем стали множиться другие явления, приходящие под другими углами: старые явления обретали другое значение или новую остроту; то, что прежде она обычно видела внутренними глазами или глазами "сновидения", начало переходить в физическое, как если бы менялось само восприятие тела, и все становилось физическим, даже "иные миры"! Я подняла глаза (я сидела перед зеркалом, в которое я обычно не смотрю), я подняла глаза и взглянула, и увидела множество вещей... И в тот момент я имела переживание, я сказала себе: О, вот почему мое видение с физической, чисто материальной точки зрения, кажется затуманенным. Потому что то, что я видела, было ГОРАЗДО ЯСНЫМ и бесконечно более выразительным... как если бы Мать начала видеть физическое гораздо яснее, но другим способом. Чувства меняются -- я не имею в виду, что используются чувства с другого плана (это понятно, с самого начала мы имели чувства повсюду, но теперь все совсем по-другому): я имею в виду, что САМИ ЧУВСТВА меняются. Ты понимаешь, меняется их содержимое. Например, состояние сознания человека, на которого я смотрю, меняет его физический облик ДЛЯ МОИХ ФИЗИЧЕСКИХ ГЛАЗ. Глаза этого человека уже не те же самые, как и остальная часть его лица -- даже цвет и форма -- вот почему иногда я колеблюсь. Я вижу людей (я вижу их каждое утро, ты знаешь) и узнаю их, и все же они другие, они не те же самые каждый день (некоторые всегда одни и те же, всегда, как камень), но некоторые не всегда одни и те же; в отношении некоторых я даже колеблюсь: он ли это? Но, боже мой, он так изменился... И это явление становилось все более и более точным: Ты понимаешь, это больше СОЗНАНИЕ вещей, чем единственно или чисто видение. И я заметила: вот, например, передо мной кто-то; есть люди, которые становятся все более ясными и отчетливыми по мере того, как я на них смотрю; другие же становятся все более тусклыми и расплывчатыми ДЛЯ МОЕГО ФИЗИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ. И это зависит от их состояния сознания. Некоторые становятся совершенно ясными и отчетливыми, особенно их глаза, и в

их глазах я вижу сознание. А другие, наоборот, становятся темными и тусклыми; есть даже такие люди, у которых я вижу два черных экрана на месте их глаз. Как если бы они что-то хотели скрыть. Очень интересно. Другими словами, физический мир, вещи, существа обретали для Матери ясность лишь в той пропорции, в какой они содержали сознание -- и, достаточно странно, в человеческих существах не всегда было больше всего сознания! Те "черные экраны" -- это типично человеческое явление, возможно, даже чисто человеческое: как часто Мать говорила о жизни в камне, не говоря уж о бутылочках для полоскания рта! Когда люди приходят, чтобы увидеться со мной, поначалу я вижу лишь их силуэт, затем, внезапно, все становится различимым. А потом снова происходит затемнение -- В СООТВЕТСТВИИ С ИХ МЫСЛЯМИ! Довольно интересно. И весь физический мир казался меняющимся и текущим, становился ясным или туманным, как текучая картина, в соответствии с тем сознанием, которое он содержал.

И то же самое для слуха: Тем же образом я слышу определенные звуки. Мне случалось замечать звук почти невоспринимаемый, приходивший через сотни ярдов, а у меня было такое впечатление, что он раздавался прямо здесь... Я слышу то, что мне нужно слышать, пусть это будет малейший шорох, а весь шум разговора, все вещи, производящие много шума, я вовсе не слышу! Поэтому они говорили: "Мать глуха", "Мать слепа", но она была глуха к их "мешанине Лжи" и слепа к их скверным мыслям, которые она очень хорошо знала (или, скорее, очень хорошо чувствовала, к сожалению). Некоторые люди говорят со мной, а я совершенно не слышу -- ничего. С другими я слышу какое-то жужжание, не имеющее смысла. Тогда как с некоторыми я слышу каждое их слово. Но это другой способ слышания. Я слышу вибрацию их мыслей, вот что делает звук столь ясным... В течение очень долгого времени, годами, я чувствовала, что когда люди не ясно думают, я их не слышу. Но это не совсем так: это когда их сознание не ЖИВО в том, что они говорят -- это не столько вопрос "думания" -- их сознание не живо в том, что они говорят; есть лишь ментальная машина, и я вовсе ничего не понимаю, ничего. Когда их сознание живо, это затрагивает меня. И я наблюдала, например, что люди, которых я не слышу, думают, что это из-за того, что я глуха самым обычным образом, и начинали кричать -- это даже хуже, это как если бы они швыряли в мое лицо камни! Ни разу, ни на минуту, прямо до самого конца, я никогда не чувствовал, что Мать слепа или глуха. Она всегда отлично меня слышала, даже мои самые дурацкие вопросы, и она всегда меня видела... вероятно, лучше, чем я вижу себя в зеркале!

Так чем же тогда является настоящее видение, что делает его по-настоящему "конкретным"? Это ли материальная серость, которая становится все туманнее, или же одиноко сияющий неожиданный объект? И с ее чудесным юмором, однажды она заметила: Мой способ видения -- это по-настоящему очень интересная вещь. Внезапно нечто приходит (вещь или лицо или письмо или...), ясное, отчетливое, почти светящееся. В следующую минуту все как в тумане -- как если бы мне говорили: это стоит видеть (поэтому я смотрю), а то... [смеясь] лучше об этом не беспокоиться! Так что письма -груды писем -- объекты, люди, все становилось ясным или исчезало в соответствии с... его истиной или полезностью. Исчезал весь мир человеческих нагромождений. Виделось то, что конкретно. Конкретное -- это то, что сознательно. Все это изменилось, подразумевая всю работу органов -- и органы ли это изменились или их работа? Я не знаю. Но они подчиняются совсем другому закону.

Тем не менее, я продолжал донимать Мать, потому что я всегда имел некое инстинктивное и рациональное недоверие "психического". (В действительности, как бы странно это ни прозвучало, но Мать всегда казалась мне наиболее рациональным существом в мире, как если бы наконец я встретил того, кто был бы воплощенным разумом по сравнению с этим миром сумасшедших, оснащенных наукой и телевидением, и все ее переживания, довольно загадочные для большинства людей, всегда казались мне несущими некую глубокую логику, подобную истинной логике вселенной. Мать -- это истинная логика вселенной. Она была иррациональной ничуть не больше, чем глухой или слепой. Только это следующая логика вселенной, или, возможно, старая извечная Логика, которую, как мы думаем, мы могли бы лучше освоить и "улучшить" в нашей тюрьме.) Я спросил ее,

несколько вызывающе: "Но, послушай, не может ли психическое видеть подобным образом?" Нет, вовсе нет! Это не так, как все видения, которые я имела!... Это новое видение вещей не имеет ничего общего с тем, чтобы выходить из материи, чтобы иначе увидеть мир (это давно уже проделывали и прежде, ты знаешь, в этом нет ничего нового, и это не так уж чудесно), это не так: это материя, взирающая на себя, совершенно новым образом, и вот что удивительно -- она видит все дело совершенно по другому. Мать не закрывала глаза, она не уходила в созерцательность и даже не пыталась видеть: вещи просто так обретали форму, спонтанно, перед ее глазами, и как если бы в истинной их форме, как если бы сознание тела взирало на мир своим собственным способом, чисто, без ментального покрытия, которое придает видимый налет сознания, налет культуры, конкретный налет пудры или усов... что вовсе не конкретно, что на самом деле не существует. Это не Мать "видела": вещи показывали себя такими... какими они были на самом деле. И она добавила, с некой юной улыбкой, такой чистой, столь детской, которая растягивала ее лицо (странно, но в такие моменты она выглядела как смеющаяся китаянка!): Все начинает становиться таким, как если бы все это виделось в первый раз и под совершенно другим углом -- все, все: характер людей, обстоятельства, даже движение земли и звезд; все подобно этому, все стало совершенно новым и... неожиданным, в том смысле, что все это человеческое видение: полностью ушло! Так что вещи поменяли видимость!

Короче говоря, ложная материя постепенно исчезала, та самая материя с лощеными усами -- та самая с тяжелыми вибрациями.

Но нечто остается, что является истиной Материей.

Вуаль нереальности

Мало-помалу, в результате постепенного ослабления ячеек сети, это явление нарастало по интенсивности и охвату. Это было видение повсюду. Мы с трудом можем назвать это "видением", потому что оно не имеет ничего общего с волшебной и приукрашенной физической реальностью -- нет аур, нет ливня цветов или музыкально-картинных узоров: более научное физическое, мы могли бы сказать, подразумевая более точное, без очков, окрашивающих в розовый цвет. Но чем больше проявляется та реальность, тем более нереальной становится другая, как если бы глаза больше не могли бы видеть то, что не истинно -- в точности противоположное явление тому, что происходит в нашем мире, где чем более ложные вещи, тем громче они и больше бросаются в глаза: Например, когда я смотрю на людей, то не вижу их так, как они видят сами себя, я вижу их с вибрацией всех сил, которые находятся в них и проходят через них, и довольно часто со всевышней Вибрацией Присутствия. И как раз поэтому мое физическое зрение находится в процессе не исчезновения, а изменения характера, потому что физические детали обычного физического зрения... ложны для меня. Даже ее язык больше не мог пробовать того, что было ложно! Эти последние дни я переживала изменение в качестве вкуса. Определенные вещи имели искусственный вкус (обычный вкус является искусственным вкусом), а другие несли В СЕБЕ настоящий вкус; тогда это очень ясно -- очень ясно и очень точно. То, что очень точно для нас -- это как раз то, что становится наиболее затуманенным (я говорю и Мать говорит о сущностно человеческом мире, потому что деревья и фрукты и весь естественный мир удерживает свою естественную точность). И этот туман стал некой вуалью, который поначалу она не могла хорошо различать, за исключением того, что по внешним признакам она становилась слепой -- теряешь все "качества" старого вида. Это видение довольно странное. Как если бы всегда была вуаль между мной и вещами, постоянно [это было в 1965 году, до того, как она "официально" стала слепой], я так привыкла к этому... а затем, совсем внезапно, без какой-либо видимой причины (я имею в виду какую-либо внешнюю логику), нечто стало ясным, отчетливым, резким -- в следующую минуту все кончилось. Иногда это слово в письме, иногда предмет. И это видение другого качества... Как бы это объяснить? Как если бы озаряющий свет был бы внутри, вместо того, чтобы быть над предметом, это не отраженный свет. Этот свет не столь яркий, как, например, свет свечи или лампы, это не так; вместо того, чтобы отсвечивать, объект имеет собственный свет, который он не испускает.

Это происходит все чаще и чаще, но без какой-либо логики. Имеется в виду, что я не понимаю логики этого. Но видение столь необычайно точное! С полным охватом вещи, виденной в тот момент, когда вы видите ее. Например, рано утром, когда я поднимаюсь, я иду в ванную комнату, прежде чем зажечь свет (но я вижу так же ясно, как когда свет зажжен, это не составляет никакой разницы); однажды показалось, что все было за какой-то вуалью. Тогда я обратила на это внимание и сказала себе: "Но все это становится столь тусклым, это совсем не интересно!" И я начала осознавать ту или другую вещь. И внезапно я увидела в шкафу это явление бутылочки, становящейся совершенно ясной... со внутренней жизнью. Да! сказала я себе, что ты на это скажешь! В следующую минуту все ушло. Очевидно, это подготовка видения через внутренний свет вместо отраженного. И это очень... о, это теплое и живое и интенсивное -- и столь точное! Все видится одновременно, не только цвет и форма, но и характер вибрации. Это было так чудесно... Но не совсем так, это как если бы я была за вуалью, вот точное впечатление: вуаль. И, внезапно, нечто ожившее с истинной вибрацией. Но это редко... И с ее извечной иронией, она добавила: Вероятно, не так уж и много вещей можно увидеть!

Это вуаль странно напоминает вуаль физического разума, который окутывает клетки, все и каждую клетку, в темный кокон, потому что, как только она постепенно выходила из сети, другое видение -- которое она называла "следующим способом" -- становилось не только естественным, спонтанным и постоянным, но и универсальным. И, довольно любопытно, это было не только "видение": Не могу сказать, что это "образ": это знание. Я не могу даже сказать, что это знание, это... это нечто, являющееся ВСЕМ одновременно, и там, в том глобальном восприятии, старый обычный способ видения глазами казался все более и более нереальным... в конце концов, что сказал бы сурок, если бы у него постепенно развилась пара человеческих глаз? Исчезает ощущение "конкретного" -- исчезает все больше и больше. "Конкретное" видение, "конкретный" запах, "конкретный" вкус, "конкретный" слух, все это как нечто далеко, далеко отошедшее в нереальное прошлое -- и это сухое и безжизненное конкретное замещается нечто очень простым, очень полным, в том смысле, что все чувства действуют одновременно, нечто **ОЧЕНЬ СОКРОВЕННОЕ СО ВСЕМ**. Прежде каждая вещь была отдельной, разделенной, без какой-либо связи с другими вещами, и очень поверхностной -- вещь была очень точной, но и очень поверхностной, как острие иглы. Это больше не так. И, прежде всего, есть ощущение сокровенности, то есть, нет расстояния, нет разницы, нет нечто, что видит, и нечто, что видится со стороны... Мать начала уходить в тот ультрамариновый океан клеточного сознания, где тело распростерто повсюду, и что там "видеть"? Не нужно ничего "видеть", как когда вы находитесь снаружи: ведь теперь вы в нем. Вы являетесь, поэтому вы видите и слышите и ощущаете запах. Вы являетесь всем, что происходит в каждой вещи. "Некое осязательное видение", -- как она выразится. Это выше видения. Некое восприятие, в котором больше нет какой-либо разницы между органами. И это восприятие... да, тотальное, это одновременно видение, слышание и знание. И всегда впечатление нечто такого гладкого -- нет ударов, нет конфликтов или усложнений, как если бы ты больше не мог столкнуться ни с чем, больше не мог... Это довольно интересно.

Текучая жизнь, везде, во всем.

Парадоксальная жизнь, все более и более парадоксальная, на границе между гусеницей и бабочкой -- но все больше больше на стороне бабочки. Раньше, когда я брала увеличительное стекло, я могла очень хорошо читать, но теперь это не помогает мне вовсе, вещи не проясняются, всегда все тот же туман. Просто они увеличиваются, и на этом все. Странно, просто они выглядят крупнее, но это все одно, вся та же вуаль... нереальности.

Материя не становилась нереальной на манер иллюзионистов; отодвигался в прошлое человеческий способ видения Материи. Это очень странно; в действительности, как если бы тело Матери становилось все более ясным и более точным инструментом -- истинным и точным, потому что он был тотальным -- который больше не мог регистрировать что-либо иное, чем то, что было на самом деле -- некий тотальный супермикроскоп, который не мог

видеть фантомы, если можно так выразиться, или несуществующую Материю. Теперь мы понимаем, почему Шри Ауробиндо назвал это "Истиной-Сознанием", и в каком смысле он "ослеп". Я никогда не видел мир так хорошо, как после своего уединения, -- писал он.

Естественно, нам могут сказать, что человеческое видение, реальное или нереальное, в совершенстве адаптировано к человеческой среде, как сурок в своей норе -- но дело в том, чтобы знать, навечно ли боль и смерть также "адаптированы" к нашей жизни, или же они являются некими нереальными и устранимыми паразитами.

Живое видение

Эта разносторонняя жизнь приходила в маленьких мазках переживания; можно было чувствовать, как она ощупью прокладывала себе дорогу через тело Матери, чтобы найти нужные средства своего выражения. Должна была установиться некая новая жизнь, как когда некий маленький долгопят на Филлипинах должен был в первый раз открыть свое бинокулярное видение, но здесь видение не является таким видением и имеет миллионы глаз -- действительно, это не видение, это образ жизни, "способ бытия", как скажет Мать. И если не некий окончательный способ бытия, то было бы ошибочно принять переживания Матери как некую библию нового мира, боже упаси! Она бы содрогнулась, она, которая не дрожала ни перед чем. Те переживания, из которых мы сейчас можем выбрать несколько, указывают скорее на общее направление развития, на его процесс; и, скорее всего, новый вид усовершенствует, адаптирует и разнообразит эти инструменты. Это только первые шаги нового мира. Сотни странных или комических или иногда даже мучительных переживаний, которые запугали бы кого угодно, только не Мать. Внезапно Мать открыла все достоинства Матильды и ее позитивистского воспитания "железного прута": Это было чудесное воспитание, мой мальчик! Чудесное. Я бесконечно признательна ей за это... Я не верю, что есть кто-либо более материалистический, чем я была, со всем практическим здравым смыслом и позитивизмом, и теперь я понимаю, почему это было так! Это была наиболее прочная база, необходимая для тех переживаний: нет опасности воображения.

Мы ищем механизм, а не истории (в некотором отношении жалко, что это так, но читателям Адженды доступны эти истории). Как бы там ни было, можно выбрать одно довольно типичное и поразительное переживание. Груды писем ожидали Мать, и она говорила себе: "я должна их все просмотреть", но никогда на это не хватало времени. Затем одним утром я внезапно почувствовала некую тяжесть в своей голове, и такую же тяжесть в груди и... странно. Я никогда раньше это не чувствовала. Все ощущения обострились. Поэтому я закрыла глаза и... лавина: кавалькада звуков, цветов, даже запахов, которые набрасывались на меня с невероятной реальностью и интенсивностью -- я никогда прежде не переживала такого, никогда. Я посмотрела и сказала себе: "Что же, неплохой способ сойти с ума!" И я начала делать все необходимое, чтобы остановить это. Но это не прекращалось! Это хотело продолжаться. Так что я сказала себе: очевидно, если есть этому причина, то по этой причине я имею это переживание. Я смотрела, изучала, наблюдала. И я увидела, что способность ощущать неимоверно усилилась, ты понимаешь, невероятно возросла, из-за нарушения равновесия среди способностей существа. Было нарушено естественное равновесие, которое спонтанно гармонизирует и организует вещи, чтобы создать связанное целое -- нарушено в пользу способности ощущать. И так что, естественно, способность ощущения грандиозно возросла и даже грубо навязывала себя. Затем это переживание улетучилось. Два-три дня спустя кто-то просматривал почту и почитал Матери одно из писем: "Что Вы думаете об ЛСД? Может ли этот наркотик помочь прогрессу человеческого сознания?" Внезапно Мать разразилась смехом. Ей не нужно было "думать" о значении ЛСД: она пережила ЛСД. И так я имела переживание, не поглощая наркотик! И все было в том переживании: звуки, цвета, запахи... Не было "как если бы": это проживалось. Проживалось спонтанно.

И все переживания этого нового (я почти не сказал "видения", но, очевидно, это нечто иное), нового восприятия или способа бытия -- того же самого живого рода: нечего "знать" - вы являетесь этим. Теперь это восприятие, которое включает все -- вкус, цвет, запах, звук,

знание -нащупывало свои средства выражения, и через определенные повторяющиеся переживания казалось, что оно принимает форму некоего киноэкрана, но не "внешнего" экрана, на который смотришь как зритель в кинотеатре; это внутренний экран... в которыйходишь! Вы входите в экран и начинаете переживать историю: она происходит в вас. Это не так, что вы смотрите на нее извне: вы живете ей. Как-то рано утром это экран открылся, и она увидела (не так, что она "увидела", вы понимаете; это случилось, случилось с нею), она увидела священника и мальчика, идущего к ней, чтобы совершить последний обряд! Я не чувствовала себя как-то больной, но, как бы там ни было, это произошло!... Они хотели мне дать последнее причастие, и так я смотрела -- я смотрела, я хотела видеть. Я сказала себе: что же, прежде чем отослать их, посмотрим, что это такое (я не имела понятия, почему они пришли, ты понимаешь; кто-то прислал их для последнего причастия). Я внимательно наблюдала, чтобы понять, имело ли все это силу, не было ли это намерением нарушить прогресс души и привязать ее к старым религиозным формациям... И сразу после этого внезапно все исчезло (как с экрана), и все кончилось. Тем не менее, Матери действительно было дано последнее причастие, можете поверить в это! На следующий день она получила письмо от одного умирающего джентльмена из католической семьи, спрашивавшего ее, следует ли ему принять последнее причастие, не нарушит ли это свободу его души... Теперь Мать знала. Она уже подверглась этой "операции". Это странно, ты знаешь. Это не был ментальный контакт, который позволяет узнать, что написал тот джентльмен; нет, это было переживание. Это всегда в форме переживания, ДЕЙСТВИЯ: нечто, что должно быть сделано, делается; или то, что нужно знать, узнается. Это не ментальная транскрипция, которую имеешь в обычной жизни. И все это происходит ПРИ ДНЕВНОМ СВЕТЕ, не когда я сплю. Однажды такое произошло сразу после того, как я приняла ванну. Внезапно приходит нечто, завладевает мною, и я начинаю проживать некую жизнь, пока нечто не будет сделано -- действие -- а как только оно сделано, все исчезает. Причем исчезает без следа. Тем не менее, она проведет целую ночь, восемь часов, в теле умирающего ученика со всей его агонией, и не "как если бы": она была умирающим человеком. Сознание тела было сознанием умирающего тела, со всей его агонией, болью... И это продолжалось долгое время, всю ночь. Я видел ее после этого, и она была все еще потрясена этим -- не приходится удивляться. А несколько часов спустя ей сказали, что ученик умер. Так я поняла...

Но что за чудесный способ "познания", это несравненно! Теперь мы полностью понимаем смысл понимания: это непосредственно и проживаемо, во всей полноте. Все наше знание, как оно называется, это просто воображаемая и уклончивая болтовня, основанная на измышлениях, через вуаль нереальности. Здесь же живет само тело -- и "чистое" тело, как всегда, без мягкой подстилки сфабрикованного псевдо-знания и псевдо-ощущений; другими словами, без старых штампов, темного искажающего клеточного кокона. Каждый день, тридцать, сорок раз происходит так: нечто приходит и завладевает мною, совершенно внезапно я ухожу в определенную концентрацию, я ЖИВУ некоторой вещью -- точнее говоря, я ловлю себя посередине какой-то работы. И эти неожиданные кусочки жизни -- или, скорее, действия, потому что это всегда включает делание чего-то (это некая работа, средства работы) -- будут нарастать в своем диапазоне, становятся все более неожиданными и универсальными: Я ловлю себя на том, что говорю с людьми, которых по большей части я даже не знаю, затем я описываю картину: если они сделают такую вот вещь таким вот образом, то получится такой-то и такой-то результат. Это как эпизоды в сборнике рассказов или фильме. Затем внезапно, в этот же день или на следующий, кто-нибудь говорит мне: "Я получил от тебя послание, в котором ты говоришь написать такому-то человеку и сказать ему такую и такую вот вещь!" А я не делаю это ментально, это не так, что я говорю: думаю, тебе следует написать этому человеку и сделать такую-то вещь -- вовсе не так. Я живу этим. Я живу или описываю картину, и она кем-то воспринимается. И это происходит здесь, во Франции, в Америке, повсюду. Становится довольно забавно... Кто-нибудь пишет мне: ты сказала мне это. А это одна из моих "картин"! Одна из картин, которую я прожила -- не прожила, а одновременно прожила и создала! Не знаю, как объяснить это. Как если бы, в

этой конкретной жизни, Мать создавала или вылепливала обстоятельства -- и это совершенно естественно, поскольку она была обстоятельствами. Она была тем самым случаем, так что если она поворачивала "баранку" влево (возьмем простенький пример), то "совершенно естественно" человек, управлявший машиной, поворачивал влево. Этот случай не был нечто "вне": она была в нем. Она была случаем. И некоторые из этих историй включают страны, некоторые включают правительства. При этом я даже не знаю результатов -- возможно, спустя некоторое время, мы увидим. И в этой деятельности я имею всевозможное знание, которого у меня не было! Иногда даже медицинское знание или техническое знание, которого у меня вовсе не было -- у все же оно у меня есть, ты понимаешь, потому что я говорю: будем делать так... Забавно. Конечно, нет нужды в техническом знании: она является знанием, так что все известно автоматически!

Непосредственный мир -- точный.

Непрерывная материя

Но давайте не будем воображать, что это некая грандиозная жизнь (вещи не существуют для разума, пока они не грандиозны) и что Мать была занята тем, что распоряжалась судьбами мира и правительствами государств -- это тоже было, но она не была "занята" каким-то частным делом: это была естественная жизнь, в которой она не "выбирала" заранее, ментально, что она будет делать. По другую сторону нашей ментальной сети вещи движутся в едином движении, и нет "выбора" между двумя вещами или среди тысячи: каждая вещь занимает свое место (случаи тоже) и играет свою роль (глупость тоже), и, в зависимости от тотальной надобности, вы принуждаетесь воздействовать на то или иное обстоятельство. И в этой тотальности, странно (или нет), мельчайшие микроскопические вещи и мировые перевороты имеют равную ценность. Каждая вещь является абсолютом, который хранит свою тотальную радость или свою уникальную и незаменимую цель в миллионах переплетенных движений -- все держится вместе. Как-то я был приведен в замешательство подлинным откровением (это было в 1971, в третий раз, когда Мать говорила о "сети", я забегаю вперед): У меня странное впечатление некой сети -- сети с нитями... довольно разряженной сети, не плотно связанной, то есть -- которая соединяет все обстоятельства; и если у тебя есть власть над одной из этих сетей, тогда есть целое поле обстоятельств, которые внешне не имеют ничего общего друг с другом, но они связаны там, и существование одного обязательно подразумевает существование другого. И я чувствую, что это есть нечто, что обволакивает землю... Эти обстоятельства зависят друг от друга совершенно невидимым внешне образом, без какой-либо ментальной логики, но они связаны друг с другом. Если осознаешь это, действительно сознаешь это, тогда можно изменять обстоятельства. "И ты чувствуешь, что имеешь власть над одной из тех сетей?", - спросил я ее. Нет, это по-другому: из-за того, что я воздействовала на одну из этих сетей, я заметила их... Ты касаешься одной точки, и все движется. Если была бы сила заменить одну из этих сетей другой, - добавила она, - тогда можно было бы все изменить таким вот образом. Это невыразимо. А я настаивал (вот как я получил свое откровение): "На какую сеть ты воздействуешь прямо сейчас?" Но я не знаю! Эти сети повсюду вокруг земли... Это одна из них... Я вижу... [и я был подвешен, сражен, действительно сражен]... Я вижу... Что же, малейшие жизненные обстоятельства там! Мельчайшие обстоятельства... вместе. Вы роняете что-то, и где-то там, в Беринговом проливе, медленно откалывается айсберг, и этот человек подготавливает государственный переворот, а тот -- правит 229 страницу книги -- и все связано. Без логики... или с... непостижимой логикой. Чудесной. Вот как супраментальное сознание видит или, скорее, как оно живет. Несчетное и сплошное чудо... которое движется в этом объекте, который вы нечаянно уронили, в маленьком скорпионе, который подходит к вашей двери, или в белой розе, которая расцветает в саду. Читаешь мир в одном жесте.

Малейшая маленькая вещь пульсирует тотально.

Не нужно "далеко" ходить, чтобы изменить мир.

Не нужно совершать "особые" деяния, чтобы изменить мир.

Одно маленькое действие, истинное. Одна маленькая клетка, чистая.

Это невыразимо... это нужно видеть. Жить этим.

Как-то, когда я пересчитывал 6000 страниц "Адженды" после ухода Матери, я получил гранки старого репринтного издания "Вопросов и Ответов" за 1930 год, страница 229. Так что я поправил страницу 229, запечатал конверт и отправил его в издательство. Затем я возобновил чтение "Адженды", год 1968: не первой же странице, которую я открыл в то утро, Мать комментировала как раз тот самый разговор, стр. 229 ее "Вопросов и Ответов"... Каким "случаем" всем этим годам "Адженда", где-то возле страницы 4000, удалось совпасть с той страницей 229 старых "Вопросов и Ответов", во всей этой хронологической сложности печатных станков, корректоров, рассыльных? Год 1930 "Вопросов и Ответов" пересекался с годом 1968 "Адженды" в едином ходе времени, пространства, печатных станков... как если бы они были на одной и той же сети, в сию секунду. И это было не важно.

А иногда, на секунду, обнаруживается нечто интересное. Так что мы говорим: "о, какое совпадение!"... Миллионы чудесных маленьких совпадений.

Неисчислимая жизнь внутри точки... без какой-либо значимости или с тотальной и уникальной значимостью.

Каждая точка и каждая секунда, которую следует прожить тотально. Это супраментальная жизнь.

Мать училась жить супраментальной жизнью. Без какой-либо логики она входила в один "экран", затем другой экран, что, как оказывалось два дня или два часа спустя, было совершенно логично. И самые "банальные" вещи происходили на экране. Как-то утром я принес Матери немного денег как подношение. Это уже произошло на экране. Все происходит таким вот образом! -- воскликнула она в шутку... Как объяснить это? Это не слова, не мысли, не ощущения, это... "нечто". Нечто абсолютно конкретное, что приходит как на экран. Если бы я была в поверхностном сознании, то сказала бы себе: "Почему я сейчас об этом думаю?" Но я не "думаю" об этом, и это не мысли... это некоторая жизнь, которая вырабатывается. Очень интересно. Я должна учиться воспринимать вещи точно такими, как они являются. Я не объективизирую их, ты знаешь (то есть, я не помещаю их на другой экран, где бы они стали объективным знанием). Я не делаю это вовсе, так что я не пророчествую, иначе каким бы пророком я бы стала! [Мать не пыталась "вспомнить", не пыталась даже "понять": это было как нечто, пересекающее ее путь, вместе с астрами, маленькими ослами и прохожими, и она продолжала ходить.] От мельчайшей вещи до самой большой -- циклоны, революции, все это -- и затем крохотные вещи, гораздо более мелкие, чем подношение денег: очень маленькие жизненные обстоятельства, нечто готовое прийти, как подарок, который был мне послан или... очень маленькие вещи, очень маленькие, кажущиеся не имеющими никакого значения -- все отмечено одним и тем же значением! Нет "большого" или "маленького", нет "важного" или "неважного". И так все время. Странно. Это почти... память наперед.

Шри Ауробиндо говорил о "памяти будущего".

Очевидно, другой способ бытия.

Другое время... наперед.

И иногда приходил Древний Египет. В другой раз... из завтра? Или вневременное время, в котором все известно. Внепространственное пространство, где все вместе. В обычном сознании есть некая ось, и все вращается вокруг этой оси -- таково обычное индивидуальное сознание. И если это сдвинулось, то чувствуешь себя потерянным. Это как большая ось (более или менее большая, она может быть даже очень маленькой), поставленная во времени, и все вращается вокруг нее. Сознание может распространяться более или менее далеко, быть более или менее высоким или более или менее сильным, но оно вращается вокруг этой оси. Но теперь для меня больше нет оси -- ее больше нет, она ушла, утекла! Сознание может двинуться сюда, может двинуться туда или туда -- оно может двинуться вперед или назад, оно может двинуться вообще куда угодно. Нет больше оси, сознание больше не вращается вокруг оси. Интересно. Нет больше оси.

Загадочно... Несомненно, это надо пережить, а не понять.

Но определенно то, что тюрьма узкая и... не обязательная.

И это переживание развивается и обретает форму, но всегда кажется, что это как "живой фильм" тем или иным образом: Вещи приходят, я останавливаю фильм и затем работаю над ними, чтобы прояснить идеи, расставить вещи по подобающим им местам, увидеть все связи... [можно было бы подумать о режиссере, организующем различные сцены -- за исключением того, что это не фильм, а организуемый кусок материальной жизни] а когда работа окончена, фильм исчезает. Странно, все эти обстоятельства собираются произойти, и все же Мать "помнит их"... Это недостаток настоящей объективизации. Вот как я объясняю это: возможно, иначе фильм бы не остановился, он попросту бы продолжался. Это было бы совершенно естественно и явилось бы частью миллионов вещей, которые происходят или случаются без того, чтобы мы обратили на них внимание -- так что иногда она "останавливала фильм", чтобы войти в него и работать над ним, то есть, сознательно принять участие в той или иной сцене, чтобы изменить ее или расширить, и тогда она помнит: это обретает форму живой памяти. "Памяти наперед". Все время происходят забавные вещи. Я отвечаю на письма, которые не получала! Затем я получаю эти письма -- мой ответ уже написан!

Но самое интересное -- гораздо интереснее, чем знать или переживать заранее циклон, революцию или некоторое человеческое событие -- это то, что не только нет деления времени -- до, после -- а нет разделения и в самой Материи: нет "материи там" и "материи здесь", отделенных телами, милями и "непохожестью". Континуум живой Материи. Все становится ЖИВЫМ сознанием, каждая вещь испускает свое сознание и живет из-за этого... Вот где уравнение "Материя=Сознание" становится очень конкретным. Например, точно зная за секунду или минуту раньше, что ударят часы, кто-то войдет... И все эти вещи не ментальные, они принадлежат механическому царству [часы - механические, движение тела - механическое], и все же они обретаются как явления сознания: это ЖИВЫЕ вещи (я говорю "живые", но это не так), которые ГОВОРЯТ ТЕБЕ, ГДЕ ОНИ, где они расположены. Другие вещи внезапно ВЫХОДЯТ ИЗ сознания и исчезают. Целый мир... мир микроскопических явлений, которые являются другим способом жизни и кажутся творением сознания без того, что мы называем "знанием". Это нечто, не имеющее ничего общего со знанием или мышлением. Мир со снятой с него ментальной коркой, чистый. Тело, которое знает часы или человека, поднимающегося по лестнице, чтобы увидеть Мать, или что-либо, удаленное на десять тысяч миль, в совершенной материальной причастности. Например, время от времени, я слышу, как люди возле меня разговаривают о той или другой вещи и говорят: это будет так или вот так; сразу же это включает некое "осознательное видение" (как объяснить это? Это подобно касанию и видению, и все же это ни касания, ни видение, ни то и другое вместе): это вещь, как она ЕСТЬ. Кто-то говорит Матери: мы собираемся построить дом здесь. И Мать отвечает: нет, стройте лучше там, вы наткнетесь на воду. Они копают и натываются на источник. Или же кто-то говорит: для этой работы мне нужно два грузовика цемента, а Мать видит восемь мешков цемента, проходящий перед ней, и вместе с этим - лживость ученика. Или, возможно, я могу привести свой пример, потому что это сознание Материи откровенно очень юмористическое на собственный лад -- оно беспощадно видит то, что истинно: мне сказали, что один человек (молодая женщина) хочет покончить с жизнью, и я увидел ее как бы в окне огромного учреждения, приставляющую револьвер к своей голове... Меня охватил ужас, только чтобы осознать, что она смотрела на свое отражение в окне и... пудрила свое лицо с револьвером! Кто-нибудь слышал о таком юморе? Комедия земли, неприкрытая. За исключением того, что это не всегда комично. Или же кто-то говорит Матери: это эвкалиптовое дерево умирает; Мать говорит: посадите другой эвкалипт рядом с ним, ему нужен компаньон. И дерево начинает оживать. И они могут говорить все, что угодно. ЭТО ТАК, и это неопровержимо. До сих пор не было ни одного противоречия. Это сознание, свободное от каких бы там ни было ментальных элементов. Это приходит "как есть" и такое ясное! Как прямой контакт с вещью, какой она и является на самом деле. Это другой способ жизни.

Для нас, ментальных существ? знать означает понимать. Для следующего вида знать означает жить, быть -- везде, везде и все время. Как если бы я купалась в этом, так что это не нечто, что я "вижу", нечто чуждое мне, что я вижу, это... я внезапно являюсь всем этим. Поэтому нет больше "личности", нет больше... Нет слов, чтобы описать эти переживания.

И все это происходит на клеточном уровне. Это не исключительные силы, а нормальное, обычное восприятие, как мы сейчас дышим или чувствуем. Это не сверхсознание, взирающее на материю со своих озаренных высот; это здесь, в телесном сознании. Может показаться, что без сети тело живет в другом мире, который, тем не менее, является физическим и материальным, потому что, в конце концов, тело живет по часам, ложиться спать каждый день и видит две сотни людей на день -- и его восприятие физическое: Нью-Йорк физичен, китайские войска - физические, а также канавы Фив. Так что, какое физическое? В чем истина нашего материального мира? И в том же самом физическом, за "вуалью нереальности" смерть не существует, болезнь не существует, гравитация не существует, реки можно пересекать без усилий... как если бы Материя, в которой мы сейчас живем, была бы паталогическим изобретением разума от самого начала до конца. Преходящее изобретение, чтобы сотворить индивидуальную тюрьму. Но это не истина материи, это ложная материя.

Вот материальное, экспериментальное заключение, к которому пришла Мать: Эти представления о пространстве и времени, об "объективности" и "субъективности" (являются ли вещи "конкретными" или нет) оборачиваются практической целесообразностью, приспособлениями для подготовки сознания к новому способу бытия... Это как смерть, пища и деньги -- эти три вещи столь "значимы" в человеческой жизни; человеческая жизнь вращается вокруг этой троицы: еда, смерть и деньги! -- и все же, для Сознания, это... преходящие приспособления, результат состояния совершенно переходного и не соответствующего ничему очень глубокому или постоянному. Такова позиция того Сознания. И поэтому оно учит тело быть иначе.

Пространство, время и смерть переплетены.

И все три являются преходящими приспособлениями, ведущими к... чему?

Точно так же, как Материя тяжела, заморожена и поделена в нашей тюрьме, так и время застыло, уплотнено и медленно течет на расстояниях нашей фрагментированной Материи -- нашего фрагментированного сознания. Время является лишь ложным восприятием разделения в среде, где все непрерывно, ненарушено и непосредственно -- и светло. Время является ритмом сознания, - сказала Мать. Наша Материя находится в ложном ритме, точно так же, как она ложно толста -- если ритм изменится, Материя тоже изменится или, скорее, станет тем, чем на самом деле является. Время = Сознание = Ритм = Материя.

Другой ритм Материи.

Какой настоящий ритм Материи?

Как выглядит эта истинная Материя, этот физический мир, как он есть, в котором тело Матери, клеточное сознание Матери "путешествует" мгновенно и повсюду?

XXIII. НАСТОЯЩАЯ ЗЕМЛЯ

Физический мир просто как он есть?

Сейчас мы входим в достаточно загадочную часть Леса Матери. Все загадочно для нас. Вы стараемся воссоздать связный мир через прутья нашей тюрьмы, мы тычемся нашими пробами, антеннами и микроскопами, чтобы схватить это грандиозное целое, но на самом деле мы не схватываем ничего, мы схватываем лишь то, что пришло в нашу тюрьму: это не мир, это мир нашей тюрьмы. А когда мы умираем, то уходим на другую сторону тюрьмы -- в никуда, в ничего, рай. Мы можем говорить все, что угодно, поскольку никто не возвращался оттуда, по крайней мере, не в том же теле. Когда мы засыпаем, то тоже уходим на другую сторону тюрьмы -- сны, темные или сияющие джунгли, знаки вопроса и неожиданные встречи, и все это по возвращению облекается в язык тюрьмы: это перевод пасторальной жизни извечным узником, который никогда не видел настоящего поля. Мы можем говорить что угодно, но мы никогда не видим этими глазами, возможно этим глазам нужно обратиться

в прах, чтобы видеть по-другому. Когда мы медитируем, то кажется, что выходим из тюрьмы -- боги, дьяволы, ослепительные или мрачные космосы, поразительные откровения и множество знаков вопроса, которые растворяются в воздухе, свободном от проблем -- мы можем говорить что угодно, но когда мы возвращаемся, то все проблемы остаются здесь же, нерешенными. И все не согласны друг с другом, каждый видел нечто другое, каждый создает собственное евангелие. Но, в конечном итоге, что приобретено вне тюремной клетки? Менее опутанная часть Разума, который после возвращения через прутья передает то, что он думал, что видел без прутьев -- это Разум, вводящий себя в заблуждение собственной историей мира, только на более широкий манер, с небольшими добавками, чтобы сделать историю миленькой. И все же все то сверкающее или темное ничто, странное и причудливое, есть то, что составляет лучшую часть нашей клетки, ее наиболее комфортабельную часть для тех, кто не полностью механизирован. Но мир, великий мир плывет впереди, никто никогда не схватит его, никто не видел его своими голубыми или коричневыми глазами, тем способом, каким мы видим маленький листок, который так мягко трепещет на ветру, прямо перед нами.

Живые и мертвые

Мы могли бы сказать, что Мать -- это та, которая возвращалась из того мира, но даже и это не так. Она не ходила на другую сторону тюремной клетки, чтобы вернуться с историей на ментальном языке. Она работала, чтобы другая сторона пришла сюда, а не для того, чтобы втиснуть ее в эту тюрьму (как если бы мы могли когда-нибудь засунуть ее в норку сурка), но чтобы поместить в теле обе стороны одновременно: то, что другие искали высоко вверх и в грезах, она находила здесь внизу, конкретно, в клетках своего тела. И поскольку это путешествие совершает не маленький кусок Разума (я был готов сказать "экскурсию", но это скорее "инкурсия" - просачивание), то трудно изложить на картезианском языке то, что происходит. На самом деле картезианской является только клеточная тюрьма, все остальное гораздо менее жестко. Видят именно глаза клеток, очень молодые глаза, у которых еще не так много ума (к счастью); надеемся, представители нового вида будут более одарены настоящими глазами. Мы всегда забываем, что супраментальное тело, которое будет жить и обращаться со всем этим совершенно естественно, еще не создано в ходе эволюции -- в настоящий момент есть старое, переходное тело, которое находится одновременно на обеих сторонах и которое начинает завладевать органами "следующего пути", не зная средств передвижения и выражения этого пути. Это тело будет создано, будьте уверены -- как, мы вовсе не знаем, или, возможно, Мать даст нам некий намек -- а, тем временем, мы находимся на стадии бабочки внутри гусеницы. Как раз это я сказал Матери как-то после одного из ее радикальных переживаний: "Если бы гусеницы внезапно дали глаза бабочки, она бы запаниковала!" Но Мать никогда ничего не страшилась, она экспериментировала, отмечала результаты и шла дальше. Мать никогда не останавливалась на пути ради какого бы там ни было переживания, даже самого тонкого -- в тот момент, когда оно увидено, с ним покончено. Узнать вещь означает ее умертвить. Нужно идти дальше. И так она и делала.

Поэтому мы оставлены с самим переживанием, без логики: в такой-то день, при таких-то обстоятельствах, при 95 градусах по Фаренгейту (хотя в Пондишери всегда жарко) вот что я видел; другие могут навешивать любую логику, какая им нравится, я имею лишь глаза Обывателя Нового Мира или, скорее, маленькие озорные глаза тела Матери. Как странно, что даже клетки Матери были юмористичны. Но поскольку я был Обывателем, то она пыталась как можно лучше разъяснить мне все: Хорошо, предположим на мгновение, что ты -- Божественное! Ты содержишь в себе все и просто находишь восторг в том, чтобы приносить все в определенном порядке; но для тебя, в твоём сознании, все там одновременно: нет ощущения времени, нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего -- все вместе. И в любой возможной комбинации. Он находит восторг в том, что приносит одну вещь за другой, просто так [что означает, пропускать их одну за другой сквозь прутья тюремной клетки]. Так что эти бедные друзья внизу, которые видят только маленький кусочек (они видят его большим), говорят: "О, это ошибка!" Как это ошибка? Просто потому что они видят лишь маленький кусочек в одно время... Это ясно, не так ли, это легко понять.

Представление об ошибке принадлежит времени и пространству. То же самое касается представления, что вещь не может одновременно БЫТЬ и НЕ БЫТЬ. И все же это верно: она есть и ее нет. Именно ощущение времени -- времени и пространства -- вносит ошибку. Все равно, это было немножечко чересчур для моего ортодоксального картезианства: "Что ты имеешь ввиду, что вещь может быть и не быть одновременно, как такое может быть?" Вещь есть, и одновременно есть ее противоположность. Тогда как для нас не может быть "да" и "нет" в одно и то же время. Для Господа ВСЕ ВРЕМЯ есть "да" и "нет" одновременно!... То же самое относится к нашему представлению о пространстве; мы говорим: "Я здесь, поэтому тебя здесь нет." Но я здесь, и ты здесь и все здесь! И Мать рассмеялась мне в лицо. Но внезапно тон разговора стал серьезнее: То же самое с бедными "умершими". Сколь часто, как очень часто бедные человеческие существа разрушались теми людьми, которые больше всего их любили... в предположении, что они мертвы! Для них наступало очень плохое время. "Разрушались?" -- я был несколько поражен. Да, они сжигались [то есть, их кремировали]. Или же запирали в ящике, без света или воздуха -- АБСОЛЮТНО СОЗНАТЕЛЬНЫХ. А поскольку они не могли никак выразить себя, то их считали умершими. Ничто не стоит сказать "Они мертвы"! Все же они очень сознательны. Они сознательны. Предположим, что кто-либо больше не может ни говорить, ни шевелиться -- он "мертв", согласно человеческим представлениям. Он мертв, но он сознателен. Он сознателен и видит людей вокруг себя: кто-то причитает, кто-то... (если он немного ясновидящий, то видит и тех, кто радуется), но он также видит, как его кладут в гроб, который затем плотно закрывается: а, теперь все кончено, они собираются похоронить его. Или же его приносят в крематорий, а затем огонь - в рот -- АБСОЛЮТНО сознательного. Я переживала это последние несколько дней. Я видела это в последние несколько дней, потому что пребывала по два часа, по крайней мере, в мире, который называется "тонким физическим", где живые и мертвые находятся вместе без ощутимой разницы. Нет разницы. Например, когда Х была в теле, я обычно видела ее раз в год, ночью (возможно, даже реже). В течение многих лет она совершенно не существовала в моем сознании; с тех пор, как она ушла, я вижу ее почти каждую ночь! И там она такая же, как и была, ты знаешь, за исключением того, что она не мучится, это все. И там же находятся и живые -- те, кого МЫ называем "живыми" или "мертвыми" -- они там вместе, гуляют вместе и наслаждаются вместе. И это было в милом и спокойном свете, очень приятном, во всяком случае, это было очень приятно. Я сказала себе: вот что! Люди сами придумали, когда наступает смерть, и тогда они говорят: все, он мертв.

Это было в 1962 году, как раз после первой великой Поворотной Точки, которая выбросила Мать из сети. Это был первый раз, когда Мать видела живых и мертвых вместе -- в первый раз, в восемьдесят четыре года, после обширной жизни, наполненных глубокими переживаниями на всевозможных планах и во всевозможных мирах. Тысячи раз выходила она из своего тела, начиная с пяти лет, и никогда не видела этого. Она никогда не видела мира, где живые и мертвые были вместе... как если бы жизнь и смерть были бы на одной и той же стороне. Следовательно, в сознании есть место, где все это существует; а единственным местом, где происходило ее переживание в это время, был клеточный уровень, сознание клеток тела. На клеточном уровне, самом нижайшем в материальной лестнице, живые и мертвые находятся вместе, больше нет двух сторон -- как если бы больше не было "там" или "здесь", "вчера" или "сегодня". И все же это материальный мир, ведь если клетки не материальны, тогда что же? Это означает, что наш физический мир расширяется самым неожиданным образом: его "жизнь" и "смерть" не являются реальными и определенными данностями -- или "научными", мы могли бы сказать -- ничуть не больше, чем пространство и время. Это временный способ видения и бытия, который подходит к нашему эволюционному переходу через тюремную клетку, но не соответствует окончательной физической реальности вселенной. Это реальность только для нашей тюремной клетки.

Что касается "иного мира", то нет недостатка в медиумах, мудрецах и святых во все времена и во всех странах, от Египта до Индии, до Элевсии и Данте, которые видели о

описывали их; вообще любой развитый и сознательный человек видел своих "умерших" друзей после их смерти (обычно во сне, когда поддается сеть физического разума), и каждый из них сделал собственный "перевод на ментальный язык" того переживания, которое он испытывал на другой стороне (однако, задумайтесь, что существует 100000 других сторон, как если бы каждый смотрел на то же самое явление с разных уровней). Тогда как здесь, на клеточном уровне, в этом мире, который Шри Ауробиндо и Мать сначала назвали "тонким физическим", затем "истинным физическим", затем "настоящей Материей" -- по мере того, как утончалось их переживание -- всевозможный план и озарение, откровение и вдохновение и тысяча разнообразных знаний, всегда располагавшихся "выше" на разнообразных уровнях или на различных глубинах сна, внезапно слились в единственный материальный план. Больше не было необходимости идти "вверх" или "из тела", созерцать, медитировать или спать: все было прямо здесь, вполне конкретно. Вселенная была единым непрерывным планом. Космическое сознание было совершенно материальным и клеточным. "Мертвые" в совершенстве сосуществовали, если можно так выразиться, с живыми, в прямой непрерывности с остальной материей. Это великая революция Шри Ауробиндо и Матери, их грандиозное открытие: полное Тождество Материи, сплавление Духа и Материи в Одном -- и не философское сплавление, а экспериментальное, тем способом, как открывался новый континент или, скорее, как виделся заново другими глазами тот же самый извечный континент.

Наши следующие глаза.

Вещи становятся... не знаю... конкретными. Вещи, которые были какими-то эфемерными, что обычно называлось "царством духа", становятся конкретными, материальными. Они становятся... реальными.

Это примечательно -- Мать всякий раз будет повторять одно и то же: мир становится реальным.

Свободная материя

Было бы абсурдным думать, что Мать пыталась вывести некую новую физико-духовную теорию мира. Прежде всего, она не пыталась что-либо делать и, во-вторых, она была бы очень растеряна, если бы ей сказали, что она что-то развивает: она даже не знала, куда она идет. Она ходила, и внезапно появлялась Ориноко или Канада или Америка; все это без названий, без контурных линий или словарей. Это была одна страна, много стран, которые в конце составят новую землю. Можете вы создать теорию Ориноко? Это в точности противоположно математической теореме -- для нас, в Разуме, все доказано, начиная с определенной частной идеи. Здесь же нет идеи, вы не знаете ничего: вы узнаете по мере того, как идете, и лишь когда все будет сделано, сможете вы сказать: вот, вот карта. Тогда могут прийти Эвклид или Лобачевский и наводить свои теории, если они хотят. Все, что мы можем сказать, это то, что это новое путешествие на земле -на земле, которая как-то утратила свою закостеневшую привычку пассивно находиться на атласе. Так она наткнулась на место, где живые и мертвые тихо гуляют рядом друг с другом, как если бы это было самым обычным делом -- действительно, как если бы ни те, ни другие не имели какого-либо понятия, что они "мертвы" или "живы". Место, где нет идей, так что, очевидно, никто не мертв или жив -- просто являешься чем-то. Вероятно, мы также закостенели в нашей идеи, противопоставляющей жизнь смерти, как устаревший атлас Птолемея. Мы перестали открывать жизнь: это мы мертвы. Мы составили карту; единственно оставшаяся альтернатива -- зарабатывать себе на жизнь и делать детей для продолжения жизни. Но, в конце концов, возможно, что мир, настоящий мир, менее бессмысленный, чем это; возможно, он открывает себя каждую секунду, возможно, он нов каждую секунду - возможно, мы вступаем в эру вечно-нового мира, как те Пульсации без эффекта или последствия. Новое открытие каждое мгновение. Так что живешь вечно, потому что всегда есть, что открывать. Вот что сказала Мать: Это всегда как новое открытие, и никогда тем же самым образом. Потому что она утратила также свою память, как и все прочее. Нашу закостенелую память, которая болезненно помнит, что человек умирает, болеет и не может

летать, не может переходить реку и не может... в памяти все "вы-не-можете". Так что, естественно, вы не можете. Память тюремной клетки. То, что затвердело, застыло и сделало нашу материю темной. Это физический разум, первая ментализация материи. И это также то, что составляет "я живу", "они мертвы", "это здесь", "это там" -- мы утратили память о свободе. Возможно, путешествие Матери и Шри Ауробиндо является самым великим путешествием земли к возвращению свободы.

Когда мы совсем забудем, что умираем, тогда мы будем в настоящей жизни -- или, возможно, на другом пути зрения на нее, когда мы знаем, что только То существует. Когда у нас нет ничего, кроме памяти о прекрасном.

И, действительно, тот "тонкий физический" мир, как она поначалу назвала его, выглядит как абсолютно свободный мир. Тот же самый мир минус наши законы. Те же самые существа минус память о наших законах. Но не существа-"приведения", не "призраки", нет: физические существа -Петр, Джон и возможно также, мы сами, иным образом. И очень примечательно и чрезвычайно интересно как раз то, что восприятие Материи этого мира Матерью (и Шри Ауробиндо) развивалось. Это не так, что они внезапно увидели "тонкий физический", как фотографию Америки со спутника с ее четко прорисованными маленькими речками. В действительности это было так, как если бы постепенно, по мере того, как поддавалась сеть, они видели все более и более ясно, более и более физически, мы могли бы сказать, то, что поначалу казалось неким удаленным континентом: это не был "другой мир", это был этот мир! Этот мир без сети. Это не та вещь, которую видишь во сне или находясь вне тела: это было нечто, видимое физически, с открытыми глазами, как тот же самый мир под нашей коркой. Физический мир внутри этого физического мира. Потом Мать и Шри Ауробиндо назовут его "истинным физическим", затем "настоящей Материей". Это было здесь, прямо под "вуалью нереальности". Это был настоящий мир, настоящая земля без сети. И недавно я неожиданно наткнулся на текст Шри Ауробиндо, который уместно сейчас процитировать (и все же это старый текст 20-х годов и, вероятно, Шри Ауробиндо нарисовал бы еще более точную картину 30 лет спустя, но он предпочел не говорить ничего): Материальное царство также не может больше оставаться нашим единственным и отдельным миром переживания, поскольку СТИРАЮТСЯ деления, отделяющие его от психического и других царств, и голоса и присутствия начинают прорываться и оказывать свое воздействие на наш мир. Теперь мы лучше понимаем, почему Шри Ауробиндо обычно говорил, что не нужно "объяснять" Супраментал: он сам объяснит себя. Экран протирается и, возможно, Мать и Шри Ауробиндо, пройдя через этот экран в своих телах, тех самых телах темной земной Материи, подготовили то, чтобы вуаль спала с тела самой земли. Когда-нибудь мы увидим. И мы увидим не мистический и психический мир, а саму землю, как она есть. Хотя, возможно, земля также психическая! Это супраментальная земля. И мы также понимаем, почему Шри Ауробиндо назвал этот мир "супраментальным": в нем не будут больше действовать ментальные законы. Мир без ментальной клетки. Мир, в котором вы не думаете о "смерти"! Вы просто живы но по-настоящему живы, не как призраки с "черными экранами" вместо глаз, которые просто исчезнут в нереальной серости, не как те "чрева", оснащенные функциональным разумением и в совершенстве адаптированные к смерти -- те, которые буквально наводнили землю, последние монголы. Тем придется умереть, они уже мертвы, не существуют. Возможно, как раз эти хозяйственные сверх-Обыватели внезапно исчезнут под вуалью нереальности. Останется лишь настоящий мир. А все другие -- в грезе. Обращение теперешней ситуации. Именно они уйдут "на тот свет". Возможно, это как раз то, что говорится по поводу Судного Дня: не воскрешение мертвых, а исчезновение действительно мертвых, развалившаяся иллюзия. Пораженный ударом молнии, возможно, умрет -- к лучшему. Пусть другие будут готовы.

Земля, которая вновь открывает Память Свободы.

Сознательная материя

Чем же на самом деле является это тонкое физическое? Как добраться туда, каковы

средства связи? Что значат его законы или не-законы? Так часто я задавал Матери эти вопросы. Что нужно сделать, чтобы попасть туда? Не знаю, - отвечала она мне сначала; действительно, я скорее следую туда за Шри Ауробиндо. И ей потребовалось около девяти лет (до 1959), чтобы найти "жилище Шри Ауробиндо"!... Это всегда казалось мне невероятным. Но, возможно, мы ищем очень далеко нечто, что прямо под рукой, прямо здесь. И по мере того, как сеть постепенно ослабевала или как она изнашивалась, Мать не только будет постоянно встречать Шри Ауробиндо, но и та "другая сторона" будет приближаться к нам, как если бы больше не было какого-либо перехода от одного к другому -- как если бы она была частью Материи точно также, как остальное, и, возможно, больше, чем остальное. Это вовсе не отличалось от того, как лицо ученика внезапно становилось расплывчатым или ясным -- приходило в существование -- в соответствии с состоянием сознания; не отличалось от того, как эти бутылочки или тот самый материальный объект, который внезапно казался освещенным изнутри, оживал своей собственной жизнью, не отраженным светом, а настоящим светом, который он содержал. То, что предположительно было на той стороне, жило рука об руку, мы могли бы сказать, и тем же самым образом, как ученики или бутылочки. Но то, что было ложно, не имело там никакого существования, не жило там. Иллюзорные ученики были совершенно мертвы на этой стороне, за вуалью нереальности, тогда как другие так называемые призраки из "мира иного" были совершенно живы на этой стороне. То, что составляло разницу, было не "жизнью" и "смертью", а сознанием и несознанием. Мы могли бы сказать, что тонкий физический -- это мир сознательной Материи и, в конечном итоге, мир настоящей Материи, единственной материи, которая на самом деле существует, в котором нет места "чревам", в котором нет места лжецам. Всем маленьким подделкам сознания: кончено, стали нереальными.

Но мы целиком находимся в тонком физическом мире, мы уже в нем; все, что сознательно в нас, живет там постоянно и в полной непрерывности со всей остальной сознательной Материей, будь то "здесь" или "там", в Шпицбергене или под самым носом. Только для нас все еще существует вуаль несознания, телесная сеть, которая только и отделяет нас, за исключением сна, и препятствует любой связи кроме как в определенных привилегированных состояниях: тогда мы имеем "вдохновения", "видения", получаем "послания", всевозможные более или менее искаженные или туманные вещи: остается лишь их перевод в тюремной клетке. Мы говорим: "это сон". А для Материи состояние сна кажется ушедшим -- она больше не "спит", она видит лишь то, что есть на самом деле. И больше не было никакого перевода: было прямое и непосредственное, "осознательное" видение. "Внезапно я там", тем же самым образом, как она была там в ученике или в бутылочке из ванной комнаты. Это был в точности один и тот же, то же самый мир. Одно было не более реальным или смутным, чем другое. Она больше не имела "видений": вещи существовали или не существовали, это все. Так где же "другая сторона", где на самом деле "смерть"? Все больше и больше у меня такое чувство, что это наша голова и наш способ видения порождает эти четко-очерченные границы, но это не так! Все переплетено! Это целое... нечто, что движется. Так что же произойдет, что явится в конечном итоге? Я не знаю. Это противоположно всем нашим привычкам.

Это, несомненно, другой способ бытия, но физический способ бытия, поскольку Мать была полностью в своем теле, делая свою работу в гуще всевозможных маленьких более или менее реальных или призрачных человеческих "образчиков", но совершенно "материальных" все же. Это способ бытия без сети. Мир без ментальных делений. Мир, как он есть.

И что особенно интересно -- что мы постоянно забываем -- что это восприятие мира, как он есть, предположительно мертвых и "по-настоящему живых", соседствующих друг с другом, это вовсе не "психическое" восприятие, а восприятие тела. Видит именно тело, клеточное сознание, не ментальное или психическое сознание. Вы не можете даже назвать его "видением": оно живет, оно есть, оно касается. Это материальное восприятие. Тело не понимает ничего из наших сказок о видениях и психических восприятиях и всего остального нашего ментального театра, оно не понимает ничего из наших небес и нашего ада,

являющихся ментальными творениями, оно не понимает ничего из наших богов и проклятий: для тела вещь либо есть, либо ее нет -- тело как ребенок. Но космический ребенок!... Возможно, тот, который является "Божественным". Это совсем просто. Любое глупое тело понимает это, но оно не глупое, оно лишь покрыто глупостью. Мы наполнены интеллектуальными глупостями, которые блокируют нас от естественного мира -- великого неделимого естества. По сути, "сознание" -- это ни что иное, как способность воспринимать то, что есть на самом деле. Тело, клетки тела, воспринимают то, что действительно есть. Для них, без сомнения, Материя = Сознание. Ребенок гораздо лучше осознает состояние сознания людей, чем их хорошую или плохую видимость. Галстук нематериален, даже если он от Диора. И есть множество вещей, которые нематериальны для ребенка, но есть не меньше и вещей, которые мы можем не чувствовать, но которые бесконечно более ощутимы для него. Так что же "конкретно"? Что "материально"? Окаменевшая Ложь или остальное? Нет разницы между жизнью и смертью, материальным и нематериальным, этой стороной и той стороной: есть лишь разница между сознанием и несознанием. Мы можем быть медицински мертвы на этой стороне и совершенно живы на той. И то, что не живо здесь, живо на другой стороне, поскольку сознание -- единственная сторона мира. Есть лишь одна Материя, поделенная вуалью несознания. То, что мы называем "Материей", это окаменевшая видимость в нашей тюремной клетке. Вы выходите из этой клетки и видите ту же самую Материю в другом свете. Камень реален, дерево реально, они несут в себе вибрацию своего сознания; полисмен же в черных кожаных сапогах несет лишь вибрацию своего пищеварительного тракта. Вы несете вибрацию того, чем являетесь. Ложность нашего ментального царства состоит в том, что не в пример растительному, минеральному и животному царству, мы придумываем то, чего нет. Подделка сознания, можно сказать. Пищеварительные тракты полны умных речей. Для видения тела -- детского видения -- настоящий материальный мир, тот же самый мир, является текучим, вибрирующим, он без стен или разделений, без "жизни" и "смерти". Степень реальности заключена в степени сознания. Степень жизни -- тоже в степени сознания.

Мир, который определенно имеет большой смысл.

Следующий мир. Мир сознательной Материи.

Мы должны научиться законам следующего мира.

Более полный мир

Постепенно, в течении ряда лет, переживание Матери становилось более явным и с некоторой очевидной конкретностью, становящейся все более конкретной по мере того как становилась все тоньше сеть, эта темная оболочка физического Разума. Происходило все так, как если бы то, что казалось находящимся на двух различных сторонах, как два очень близких, но отдельных мира, медленно сливалось в единый мир, наш материальный мир, но только полный. Слово "смерть" столь абсурдно! Это просто как переход из одной комнаты в другую, - говорила она поначалу. Ты делаешь шаг, как если бы переступал через порог, и ты на другой стороне, а затем возвращаешься обратно. Я рассказывала тебе о своем переживании, которое я имела в тот день, когда оказалась в доме Шри Ауробиндо в тонком физическом; да, это как если бы я сделала шаг и вошла в мир гораздо более конкретный, чем физический мир -- более конкретный, поскольку вещи содержат больше истины. Я провела там некоторое время со Шри Ауробиндо; затем я сделала другой шаг и очутилась опять здесь, немного изумившись этому. Мне потребовалось некоторое время, чтобы узнать, где я была, поскольку именно этот мир здесь казался мне нереальным, а не тот мир. Затем, с годами, этот переход становился все более коротким, больше не было нужды делать "шаг" с одной стороны на другую, но это все еще было как два немного разных состояния: Теперь видения столь конкретные, что они почти материальны (это не "видения", ты знаешь, а некая жизнь, которая длится некоторое время). Эти видения, несомненно, в той области, которую я не видела прежде. Очень конкретные, ясные, и переход между тем состоянием и пробужденным состоянием почти неуловим. Это не обычное обращение сознания: это как смесь... Но "декорации" не одни и те же. Декорации очень знакомы; я не чувствую, что

попадаю в новое место: это то место, в котором я нахожусь, если не все время, то уж ежедневно. И где есть привычки и... Очень странно. Может показаться, что там есть такая же целая жизнь -- полная жизнь и деятельность -- все время разворачивающаяся и очень близкая, это должно быть в тонком физическом, но очень близко. Очень, очень конкретное, но вовсе не ощущение или сон. И есть непрерывность и продолжение: все продолжается своим чередом, когда я не осознаю это, так что некоторые вещи меняются в мое отсутствие. Это выглядит как материальное царство (материальное, в смысле физическое), где сознание более живо -- сознание очень ясное, очень ясное и острое, ты понимаешь, с очень острыми восприятиями... Это как подкладка или подоплека, но более сознательная.

Это мир сознательной Материи.

И медленно таяла грань между этими двумя мирами: Я была со Шри Ауробиндо, но с очень радостным и оживленным Шри Ауробиндо и несколько более материальным, чем я его обычно видела; и часами мы работали вместе, наблюдали вещи, видели людей, делали некоторую работу. Но при этом была одна странность или особенность -- для этого моему телу не требовалось спать: оно не спало, это было абсолютно спокойно; я должна была встать посередине всего этого, но мое вставание не нарушило того сознания и той деятельности! Единственная разница заключалась в том, что обычное сознание, то есть восприятие обычных вещей (комнаты и прочего) было как-то менее точным. Оно казалось обращенным изнутри наружу, ты понимаешь. И так продолжалось долгое время, даже утром, до тех пор, как я должна была увидеть людей и сделать некоторые вещи. Это было совсем по-особому, в первый раз произошло такое. Я имею в виду, что внутреннее сознание было как-то более конкретным, чем обычное сознание. Забавно то, что обычные вещи не затуманиваются и исчезают, а скорее становятся... как бумага! Как кусок бумаги или корка или... нечто сухое -- сухое и тонкое, без истинной реальности, просто как эфемерная видимость. И это переживание множилось, становилось более отчетливым; живые и "мертвые" все более и более казались в одном и том же мире: Одно явление становится все более отчетливым: я хожу в места, где многие люди перемешаны вместе, то есть, так называемые живые и так называемые мертвые находятся вместе. И полностью вместе, по обыкновению вместе, и находят это совершенно естественным! -- целая ТОЛПА людей!... Это место в тонком физическом, где те, кто имеют тела и те, кто больше его не имеют, находятся вместе без малейшей разницы. Они имеют одну и ту же реальность, одну и ту же плотность и одно и то же сознательное, независимое существование. Это чрезвычайно похоже на материальную жизнь, за исключением того, что вы чувствуете людей более свободными в своих движениях. Но это не ново; ново то, что... мой сон -- это больше вовсе не сон, я не знаю ничего больше, это некий "шаг назад", то есть, я иду внутрь, и я становлюсь активной, и это то же самое состояние, в котором находятся эти так называемые мертвые, и некоторые из них -- с людьми, которые еще имеют тело. И я там также, в том же самом состоянии. Но странно то, что когда я "пробуждаюсь" и встаю, то продолжаю нечто не физическое! Ты понимаешь, это состояние продолжается и также реально, так же ощутимо, как физические вещи. И полчаса спустя я осознаю, что двигалась здесь и делала все ПОЛНОСТЬЮ в том другом сознании!... Что такое то другое сознание?... Это очень ясное и гармоничное сознание, свободное от каких-либо трудностей и очень созидательное. Не знаю, что это. Этим утром, буквально в течение получаса, я была там, и я не знала этого! Так что после я спросила себя: "Но что же ФИЗИЧЕСКОЕ?" Здесь был кто-то, я была с кем-то, так что я гадала: "Этот человек физичен? Физичен ли он?" И я поднялась!... Это так, как оба мира... [Мать пропускает пальцы правой руки сквозь пальцы левой] ...смешались. Странно... Физическое кажется менее императивным. Прежде я по обыкновению чувствовала, что да, это был не "сон", как люди называют его, а более тонкое и менее точное сознание, тогда как физическое сознание было предельно конкретным и точным. Но теперь это различие... другое стало почти что более конкретным и реальным, чем физическое сознание. Чисто материальное сознание более туманно... Странно.

"Но как переходишь из одного состояния в другое или от одного восприятия к

другому?" - спросил я Мать. "Что составляет разницу между этими состояниями?" Не знаю, с чем это сравнить, - ответила она, - но я уверена, что есть вещи, которые таким вот образом [Мать поворачивает руку в одном направлении] невидимы, этим образом [в другом направлении] видимы. Мое чувство таково, что то, что кажется нам громадной разницей между осязаемым или материальным и невидимым или текучим заключается просто в смене позиции. Потому что не знаю, сколько уж раз, сотни раз, такое со мной происходило: этим вот образом [в одном направлении] все таково, как мы называем его "естественным", как мы обычно видим его, и совершенно внезапно, таким вот образом [другое направление] оно меняет характер. И ничего не произошло, кроме нечего произошедшего внутри, в сознании, некоего смещения позиции. Смещение позиции -- не более, чем это, вот что замечательно! Совсем недавно я нашла одну фразу Шри Ауробиндо: "Теперь все изменилось, и все же то же самое!" Я прочитала это и сказала себе: так вот что оно означает! Верно: все сейчас изменилось, и все же все то же самое... Самое близкое объяснение заключается в "смещении" -- смещение, угол восприятия стал другим. И это не имеет ничего общего с тем, что обычно можно было бы подумать: уход вовнутрь или выход их тела, это вовсе не так, совсем не так [Мать не закрывала глаза и не входила в медитацию, чтобы видеть]: изменился угол восприятия. Ты то под одним углом, затем под другим. Я видела подобные детские игрушки: когда они в одном положении, то кажутся плотными, тяжелыми и черными, а когда ты поворачиваешь их другим образом, они оказываются ясными, светлыми, прозрачными. Нечто подобное этому, но это приближение.

И виделась одна и та же среда: это не две различных среды или плана. Я видела всевозможные вещи МАТЕРИАЛЬНО, но они не видимы другим. И все же это материально. Забавное состояние... А что касается, например, зрения, то иногда я вижу яснее с закрытыми глазами, чем с открытыми, но это то же самое видение: физическое видение, чисто физическое, но физическое, которое кажется... более полным. Не знаю, как сказать это. По сути, как если бы тело видело мир в первый раз, без ментальных очков. Более полный мир.

Забавное состояние... возможно, переход от состояния гусеницы к состоянию бабочки. От темной Материи к Материи сознательной, как она есть, полной и неделимой.

И сейчас слова Матери возвращаются к нам с дополнительной глубиной: Жизнь и смерть -- это одно и то же, они одновременны: только сознание поворачивается так или эдак. И Мать пропустила пальцы своей правой руки через пальцы левой. Два мира "в одном гнезде", говорили Риши.

Конец тюремной клетки

И смерть больше не имела значения.

Я изучаю многие вещи относительно того перехода, который мы называем смертью. Он начинает становиться все тоньше и тоньше и все более нереальным.

Это просто фантастично... наиболее сильный факт во вселенной -- болезненно сильный -- находится в процессе изменения. Потому что все это транслируется материально, вы понимаете, это не просто другой маленький трюк, который не разглядели всевозможные медиумы! Лично меня несколько не заботят "видения"; все боги вселенной могут прийти на землю и станцевать свою сарабанду, и меня это несколько не затронет, я даже не пойду смотреть на них! И, прежде всего, пусть они остаются в своем комфортном мире, пока мы сражаемся здесь со смертью. Но пусть изменится эта смерть, пусть прояснится эта вселенная, запертая в своей беспомощной и беспорядочной географии, пусть боль исчезнет, пусть Красота, пусть Истинное шествует по своему пути истины, а ложь растворится как призрак... Это возможно, это здесь, только на другой стороне сети. Осталось лишь устранить сеть и... все будет тем же самым, и все изменится. Вы не выходите из Материи, вы не парите в раю: вы только выходите из Лжи и боли. Так мое сердце начало биться чаще; с Матерью живешь сказочной надеждой, как если бы вы устремили все свои помыслы и чувства к этой болезненной и любимой земле, такой любимой и такой ложной, искаженной одновременно. Вы чувствуете, что в первый раз на землю пришел глоток воздуха, и как я цеплялся за этот глоток, как я прислушивался к пульсации той великой надежды мира, к неясному шелесту

тех странных слов, и как я вглядывался в это миниатюрное тело, столь хрупкое, "как если бы на гребне между двумя безднами"... В первый раз нечто в теле пересекло сеть, и если это могло произойти в одном теле, то может произойти и в теле земли -- такие были ставки. А пока все эти маленькие образчики наблюдали за "дезинтеграцией" Матери: она становится слепой и глухой, теряет память, забывает о времени -- забывает законы Лжи. Но что она собиралась делать, чтобы другой Закон пришел на эту сторону? "Прежде", - спрашивал я, - "ты часто выходила в иные миры в состоянии транса [выходила из тела], но теперь, что это за состояние, в котором ты кажешься поглощенной (...как Шри Ауробиндо в своем кресле)?" Совсем другое. "Не транс?", - настаивал я. Нет, вовсе нет! Это другая разновидность сознания. Это столь по-другому, что удивляешься... иногда я удивляюсь, как это возможно. Есть времена, когда это столь ново и неожиданно, почти болезненно. "Ты имеешь в виду, что на самом деле ты не выходишь из Материи?" Нет, вовсе нет! "Тогда это новое состояние В Материи?" Да, да, это так! И оно управляется нечто иным, не солнцем -- не знаю, что это... Вероятно, супраментальное сознание.

"Иногда я удивляюсь, как это возможно..." Она была прямо там, на границе, рискованно, между жизнью и смертью: гусеница и бабочка... вместе. Она пыталась заставить "полюбить" тело земли.

На ее стороне я наблюдал, как Смерть медленно становилась нереальной, как ее смысл столь тотально изменялся, что больше не было слова для смерти... или для жизни. Это было нечто совершенно иное. Другой мир. Другая земля. И все же наша земля. Действительно третье положение или третье состояние в Материи. Бессмертное состояние. Находясь с Матерью, я наблюдал, как медленно росла эта чудесная надежда, эта возможность непрерывной жизни -- "Я ищу иллюзию, которая должна быть разрушена, чтобы физическая жизнь была непрерывной", сказала она -- жизнь, в которой вы можете продолжать расти, развиваться, расширяться, расти в красоте и знании без необходимости резко все обрубить и снова болезненно начать в полном забытии, в мире, который больше не помнит ничего, кроме того, чтобы зарабатывать на пропитание и копить на пенсию, с небольшим интеллектуальным парением в промежутке. Находясь с ней, я прислушивался к тому, как обретала форму легенда настоящей земли. Дойдя до крайности, я пришла к выводу, что нет такой вещи, как смерть. Есть лишь видимость, основанная на ограниченном взгляде. Но нет фундаментального изменения в вибрации сознания. Значение, которое мы придаем разницы состояний, является лишь поверхностным значением, основанным на нашем неведении самого явления. Кто-либо, поддерживающий открытым канал сообщения, сказал бы, что, для него, это не составляет такой уж большой разницы. Но это то, что вырабатывается. Там все еще остаются неясные места, и пропущены некоторые детали переживания... И я перебил Мать, я был так обеспокоен тем, что можно потерять землю, я так любил нашу несчастную и очаровательную землю: "Ты говоришь, что нет разницы, но когда находишься на 'другой стороне', то продолжаешь ли воспринимать этот физический мир?" Да, да, конечно! "Ты имеешь в виду восприятие существ, восприятие... (Я хотел сказать, леса и цветов, моря и чаек)?" Да. Только вместо восприятия... Ты выходишь из некоего иллюзорного состояния и из восприятия видимости -- но у тебя есть восприятие. Не точно такое же, но иногда с большей эффективностью в себе. Но это не воспринимается с другой стороны как таковой. Это другая сторона -- наша -- заблокирована. И наконец я начал понимать, что разница кроется не в природе физического или так называемого изменения мира -- мы стоим прямо на земле -- а в человеческой иллюзии, иллюзии человека в его тюремной клетке, которая начала спадать. Цветы, растения и чайки были не в тюремной клетке, можно даже воспринимать их более "полным", более "эффективным" образом. Это наши глаза находятся в тюремной клетке, наши уши заткнуты, наши уста связаны, загипнотизированы физическим разумом. И спадает именно эта Ложь. Эта жизнь, с которой снята ее обманчивая видимость. Жизнь следующего вида. И именно в той жизни -- предположительно, в жизни на "той стороне" -- Мать или, скорее, клеточное сознание Матери, двигалось... полностью на этой стороне, с широко открытыми глазами и на двух ногах: Здесь вещи всегда разодеты в различные

одеяния; здесь вещь никогда не точна, а там это точная вещь. Так что я иду в Америку, иду в Европу, иду... все время. Я иду по Индии. И все это работа, работа, работа -- и такая живая! Жизнь со снятой с нее обманчивой видимости очень интересна, ты знаешь! Люди так привыкли... исказить все -- там же все это ушло, все ушло. И это деятельность ТЕЛА. Это интересно, это внутренняя жизнь тела. Это тело, сознание тела, открывающее тайну земли.

Материя, открывающая тайну Материи.

Другая сторона прямо здесь -- это мы не там, где надо!

"Но какие там законы?" - настаивал я. "На что там все похоже?" Это очень похоже на материальный мир, только этот мир не имеет тех же законов гравитации, потому что ты можешь двигаться там свободно, просто с помощью силы воли. Тебе не нужно идти или... Сознание и воля имеют большую силу, чем в этом материальном физическом. Иными словами, это наш мир минус законы ментальной клетки. Вы совершенно спокойно пересекаете реку, как мадам Давид-Ниил сделала самопроизвольно, когда забыла о существовании реки и ментальных законов, которые управляют реками и гравитацией.

Мир, в котором мы забываем ментальные законы.

Земля без законов разума -- дегипнотизированная.

Настоящая земля, свободная наконец.

Истинная Материя, светлая наконец.

Единственный закон должен касаться сознания. Единственная плотность должна иметь отношение к сознанию. Единственно существующие тела -- сознательные тела. Конец фантомов.

На клеточном уровне, тело, освобожденное от обволакивающего заклęcia физического разума, забывает о тяжести, тупости, невозможности, разделенности, расстоянии, прошлом, будущем -- оно забывает смерть. Оно забывает законы Смерти. Человек остается в Материи. Он -- в Материи, но по-другому.

Это начало легенды настоящей земли.

Смерть была лишь болезненным эволюционным переходом через тюремную клетку, так чтобы мы могли научиться существовать как отдельные индивиды -- но раз уж сознательный индивид готов, эта клетка раскрывается. И остаешься полностью в Материи, настоящей Материи, в физическом мире, как он есть. У меня такое чувство, что вещи гораздо проще -- гораздо проще -- и гораздо менее драматичны, чем представляется человеку. Это очень странно, все больше и больше у меня ощущение нечто без какой-либо загадки, и что именно наш способ мышления и чувствования вносит всю мистерию и драму -- тогда как... ничего этого на самом деле нет.

Короче говоря, мы можем сказать, что через эволюцию мы медленно росли от несознания земной реальности к сознанию земной реальности -- от темной и неизвестной Амазонии к ясной и незавуалированной Амазонии. Это сознание земной реальности является последней стадией эволюции или, возможно, первой стадией новой эволюции: стадией истинной земли, Амазонии, как она есть, физического мира, как он есть. Стадия сознательной Материи -- которая всегда была и которую мы постепенно начинаем осознавать. Эволюция означает начать осознавать то, что на самом деле есть.

Чтобы достичь этой точки, мы должны сменить различные костюмы, оболочки и болячки. Мало-помалу вуаль становится тоньше. Мы достигаем того момента, когда вуаль начинает спадать.

Только живые останутся действительно живыми.

Другие будут поглощены их же собственной нереальностью.

Нет ничего более смертельного, чем смерть.

И чистая память о красоте, которая направила нас на поиски, блистательно сверкает.

Истинная земля.

XXIV. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА

Мы подходим к Поворотной Точке 1968 года.

По случаю или нет, но это год студенческих революций по всему миру.

В этом лесу так много вопросов, так много загадочных и плохо понятых областей, что иногда опускается мое сердце. У меня нет готовых объяснений, я слепо иду через этот лес, и иногда кажется, что объяснение быстро вырастает во время ходьбы, а иногда кажется, что оно ускользает, чтобы вырасти везде. На самом деле я не пишу книгу, я иду по следу в ночи, тогда как мое тело смутно слышит шепот за вуалью и, по случаю, прикасается к истинному. Мы должны стереть вуаль, каждый из нас на свой манер. Мы должны медленно стереть эту вуаль в теле земли. И что же произойдет?

Три решения

Есть эта истинная земля, прямо здесь, свободная. Шри Ауробиндо и Мать здесь, они работают, они видят. Они здесь в той же степени, как и мы -- больше, чем мы. Шейх Муджибур Рахман, президент республики Бангладеш, убит. Это случилось вчера или позавчера. Тысячи темных и отвратительных сумасшествий совершаются каждый день -- все более и более отвратительных, может показаться, все более и более темных, как если бы не было конца земли, очищающейся от тьмы, как если бы все более и более низменные фантомы населяли землю, любимую землю. Действительно, фантомы без какого-либо реального существования, но они убивают и разрушают -научно, медицински, теоретически и идеалистически или религиозно. Они разрушают и разрушают, тысячи этих фантомов, и все больше и больше. Они порождают других маленьких фантомов, которые будут разрушать и разрушать, и все больше и больше -- разве земля, любимая земля, обречена на то, чтобы быть населенной ничем, кроме фантомов? Или же быть населенной фальсификаторами сознания, наполненными напыщенными речей? Те интеллекты, что появились в высшем свете, подобны звездам, разбросанным по совершенно темному небу, - сказала она.

Что же произойдет?

Кажется, что мы приближаемся к истинной сущности Смерти.

Нет, не к могиле, к настоящей смерти: несознанию.

Мир полон смерти.

Темные смертельные безукоризненные костюмы, которые вещают с экранов телевизоров свои вечные слова с высот интеллекта, подчиняют и гипнотизируют людей миллионами. Сеть разума разрослась настолько, что стала почти видимой, она бороздит небо во всех направлениях и глушит наше сознание на каждом углу. Они приближаются, приближаются все больше и больше, день ото дня. И это явление необратимо. Подразумевая, что несознательные не собираются улучшиться каким-то чудом. Это темное и мутное продвижение. Смерть приближается.

И все же это только вуаль. Тонкий экран, отражающий некие темные силуэты, наполненные убийствами и варварскими евангелиями. В терминах сознания это ноль. И все же это правит. В терминах реальности это тоже ноль. И все же это наш кажущийся реальным мир. Мы голосуем за них, мы подготавливаем для них ступени, мы летаем на самолетах и укомплектовываем лаборатории для них -- как если бы мы подготавливали для них будущее. Иногда мы восстаем, но при первой же возможности действуем точно так же, как они: окончание Колледжа, внуки, прогресс науки для них. Каждый из нас берет свой серийный номер. Мы на стороне правых или левых, но это две стороны одного и того же Несознания. Мы работаем, чтобы подготовить силуэт на экране, и чем темнее он, тем более видим -- "Я сделал это". Все мы хотим делать это в этом мире. Мы даже хотим делать это в мире йоги или духовности. И это все та же самая вещь. Но кто действительно хочет пробраться через экран, к настоящей земле?

Кто хочет нечто иного?

Вот к чему сводится вся проблема, индивидуально и космически.

Мы могли бы сказать: хорошо, давайте забудем это тело несознания -давайте забудем смерть и мертвых -- и пойдем догонять живых в настоящей Материи. Но это не кажется самым эволюционным или смелым решением. Ведь, прежде всего, эта тюрьма имеет вполне определенную цель, это не дьявольское изобретение, это эволюционное устройство, чтобы

создавать существа, которые найдут средства изменения клетки и откроют ее. Но если мы находимся в клетке, то как мы из нее выберемся, находясь в ней, можно было бы спросить? Это вся история Матери. И, наконец, что произойдет с этим телом, как только оно раскроет секрет своей реальности, настоящей Материи, истинного мира? Могут ли законы той материи изменить законы этой материи: произвести трансформацию старого тела? Или же мы скорее отбросим старые лохмотья, как только они сослужат своей цели: мы улетим, как бабочка, в настоящую Материю? Распад старого тела. Это тоже не кажется мне самым эволюционным решением. Смерть -- это принятие поражения, так что... сказала она. Мать была воином (не знаю, почему я говорю "была"). Или же есть третье решение...

Мать никогда не знало, что уготовано ей. Прямо до конца она ничего не знала. На это должна быть причина.

Третье решение? Мы могли бы назвать его вторжением Реального. Раскол вуали... Но что за ужасный удар для земли -- или, в любом случае, для рая неживых. Они могут никогда не оправиться от этого удара. И мы всегда забываем, что мы сами, в наших телах, наделены изрядной долей несознания -- наши тела не полностью сознательны и не полностью реальны; если бы это было так, мы были бы бессмертными и трансформированными. Так что, вторжение Реального или нет, но разве останемся мы с этим старым телом, наделенным смертью, и что же произойдет с телом в конце концов? Могила или трансформация? Это всегда один и тот же вопрос: сбросит ли бабочка свою оболочку гусеницы или что? Реальное царит на земле, и не останется, кроме реальных бабочек... но сколько их останется в конце? Сколько бабочек? Возможно, не так много... возможно, не будет и трех... Так что же?

Поэтому, возможно, эволюционное решение является парадоксальной смесью этих трех возможностей: более или менее последовательное или внезапное растворение Несознания, подстегиваемое Вторжением Реального, что в свою очередь, ускорит трансформацию тела.

Мать никогда не знала, что произойдет. Иногда она думала или чувствовала, что это будет Трансформация тела -- и с этой верой она боролась до самого конца. Иногда она думала, что Вторжение изменит все. И чем ближе подходила она к "концу", тем более туманной становилась эта мистерия: парадоксальное состояние, невозможная бабочка в мире гусениц. Как если бы сама невозможность, дезинтеграция тела хранила бы ключ к мистерии мира.

Может ли трансформироваться одно тело без того, чтобы было трансформировано все остальное, или, по меньшей мере, минимальное число элементов? Одинокaя бабочка среди гусениц?

Должно ли тело мира пройти через кризис дезинтеграции, чтобы достичь нового состояния?

Когда тело мира будет готово, бабочка расправит свои крылья.

Вторжение Реального.

Мы должны подготовиться, - сказала Мать.

Супраментальная Сила

В течение ряда лет я был свидетелем довольно неожиданного явления, которое в конечном итоге тянуло меня вниз из рая освобожденного разума, в котором я более или менее комфортабельно плавал ("менее", когда мне нужно было спуститься с него, только лишь затем, чтобы натолкнуться на те же самые старые глупости); обычно я чувствовал необъятный ритм, в который можно войти по желанию и с которого можно черпать нужное знание: автоматические книги, живопись или музыку. Достаточно было сесть и переводить этот ритм или, скорее, позволить ему самому по себе облекаться в слова (или ноты или цвета, будь я художником или музыкантом), все было известно и понятно. Славная прозрачность, в которой не было больше загадки: вы просто направляете спокойный луч туда или сюда, прямо перед собой или за тысячи миль отсюда, и все известно. А когда нечего сказать, то все держится удивительно спокойно в снежной вечности -- с единственной обеспокоенностью или опасением, что эта вечность может тянуться очень долго,

действительно целую вечность. Мать очень мягко позволяла мне изнашивать свой рай, она даже поощряла меня в этом, ведь Мать всегда поощряла людей на их пути. У меня была привилегия медитировать вместе с ней, и я взлетал как стрела: через три минуты воцарялась совершенная вечность. С ней, однако, вечность была чуть более мощной, чем когда я был один (!). Но затем, проклятие! я начал гадать, что все это значит -очень мило писать книги или музыку, это заняло бы ни одну жизнь, но я чувствовал, что уже жил этим тысячи раз, а затем все начинается снова: грудятся книги, грудится музыка, грудятся дети и... фью, в чем же вся жизнь? Это казалось мне довольно слабым. Казалось, что такая жизнь хорошо наполняет только ментальный отсек, а потом что? В девственном лесе больше жизни, он более реален! Но мили и мили девственного леса образуют лишь девственный лес -- он приятно и светло наполняет витальный отсек, а затем что? И вы могли вобрать вообще все, это было навечно: но затем что? Или же вы могли выбить затычку и воспарить в белый дрейф наверху -это тоже было отсеком, духовным отсеком, но там нет ничего, кроме миль девственного неба. Так что эта проклятая история казалась мне проклятой или проклинаемой, там не было ничего, кроме отсеков, с трудом соединяющихся друг с другом: девственное небо несколько не заботил девственный лес, который мог не заботиться о младенцах, которые могли не беспокоиться о книгах... Где же полная и всеохватывающая жизнь? Не в сумме упомянутых бедных ингредиентов -- хотя миллионы людей делают как раз это, в маленьком отсеке, более или менее просторном и обставленном.

Затем, однажды, я увидел чудесного лекаря, наделенного поразительными силами, который прибыл в Ашрам (и он тоже имел собственный маленький рай, довольно мощный, в самом деле, в котором он наслаждался "совершенной реализацией"). Он встретился с Матерью и медитировал с ней. "О! Это то же самое", - сказал он потом. Вечность была той же самой, в Иерусалиме или Пондишери -- очевидно, нет ничего более похожего на себя, чем вечность. Он пришел к Матери, и все было тем же самым. И как раз здесь я был потрясен, потому что, несмотря на все, я действительно чувствовал, что это было не "то же самое". И что было не тем же? Вот где я начал падать из своего рая и открывать более полную, более охватывающую жизнь, без отсеков... и нечто большее: грандиозную Силу, которую я на самом деле не ощущал высоко вверх, потому что там нет никого, чтобы что-нибудь чувствовать, но это становилось почти крушащим, когда я настраивался на Материю здесь, на уровне земли; и чем более приземленным это было, тем более грандиозным и крушащим оно становилось, почти непереносимым, как если бы вас замесили, растолкли и распылили ужасающим образом. И там я наконец-то вошел в эту Вещь. Там я приземлился в настоящем девственном лесу, пока Мать улыбалась -- действительно, я сидел на настоящей земле. И эта настоящая земля имела совсем особый способ приземления -- растолочь все, что затмевает этот переход или препятствует ему: вы чувствуете, как это протекает через вас, или вы ломаетесь. Просто. Но эта Сила была такой необычайно живой, сразу же, как если бы в первый раз вы прикоснулись к чему-то реальному -- опасно реальному. Но как только вы прикоснулись к этому, то больше не могли ничего делать без этого, все прочее становилось как бы почти несуществующим. Как если бы вы не жили и не дышали прежде -- никогда не знали, что такое жизнь. Великая симфония казалась скучной, книги казались скучными, сама жизнь казалась скучной, да, не "конкретной"; внезапно я понял, что Мать имела в виду под "конкретным". И "небеса", да, были лишь дымом -- никогда больше я не возвращался туда, ни разу, даже ни на секунду. Я купался на довольно невероятных небесах, в которых не было ничего звездного, скорее это было как циклон, но циклон движется и живет -- и, в конечном итоге, это ощущалось как циклон лишь из-за того, что я был заблокирован: чем разблокированное становишься, тем циклон, или растолчение, больше уподобляется некоему расширению массивной силы, которое ясно ощущается как нечто, что движет всем, манипулирует всем -- всей Материей -- и без любого деления, без "где-то там". Совершенно потрясающе оказываешься во всем, за исключением маленькой внешней оболочки (я наконец-то понял, что Мать имела под этим в виду, потому что это ощущается как некая корка): в той Силе, которая была во всем или, точнее говоря, несла все. Жизнь становилась

необыкновенно близкой и непосредственной, компактным тождеством. Действительно Жизнью. И здесь живые выделялись мгновенно: была мгновенная связь, живые обладали некой плотностью, реальностью, тогда как другие... действительно, они были фантомами. Не было необходимости "думать" или пытаться "понять": это было ощутимо, оно прямо лезло на глаза. Или, точнее, это ощущалось внутри вас как некая материальная непрерывность, в которой "другие" становились как вы сами. "Осязаемое видение" начинало означать нечто. Так что как-то я не удержался и сказал Матери об этой "разнице": "Прежде я обычно ухватывал 'То' высоко вверху, и я мог ухватить это, распростершись перед грудой камней или чего-то еще, на улице или где угодно. И это было несомненно. И это было всегда одним и тем же. А теперь я чувствую, что когда нахожусь рядом с тобой, это не нечто, что я хватаю высоко вверху, а скорее нечто, идущее изнутри. Как если бы охватывался изнутри, и все внутри, в теле, становилось освещенным. Это не нечто, что падает сверху на мои плечи." И Мать улыбнулась: Да, это так. Но Это сама цель этого тела, цель его присутствия здесь. Так что это может быть... внутри, не чудесное нисхождение. Тогда внезапно я понял, что Шри Ауробиндо имел в виду под своей "автоматической силой". Это не нечто, что нужно силой притянуть свыше: это нечто растущее в самой субстанции, непреодолимо, как огонь вулкана. Мать развязывала нити сети, и та Мошь -- грандиозная Мошь -- в Материи, с другой стороны обволакивающей вуали или с другой стороны Стены физического разума, начинала проникать в нашу Материю и наводнять ее изнутри. Грандиозная, невидимая революция в Материи.

И с годами это явление становилось все более поразительным: Мать все больше и больше походила на прозрачную струйку воздуха, на миниатюрную форму, все более прижатую к своему креслу, и чем более слабеющей она казалась, тем более... фантастической становилась та грандиозная Мошь, до такой степени, что вы не могли чувствовать для нее никаких пределов, кроме тех, которые безопасны для вас -- чтобы вы не взорвались, впитывая ее. И это вовсе не излучалось от Матери! Это не было концентрацией силы вокруг Матери, нет, вовсе нет! Это было противоположность концентрации: океан Силы без центра, который казался повсюду, во всем, появляющимся отовсюду, а возле Матери он как бы спонтанно усиливался изнутри. Это не было в одном теле: это было во всех телах, даже в бутылочке для полоскания рта. И вы сразу же понимали, кто (или что) был в контакте с этой Силой, а кто -- нет. Было два мира, как всегда -- действительно, мир живых и мир мертвых. И те, кто находились в контакте, не были как-то особенно одарены "духовностью". Это было просто... возможно, ясная и искренняя простота, которая и составляла всю разницу в проницаемости. Простые тела и темные тела. И, очень даже возможно, что они не понимали ничего или даже думали, что делают хатха-йогу, играют в футбол или... вообще ничего, это не имеет значения, они могли вовсе ничего не думать и во что-то верить -- "любым возможным способом", сказал Шри Ауробиндо -- но это выходило, тем не менее, совершенно спонтанно и естественно. А другие, выдающие свою добродетельную важность, были просто как куски дерева -даже не дерева: гипса. Так что я не мог удержаться, чтобы не рассказать Матери о своих изумлениях и загадочных наблюдениях на неуклюжем языке: "Кажется, что эта сила наводняет все части тела и... не знаю, наполняет их интенсивным стремлением." Да, точно, - ответила она, - именно это чувствует мое тело. Как если бы это составляло молитву тела. Оно наполняет тело Мощью, которая... это как теплое золото, поднимающее все вверх."

Теплое золото, поднимающее тело мира, неизвестное ему, замешивающая его изнутри.

Супраментальная Сила.

Распыляющее вторжение мощи.

Невидимая революция в Материи.

Не такая уж невидимая.

Маленький щелчок

И земля в точности повторяет это индивидуальное клеточное явление.

Темная периферия, обволакивающая клетки, эта вуаль грязи, которая медленно

отложились и затвердела в ходе эволюции, этот плотный экран физического разума, который создал нашу тюрьму и законы этой тюрьмы -действительно, вуаль иллюзии, которая покрывает землю, как она покрывает наши клетки -- расшатывается или растворяется под Давлением эволюционного Движения. Мы всегда забываем, что смысл эволюции не более человечески ориентирован, чем он был лягушачье ориентирован, и все эти миллионы лет предназначались не для улучшения маленьких полезных приспособлений или даже некоторых полезных граней для хорошей жизни среднего демократического человека. Шри Ауробиндо называл ее Супраментальной Силой, а мы можем называть ее как угодно, но это та же самая Сила, которая вывела амфибию из рыбы, а млекопитающих -- из рептилий: великая приливная волна эволюции, которая смеется над нашими маленькими преходящими концепциями и нашими мило каталогизированными законами, навечно ограниченные направлением маленького современного физика. И в действительности очень примечательно, что эта новая эволюционная поворотная точка возникает как раз тогда, когда физический разум наиболее триумфален, находится в своем конвульсивном апогее, можно сказать, когда старый научный Паркинсонизм находится на грани замирания мирового движения навечно в его неумолимом фраке и на грани того, чтобы заставить нас принять свое заболевание за универсальное решение: Он [физический разум] убедил все человечество! - воскликнула Мать. Вся так называемая элита человечества убеждена, что ничего нельзя достичь без этой ментальной силы организации. Да, мы переживаем как раз час коллапса физического разума, включая все, что он поддерживает -- это не только конец науки или, в любом случае, этой частной ветки науки, но и конец так называемого генетического кода, которым они тоже хотят ограничить нас, потому что они хотят ограничить все, а затем развлекаются тем, что пытаются найти, как открыть запертую ими же дверь. Под коркой физического разума тело индивида, как и тело нации, как и само тело земли, несмотря на себя самого (Бог знает), переоткрывает великий Код Сознания и Силу Сознания. Все остальное -- нонсенс. В этом Смысл. И все может быть прочитано с этим ключом. Потому что он -- единственный. Это единственный Факт современного мира. Есть те, кто понимают, и те, кто не понимают; и все больше и больше будет тех, кто делает и кто не делает, будет больше завтрашних живых и старых мертвых. Вообще, тех, кто верит в чудо, и тех, кто верит в смерть. Это так просто. Три четверти человечества находятся на грани исчезновения, - сказала холодно Мать. Все дело в том, чтобы знать, к какой четверти мы относимся. Одна вещь кажется очевидной, - сказала она десятью годами ранее, когда еще ходила на Плэйграунд, - человечество достигло такого состояния универсального напряжения -- напряжения в усилении, напряжения в действии, даже напряжения в повседневной жизни -- с такой избыточной гиперактивностью, с такой универсальной дрожью [вот где наш старый Паркинсонизм выходит на сцену со своей смертельной маленькой дрожью], что весь вид достиг такой точки, где он должен прорваться и появиться в новом состоянии, либо откатиться назад и упасть в пучину тьмы и инерции. Мы можем принять это как верный знак внедрения в Материю нового принципа силы, сознания, мощи, которая, благодаря своему Давлению, порождает это острое состояние.

Кажется, что внедрение супраментальной Мощи в земное тело следует образцу этого внедрения в индивидуальное тело. Прежде всего, вы чувствуете, что все вот-вот взорвется под давлением этой "пузырящейся каши Супраментала", как сначала говорила Мать. На самом деле, наиболее примечательно то, что она не разрушает (по крайней мере, не заходит так далеко); процесс кажется совершенно отмеренным: сила доходит до предела напряжения в одной точке, затем, как только эта точка тщательно перетрясена, размешана и растолчена, переходит к другой точке и так далее, методично, везде -- ничто не избегает этого. И эта сила не разрушает вещи, а только дезорганизует их, причем так совершенно, что больше и не знаешь, за какую нить хвататься -- все крошится, одно за другим. Дело доходит до точки, когда нет никаких лекарств -- пока не найдешь настоящее Лекарство. Тогда все образуется чудесным и невероятным образом (но земля еще не совсем в этой точке: это грядет). Так охватываются все нити сети, одна за другой, в сознании, в теле, в странах и религиях и

финансах, в... и все разрушается, ослабевает -- одна нить, другая нить, третья... Пока не останется прочной базы. В точности как и в теле: осуществляется передача силы земли. Поэтому земля выглядит очень больной, но она находится в процессе трансформации -- не улучшения, нет, вовсе нет, нет ни единой расщелины, которую стоило бы латать, потому что земля раскалывается везде, она должна расколоться, и те, кто пытаются штопать, пребывают в блаженной иллюзии: идет транс-фор-ма-ция. Трансформация не означает изготовления сверхгусеницы. Собираемся ли мы улучшать пенициллин для бабочек завтрашнего дня? Или же банковскую систему для хранения супраментальных существ? Но мало кто имеет отвагу сделать переход. Завтра начинается сегодня. Трансформация прямо сейчас, она делается. Находишься либо в трансформации, либо вне ее, она не предназначена для нашего улучшенного потомства. Это здесь: вуаль, через которую нужно пройти. Кто имеет отвагу пройти сквозь нее?

Существуют моменты, когда можно пройти сквозь нее.

Возможно, сбивает само слово: "Трансформация" кажется применимой к долгому эволюционному процессу, такому как переход от рыбы к амфибии, она кажется коренным структурным изменением, но в той же самой материи; и, вполне возможно, что именно такое коренное изменение и будет идти, но в какой материи и с какой материей? Действительно, какая материя? Наша видимая материя, этот бинокулярный взгляд на... нечто, что является в точности крайней Ложью, ее прилипчивой, смертельной, пагубной и притягательно ложной иллюзией. Это не ньютоновская материя собирается трансформироваться, это не ложь, которая внезапно взрастит крылья, напротив - все это собирается коллапсировать под своей железной гравитацией. Мы по уши или, скорее, с головой покрыты этой темной грязью, чьи законы и коэффициенты отражения мы сами и каталогизировали: грязь спадает, и законы спадают. Они были просто законами нашей грязи. Это может произойти за секунду. Секрет этой секунды -- чтобы достаточное количество людей начали осознавать крайнюю ложь грязи. И это то, что происходит в мировом теле, как и в теле Матери -- но, конечно, все составляет одно и то же Тело! Головокружительный маленький поворот к дезинтеграции, внезапная болезнь, внезапная смерть -- неисчислимые маленькие вспышки смерти, континентальные, национальные, политические, религиозные... а затем, хоп, вещи внезапно проявляются, бог знает как, и снова, хоп, назад в дыру, это конец. И все кажется подошедшим к концу, все больше и больше. Это ускорение головокружительно... пока вся земля не выучит урок этого Чуда. Это выглядит как смерть, и, действительно, это смерть, но она "аннулируется наперед". Вся земля начинает аннулировать на пути к будущему. Секрет, необычайная секунда заключается в том, чтобы знать то особенное "наперед". Есть те, кто будут "аннулировать наперед" и те, кто будут "аннулировать назад". Те, кто отпадут вместе с грязью, и те, чьи глаза внезапно откроются в чистом воздухе -- в новом, ясном, невероятном и чудесном мире. Другом мире, и все же в том же самом. Это урок, который Мать проходила десятки раз, пятьдесят раз на день в своем теле, с филариазисом, невритами, зубной болью или сердечным приступом -- и маленький поворот к разложению, миниатюрное движение назад-вперед от жизни к смерти, от смерти к жизни... Пока "смерть" не преобразуется в нечто иное, а вместе с ней и жизнь. Мы движемся к смерти смерти. Лишь смерть по-настоящему мертва, не существует, нереальна -- грандиозная грязная иллюзия, из которой мы выходим "под ударами кулака и молотка", в точности так, как Мать поначалу. Верим ли мы в грязь или нет? Это все, все сводится к этому. Верим ли мы в смерть -- удостоверенную, зарегистрированную, гарантированную, узаконенную всеми научными экспертами по смерти -- или же мы верим в НЕЧТО ИНОЕ. Вот где проходит деление мира. В этом секрет грядущего великого Моменты Истины -- "Часа Бога", сказал Шри Ауробиндо. Ты видишь, это не так, что мир Истины должен быть создан из фальшивки! Он весь готов, он здесь, как наша собственная подкладка. Все здесь, ВСЕ здесь... Достаточно просто маленького щелчка.

Вторжения Реального.

Вторжение Реального

Вторжение Реального, на самом деле, происходит сейчас самым мощным, методическим и безжалостным образом. Но мы видим лишь отрицательную сторону этого явления: мы вдруг начинаем отрицать любимые игрушки, которые так долго (не так уж и долго: около пятидесяти лет) хорошо работали, так что мы обеспокоены: "Куда это все ведет! Рушится мораль, рушится религия, рушится порядочность -- о, каким ужасным становится мир! И рушится экономика, рушится демократия, рушится все! Когда все это прекратится?" Поэтому мы латаем вещи, ремонтируем их, а они опять все разрушаются и разрушаются -- они разрушатся до конца. Пока мы не выбросим наши любимые бесполезные игрушки. Пока не покончим с тем, чтобы быть галерными рабами разума! Все люди, которые хотят навести порядок, просто привносят старые идеи -- вот почему они не преуспевают. С этим кончено. Кончено. Мы идем вверх. Только способные идти вверх могут что-то делать. А если мы не хотим это делать, то будем вынуждены делать это! Разыгрывается опустошение с участием наших собственных игрушек, безжалостно, наряду с нашими латателями законов. Это выглядит как шоу вселенской глупости. Это последние дни Лжи разума, возможно, ее последние часы. Но то, чего мы не видим, это грандиозная позитивная сторона всего этого: громадная и автоматическая Сила, встряхивающая старый каркас -- и что это за Сила, способная столь универсально и основательно учинить этот великий беспорядок, или, скорее, этот мировой *coup d'etat* [государственный переворот], в малейшей детали сознания, страны, человеческой организации. Никто не принимает во внимание эту сторону: грандиозную Позитивность, которая обладает вселенской дерзостью опрокидывать наши разумные установки -- как она опрокинула ощущение "доброго здоровья" и "плохого здоровья" в теле Матери, чтобы научить его чему-то другому, отличного от идей доброго здоровья и плохого здоровья: возможно, состоянию, в котором этого не существует, и остается лишь то, что есть на самом деле. Это великое разорение разума и законов разума во всех его формах. Я плачу за это убеждение, - сказала Мать на следующий день после того, как разразилась новая "болезнь". По мере того, как происходит передача власти, тело переживает трудные моменты -- действительно трудные моменты -- но с обычной точки зрения все эти трудности не имеют никакого смысла, потому что кажется, что трудности нарастают пропорционально тому, что можно было бы назвать "обращением"! Действительно, мир подвергается беспрецедентному "обращению", и чем больше он обращается, тем больше он разваливается на куски; это то, что мы не видим и не понимаем, мы видим все вверх ногами! Но это обращение мира. Не его политическое, религиозное или экономическое обращение - это эволюционное обращение, его переход от ползания разума к крыльям Сознания. И то же самое происходит со странами и штатами: это та же самая смена власти порождает этот невыразимый хаос, в котором мы живем -из-за сопротивления.

Каждый эволюционный переход катастрофичен для старого вида.

Но кто видит, что же пытается просочиться сквозь ячейки этой "катастрофы"?

В течение ряда лет я прослеживал это явление шаг за шагом и видел грандиозное вторжение Силы, начиная с 1962 года (год Кубы и конфронтации Кеннеди и Хрущева), когда в первый раз поддались ячейки сети. Великая дезорганизация в земном теле, ускоренная грязевая ванна, "болезнь трансформации" и... нечто иное, что мог видеть истинный глаз. Я наблюдала, заметила она в 1964, и все было... как если бы мир был составлен из больших механизмов с громадными поршнями, опускающимися и поднимающимися -- ты знаешь, как в мастерской: поршни поднимаются и опускаются, поднимаются и опускаются... Так было везде. И они толкли Материю, это было страшно. До такой степени, что само тело чувствовало, что его колотят. Это была компрессия -- механическая компрессия -- и в то же время (все одновременно) стремление такой интенсивности! Эта интенсивность была в самих клетках, вот что необычайно: Истины, Истины, Истины... Удушье повсюду, немая молитва, которая не имеет имени, или темных имен, которая поднимается отовсюду от земли за ее глупостями; эти ведомые люди, эти ведомые массы -- этот грандиозный, безымянный движитель, подобный варварской молитве: наркотики, заблудшие, бунты, измены, секты, что угодно, но НЕЧТО ИНОЕ. Накачивается тело мира, тело мира в его первом примитивном

стремлении, как целое племя питекантропов теряло свой баланс по Давлением первой ментальной волны. Кажется, что вся молодежь охвачена неким странным помешательством, - заметила она уже в то время, - которое может вселять беспокойство рассудительным людям, но это, определенно, знак того, что работает какая-то необычная сила. Это разрушение всех привычек и всех правил -- это хорошо. Сейчас это немного "странно", но это необходимо... Это как Давление, оказываемое на Материю, чтобы она могла откликнуться. И КАКУЮ БЫ ФОРМУ не принял этот отклик, он является частью всеобщего Действия. Нечто, что столь же мало озабочено любой моральностью, легальностью или "человечностью", как раньше оно было озабочено обезьяньей моральностью или вообще какой-либо "обезьянностью"; пусть просто нечто изменится. Это Действие очень сильное. Но, ты видишь, люди полагают, что все должно идти хорошо В СООТВЕТСТВИИ С ИХ СОБСТВЕННЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ, и поэтому они удивлены. "Как же так? Работает божественное Сознание, и все же происходит так много печальных, болезненных и неожиданных вещей?" Они просто не понимают. Но мое тело понимает это очень хорошо! Ее тело, толченное и поколоченное, хорошо понимало необходимость этого процесса; сердечные приступы и все прочее действительно было очень "варварским". Филариазис был совершенно неморальным. Но было то Пламя, которое росло под действием болезненного давления... Это тот Огонь, который все растет и растет в теле земли, пока, однажды... Все организовано вплоть до малейших деталей. Все выстроено не так, как мы выстраиваем вещи в нашем обычном сознании, это ДАВЯЩАЯ Сила и она приводит к нужному результату. Я могла бы сказать, вообще любыми средствами -- любыми необходимыми средствами. Это Сила, ДАВЯЩАЯ на землю и заставляющая людей делать наиболее несвойственные им вещи, самые плохие и самые хорошие вещи в равной степени, так что... так чтобы достигался желаемый результат. И со своим обычным юмором она добавила: Если бы все шло очень хорошо, с положительными результатами, они раздулись бы от гордости. Шел 1964 год, год первой китайской атомной бомбы.

Но другая сторона явления, позитивная сторона, также постепенно выходила на свет через ячейки сети; в 1965 году она наблюдала позитивное проникновение Силы на уменьшенной, но более близкой шкале тела Ашрама. Бунт, некоторые здания подожжены, темная толпа, которая инстинктивно знала, что Враг был там и спешила к Ашраму с тележками и рикшами, груженными булыжниками и кирпичами, чтобы атаковать учеников. Это тоже было частью "Действия", к лучшему или к худшему, с той или иной стороны, без какого-либо предпочтения; оно колотило Материю, и разница сторон едва ли значила. Мать "наблюдала" явление, спокойно сидя в своем кресле, присутствуя одновременно на обеих сторонах битвы, на том клеточном уровне, где находишься полностью везде. Это была отличная возможность изучить способ действия. Полетели камни; были места, в которые могли попасть камни, и были места, которые они не могли затронуть. "Изучалось" именно это явление. Очень маленькое явление, "неважное" (кроме тех, кто получил по голове), но очень просвещающее. Некоторые места Ашрама были как бы свободными от контакта с темными силами Лжи бунта. Я обедала, и как раз перед бунтом пришло это переживание: я больше не была этим телом, я была землей (точнее, физической истиной-сознанием земли), в Покое, Недвижимости, неизвестной физически [Мать сидела как статуя, с зависшей в воздухе ложкой, вне времени Сети и в той странной супраментальной "недвижимости", которая подобно молниеносному Движению], и все это предстало как абсолютная Ложь, без малейшего элемента истины за ней [имеется в виду нереальный, действительно нереальный бунт фантомов, облаченных однако в плоть и кровь]. Но в то же время у меня было микроскопическое восприятие (абсолютно точное), восприятие всех точек Лжи в атмосфере Ашрама, которые УСТАНОВИЛИ КОНТАКТ. Вот почему, если бы Сознание было коллективным, ничто бы не затронуло нас: летели бы камни, но они бы совершенно не трогали нас. Например, полетел большой камень, разбил мое окно и упал на крышу, и одновременно я видела в сознании людей в точности ту вибрацию Лжи, которая позволила, чтобы камень попал в это место. И все то же самое было одновременно повсюду (это нельзя

описать, но это было так), по всему городу, и особенно в Ашраме, я видела все точки: точную вибрацию Лжи в каждом человеке или В КАЖДОЙ ВЕЩИ, которая позволяла такой контакт... Ведь ложь есть и в домах или объектах, точно так же, как и в людях (вероятно, от тех, кто живет в этих домах или обращается с объектами). Но, к примеру, выбежал Х, и все закричали ему: "Вернись, сумасшедший!" Он пересек улицу под градом камней -- ни один не задел его. И у него было такое чувство, что ни один камень просто не мог задеть его. Каждый из нас уже переживал такие особые моменты, когда ничего не могло затронуть нас, и, действительно, ничто не затрагивало нас -- змея не может вас укусить, животное не может на вас напасть, а пуля не может в вас попасть. Но затем начало всплывать очень интересное объяснение этому явлению...

Теперь я знаю (знаю это совершенно точно), какая Вибрация Истины присутствует в Физическом, в каком состоянии должно быть Физическое, чтобы отвечать Истине -- БЫТЬ Истиной... Это нечто совершенно недвижимое, что не движется ФИЗИЧЕСКИ (ментально -- это пустяк, это легко). Это как физический магнит для истинных физических вибраций. Он не проходит через разум или интеллект, либо даже через витальное: физически это некий магнит, который притягивает физическую истину. Нечто непоколебимое. Вибрации же Лжи подобны движению, которое вызывает некую дрожь в Материи. И Мать кое-что добавила, что открывало неожиданные горизонты: Этот бунт был как бы демонстрацией разницы между вибрацией, которая отвечает Лжи, и вибрацией, которая ей не отвечает, подразумевая, что контакт невозможен -- ЭТО РАЗНЫЕ МИРЫ. Один -- мир Истины, другой -- мир Лжи. И этот мир Истины ФИЗИЧЕН, он материален: он не где-то вверху, он материален. И ЭТО ТО, ЧТО ДОЛЖНО ВЫЙТИ НА ПЕРЕДНИЙ ПЛАН И ЗАНЯТЬ МЕСТО ОСТАЛЬНОГО.

"Истинное физическое?" - спросил я Мать. Да, истинное физическое.

Так, с неким чувством изумления мы начинаем ухватывать проблеск физического мира, в котором больше не действуют законы Лжи: законы Ньютона, законы гравитации и баллистики, законы... все законы. И все же это физический мир. С ним нет контакта, его нельзя задеть, это как "разные миры", и все же это один и тот же мир. Контакт -- это Ложь, которую несешь в себе. Когда Ложь исчезает, Смерть больше не может затронуть нас -- ничто не может затронуть нас. Законы больше не верны. Они перестают существовать (*). Вот как циклон не мог ворваться в комнату Шри Ауробиндо. Некая неподвижность в физическом разуме: ничто не реагирует там. Там, на клеточном пороге, под покровом Физического разума, кончаются законы ложного мира -- законы ложной материи. И мы совсем легко переходим реку, мы идем под градом камней, и через болота, кишасие змеями -- и все совершенно легко. Именно этот истинный мир, этот истинно физический мир, по земным меркам, находится в процессе перехода через ячейки сети. И вся Ложь, темнота, грязь, является просто мечущейся Смертью. Это Смерть находится в процессе умирания. И все так устроено и организовано, в мельчайших деталях и очень грубо, чтобы учить нас не реагировать или, скорее, перестать реагировать на мир Лжи -- получать или воспринимать только вибрацию Истины. Быть вибрацией Истины.

Очень даже может быть, что идет мировой процесс подготовки тех, кто переживет Кораблекрушение. Не мор в масштабах земли, не Апокалипсис, а растворение элементов, которые находятся в контакте с... собственной смертью. Все те, кто находятся ниже определенного вибрационного уровня, будут схвачены собственной Ложью, повергнуты собственной Ложью, как под градом камней. Автоматическая, почти микроскопическая сортировка, посредством интенсивности внутренней вибрации. А другие увидят, что ячейки сети чудесным образом ослабли -- это был сон.

Вторжение Реального.

Вот почему взбивается Материя.

Это время быть истинным.

Просто истинным.

В великой дезинтеграции земной Нереальности выживут только реальные.

Потому что у них не будет контакта с тем, что не существует.

Смерть -- это то, что не существует.

Это последняя нереальность.

(*) Как раз после французского издания этой книги, я был "поражен" очень проясняющим случаем: я прогуливался среди пустынных каньонов Индии, возле Ауровиля, когда на меня напали три наемных убийцы. Им нужно было лишь сбросить меня в ущелье: "несчастный случай". Когда они подошли ко мне, у меня, как ни странно, не возникло ни малейшей реакции, ни само-защиты, ни страха, ни рефлексии: внутри я был полностью нейтрален. Только, в определенный момент, я поднял глаза и посмотрел на главаря -- он опустил свою руку и все остановилось. Ничего не произошло. Но впоследствии я удивлялся тому состоянию, в котором я был -- это было превыше безразличия, ведь безразличие все еще подразумевает некое чувство по отношению к событию -- было так, как будто ничего и не происходило. Я был даже более удивлен тем, что чувствовал Силы или обычного присутствия Матери и Шри Ауробиндо, окутывающих меня -- не было ничего. Действительно, как если бы ничего не происходило. И внезапно я понял: для тела, моего тела, было так, как если бы НИЧЕГО не происходило. Так что ничто и не произошло! Если бы у моего тела было малейшее ощущение, что что-то происходит, это бы мгновенно и произошло. Совершенно прозрачное состояние, без какой-либо вибрации реакции: не на что "реагировать" -- это не существует. Поэтому оно не существует.

XXV. ЧУДО ЗЕМЛИ

И Давление продолжало нарастать.

Во вторжение Реального не так-то легко поверить. Оно кажется слишком простым, слишком похожим на сказку. Мы не можем постичь что-то, отличное от нашей повседневной жизни, мы не можем поверить, что когда-нибудь все будет не так, или думаем, что это очень далеко, так далеко... Нам рассказывали так много сказок. И когда мы неожиданно чем-то схвачены, всегда возникает этот рефлекс -- даже среди тех, кто "верит" -- он настолько спонтанен, что кажется внедренным в саму нашу плоть: да, конечно, рано или поздно приходит смерть; да, конечно, с годами стареешь; да, конечно... Это да смерти, да катастрофе, это просто неподконтрольно -- это так. Вся ткань нашего существования такова, пропитанная смертью. Мы можем немножечко ее похлопать, намешать притягательных идей, идеализировать и поэтизировать, но в глубине нашего сердца "мы знаем лучше" - действительно мощный, организованный и неизбежный гипноз нашей первичной материи. Даже если мы знаем, что это гипноз, то при первом симптоме бежим к доктору: это рак? И все здание рушится. И оно продолжает рушиться тысячи лет. Во почему ни одна идея, ни одна книга, ни одно откровение, ни одно евангелие, ни какое-либо доказательство никогда не обратят эту смертельную привычку -- и Шри Ауробиндо не сказал ничего -- пока "нечто" не охватит эту Материю изнутри, в самих ее глубинах, в корнях и не искоренит ее Ложь. И веры не будет, пока работа не будет сделана, - сказал Шри Ауробиндо. Так какая же есть надежда сделать эту великую Надежду понятной?... И в то же время понимаешь, что вуаль столь тонка, действительно пустяк, почти дуновение ветерка. Эта вещь, столь роковая и неприступная, которая покрывает мир, является почти прозрачной вуалью, она никогда не была столь тонка -- грандиозное, невидимое изменение, которое происходит в мире. Даже два года назад было не так. Возможно, бесполезно об этом говорить; если не говорить или пытаться говорить о секрете Шри Ауробиндо и Матери. Пока он не будет здесь, в него не поверят. Вот почему Материя колотится и месится, мелится изнутри, мечется и вертится во всех направлениях, как умирающий человек на смертном одре, пока эта вещь не будет выжита из нас; тогда мы поверим. И полностью понимаешь, почему это не может быть чудом, охватывающим нас внешне -- все тонкие видения проваливаются чрез две минуты. Все божественные откровения запутываются при первом изгибе дороги. Именно сама Материя должна измениться, она должна взять нас изнутри и быть тем, столь же ясно и очевидно, как дикая яблоня или прыщик на носу. Это должно быть нашим собственным чудом.

Внезапно иллюзия спадает.

Не во что больше "верить": это факт.

И все падает из наших рук, оно больше не значит ничего.

Возможно, так будет происходить первое вторжение Реального: в обратном порядке. Внезапный "отход" всего, что наполняет нас. Фантастически пустой и незанятый час. Ускользает все. Оно больше не имеет никакого значения. Великий, бессмысленный момент. Ошеломляющая минута нереальности.

Коллапс Нереального.

Как пленка, спадающая с глаз.

И мы слышим грандиозный Смех, поднимающийся из глубин внезапного освобождения. Нет, возможно, вовсе не апокалипсического: грандиозный смех свободы.

О, все является великой мистерией, но, возможно, в конце концов, улыбающейся мистерией.

Только есть те, кто не будут знать, как смеяться. Люди из гипса.

И божественный смех внезапно охватит людей.

Замена вибрации

Но, на самом деле, люди всегда застигаются врасплох. Они верят, что контролируют судьбу мира или даже судьбу своих стран, своих домов, даже своих шагов по улице -- а они оказываются там, где совсем не ожидали. Возможно, Мистерия полностью содержится в мистерии текущей маленькой секунды, которую мы не понимаем. Во всякой секунде есть мистерия. Великая "дез-иллюзия" конца (или нового начала) в каждое мгновение пронзает корку видимостей для тех, кто знает, как не смотреть "обычным образом". Огромная вуаль привычки скрывает от нас грандиозное изменение. Проникновение супраментальной Силы в тело Матери, маленькое мерцание радужного, многокрасочного света повторяется в земном теле, как если бы каждую секунду была Вибрация Истины, связанная в паре с вибрацией Лжи, и, в соответствии со взглядом или позицией, занимаемой этой страной или той человеческой организацией, это либо старая катастрофическая вибрация, которая преобладает, разворачивается и вызывает этот несчастный случай, то разложение или искажение и, наконец, разрушение, либо это прокрадывается ее ясный маленький двойник -- и те же самые обстоятельства оказываются смертельными или благоприятными, открытыми или закрытыми. Это действительно странный, почти магический калейдоскоп, который тем или иным образом поворачивается в сознании, в нациях, в делах и повсюду, и который рисует мрачную или светлую картину с теми же самыми элементами. Воистину магия каждой секунды, прямо перед нами, если мы взглянем достаточно пристально. Действительно как если бы весь мир мог трансформироваться за секунду, в зависимости от того, какую сторону вы выбираете, либо какую позицию, какую вибрацию -- Мистерия конца присутствует в каждом мгновении, в миниатюре, в уменьшенном масштабе. Она начинается прямо здесь -она началась. Либо настраиваешься на эту вибрацию, либо нет. Настраиваешься на несчастный случай или на миниатюрное Чудо, кажущееся пустяком: это невидимое чудо, потому что замечаешь это лишь тогда, когда несчастный случай уже произошел; никогда не замечаешь счастливый случай, что-то совсем естественное. И все же, иногда, действительно видишь... Каждую секунду видишь Нереальное и его выравнивание к Реальному. Нереальный случай, нереальная смерть, нереальные конфликты и бунты, которые становятся или не становятся более конкретными, оставляют свой след или нет, замещают Реальное или нет. Когда вещи совершенно разрушены или повреждены, тогда мы говорим, что это реально -- в действительности, это настоящая иллюзия. Все это вопрос выбора. Каждую секунду и в каждой вещи или обстоятельстве присутствуют обе вибрации, они наложены друг на друга. Прорыв вуали не оставлен на завтра: она уже рвется, микроскопично, каждое мгновение. Точно как "великая Гармония, оборачивающаяся серьезной болезнью", о чем говорила Мать. Каждое мгновение ее тело училось выбирать между жизнью и смертью, реальным и нереальным, маленьким мерцанием радужного света и старой привычкой. Все то же самое, и все -- смертное или чудесное. Не нужно менять место или двигать что бы там ни было, чтобы

заменить сознание деформации той Истиной-Сознанием. Я имею в виду, что способность жить и быть той настоящей Вибрацией, по-видимому, имеет силу ЗАМЕЩАТЬ той Вибрацией вибрацию Лжи и деформации... Возможно, чудо наступает тогда, когда накапливается достаточно большая масса, чтобы быть ощутимой. Но у меня впечатление -- очень отчетливое впечатление -что это явление происходит все время. Все время, везде, мельчайшим образом, точка за точкой, как всегда, и при определенных обстоятельствах или условиях это становится видимым (видимым для особого видения -- это некое светлое наполнение, не могу объяснить), то есть накапливается достаточно большая масса, чтобы производить впечатление чуда -- но это чудо распространено по всему миру.

Действительно, настоящее Чудо -- то, в котором мы слепо принимаем участие -- потому что сеть поддалась в земном теле. Мы являемся свидетелями мечущейся вибрации Лжи вне всякой меры, потому что черные нити сети выделяются на фоне ясного неба, невидимого нами. Прежде мы вовсе ничего не видели, кроме элегантной, ухоженной и компактной сети, воздухо непроницаемой. Все было столь наполнено ухоженной Ложью, что мы были полностью в ней. Теперь вещи проступают в открытую. Главное -- найти секрет к доступу воздуха. Вот почему нас колотят. Мы поставлены на грань любого возможного несчастного случая, чтобы научиться выбирать счастливый случай, проходить через ячейки Нереального. Попросту говоря, во всех обстоятельствах, какими бы они ни были, самыми незначительными или неважными, мы поставлены перед двумя позициями или двумя возможностями, двумя вибрациями: той, что растворяет Ложь (болезнь, смерть, несчастный случай, несчетные изгибы, неисчислимые искажения) и той, что конкретизирует и укрепляет ее. Это просто маленькая внутренняя позиция, "светлое набухание", как сказала Мать, некий зов воздуха в обычной атмосфере Лжи. Пауза; вдруг широко открываешь глаза. Одна секунда; всплываешь из привычки существовать и реагировать старым образом, "как обычно" -- как медуза в атакстическом море. Маленький зов. Да, дыра в сети. И сразу же это здесь. Оно здесь материально. Оно отвечает мгновенно. Это чудо! Прежде нам надо было концентрироваться и медитировать и очищаться и... Теперь же это просто как большой глоток воздуха. Чудо чрезвычайно просто и материально. Это работа Шри Ауробиндо и Матери: они проткнули там дыру; они не исчезли в высотах, они ослабили сеть в собственных телах. Поэтому она ослабла во всех телах. Проход открыт, знаменитое mahas pathas Риш Вед, "великий проход". И вся земля может через него пройти -- она уже проходит через него. Если смотреть на темную сторону, то все становится темным, это безнадежно, нет выхода, это разрушение, каша-размазня; но затем, просто маленький проблеск с другой стороны, светлой стороны, и все меняется. Снова дышишь, и все ясно снова. Те вещи не существовали! И каждая страна, все, находится в процессе изучения урока Чуда. Так кто же потерял надежду в мир?... Те, кто крепко держатся за сеть. Те, кто хотят смерти. Но пусть другие вбирают большие глотки воздуха! Пусть они не задохнутся Нереальностью! -- она и сама задохнется, без посторонней помощи. Пусть они настроятся на светлую маленькую вибрацию, перечеркивающую эту грандиозную и гнилую Ложь: не нужно "думать" об этом или быть "мудрым" или серьезным, не нужно знать многочисленные вещи старого мира тюрьмы и законы этой тюрьмы -- это определенный способ дыхания, маленькая серебряная вибрация, которая пробегает по клеточкам и которая иногда может охватить целую толпу людей: Вмешательство или манифестация истинной Вибрации не зависит от какого-либо эго или сущности (будь то человеческая или национальная сущность, либо даже природны существа, такие как животные, растения и т.д.), это зависит от определенной игры внутри клеток и Матери, в которой некоторая агломерация особенно благоприятна для вызывания трансформации -- не "трансформации", а ЗАМЕНЫ, если быть точным; замены вибрации Лжи на вибрацию Истины. И это явление может быть совершенно независимым от какой-либо комбинации или сущности (оно может происходить в одном кусочке здесь, другом кусочке там, третьем -- еще где-то), и связано оно с определенным качеством вибрации, которая вызывает некое разбухание -- восприимчивое набухание. Вот как все происходит.

Вот что происходило в 1968.

Вавилонская башня наоборот

В истории существуют моменты, подобные репетиции некой особенной эволюционной сцены будущего, и в них можно различить не только промахи, препятствия, противоборствующие силы, но и центральную веру и неожиданный рычаг, возможно, неопишемое "нечто", которое все же знаменует будущее. И сцена повторяется здесь и там, на маленькой или большой шкале, в людях или нациях, пока все не придет к "однородной точке", как скажет Мать.

Странный год этот 1968. Вторая большая Поворотная Точка в йоге Матери, это начало попытки телесной трансформации, трансформации этой старой Матери, замороженной тысячелетиями заточения в тюремной клетке. Грандиозное Давление для изменения. Вот как: либо измениться, либо исчезнуть, - заявила она в 1968, как раз за месяц перед началом одной радикальной маленькой операции. И она была вполне серьезна. Тогда ей было девяносто лет, и оставалось еще пять в этой жизни. Только что кончилась первая арабо-израильская война, началась война в Биафре. Произошло торжественное открытие Ауровиля, города Шри Ауробиндо в нескольких милях от Пондишери, символа настоящего человеческого Единства. Это произошло 28 февраля. Несколько заложенных зданий, возможно, из бетона, но, прежде всего, несколько человек, горстка мужчин и женщин на плато из красной земли, которые решили принять участие в эксперименте нового Сознания в их телах и их жизнях -- этого Сознания материального тождества земных тел. Как это материализовать в коллективной жизни? Как человеческие тела допустят проникновение настоящей Вибрации, позволят быть взрыхленными ею, и так организуют свои жизни в соответствии с новыми нормами -- больше не "человеческими" или ментальными, а супраментальными и сверхчеловеческими? Неким образом первое ядро формирования нового вида. Поле экспериментальной эволюции.

Целый мир в процессе становления, от "А" до "Я", без каких-либо отметок -- все должно быть изобретено или, скорее, позволено быть взрыхленным внутренним ростом этого нового Сознания. Некий вызов, вы могли бы сказать, потому что, по определению, нет ничего более человеческого, чем человек. Каждый человек приходит со своим багажом моральности или аморальности, духовности или недуховности, со своими идеалами и так далее -- все должно быть снесено, вся старая корка, идеалистическая или нет, вплоть до чистого клеточного основания. Нечто, что требует не героизма (или, возможно, требует, в конце концов), а чрезвычайной искренности в достижении цели, что не позволило бы ни одному атому старого рефлекса блокировать поток чистой маленькой вибрации -- и единой веры: в Сознание будущего и грандиозную Силу, которая может сделать все... если ей позволить. Вся трудность этой попытки в этом единственном "позволить" -- никто не хочет "позволить", конечно же, у всех свои представления о том, что следует и что не следует делать. Там измеряешь трудность земли, очень символически и просто. Ауровиль -- это пионерский эксперимент земли. Это не вопрос миллионов долларов для построения города, даже не вопрос, где найти тысячу людей для проживания в этом городе, и, прежде всего, это не вопрос человеческого успеха, с точки зрения создания примерного сверхчеловечества, оснащенного супершколами и супербиблиотеками -нужна горстка мужчин и женщин, которые действительно, интегрально, позволят, чтобы субстанция была обработана новой Силой, чтобы увидеть, что выйдет из всего этого. Некие прозрачные образцы... Преуспеют они или нет? Все зависит от их искренности. Если бы только несколько людей на земле поняли, не только своими головами и сердцами, но и телами, что эта Сила может сделать все! Нет невозможного, нет ограничительного закона. Нет материальных проблем: только сеть, через которую нужно пройти. Это все. На другой стороне есть постоянное Чудо, каждую секунду. Короче говоря, несколько людей, которые желают выучить урок Чуда.

Несколько чистых людей.

Несколько освобожденных людей.

Не так просто...

Но если тихо, как Мать в своей комнате, они позволяют, чтобы несколько ясных капелек

просочилось через ячейки сети, тогда они могут невидимым образом вызвать большую революцию, чем все бомбы, накопленные во всех наших странах и все уравнения Эйнштейна -- потому что есть лишь единственное тело, и это верное уравнение будущего.

Найдутся ли трое?

Три человека.

Будет интересно увидеть.

Ауровиль -- это великое приключение, - сказала она.

Я все еще могут представить ее полу-сидящей на своем стуле, пишущей "Хартию Ауровиля" на подоконнике, вооружившись большим свитком пергамента и толстым фломастером, отчего ее письмо выглядело как клинопись. Я не пишу каких-то напыщенных серьезностей, - предупредила она, полуобернувшись ко мне (и со всегда присущим ей проблеском озорства в ее глазах). "1) Ауровиль не принадлежит никому в частности. Ауровиль принадлежит человечеству в целом..." Я не написала "никакой стране", потому что это возмутило бы Индию! Но такой была идея: никакой стране. Прежде всего, нет - странам, нет - границам, нет - паспортам! И маленький четвертый пункт, немного клинообразный, который она продолжала писать, закрывая время от времени глаза "чтобы лучше видеть." Затем она объяснила мне: Ни полиции, ни армии, ни религий... О! Как чудесно было вообразить "свободный порт" на земле, где даже девственные леса обнесены колючей проволокой, "мое, мое, мое", везде мое, мое, мое на земле, даже храмы "Мои", нет ничего, кроме маленького "мое", цивилизованно прикрытого. И для начала отмена наследования: ни частной собственности, ни денег... Самым главным законом Ауровиля было безбрежное я, но и трюк не-я тоже должен был быть выучен -- та маленькая вибрация, которая проходит через все. Это некая адаптация коммунистической системы, - заметила она, - но не в духе уравнивания всего: скорее, в соответствии со способностью и положением (не физиологическим или интеллектуальным), ВНУТРЕННЕЙ позицией каждого. Кончена иерархия фантомов. Начинается настоящая иерархия, иерархия внутренней реальности, внутренней плотности, вместо банковского счета и ложной степени. И затем реальности работы. Но "работа" может быть внутренней, поистине... Доля в благосостоянии и существование города как целого не есть нечто просчитываемое индивидуально: этот человек должен дать столько-то. Это не так. Все просчитывается в соответствии со средствами человека, его деятельностью и возможностями производства. Это не как демократический принцип, которые делит все на равные кусочки -- абсурдный механический процесс; все просчитывается исходя из средств человека: тот, кто имеет больше способности, дает больше; кто имеет меньше, дает меньше; сильный работает много, слабый занимается чем-то другим. Ты видишь, это нечто более истинное, более глубокое. Это должно быть живой и ИСТИННОЙ вещью, не механической... Все должно быть организовано таким образом, чтобы материальные потребности каждого человека удовлетворялись не в соответствии с представлениями о правах и равенстве, а на основе базисных нужд -- человек не платит за пищу, но должен делать свою работу или вносить какой-то другой вклад -- и затем, как только это установлено, каждый человек свободен организовывать собственную жизнь не в соответствии со своими финансовыми средствами, а в соответствии со внутренними способностями.

И никаких правил, никаких "законов". Но эту Силу не обманешь. Автоматически возникает странное явление: обманщики само-изгоняются, они сами изгоняют себя -- внезапно им достаточно, они не могут больше оставаться. Или же они доходят до такой фальшивости, что она приводит к само-разрушению. Это просто и категорично. Все взрывается. Не нужно судов: все происходит само собой. И это настоящий Закон будущего мира -- все происходит само собой, так что это неизбежно, потому что... это ваша собственная работа. Учишься достигать чистого совершенства Работы. Это все. И, в конечном итоге, это единственная радость: делать совершенную работу, какой бы она ни была. Это работа каждого. Обычно (до сегодняшнего дня и все чаще) люди брали за основу ментальные законы в соответствии со своими представлениями и идеалами, а затем они

применяли их; но это совершенно неправильно, это произвольность, не настроенная на реальность, и результат таков, что вещи восстают или разбиваются на куски, либо исчезают. Именно опыт САМОЙ Жизни должен медленно выработать правила насколько возможно гибкие и всеохватывающие, так чтобы они всегда оставались прогрессивными. Ничто не должно быть фиксировано. Это колоссальная ошибка правительств: они возводят конструкцию и говорят: "Вот что мы решили и вот как мы будем жить в соответствии с этим". Так что, естественно, Жизнь дробится в таком процессе, и все урезается. Сама Жизнь, через собственное развитие и продвижение к Свету, Знанию и Силе, должна постепенно устанавливать правила, насколько возможно общие, так чтобы они могли быть достаточно гибкими, чтобы меняться в соответствии с потребностью, и столь же скорыми на изменение, как это нужно. Короче говоря, проблема почти что сводится к этому: заменить ментальное правление интеллекта правлением одухотворенного сознания.

Именно эта "де-сертификация" разума должна дойти до тела. Это то, что в конечном итоге ожидается от Ауровиля. Не новое общество: новый тип. Вот что учит тело: заменять ментальное правление интеллекта на духовное правление Сознания, и это составляет (это кажется пустяком, вы можете не заметить этого), это составляет громадную разницу, вплоть до того, что способности тела стократно возрастают. Когда тело подчиняется правилам, даже если они широкие и всесторонние, оно является рабом этих правил, и его способности соответствующим образом ограничиваются. Но когда оно управляется Духом и Сознанием, это дает несравнимую способность и гибкость! И это также даст способность продлевать свою жизнь... "Необходимости" утратили свой авторитет: можно двигаться тем или иным образом -- все законы, те законы, которые были законами Природы, утратили свой деспотизм, вы могли бы сказать. Требуется лишь оставаться всегда гибким, внимательным и отзывчивым на воздействие Сознания -- Сознания в его всемогуществе -- чтобы пройти все это с необычайной легкостью. Вот что я все больше и больше открываю. Это чудесно, ты знаешь, это чудесное открытие. Это как постепенная победа надо всеми неизбежными правилами. Так что все законы Природы (и, конечно, человеческие законы), все привычки, правила, все это стало гибким и в конечном итоге перестает существовать. И, наконец, ты видишь: по мере того, как этот процесс становится все более совершенным (совершенным, подразумевая интегральным, тотальным, не оставляющим ничего позади), то это необходимо и неизбежно означает победу над смертью. Это не так, что больше не происходит распада клеток, но он происходит только по мере необходимости: не как абсолютный закон, а как ОДИН из процессов, когда он необходим. Потому что, бесспорно, "процесс" смерти означает единственно и исключительно неспособность прогрессировать -- эта тюремная клетка, Паркинсонова тюрьма должна быть разрушена, чтобы можно было идти дальше. Это единственная эволюционная цель смерти. Умирают не от рака -- никогда -- умирают от того, что сознание окаменело в пределах определенного типа опыта. Смерть только атакует смерть. Прежде всего, это: все, что разум возвел в ранг жесткости и абсолютности и почти непобедимости, все это... исчезнет. Просто так: наделяя всевышней силой во всевышнем Сознании.

Испытательный полигон для свержения разума.

Вплоть до клеток.

Последнее восстание.

И чтобы эта эволюционная попытка могла закрепиться на чем-то "конкретном" в соответствии с человеческими представлениями, на манер египетских фараонов или, возможно, средневековых рыцарей, которые проходили через "испытания", в качестве первой задачи ауровильцам было поручено построить символический центр вокруг символа Шри Ауробиндо, грандиозный бутон лотоса (Шри Ауробиндо означает лотос), вырастающий из земли, из грязи земли, в которую должно проникнуть истинное сознание, супраментальное Сознание Истины. Это то, что Мать со своим восхитительным юмором назвала "Вавилонская Башня наоборот". Тогда они разругались в ходе строительства, теперь же они должны объединиться в ходе строительства. Так что это Вавилонская Башня

наоборот!

Размонтируем ли мы ментальную Башню?

В это весь вопрос грядущего двадцать первого века.

Поистине, эволюционный вопрос, поставленный перед нами.

Это было в феврале 1968.

Недвижимая революция

Странная волна прокатилась в тот год по миру.

Я помню, как первая женщина-космонавт Валентина Терешкова восхищалась маленьким апельсиновым шариком, который давал такое милое ощущение единства при взгляде сверху... Течение облаков, магнитные потоки, охватывающие наши континенты, но мы не ведаем о невидимом потоке, который по-земному связывает каждую нашу вену и клетку. И все же он здесь, он давит, все больше и больше, больше и больше. Это вибрацию особого качества, которую трудно описать, но она производит впечатление нечто сгущенного (не рассеянного), - сказала она уже в 1964 году, - нечто, что кажется плотнее воздуха, чрезвычайно однородно, с золотым свечением и грандиозной движущей Силой. И эта Вибрация давит на людей, на вещи, на обстоятельства, чтобы вылепить их согласно ее видению. И это непреодолимо. Даже те люди, которые думают противоположное, хотят противоположного, делают то, что нужно, не желая этого; обращаются даже вещи, противоположные по своей природе. Так происходит с национальными событиями, международными связями и мировыми обстоятельствами, постоянно, постоянно, с колоссальной Силой. Из-за сопротивления инерции в сознании людей и Материи это Действие становится спутанным, полным противоречий, столкновений и конфликтов, вместо того, чтобы быть прямым и совершенно гармоничным; вместо того, чтобы все вырабатывалось "нормально", гладко (как и должно), вся инерция, которая сопротивляется и противоречит, порождает беспорядочное движение, в котором вещи сталкиваются друг с другом и наполнены беспорядком и разрушением... которые накладываются только из-за сопротивления, но не являются необходимыми, и их можно было бы избежать -- их следует избегать, точнее говоря. Потому что эта Воля, эта Мощь является Силой совершенной гармонии, в которой каждая вещь находится на своем месте, и Она является совершенным организатором; только когда эта Сила нисходит и давит на Материю, все начинает бурлить и сопротивляться. Это постоянное проникновение и замена ложной вибрации истинной Вибрацией. И необычайно то, что мы купаемся, в некотором отношении, в мире чуда, магически трансформированного в хаос -- это нереальная магия, будьте уверены, магия нереальности, для которой мы так интегрально составляем компанию, вплоть до малейших деталей наших реакций. Вибрация приходит, вы видите ее: она простая и прямая; а затем все магически запутывается. Действительно как вуаль или туман Лжи, окутывающий вас и окутывающий все. Он не имеет какой-либо реальности, это почти как систематическое изобретение катастрофы. Когда вы действительно откроете свои глаза, то осознаете, что это фантом. И иногда, когда "просочившееся количество" достаточно велико, чтобы растворить туман на секунду, вы широко открываете свои глаза... это невероятно -- после этого не веришь ни во что из этого мира.

Как раз это произошло в 1968, неведомо как, как общая репетиция -очень маленькая репетиция. И можно так ясно постичь переплетение этих двух движений, двух сил, истинной Вибрации и вибрации ложной; и как, почти мгновенно, истинное и победоносное Движение стало искаженным повсюду среди тех учеников по всему миру -- нужно быть способным переносить победу, особенно эту победу, и вот почему мы откатываемся назад в своем опустошении или помешательстве и снова и снова колотимся, пока не придет время, когда проникновение станет достаточно глобальным, чтобы растворить туман, не разрушив ничего. Пока мы не решим, что действительно хотим видеть. 28 февраля 124 ученика из 124 стран (вместе с представителями 23 штатов Индии, всего 147) пришли, чтобы бросить горсть земли их стран в урну в центре Ауровиля, чтобы как бы объединить все те пригоршни земли в единую истинную Землю, одну, землю истины -- и это не был вопрос "Ауровиля" или

любого другого города здесь или там, на Западе или Востоке: просто место, называемое Землей, маленький оранжевый шарик, окутанный свои злым заклятием. Девять дней спустя, 8 марта, студенты Варшавы спровоцировали бунт: "Долой Цензуру!", кричали они на площадях -- цензуру чего? Настоящего человека, возможно, под его ментальным ошейником из железа. 23 апреля другая волна -- или все та же самая -- охватила студентов колумбийского университета в Нью-Йорке: "Восстание"... против кого? Никто на самом деле не знает или же лепит знамена и транспаранты, но это действительно это восстание, просто вот так. Затем, 2 мая, Нантер, парижский университет: "Студенческая забастовка" -- Это вовсе не выглядит забастовкой, это подобно революции, - тут же заявила Мать. Она видела. И затем все "пузырение Лжи" покрывает великое Пламя: все обращается в политику и бедные маленькие истории, тогда как это была действительно история. (Но, возможно, приматы использовали ту же самую волну, чтобы решать свои племенные споры?) Они даже не поняли, что они делали. Но тот же самый ветер дошел до Мехико, где армия оцепила университет; до Каира и Александрии, до Калькутты и Мадраса -- до Праги в ноябре. Ян Палач поджег себя в первые дни января, 16 января. Пока темное громыхание старой Лжи прокатывается с Востока на Запад и повсюду, на Тихом океане Франция добивается сомнительной славы, став пятой ядерной державой. Убийство Мартина Лютера Кинга, убийство Роберта Кеннеди. Вторжение в Чехословакию, кандидатура Никсона. Наконец, валютный кризис, "наихудший с 1930 года", лондонская биржа закрыта... Но это только начало: Правление денег подходит к концу, - сказала она, и она ясно видела (она всегда видела ясно). Фальшивое золото земли, тогда как светлое золото струится в венах Земли... и никто не знает, почему. Через несколько месяцев мы высадимся на луне со своими шлемами, ботами, радарам и компьютерами, запрограммированными до секунды -- "программа" - это наш изъясн. Но, возможно, это конец ментального программирования -- если мы знаем или хотим завладеть маленьким золотым переключателем.

В сознании очень сильное ощущение того, что время ПРИШЛО, - сказала она в том же мае. Существуют грандиозные периоды, когда вещи подготавливаются -- прошлое изживает себя, и подготавливается будущее -- и это такие грандиозные периоды, нейтральные, однообразные, когда вещи все повторяются и повторяются, и кажется, что всегда так и будет. И затем, внезапно, между двумя такими периодами, происходит изменение. Как тот момент, когда на земле появился человек. Теперь это нечто иное, другое бытие... В любом случае, мы, несомненно, увидим предвещающие знаки, или, скорее, мы уже сейчас видим такие предвещения. Нечто действительно меняется. Эти движения все еще предварительные, поэтому разбросанные, не организованные, но для того, кто знает, как смотреть, это очевидно. Например, все студенты и рабочий класс объединили свои силы. Конечно, с ментальной точки зрения, в этом чудовищная смесь разнородных идей, но за этим стоит Сила... Они сами этого не знают, но они побуждаются Силой, которая стремится к манифестации настоящей истины. Ясно (не в деталях, а в общем направлении Движения), ясно, что это воля покончить с прошлым и открыть дверь будущего. Это как некое отвращение к застою, жажда нечто, что впереди нас и кажется лучшим и более светлым. И, действительно, ЕСТЬ нечто. Это не просто воображение: ЕСТЬ нечто. Вот что прекрасно, ЕСТЬ нечто! Есть Ответ. Здесь Сила, которая хочет выразить себя.

И Мать добавила нечто, что заставляет нас задуматься: Кажется, что не студенты начали с насилия, а полиция. И это очень интересно, так как полиция защищает прошлое. А когда я получила новости [о волнениях], ко мне пришло видение -- оно было очень, очень ясным, очень ясным видением: Будущее. Это высшая Сила ВЫНУЖДАЕТ людей делать то, что они должны. Между теперешним днем и этим Будущем, до которого еще длинный путь, должна быть сила НЕДВИЖИМОЙ ТОЛПЫ. И видение было ясным: если миллионы (не тысячи, а миллионы) людей соберутся вместе, оставаясь совершенно спокойными (просто соберутся вместе в каком-то месте), тогда это будет иметь силу. Но не должно быть НАСИЛИЯ; как только попустительствуешь насилию, это означает возврат к прошлому, открытость ко всем конфликтам. Оккупация массой, массой мощной в силу самой своей

недвижимости... Я знаю это. Было -- всегда было -- отождествление сознания этого тела с революционными движениями; я всегда знала о них и направляла их даже прежде, чем приходили о них новости: в России, Италии, Испании и повсюду, всегда и везде, и это, по сути, была одна и та же Сила, стремящаяся ускорить приход Будущего -- всегда -- но вынужденная приспособливать свои средства действия к преобладающему состоянию массы. А теперь кажется, что состояние земли в точности таково, что то, что подготавливается (если это уже не сделано), это проявление масс через некую молчаливую и недвижимую волю. И это промежуточный период, чтобы достичь такого состояния, в котором эта масса будет под контролем и будет направляться напрямую Силой свыше. Вот куда мы направляемся.

"Единение Масс" Мао Цзе-дуна имеет, возможно, совершенно другой смысл.

Так, на мгновение, мы можем представить, что маленький золотой переключатель давит на земные массы, на те молодые, открытые массы, которым довольно будущего интеллигентных роботов и... все останавливается. Летчик внезапно обнаруживает, что его самолет утратил всякое значение; правительственный чиновник отнимает свою шариковую ручку от сухого указа и осознает, что его параграфы душат его; избиратель -- дорогой избиратель -- внезапно открывает, что его голос бессмысленен, и что он голосует просто за надсмотрщика тюрьмы; правые, левые, центристы -- все обнаруживают, что больше нет никакого центра и направления и что судно дало течь со всех сторон; люди с Востока, люди с Запада, желтые и красные, смотрят скептически на те термитные стены, которые заточают их в несуществующих идеологиях; молодые, совсем юные, еще-не-задушенные, смотрят на груды уравнений, степеней и библиотек, и на все очаровательные бомбы, которые копят их отцы, и это больше ничего не значит: мы живем не для этого, ни для чего! Пока мы совершенно не сошли с ума. Поэтому мы бросаем ручку, забываем о параграфах, самолетах, бюллетенях, уравнениях и обо всем этом сумасшествии -- и **МЫ БОЛЬШЕ НЕ В ЭТОМ**. Мы никогда в этом не были, это Ложь, этого не существует. Мы принадлежим чему-то другому, мы -- из следующего-мира-здесь, который взрывается нам в лицо. И вуаль разорвана. Иллюзия рушится благодаря силе тех миллионов взглядов, которые хотят видеть настоящую землю, жить настоящей жизнью, быть для блага. И внезапно мы смеемся, это грандиозный божественный смех, который охватывает всю землю перед лицом ошеломленных фантомов - мы смеемся и смеемся сверх всякой веры, за пределами любой веры. Это сделано, мы в нем. Мы живем, мы дышим. Это здесь. Великий бойкот ментальной Машины. Недвижимые миллионы бросают Машину, бросают фантомов, бросают законы, бросают Смерть. Мы возвращаемся к жизни на настоящей земле. Просто через недвижимую силу миллионов, которые имели это.

И сеть исчезает.

Нет, не возврат к вращающемуся колесу -- прыжок к настоящей земле.

Действие мировой магии.

Недвижимая революция.

И Машина останавливается. Все кончено, больше не работает.

Не осталось никого, чтобы ее обслуживать.

Никто не избирает тюремщиков.

Никто не охраняет границы.

Никто не закручивает гайки.

Есть только живые, это все.

И они будут мастерить новое будущее силой своей радости.

Есть все растущее чувство, что Истинное -- это единственное средство изменения мира; все прочие способы медленной трансформации всегда отклоняются от цели -- вы подходите ближе и ближе, но никогда не достигаете цели -- и конечной стадией должна быть замена на истинную Вибрацию.

Нанданам
28 августа 1975

Конец второго тома

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

